

А.Н. КОНОНОВ

ГРАММАТИКА
ЯЗЫКА
ТЮРКСКИХ
РУНИЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКОВ

< VII – IX вв. >

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. Н. КОНОНОВ

ГРАММАТИКА
ЯЗЫКА
ТЮРКСКИХ
РУНИЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКОВ
VII—IX вв.

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1980

К $\frac{70103-553}{042(02)-80}$ 472.80.4602010000.

© Издательство «Наука», 1980 г.

Памяти
академика АН КиргССР
ИГОРЯ АЛЕКСЕЕВИЧА БАТМАНОВА
(1906—1969)
посвящается

ПРЕДИСЛОВИЕ

Древнейшие тюркские памятники рунического письма — первые образцы тюркского письменно-литературного языка — являются единственным в своем роде свидетельством высокого уровня языковой культуры древних тюрков. Тюркские рунические памятники (ТРП), самые древние из которых датируются концом VII в.,¹ судя по степени развитости их морфологии и синтаксиса, должны были иметь предшественников в виде литературных памятников, которые, к сожалению, не дошли до нас.

Йолуг-тегин, автор двух замечательных исторических повествований о делах и днях своих знаменитых родственников — Кюльтегина и Могилян-хана, — не мог быть один родоначальником тюркского письменно-литературного языка, запечатленного в этих памятниках: у него безусловно также были предшественники, на литературный опыт которых он и опирался.

Енисейские рунические памятники, представленные многочисленными эпитафиями со стандартизованными лексическими, морфологическими и синтаксическими формами и оборотами, несомненно отражают длительный путь языкового развития, в течение которого выработался определенный стиль и штампы «кладбищенской поэзии» (выражение С. Е. Малова).

Письменно-литературный язык ТРП, особенно ярко и полно представленный большими орхонскими памятниками, возник и развивался на основе устно-эпической традиции крупных племенных образований — элей (el), внутренняя жизнь которых регламентировалась строгими предписаниями «обычного права» — тёрю (törü).

¹ «Чойрэнская надпись, установленная на южной границе Хангая еще при жизни Эльтериша, относится, следовательно, к периоду 688—691 гг. и может считаться самой ранней датируемой древнетюркской надписью, первым письменным памятником второго Тюркского Каганата» (К л я т о р н ы й С. Г. Руническая надпись из Восточной Гоби. — In: *Studia Turcica*. Budapest, 1971, p. 256—257).

Устное койне, сложившееся в результате усилий многих поколений акынов-сказителей, впитало в себя наиболее характерные черты двух, в ту пору наиболее крупных языковых групп — уйгурской и огузской,² — в силу чего язык ТРП, особенно орхонских, представляет собою, как и всякий письменно-литературный язык, довольно пеструю картину в отношении использования грамматических форм уйгурского и огузского фондов.

Правитель Тоньюкук, представитель племени ашиде, автор надписи на своем могильном камне, в отличие от Йолуг-тегина, далеко не всегда придерживался канонов письменно-литературного языка, откровенно тяготея к формам народно-разговорного языка своего племени. Судя по этой надписи, языком племени ашиде был один из языков *огузской* группы, наиболее характерным признаком которой было начальное *b-* (*ben 'я'*, *beḡü 'вечный'*, *biḡ 'тысяча'*), числительное собирательное *üçäḡün 'втроем'*, широкое употребление будущего времени на *-tačï*, исходный падеж на *-dantan ~ -dintan*.

Характерно, что памятник уйгурскому хану Моюн(Байан)-чору по своим языковым признакам тяготеет к памятникам огузской группы.

Несмотря на длительную традицию тюркского письменно-литературного языка, представленного в первую очередь творениями Йолуг-тегина, единого четко нормированного письменно-литературного языка не было и не могло быть.

Тюркские рунические памятники, распространенные на обширной территории, естественно, отражали в отдельных случаях характерные особенности местных территориальных диалектов, хотя в своих главных линиях ТРП представляют достаточно хорошо отработанный письменно-литературный язык с некоторыми диалектальными включениями, которые встречаются даже в современных тюркских (и не только тюркских!) письменно-литературных языках.

Обоснование временных границ ТРП, принятых в этой работе, — VII—IX вв. — основывается на следующих фактах: *terminus a quo* ТРП определяется Чойрэнской надписью, относящейся к 688—691 гг., *terminus ad quem* ТРП из Монголии и Восточного Туркестана датируется серединой IX в., хотя не исключено, что руническое письмо там, особенно в бассейне Енисея, использовалось и позднее; к концу X в. рунический алфавит был вытеснен уйгурским курсивным письмом³ (см. также с. 23).

В описании деталей грамматического строя ТРП, несмотря на значительный список трудов, посвященных этой проблеме, многое остается неясным, необъяснимым. Грамматика языка ТРП в систематическом изложении представлена только в трудах В. В. Радлова (*Radloff. ATIM, NF*), А. Габен (*Gabain*.

² Подробнее см.: Т е н и ш е в Э. Р. Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских памятниках. — СТ, 1976, № 1, с. 27—33.

³ См.: Кляшторный, с. 49—50.

Alttürk. Gr.), Т. Текина (Tekin. Grammar),⁴ В. Г. Кондратьева (Кондратьев).

В предлагаемой книге при описании грамматического строя ТРП применена система изложения фактов, выработанная многолетней практикой русских тюркологов-грамматистов, которая восходит к И. И. Гиганову,⁵ автору «Грамматики татарского языка» (СПб., 1801), А. К. Казем-беку,⁶ автору двух известных грамматик, и особенно к «Грамматике алтайского языка» (Казань, 1869),⁷ ставшей надолго образцом для тюркологов-грамматистов, в первую очередь для П. М. Мелиоранского⁸ и его ученика А. Н. Самойловича⁹ (Опыт краткой крымско-татарской грамматики. Пг., 1916). В «Краткой учебной грамматике османско-турецкого языка» (Л., 1925) А. Н. Самойлович сделал попытку идти новыми путями при изложении основных положений морфологии и особенно синтаксиса турецкого языка.¹⁰

Схема изложения грамматического материала, предложенная авторами «Грамматики алтайского языка» и усовершенствованная названными выше тюркологами, получила свое дальнейшее развитие в трудах Н. К. Дмитриева (1898—1954),¹¹ автора кумыкской и башкирской грамматик. Несколько отличной схеме при описании грамматики турецкого языка следовал В. А. Гордлевский (1876—1956),¹² идеи которого развил и углубил его ученик Н. А. Баскаков (род. 1905).

Предлагаемая «Грамматика языка ТРП» написана в традициях русской тюркологии и не претендует ни на оригинальность схемы, ни на соответствие новейшим течениям в общем языкознании; между тем при объяснении многих положений «Грамматики» автор следовал своим путем.

Основной базой для извлечения фактического материала ТРП явились три известных труда С. Е. Малова (1880—1957):¹³ «Па-

⁴ Вторая книга Т. Текина (Tekin Talât. Ana Türkçede aslı uzun ünlüler. Ankara, 1975) посвящена первичным долгим гласным в разных языках, в том числе и в древнетюркском.

⁵ О нем см.: ББСОР, с. 146—147.

⁶ О нем см.: ББСОР, с. 175—178.

⁷ Ашнин Ф. Д. Первая печатная научная грамматика алтайского языка. Проблема авторства. — В кн.: Тюркологический сборник. 1975. М., 1978, с. 34—61.

⁸ О нем см.: ББСОР, с. 215—216.

⁹ О нем см.: ББСОР, с. 254—256.

¹⁰ Об основных линиях развития грамматической мысли в трудах русских тюркологов XIX—начала XX в. см.: Кононов А. Н. Тюркское языкознание в Академии наук. — ВЯ, 1974, № 3, с. 43—46.

¹¹ Севортян Э. В. Из истории развития советской тюркологии. (Памяти Н. К. Дмитриева). — ИОЛЯ, 1955, т. 14, вып. 2, с. 156—169; Аракин В. Д. 1) Николай Константинович Дмитриев (1898—1954). М., 1972. 88 с.; 2) Н. К. Дмитриев и его вклад в отечественную тюркологию. — СТ, 1973, № 4, с. 71—81.

¹² О нем см.: ББСОР, с. 148—149.

¹³ О нем см.: ББСОР, с. 211—212; Тюркологический сборник. 1975. М., 1978 (здесь список трудов С. Е. Малова и литература о нем).

мятники древнетюркской письменности» (М.—Л., 1951), «Енисейская письменность тюрков» (М.—Л., 1952), «Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии» (М.—Л., 1959). В полной мере учитываются также издания В. В. Радлова, В. Томсена, П. М. Мелиоранского, В. Л. Котвича, В. Банга, Г. И. Рамштедта, И. А. Батманова, Х. Н. Оркуна, Р. Жиро, А. Габен, Т. Текина и других тюркологов (см. список сокращений, с. 245—248).

Несколько слов о принципах и приемах перевода на русский язык тюркского иллюстративного материала. Известные трудности представляет выбор формы и стиля, каковым надлежит следовать при переводе иллюстративных примеров. Основываясь на своем многолетнем опыте перевода подобного материала, полагаю, что надобно придерживаться золотой середины: нельзя переводить дословно, но и нельзя переводить «художественно», далеко отступая от текста, не считаясь со спецификой ТРП. Я старался не грешить против норм русского литературного языка, сохраняя по возможности эту специфику.

И еще. Перевод иллюстративного примера, по-моему, должен также преследовать цель с наибольшей полнотой и ясностью раскрыть и разъяснить описываемое грамматическое явление, поэтому я и не стремился к абсолютной унификации всех переводов (к тому же в ТРП существует еще столько разночтений и неясностей!), варьируя их в нужных местах при изложении соответствующих морфолого-синтаксических фактов.

Наибольшую трудность, как и обычно, представляет перевод военно-административной, родо-племенной и другой терминологии. По моему глубочайшему убеждению, перевод исторической титулатуры и другой терминологии путем ее модернизации, путем перенесения ее из одной эпохи в другую, путем использования терминов, привычных для восприятия современного русского читателя, только затрудняет это восприятие и понимание истинного значения того или иного термина и связанных с ним представлений. Вся титулатура, звания, этническая номенклатура и т. п. оставлена без перевода. Соответствующий термин приводится в русской транскрипции (каган, хан, шад, эль, тёрю и т. п.) с необходимыми историко-филологическими пояснениями и с указанием на литературу предмета (см. список терминов и непереведенных слов, с. 244).

При комментировании многих исторических событий и идентификации действующих в ТРП лиц я пользовался дружеской консультацией С. Г. Кляшторного. Д. М. Насилов оказал мне неоценимую услугу при подготовке рукописи этой книги к печати (он же составил Указатель). Обоим им я приношу мою сердечную благодарность.

А. Н. Кононов

Ленинград
15 октября 1979 г.

ИЗ ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ, ДЕШИФРОВКИ И ИЗУЧЕНИЯ ТРП

Захария Митиленский, или Захария Ритор, составитель сирийской хроники (середина VI в. н. э.), писал: «У гуннов лет двадцать тому назад или больше вышло писание на их языке».¹ Не исключено, что речь идет о тюркском письме или о письменности тюрков, входивших значительным компонентом в гуннский союз. Источником сведений составителя хроники были «сообщения лиц, побывавших в гуннских пределах».² «В 568 г. в Константинополь тюрки принесли ханскую грамоту»³. . . Весьма вероятно, — писала Н. В. Пигулевская, — что и гуннское и тюркское письмо, которое [в хронике] названо скифским, было письмо согдо-манихейское или согдийское. Основанием для этого предположения является следующее. Гунны пришли в своем поступательном движении в области, населенные согдами, где они могли ознакомиться с этим типом письма».⁴ С другой стороны, следует принять во внимание, что согдийцы, предприимчивые торговые люди, проникали далеко на восток, в коренные становища тюрков, в силу чего предположение китайского автора Чжоушу — «Письмена тюрков напоминают письма народа ху (согдийцев)»⁵ — представляется весьма правдоподобным.

Туманные намеки на существование у тюрков особого письма, по всей вероятности рунического, содержатся в средневековой тюркской энциклопедии «Диван лугат ат-турк» первого тюрколога Махмуда Кашгарского (XI в.). Говоря об уйгурах, Махмуд Кашгарский замечает: «Они [т. е. уйгуры] для письма используют тюркскую [т. е. курсивную уйгурскую] азбуку, состоящую из 24 букв.

¹ Пигулевская Н. [В.] Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, с. 166.

² Там же, с. 84.

³ Речь идет о тюркском посольстве ко двору императора Юстина II во главе с согдийцем Маниахом, о котором в своей «Истории» упоминает Менаандр Протектор; см.: Кляшторный, с. 48.

⁴ Пигулевская Н. Указ. соч., с. 87; см. еще: Кляшторный, с. 48—49.

⁵ Кляшторный, с. 49.

Кроме того, у уйгуров и китайцев есть еще одна письменность. Деловые бумаги пишутся этим письмом. Это письмо, кроме уйгуров-немусульман и китайцев, никто читать не умеет. Все те, о ком я только что сказал, — горожане». ⁶ По компетентному мнению С. Г. Кляшторного, Махмуд Кашгарский здесь имеет в виду, конечно, руническое письмо, так как «самые поздние памятники этого письма связаны именно с Турфаном и . . . самые ранние уйгурские юридические документы, найденные в Турфане и Дуньхуане, в отличие от основной их массы, написаны руническим письмом». ⁷ «Фахр ад-дин Мубаракшах Марваруди, писавший столетием позднее Махмуда Кашгарского, — замечает С. Г. Кляшторный, — также имел в виду руническую письменность, которую он называет „токуз-огузской“, т. е. уйгурской». ⁸

Высокопоставленный чиновник и историк Ала ад-дин Ата-Малик б. Мухаммед Джувеини, автор «Та'рих-и джахангушай» («История мирозавоевателя», окончена в 658 г. х. = 1260 г. н. э.), «является, вероятно, единственным персидским историком, совершившим путешествие в Монголию и описавшим восточно-азиатские страны по собственным наблюдениям». ⁹ Джувеини, описывая Каракорум и руины древней (VIII—IX вв.) уйгурской столицы Ордубалык (позднее — Ма'нбалык), указывает, что у развалин ордубалыкского дворца напротив его ворот были обнаружены обтесанные камни с надписями. «Во время правления Каана (вероятно, Мунке-каана, 1251—1259, — А. К.), — продолжает Джувеини, — эти камни были извлечены из земли; под ними была яма, и в ней лежала большая каменная плита с надписями. Приказано было отыскать кого-нибудь для прочтения этих надписей; никто не мог их прочесть. Из Хитая собрали людей, которых называют камы [т. е. шаманы]; письмом, известным этим людям, на том камне было написано. . .». ¹⁰ Затем следует изложение уйгурской легенды, по-видимому не связанной с истинным содержанием надписи. Именно в этом районе в конце XIX в. были открыты ТРП.

Возможно, что, когда китайская летопись говорит: «Буквы письма их (тукюз, т. е. тюрков, — А. К.) походят на буквы народа ху (т. е. согдийцев, — А. К.)», — имеется в виду руническое письмо. ¹¹

⁶ МК—БА, I, 29; МК—СМ, I, 65.

⁷ К л я ш т о р н ы й С. Г. Эпоха Махмуда Кашгарского. — СТ, 1972, № 1, с. 24.

⁸ Там же.

⁹ Бартольд. Соч., т. VIII. 1973, с. 594.

¹⁰ Р а д л о в В. В. К вопросу об уйгурах. — Зап. АН, 1893, т. 72, прилож. № 2, с. 56—57; см.: The History of the World-Conqueror by Ala-ad-Din Ata-Malik Juvaini. Translated from text of Mirza Muhammad Qazvini by John Andrew Boyle. Vol. I. Manchester University Press, 1958, p. 54—55.

¹¹ Б и ч у р и н Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, I. М.—Л., 1950, с. 231; Веселовский Н. [И.] Орхонские открытия. — ЖМНП, ч. 292, 1894, № 4, апрель, с. 72; К л е м е н ц Д. [А.] Североазиатские рунические письма и чтение их. Иркутск, 1895, с. 23.

История открытия и дешифровки ТРП достаточно хорошо изучена,¹² а потому я ограничиваюсь здесь конспективным ее изложением.

В начале XVIII в. появляются первые точные сведения о местах нахождения рунических памятников.

Филипп-Иоганн (Юхан) Страленберг (Philipp Johann von Strahlenberg, 1676—1747), капитан шведской армии Карла XII, попавший в плен в битве под Полтавой (1709), был в числе других пленных шведов сослан в Тобольск, где занимался изучением Сибири в географическом, этнографическом, историческом и лингвистическом отношениях. В своем труде «Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia» (Stockholm, 1730),¹³ не потерявшем в известной мере своего значения и поныне, Страленберг впервые привел несколько рунических надписей: на стеле, находящейся между Беей и Неней (притоками Уйбата), на оборотной стороне каменной бабы, стоящей между Тесью и Ербой, левыми притоками Енисея, и на обломке медного зеркала.¹⁴

В дневнике известного путешественника по Сибири (1720—1727) Даниила Готлиба Мессершмидта (D.-G. Messerschmidt, 1685—1735) сохранились зарисовки нескольких рунических надписей, сделанные, по-видимому, Карлом Шульманом, помощником Мессершмидта.

Енисейскими руническими надписями, открытыми экспедицией Мессершмидта, заинтересовался зоолог и путешественник Петр-Симон (Петр Симонович) Паллас (P.-S. Pallas, 1741—1811), оста-

¹² Мелиоранский. КТ, с. 1—15; Самойлович. Материалы, с. 55—80; М а с с о н М. Е. К истории открытия древнетюркских рунических надписей в Средней Азии. — Материалы Узкомстариса, вып. 6—7, М.—Л., 1936, с. 5—15; Малов. ПДТП, с. 11—18; Малов. ЕПТ, с. 3—8; Малов. ПДТП МК, с. 3—4; Бернштам, с. 11—29; Кляшторный, с. 5—12; Баскаков. Введение, с. 157—166, 318—319; Батманов. Язык енисейских памятников, с. 5—15; Батманов и др. Енисейка, с. 3—31; А й д а р о в Г. 1) Язык орхонского памятника Бильге-кагана. Алма-Ата, 1966, с. 3—9; 2) Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата, 1971, с. 5—11; 3) Библиографический указатель литературы по енисейско-орхонским и таласским памятникам древнетюркской письменности. Алма-Ата, 1979. 145 с. (ротапринт); Щ е р б а к А. М. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. — В кн.: Тюркологический сборник. 1970. М., 1970, с. 111—134; Насилов. Язык памятников, с. 3—5; Н а с и л о в Д. М. 1) О лингвистическом изучении памятников тюркской письменности. — В кн.: Тюркологический сборник. 1972. М., 1973, с. 62—68; 2) Памятники древнетюркской письменности (орхоно-енисейские и древнеуйгурские) в отечественных тюркологических исследованиях последних лет (Обзор лингвистических публикаций 1969—1974 гг.). — СТ, 1976, № 1, с. 82—101; Кононов. История изучения, с. 235—238; К л я ш т о р н ы й С. Г., Л и в ш и ц В. А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии. — В кн.: Археология и эпиграфия Монголии. Новосибирск, 1978, с. 37—60; Tekin. Grammar, p. 7—20; Gabain. Alttürk. Gr. (библиография).

¹³ Книга Страленберга переиздана фотомеханическим способом в серии изданий Сегедского университета им. Аттилы Йожефа (Studia Uralo-Altaica, VIII. Szeged, 1975).

¹⁴ Бернштам, с. 12.

вивший заметный след в истории собирания, систематизации и издании словарных материалов.¹⁵

Новый важный этап в истории собирания сведений о рунических памятниках связан с именем горного инженера Григория Ивановича Спасского (1783—1864), первого члена-корреспондента АН по разряду восточной словесности (1810), опубликовавшего в издаваемом им журнале «Сибирский вестник» (1818—1819) статью «Древности Сибири», к которой была приложена таблица известных в ту пору рунических надписей. Эта работа была переведена академиком Ф. И. Кругом на латинский язык и издана отдельной книгой (с воспроизведением надписей) под названием «Inscriptiones Sibiricae» (СПб., 1822); в латинском переводе она стала доступна (в то время, — как, впрочем, иногда и теперь, — *Rossica non leguntur!*) широкому кругу западноевропейских ученых.

Точному определению «национальной» принадлежности памятников рунического письма препятствовала недостаточная в ту пору разработка истории народов и языков Сибири и Монголии. Выдвигались самые различные предположения, надписи относили к наследию готов, индо-готов, греко-готов и т. п. Г. И. Спасский ратовал за славянское происхождение сибирских древностей. Академик А. А. Шифнер (1817—1879) выдвинул теорию происхождения рунического письма из тамг, которая и позднее находила сторонников. Однако французский востоковед Абель Ремюза (Abel Rémusat, 1788—1832) высказал весьма точное предположение, что надписи, имевшие «обманчивое, может быть, сходство с рунами», находятся в земле древнего обитания т у р к о в.¹⁶ Против этой гипотезы решительно высказался Г. И. Спасский, заявивший, что нет якобы никаких свидетельств, что турки обитали в Южной Сибири; напротив, настаивал Спасский, по всей вероятности турки — новое там население; по его мнению, надписи скорее монгольского или калмыцкого происхождения; позднее (1857) Спасский выдвинул теорию славянского происхождения надписей.¹⁷

Николай Михайлович Ядринцев (1842—1894)¹⁸ в описании рунических надписей, найденных И. С. Боголюбским и А. В. Адриановым и хранящихся в Минусинском музее, высказал предположение о принадлежности этих надписей тюркам.

Позднее Н. М. Ядринцев, описывая находку в Кошо-Цайдаме¹⁹ памятников в честь Кюль-тегина и Могилян-хана, опреде-

¹⁵ Подробнее см.: Кононов. История изучения, с. 55, 85—88; Бернштам, с. 13.

¹⁶ Бернштам, с. 13.

¹⁷ Подробнее см.: там же, с. 13—14.

¹⁸ О нем см.: ББСот, с. 294.

¹⁹ «В литературе со времен Н. М. Ядринцева установилась транскрипция „Кошо-Цайдам“, но современному халхаскому произношению гораздо более отвечает „Хушо-Цайдам“» (Котвич В. Л. В Хуше-Цайдаме. — Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО, т. XV, вып. I, (1912), СПб., 1914, с. 50).

ленно заявил: «Подобные могильники и монументы могут быть приписаны только Тукю или уйгурам. Открытие рунических надписей в центре Монголии проливает новый свет на их распространение в Азии».²⁰

Экспедиция Н. М. Ядринцева летом 1889 г. обнаружила в урочище Кошо-Цайдам, на берегу Кокшин-Орхона (приток р. Орхон), в 400 км западнее Улан-Батора, в 25 км южнее озера Угий-нор и в 40 км западнее развалин Карабалгасуна два «царских» захоронения, на которых стояли — расшифрованные позднее В. Томсеном и В. В. Радловым — памятники в честь Кюль-тегина и его брата Могилян-хана,²¹ правившего с 716 г. н. э. и известного под титулом Бильге-каган. Словосочетание *bilg(ä) qaγan*, (*bilgä*) *qaγan* встречается в текете только два раза (М 1, М X I) и не может быть именем собственным; это титул: 'правлящий // правитель-каган' (см. с. 16—17).

В заключительной строке надписи Тонъюкука (Т 62) словосочетанием *türk bilgä qaγan* обозначается не Бильге-каган=Могилян-хан, а Эльтериш-каган; следовательно, и здесь это словосочетание должно переводить 'тюркский правящий каган'.

Непосредственным составителем эпитафий на обоих памятниках был близкий родственник покойных Йолуг-тегин, историограф этой семьи и, может быть, других каганов и тегингов из племени ашина.

Успеху дешифровки способствовало наличие на боках и обратной стороне двух этих памятников китайских иероглифов.²² Невольно вспоминается, что успеху Шампольона в дешифровке иероглифического египетского текста способствовал перевод его на греческий язык.

По маршруту, проложенному Н. М. Ядринцевым, отправились две экспедиции: финская (1890) под руководством А. Гейкеля (1851—1924) и русская, снаряженная Академией наук (1891) во главе с В. В. Радловым. Результаты успешной деятельности обеих экспедиций были представлены двумя атласами: «*Inscriptions de l'Orkhon, recueillies par l'Expédition finnoise 1890 et publiées par la Société Finno-Ougrienne*» (Helsingfors, 1892) и «Атлас древностей Монголии» (I—IV, СПб., 1892—1899); в качестве дополнения к последнему атласу было издано шесть сборников трудов русской экспедиции.

После издания атласов ТРП, после установления на основе китайского текста, что надписи повествуют о тюрках, дешифровка несколько облегчилась. За трудное дело дешифровки принялись два великих ученых: датский лингвист Вильгельм Томсен (Vilhelm

²⁰ Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. I. СПб., 1892, с. 106.

²¹ Кляшторный, с. 55—65.

²² Китайская надпись лишь в отдельных случаях повторяет тюркские тексты; см.: Васильев В. П. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне. — В кн.: Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. III. СПб., 1897, с. 1—36.

Thomsen, 1842—1927)²³ в Копенгагене и русский тюрколог Василий Васильевич Радлов (W. Radloff, 1837—1918)²⁴ в Петербурге.

25 ноября 1893 г., «в самый тревожный день своей мирной жизни», В. Томсен, «Шампольон сибирских и монгольских писем» (слова В. В. Розена: ЗВРОАО, т. VIII, с. 325),²⁵ нашел ключ к чтению орхоно-енисейских надписей.

15 декабря 1893 г. В. Томсен доложил о своем открытии конференции Датской академии наук. Еще до доклада он сообщил о нем письмом (29 ноября 1893 г.) В. В. Радлову, который 19 января 1894 г. представил С.-Петербургской Академии наук «конечно, со ссылкой на открытие Томсена, свой опыт перевода надписей»,²⁶ посвященных Кюль-тегину и датированных 731 г. н. э.

Предварительное сообщение о дешифровке ТРП В. Томсен опубликовал в 1894 г. (*Déchiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Iénissei. Notice préliminaire. — Bulletin de l'Académie Royale des Sciences et des Lettres de Danemark, 1893, p. 285—299*; эта статья в русском переводе В. В. Розена издана: ЗВРОАО, т. VIII, с. 327—337).

Свои улучшенные переводы и исследования ТРП В. Томсен изложил в работе «*Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées*» (MSFOu, 5, 1896. 224 p.), которая частично (с. 10—44) переведена на русский язык П. М. Мелиоранским (1868—1906) в его магистерской диссертации «Памятник в честь Кюль-тегина» (Мелиоранский. КТ, с. 15—59).

Интересные и важные наблюдения над отдельными пассажирами ТРП собраны в работе В. Томсена «*Turcica*».

Как подведение итогов многолетних занятий ТРП следует рассматривать последний по времени труд В. Томсена «*Altürkische Inschriften aus der Mongolei*» (ZDMG, 1924, 78. Bd, S. 121—175).

В. В. Радлов в серии «*Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*» (СПб., 1894—1895) опубликовал последовательно четыре — постепенно улучшаемых — перевода памятников из Кошо-Цай-дама, а также первый перевод Онгинского памятника и ряд мелких рунических надписей.

Венцом исследовательской работы В. В. Радлова над кошо-цай-дамскими памятниками явились «*Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge*» (СПб., 1897); здесь представлены грамматический очерк (с. 1—129), тексты в русской академической транскрипции и перевод памятников (с. 130—159), словарь (с. 159—

²³ О нем см.: Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти. Л., 1928; Wulff Kurt. Vilhelm Thomsen, 1842—1927. Lund, 1930; Dilâçar A. Thomsen. Ankara, 1963; Festschrift für V. Thomsen. Leipzig, 1912 (библиография трудов по тюркологии и рецензий на них).

²⁴ О нем см.: ББСОР, с. 241—245.

²⁵ Бартольд. Соч., т. IX. 1973, с. 761.

²⁶ Там же, с. 760; Самойлов и Ч. А. Н. Вильгельм Томсен и тюркология. — В кн.: Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти, с. 14—34.

181); в качестве приложения к этому была напечатана статья В. В. Бартольда «Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften».²⁷

Тонкие наблюдения по отдельным вопросам переводов и лингвистической интерпретации ТРП в изобилии встречаются в последнем большом труде В. В. Радлова «Altürkische Studien, I—VI».

Талант, трудолюбие и обширные тюркологические познания В. В. Радлова, приобретенные им в результате многолетнего непосредственного общения с тюрками (Барнаул, 1858—1872; Казань, 1872—1884), позволили ему преодолеть все или почти все препятствия, стоящие перед переводчиком и истолкователем этих великолепных памятников. В упомянутом выше письме (от 29 ноября 1893 г.) В. Томсен писал В. В. Радлову: «Что касается толкования и перевода самих надписей, то я только сожалею, что я не Радлов».²⁸

²⁷ Позднее эта статья была переработана и опубликована под названием «Древнетюркские надписи и арабские источники» (Бартольд. Соч., т. V. 1968, с. 284—311).

²⁸ Самойлович А. Н. Вильгельм Томсен и тюркология, с. 19.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ТРП¹

ОРХОНСКИЕ ПАМЯТНИКИ

1. Онгинский памятник — эпитафия военачальника Алп (?) Эль-этмиша² — сооружен приблизительно между 700 и 716 г. близ гор Маниту и р. Онгин. Был открыт в 1891 г. Н. М. Ядринцевым.

Впервые этот памятник был опубликован В. В. Радловым (*Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*. СПб., 1895); затем последовали публикации Х. Оркуна (*Orkun*, I, 127—133), С. Е. Малова (Малов. ПДТП МК, с. 7—14), Т. Текина (*Tekin. Grammar*, p. 255—256, 291—292), Дж. Клосо́на; см. еще: Т р у ж а р - с к и Е. *Zur neueren Geschichte des Ongin-Denkmal*. — In: *Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker. Protokollband der XXII. Tagung der Permanent International Altaistic Conference 1969 in Berlin*. Berlin, 1974, S. 629—630; Р а д ж а - б о в А. А. Об Онгинском памятнике. — СТ, 1970, № 2, с. 33—43.

2. Памятник в честь Кюль-тегина³ (685—27 февраля 731 г.; тризна состоялась 1 ноября 731 г.) — первая кошо-цайдамская

¹ Локализация рунических памятников, их краткое описание и основная библиография приведены: Малов. ПДТП; Малов. ПДТП МК; Кляшторный, с. 50—70; Батманов. Язык енисейских памятников, с. 11—13; Батманов и др. Енисейка, с. 16—17; ДТС, с. XXI—XXXI; В а с и л ь е в Д. Д. 1) Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала, I — II. — СТ, 1976, № 1, с. 71—81; СТ, 1978, № 5, с. 92—95; 2) Графический фонд памятников тюркской руники азиатского ареала. АКД. М., 1979.

² На 4-й строке эпитафии в переводе Дж. Клосо́на читаем: «I grew up for (i. e. as a subject of) the realm of Kapgan and Éltérís. My name is [? Alp] El-etmis of the tribal confederation of Bilge Išvara Tamgan Tarkan, the son of El-etmiş Yavgu and the younger brother of Išvara Tamgan Čor Yavgu» (Clauson G. *The Ongin Inscription*. — JRAS, 1957, N 3—4, p. 188); ср.: Tekin. *Grammar*, p. 291: «I was born in the reign of Qapγan İltérīš Kagan. (I am) Bilgä Išbara Tamγan Tarqan, the son of El-etmiş Yabγu and the younger brother of Išbara Tamγan Čor Yabγu»; ср.: Малов. ПДТП МК, с. 10, 4; о Капагане ~ Капгане см. § 319, 5.

³ L. Bazin, J. Hamilton, T. Banguoğlu: köl tegin; эту транскрипцию и чтение (köl 'озеро') имени «принца» из рода ашина принять невозможно; чтение köl оправдывается своей ясной этимологией: köl 'слава' + -l — аффикс, образующий имена прилагательные, > köl 'славный'; ср. киргиз.

эпитафия — тюрко-китайская двуязычная надпись, иссеченная на мраморной стеле в 732 г. Открыта Н. М. Ядринцевым.⁴

Классическим образцом историко-филологического истолкования этого одного из интереснейших памятников ТРП является магистерская диссертация П. М. Мелиоранского «Памятник в честь Кюль-тегина».

Новое издание текста этого памятника, транскрипцию и новый русский перевод осуществил С. Е. Малов (ПДТП); издание текста, транскрипция, перевод на турецкий язык выполнены Х. Оркуном (Orkun, I, 22—55); транскрипцию и английский перевод осуществил Т. Текин (Tekin. Grammar, p. 231—248, 261—273).

3. Памятник Могилян-хану (683—25 ноября 734 г.; тризна — 22 июня 735 г.; надпись иссечена в 735 г.). Второй кошо-цайдамский памятник открыт Н. М. Ядринцевым в 1891 г.

Эти памятники впервые были опубликованы в «Сборнике трудов Орхонской экспедиции, IV» (СПб., 1897): Радлов В. В., Мелиоранский П. М. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. Здесь приведены описания обоих памятников, сделанные В. В. Радловым (с. 1—14), текст, перевод на русский язык надписей (с. 15—45) П. М. Мелиоранского (с четвертого немецкого перевода В. В. Радлова), семь таблиц надписей руническим алфавитом.

Новое издание текста, транскрипцию и русский перевод выполнил С. Е. Малов (ПДТП МК, с. 11—25); текст, транскрипцию и турецкий перевод сделал Х. Оркун (Orkun, I, 55—79); транскрипцию и английский перевод см.: Tekin, Grammar, p. 243—248, 275—281.

4. Надпись Тоньюкука. В 1897 г. Елизавета Николаевна Клеменц (1853/1854—1914), жена политического ссыльного и неутомимого путешественника Дмитрия Александровича Клеменца (1848—1914),⁵ в урочище Баин-Цокто, в 66 км к юго-востоку от Улан-Батора, обнаружила большой рунический памятник, датруемый 712—716 гг.(?);⁶ он поставлен в честь Тоньюкука, выдающегося мужа войны и совета, многоопытного kingmaker'а (выражение В. Томсена), тестя Могилян-хана. Текст, транскрипцию русской академической азбукой и первый немецкий перевод этого памятника (с примечаниями и словарем) издал В. В. Радлов (Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. СПб., 1899).

В двух своих работах, подводящих итог многолетним исследованиям ТРП, В. Томсен предложил новое толкование ряда труд-

сары баш-ыл 'желтоголовый' (Юдахин, 637); кара баш-ыл 'черноголовый' (Юдахин, 124); см. еще: Бартольд. Соч., т. V, с. 81—82; Kotwicz Wł. Contribution à l'histoire de l'Asie Centrale. — RO, 1948, t. 15, p. 187—188. — tegin~tigin — титул младших членов ханской семьи, «принц» < ? сино-кор. tek-in 'virtue + man' (Ramstedt. SKE, 261); см. еще: Doerfer, II, § 922.

⁴ См.: J i s l L. Kül-tegin anıtında 1958'de yapılan arkeoloji araştırmalarının sonuçları. — Türk Tarih Kurumu. Belleten, 1963, с. XXVII, Ankara, s. 387—402.

⁵ О них см.: БЕСОТ, с. 189—190.

⁶ См.: Кляшторный, с. 65—67.

ных мест в памятниках в честь Кюль-тегина, Могилян-хана, Тоньюкука и некоторых мелких надписей.⁷

Надпись Тоньюкука представляет особый интерес как для историка, так и для лингвиста. Для историка потому, что она составлена, по-видимому, самим Тоньюкуком, который, находясь в опале (716), не мог рассчитывать, что в случае его смерти каганы из рода ашина воздадут ему, отпрыску рода ашиде, должное его заслугам и запечатлеют память о них на его могильном холме.

Тоньюкук, получивший китайское образование, известный также под китайским именем Юаньчжэнь, равнозначным тюркскому Тонь-юкук,⁸ принадлежал, как сказано выше, к племени ашиде, представители которого были главными советниками при каганах могущественного рода ашина. Тоньюкук жил и действовал, как полагают, в последней четверти VII—первой трети VIII в.

Для лингвиста надпись Тоньюкука представляет интерес тем, что ее текст, продиктованный или, что менее вероятно, записанный самим Тоньюкуком, отражает, по-видимому, разговорный стиль и является образцом одного из древнетюркских диалектов, на котором говорили верхние слои племени ашиде. Непосредственным противопоставлением этой надписи являются памятники в честь Кюль-тегина и Могилян-хана («Бильге-кагана»), составленные Йолуг-тегином, родственником названных лиц. Стиль Йолуг-тегина отражает самый изысканный стиль литературного языка того времени.

В этой надписи несколько раз встречается как устойчивое словосочетание *bilgä toïuquq*, которое часто переводят 'мудрый Тоньюкук'. Как я уже однажды писал,⁹ *bilgä* в данном случае, по всей вероятности, есть титул или звание, значение которого определяется семантикой его исходной основы: *bil-* 'управлять, распоряжаться' (Малов. ПДТП, с. 371; Юдахин, с. 134), отсюда *bilgä* 'правитель'. Г. И. Рамстедт по этому поводу писал: «... *darum ist atü. bilgä qaγan nicht als der „weise Khan“, sondern als der „(faktisch) waltende, machthabende Khan“ aufzufassen, wie heute noch die Jakuten das Verbum bil- verwenden*»;¹⁰ ср. также: «The

⁷ Thomsen V. 1) *Turcica*; 2) *Altürkische Inschriften aus der Mongolei*.

⁸ Бартольд. Соч., т. V, с. 314—315; К л я ш т о р н ы й С. Г. Тоньюкук — Ашиде Юаньчжэнь. — В кн.: Тюркологический сборник. К 60-летию А. Н. Кононова. М., 1966, с. 202—205; M o r i M. A-shin-tê Jüan-chen ve Toïuquq. — *Islâm Tetkikleri Enstitüsü*, 1973, с. V, № 1—4, İstanbul, s. 87—93; ср.: Ж а н у з а к о в Т. Основные типы и состав тюркской ономастики V—VIII вв. — Изв. АН КазССР. Сер. обществ., 1971, № 1, с. 61—65. — Против отождествления Ашиде Юаньчжэня и Тоньюкука решительно возражает Л. Н. Гумилев (Древние турки. М., 1967, с. 275).

⁹ К о н о н о в А. Н. Из наблюдений над синтаксисом надписи Тоньюкука (VIII в.). — В кн.: *Philologica*. Исследования по языку и литературе. Памяти акад. В. М. Жирмунского. Л., 1973, с. 89.

¹⁰ R a m s t e d t G. J. *Alte türkische und mongolische Titel*. — JSFOu, 1951, 55, S. 80.

phrase Bilgä Toñuquq should be translated not, as is customary, „wise T.“ but „Counsellor T.“¹¹

П. Аалто в примечании 1 к тексту и переводу надписи Тоньюкука пишет: «Ramstedt wolte dem Verb bil- auch die Bedeutung 'herrschen', zuschreiben, damit bilgä 'herrschend', 'Herrscher' bzw. etwa 'Minister' bedeuten könnte. In unserem Texte steht bilgä jedoch immer im Gegensatz zu alp, was m. E. eine derartige Auffassung schwierig macht»;¹² ср.: ögä < ö- 'думать' (§ 110, 1).

Наличие словосочетаний, в которых участвуют alp и bilgä, — qaḡanī alp ɛrmis ajučisī bilgä ɛrmis (Т 10) — ни в коем случае не препятствует принятию вышеуказанного значения слова bilgä и дает лишь основание предположить, что bilgä использовалось в двух значениях: 1) обычное слово — 'мудрый', 2) термин — титул: 'правитель', 'правлящий'; ср. еще: kül bilgä qaḡan (Мѣ5) 'славный, правящий каган'.

В силу сказанного словосочетание türk bilgä qaḡan (Ktm 1) следует переводить 'тюркский правящий каган', bilgä qaḡan (М 1) — 'правлящий каган'; ср.: «На престол же Кюль-тегин возвел (в 716 г.) своего старшего брата Ме-ki-lien'a (Могилян'a), который принял титул „Бильге-хана“».¹³

Новое в значительной части чтение и перевод надписи Тоньюкука представил С. Е. Малов,¹⁴ затем последовала новая транскрипция и перевод с рядом важных историко-филологических примечаний Г. И. Рамштедта (Ramstedt. Tonjukuk).

Надпись Тоньюкука продолжала привлекать внимание тюркологов. Французский ученый Ренэ Жиро (René Giraud, 1906—1968)¹⁵ посвятил этому памятнику специальное исследование (Giraud. L'inscription), в котором надпись называется по месту его нахождения — урочище Баин-Цокто.

Уточнению чтения отдельных мест надписи Тоньюкука посвящен ряд статей: Cl a u s o n sir Gerard. Some notes on the inscription of Toñuquq; H a z a i G. Zu einer Stelle der Tonyukuk—Inscriptionen (Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker, S. 265—269); T e z c a n S. Tonyukuk yazıtında birkaç düzeltme (TDAYB, 1975—1976. Ankara, 1976, s. 173—181).

5. Памятник в честь Кули-Чура (Orkun, I, 135—141: küli çur; Tekin, Grammar, p. 257—258, 239—295: küli çor), главы тардушских беков, погибшего в 721 г.¹⁶ Был открыт В. Л. Котвичем (1872—1944)¹⁷ в 1912 г. в долине Ихэ-Хушоту (по месту нахо-

¹¹ Cl a u s o n G. 1) Some notes on the inscription of Toñuquq. — In: *Studia Turcica*. Budapest, 1971, p. 132; 2) *Etymolog. Dict.*, p. 340; ср.: Doerfer, II, § 836.

¹² Ramstedt. Tonjukuk, S. 50.

¹³ Мелиоранский. КТ, с. 10.

¹⁴ Малов. ПДТП, с. 56—73.

¹⁵ О нем см.: B a z i n L. René Giraud et la turcologie. — *Turcica. Revue d'études Turques*, Paris, 1969, t. I, p. 242—246.

¹⁶ Кляшторный, с. 68.

¹⁷ О нем см.: RO, 1950, t. 16.

ждения иногда называют Памятник из Ихэ-Хушоту), к югу-западу от Улан-Батора. Первый перевод этого памятника выполнен А. Н. Самойловичем в работе: W. Kotwicz et A. Samoilowicz. Le monument turc d'Ikhe-Khuchotu en Mongolie centrale (RO, 1928, t. 4, p. 60—107). Памятник переиздан: Orkun, I, 133—151; Малов. ПДТП МК, с. 25—30; Clauson sir Gerard, Tryjarski Edward. The inscription at Ikhe Khushotu. — RO, 1971, t. 34, N 1, p. 7—34; Tekin. Grammar, p. 257—258, 293—295.¹⁸

Имя собственное küli — прозрачное по своему составу — состоит из kü 'слава' + -lüg > küli 'славный';¹⁹ ср.: küл с. 14, сн.3.

Слово čur ~ čor в качестве титула широко использовалось в древнетюркских текстах. Г. И. Рамстедт сопоставляет это слово с сино-корейским čol, čor 'Krieger' и с киргизским čor 'niedriger Sklave';²⁰ ср. еще: киргиз. чор (< чору) 'рабыня', 'невольница'; чуваш. чура 'раб', 'рабыня', 'невольник'.

Г. И. Рамстедт привлекает к рассмотрению также известное в тюркских языках слово čoga 'Held', монг. čoga 'Held', 'Knecht', 'Arbeiter'; при этом он замечает, что čor и čoga, вероятно, два разных слова (что едва ли справедливо), и сопоставляет čoga с др.-перс. čuga 'Held'. По Клоусону, čuga < ? кит. cho, которое в среднекитайском имело произношение, близкое к chor ~ chur (Clauson. Etymolog. Dict., p. 427); ср. еще: Doerfer, II, S. 396; киргиз. чоро 'ближайший сподвижник эпического богатыря'; казах. Шора-батыр; ногай. чора-богатыр; узбек. жўра 'друг', 'приятель'; уйгур. жора 'товарищ', 'подруга'; туркмен. жора 'подруга'; ср. также: čoga 'Höfling', 'Hofdiener', 'Hofpage' (Doerfer, III, § 1136—1137). По мнению А. Е. Крымского,²¹ чора < перс. čohra 'молодой паж'; ср. украин. джура, чура 'слуга', 'паж'. Произошла типичная девальвация семантики: 'воин', 'герой', '(боевой) товарищ', 'друг', 'подруга' > 'раб', 'рабыня', 'работник', 'слуга' (ср.: Оранский И. М. Фольклор и язык гиссарских парья (Средняя Азия). М., 1977, с. 34).

В ТРП слово čur ~ čor ~ čuga ~ čoga (< др.-перс. < санскрт. 'воин', 'герой'; или из китайского, см. выше) использовалось в качестве титула, звания, обозначавшего высокий военно-административный ранг (между каганом и беком) (Clauson. Etymolog. Dict., p. 427).

6. Памятник Моюн-чуру (Байан-чору),²² или так называемый «Селенгинский камень» из местности в Северной Монголии вблизи

¹⁸ См. также: А й д а р о в Г. Морфологический указатель к уйгурскому памятнику Моюн-чуру (VIII в.). — В кн.: Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1965, с. 206—208.

¹⁹ Hamilton. Les ouïghours, p. 96—97.

²⁰ R a m s t e d t G. J. Alte türkische und mongolische Titel, S. 77; см. еще: К о н о н о в А. Н. Родословная туркмен. М. — Л., 1958, с. 103, прим. 175.

²¹ К р и м с ь к и й А. Ю. Твори в п'яти томах, т. 4. Київ, 1974, с. 579.

²² Реконструкцию имени см.: Hamilton. Les ouïghours, p. 139.

р. Селенги и озера Шине-усу. Открыт Г. И. Рамstedтом в 1909 г.²³ Надпись сделана примерно между 744 и 759 г. в честь первого представителя уйгурской династии Моюн-чур (Байан-чора), победившего в 745 г. «последнего хана тюркского каганата Озмыш-тегина. Памятник интересен тем, что уйгурскому хану делается памятник руническим, а не уйгурским письмом. Язык (уйгурский) памятника отличается от языка памятников, например, огузских; прежде всего обращает на себя внимание система глагола».²⁴ Переиздан: Orkun, I, 163—185; Малов. ПДТП МК, с. 30—44.

7. Суджинская надпись — памятник из урочища Суджи, местности вблизи холма Суджин-даван в Монголии. Открыт в 1909 г. и издан в 1913 г. Г. И. Рамstedтом;²⁵ переиздан: Малов. ПДТП, с. 76—77; Orkun, I, 155—158; ср.: К л я ш т о р н ы й С. Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи. — ПВ, 1959, № 5, с. 162—169.

8. Надписи из Хойто-Тамира — образцы рунического курсивного письма. Скопировал Д. А. Клеменц; см.: Малов. ПДТП МК, с. 46—54; Orkun, II, 105—117.

9. Надписи из Ихэ-Асхете (МНР); см.: Малов. ПДТП МК, с. 44—46; Orkun, II, 121—127.

ЕНИСЕЙСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Енисейские памятники — примерно 85 надписей — открыты в верховьях р. Енисей, в Тувинской АССР, Хакасской автономной области и Минусинском районе Красноярского края.

Енисейские (равно как и Таласские) памятники не содержат прямого указания на время их создания. Ранние из енисейских надписей В. В. Радлов датировал концом VII—началом VIII в. П. М. Мелиоранский, опираясь на «несомненно более архаичный характер» енисейской письменности в сравнении с орхонскими памятниками, датировал их VI—VII вв. С. Е. Малов условно датировал енисейские памятники V—VI вв. Л. Р. Кызласов на основании типологического анализа тамговых знаков датирует «все основное количество памятников енисейской письменности. . . второй половиной IX и X веков» и считает возможным отнести их «к числу памятников древнехакасской знати».²⁶

²³ Р а м с т е д т Г. И. Как был найден «Селенгинский камень». Перевод надписи «Селенгинского камня». Послесловие. — Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО, с. 34—49.

²⁴ Малов. ПДТП МК, с. 30; Бернштам, с. 50—53.

²⁵ R a m s t e d t G. J. Zwei uigurische Runeninschriften. — JSFOu, 1913, 30, S. 1—9.

²⁶ К ы з л а с о в Л. Р. 1) Новая датировка памятников енисейской письменности. — СА, 1960, № 3, с. 117; 2) О датировке памятников енисейской письменности. — СА, 1965, № 3, с. 38—49; см.: Б а т м а н о в И. А. О датировке енисейских памятников древнетюркской письменности. — Учен. зап. Тувин. НИИЯЛИ, вып. X. Кызыл, 1963, с. 291—302; Щ е р б а к А. М. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изуче-

И. В. Кормушин, основываясь на данных рунической палеографии, пришел к заключению, что «все без исключения енисейские памятники написаны позже первой трети или даже первой половины IX в. Это их общая нижняя граница».²⁷

По мнению И. А. Батманова, к которому присоединился А. С. Аманжолов, утверждения, что «тюркское руническое письмо на Енисее и Таласе появилось позже, чем на Орхоне, представляются недостаточно обоснованными».²⁸

Мне представляется, что, судя по довольно многочисленным эпитафиям, найденным в бассейне Енисея, тюркские енисейские памятники следует датировать IX—X вв.; наиболее вероятно, с исторической точки зрения, что они относятся (в основной массе) к IX в.

ВОСТОЧНОТУРКЕСТАНСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Эти памятники представлены четырьмя надписями на стене древней постройки в Турфане, а также несколькими текстами на бумаге из Мирана и Дуньхуана; в нашей грамматике использован материал «Гадательной книги» («İrq bitig») ²⁹ по изданиям: Малов. ПДТП, с. 80—92; Orkun, II, 71—100; Erdal M. İrk bitig üzerine yeni notlar. — TDAYB, 1977, S. 87—119.

ПАМЯТНИКИ ДРУГИХ АРЕАЛОВ

Среднеазиатские памятники, в том числе Таласские (Киргизия), условно делятся на две подгруппы.

1. Таласская ³⁰ — двенадцать надписей, ³¹ среди них надпись на еловой палочке; ³² найдены в долине р. Талас. К этим находкам примыкают обнаруженные в Киргизии надписи из Койсары и в Ак-тепе. ³³

ния. — В кн.: Тюркологический сборник. 1970. М., 1970, с. 111—134. — Краткий перечень надписей на камнях в Туве и Хакасии и уточнение названий мест в Туве, где были найдены енисейские памятники, см.: Батманов и др. Енисеика, с. 18—20, 22—23; см. также: ДТС, с. XXII—XXVII.

²⁷ Кормушин И. В. К основным понятиям тюркской рунической палеографии. — СТ, 1975, № 2, с. 45.

²⁸ Аманжолов А. С. К генезису тюркских рун. — ВЯ, 1978, № 2, с. 76.

²⁹ См.: Стеблева И. В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976, с. 115—126, 198—203.

³⁰ Согласно С. Г. Кляшторному, семиреченская группа (Кляшторный, с. 52).

³¹ Батманов И. А. Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе, 1971, с. 6—7; Массон М. Е. К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии. — Материалы Узкомстариса. Вып. 6—7. М—Л., 1936, с. 5—15.

³² Малов С. Е. Таласские эпиграфические памятники. — Материалы Узкомстариса, вып. 6—7, с. 28—38.

³³ Батманов И. А. Таласские памятники. . . , с. 7.

2. Ферганская — несколько кратких надписей на керамике и металле.

Восточноевропейские памятники условно также делятся на две подгруппы.

1. Донецкая — надписи на двух баклажках из-под Новочеркасска, знаки на кирпичках из Саркела, знаки из Маяцкого городища.

2. Дунайская — надписи на серебряных сосудах из венгерского селения Надьсентмиклош (так называемый «клад Атилы») и мелкие надписи на металле.³⁴

Алтайские, ленские, прибайкальские и северокавказские (см.: Б а й ч о р о в С. Я. Северокавказский ареал древнетюркской рунической письменности. АНД. М., 1977) надписи из-за их фрагментарности могут использоваться только как подсобный материал.

³⁴ Кляшторный, с. 52; К л я ш т о р н ы й С. Г. Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки. — СА, 1979, № 1, с. 270—275.

III

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ТРП

Локальной, или региональной, группировке памятников рунической письменности соответствует их историко-политическая (этническая) классификация, которая, согласно С. Г. Кляшторному (ук. соч., с. 53), представляется в следующем виде.

1. Памятники Восточнотюркского каганата; к ним относятся орхонские надписи (VII—VIII вв.) и алтайские (VIII в.; мелкие, возможно, и VII в.).

2. Памятники Кыргызского государства представлены енисейскими и Суджинской надписями.

3. Памятники Курыканского племенного союза (VIII—X вв.) представлены Ленско-Прибайкальской группой надписей.

4. Памятники Западнотюркского каганата представлены таласскими и ферганскими надписями (VI—VIII вв.).

5. Памятники Уйгурского каганата в Монголии представлены Селенгинским камнем и Карабалгасунской надписью (вторая половина VIII—начало IX в.).

6. Памятники Уйгурского государства в Восточном Туркестане (IX—X вв.) представлены текстами на бумаге («Гадательная книга») и настенными надписями из Турфана.

7. Памятники Хазарского каганата и Печенежского племенного союза представлены восточноевропейской руникой, таласской еловой палочкой и некоторыми другими.

Жанровая принадлежность рунических надписей представлена следующими шестью группами (Кляшторный, с. 53—54).

1. Историко-биографические надписи: в честь Могилян-хана, Кюль-тегина, Кули-чур, надпись Тоньюкука, Онгинский, Селенгинский, Суджинский, Карабалгасунский камни и др.

2. Эпитафийные надписи — надгробные надписи Енисея, Таласа, Тувы, Хакасии.

3. Надписи на скалах, камнях, строениях (Хойто-Темир и др.).

4. Магические и религиозные тексты: «Гадательная книга», трактат о магических свойствах камней и др.

5. Юридические документы на бумаге из Дуньхуана и Турфана.

6. Метки на бытовых предметах.

IV

О ПРОИСХОЖДЕНИИ РУНИЧЕСКОГО АЛФАВИТА

Древнейший тюркский рунический алфавит в основе своей восходит к буквенному письму арамейского происхождения, заимствованному тюрками у ираноязычных народов Средней Азии через посредство пехлевийского, хорезмийского и согдийского алфавита, в той его разновидности, которой написаны «старые согдийские письма» из Дуньхуана.¹ Естественно, согдийское к у р с и в н о е письмо в процессе приспособления его к особенностям фонетического и морфологического строя тюркских языков претерпело значительные изменения. Место и время возникновения рунического письма остается пока нерешенным вопросом. Специалисты, основываясь на трех уставах рунического письма, считают, что рунический алфавит пережил три этапа своего развития: 1) архаический (памятники Семиречья, VI—VII вв.; Енисей, VI—X вв.); 2) классический (памятники второго Каганата, первая половина VIII в.); 3) поздний (памятники эпохи Уйгурского каганата, вторая половина VIII—IX вв.; из Восточного Туркестана, IX в.).²

¹ О различных предположениях о происхождении тюркских рун см.: Мелиоранский. КТ, с. 46—50; К о б е ш а в и д з е И. Н. К характеристике графики и фонемного состава языка орхоно-енисейских надписей. — СТ, 1972, № 2; К о р м у ш и н И. В. К основным понятиям тюркской рунической палеографии. — СТ, 1975, № 2; C l a u s o n sir Gerard. The origin of the turkish «Runic» alphabet. — АОН, т. XXII, 1970, р. 51—76; А м а н ж о л о в А. С. К генезису тюркских рун. — ВЯ, 1978, № 2, с. 76—87; Л и в ш и ц В. А. О происхождении древнетюркской рунической письменности. — СТ, 1978, № 4, с. 87—98.

² Кляшторный, с. 47 и сл.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКА ТРП

§ 1. По В. В. Радлову,¹ древнетюркский язык, зафиксированный в ТРП, представляет собою хорошо отработанный литературный язык, в основе которого лежат три диалекта. Классификация древнетюркских «диалектов», впервые предложенная В. В. Радловым, основывалась на следующих основных критериях: характеристика письма, фонетические и морфологические особенности. В. В. Радлов выделил три «диалекта»: древний северный диалект (язык тюрков-сиров²); древний южный диалект (уйгурский язык); смешанный диалект; последний следовало бы, по примеру двух предшествующих, назвать «смешанным языком».

§ 2. Древний северный диалект (язык тюрков-сиров) представлен: 1) в памятниках Кюль-тегину и Могилян-хану; 2) в надписи Тоньюкука; 3) в Онгинском памятнике, в надписи из Хойто-Тамира и некоторых других; 4) в надписях бассейнов Хемчика, Енисея, Абакана; 5) в надписи из Карабалгасуна; 6) в надписи из Туркестана; 7) в отдельных отрывках на бумаге из Турфана.

§ 3. Указывались следующие основные фонетические особенности северного диалекта.

В анлауте: 1) глухие согласные *k, κ, t, c, ш, ч*; 2) звонкий губной эксплозивный *b*; 3) сонорные *n, m*; 4) среднеязычный звонкий спирант *j*.

В инлауте: 1) все звуки, встречающиеся в анлауте; 2) звонкие *б (γ), г, д, з*; 3) сонорные *у, и, р, л, i*; 4) глухой губной эксплозивный *p*.

В инлауте соседними согласными могут быть: 1) глухой + глухой шумный; 2) звонкий + звонкий шумный; 3) звонкий + глухой шумный; 4) сонорный + звонкий; 5) сонорный + глухой.

¹ Radloff. *Altürk. Studien*, IV, S. 305—326; V, S. 427—452.

² О. Прицак известное из ТРП название *türk sir bodun* переводит «Die Weissen — d. h. die West-Türken», т. е. «белые, или западные турки»; *sir* = *sarī* (γ) (P r i t s a k О. Qara. *Studie zur türkischen Rechtssymbolik*. — In: Z. V. Togan'a armağan. İstanbul, 1955, S. 22).

Широко используется обозначение одной буквой сочетания согласных *lm*, *lt* (но нет *ld*, *ld*; позднее — *rd*), иногда *pt*; одной буквой обозначается также *nt*; сюда следует добавить букву, обозначающую сочетание согласных *nt*; сочетание *nt* нередко обозначается двумя буквами. В ауслaute встречаются все звуки, различные в инлауте.

Характерной особенностью северного диалекта является наличие согласного *b* в анлауте слов с носовыми *n*, *ŋ* в инлауте и ауслaute: *bān* 'я', *baŋa* 'мне', *буны* 'этого', *бунта* 'здесь', *bāŋgū* 'вечный', *быу* ~ *biu* 'тысяча'; ср. современные тюркские языки так называемой огузской группы.

Проявлением диалектальных различий объясняется, по мнению В. В. Радлова, употребление Тоньюкуком личного местоимения 1 л. в форме *bān*, *baŋa*. Впрочем, у Йолуг-тегина один из топонимов встречается в двух начертаниях: *kāŋū-тарбан* ~ *kāŋū-тарман*; в енисейских надписях встречается начертание *māŋgū* вместо обычного *bāŋgū*.

§ 4. В. В. Радлов приводил следующие основные морфологические особенности северного диалекта.

1. Словообразование.

Афф. *-лыз/-лиг*, *-луз/-лүк* образует главным образом имена прилагательные: *jolluz* 'имеющий [свой] путь', 'счастливый'; *kādimlik*³ 'имеющий одежду', 'одетый'; *kylüz* 'славный', 'обладающий славой'. Кажется, замечает В. В. Радлов, этот же аффикс служит и для образования имен существительных: *äkinlik* 'Getreide' (но не 'имеющий пашню'). «Ist dies richtig, so könnte *кабанлыз* sowohl „einen Chan habend“, als auch „das Chanthum“ übersetzt werden und *башлыз* „einen Kopf habend“ und „der Häuptling“». ⁴ Это предположение В. В. Радлова не может быть принято, так как в оригинальном начертании этот аффикс имеет конечный согласный *з*, *г*.

2. Аффиксы падежей.

Родительный п. — *-ыу/-иу*: *biz-iu* 'наш', *кабан-ыу* 'кагана'; в этой форме родительный п. используется в надписях на бумаге из Турфана.

Дательный п. имеет только глухой вариант *-ка/-кә*: *ai-ka* 'в [течение] месяца', *jyl-ka* 'в [течение] года', *jazy-ka* 'в равнине', 'к равнине', *кабан-ка* 'к кагану', *аб-кә* 'к дому', *от-кә* 'во время'. В енисейских памятниках используются также варианты с звонкими начальными согласными: *-ба/-гә*. Дательный п. при именах с афф. принадлежности имеет иррегулярную парадигму *-ка* ~ *-а*, *-кә* ~ *-ә*: *jаш-ым-ка* 'в моем возрасте', 'к моему возрасту', *jer-им-кә* 'в моей земле', 'к моей земле'; ср.: *оҗл-ум-а* 'к моему сыну', *ini-м-ә* 'моему младшему брату', *jаш-ым-а* 'в моем возрасте'; в енисейских памятниках используется вариант *-ба/-ка*. Дательный п.

³ Radloff. Alttürk. Studien, V, S. 432: *kādimlik*, *ärklik*.

⁴ Там же.

при именах с афф. принадлежности 2 л. ед. ч. — -а: *оҗл-уу-а* 'твоему сыну'. В сочетании имени с афф. принадлежности 3 л. ед. ч. конечный -н сливается с -ка, образуя афф. -уа/-үә: *јашиуа* 'в его возрасте'; ср. еще: *мауа* (*мәүә*) вм. **мән + кә*.

Очень часто дательный п. дополняется направительным п. (Causus directivus): -кару/-кәрү, -бару/-гәрү; этот аффикс при именах существительных с афф. принадлежности 3 л. ед. ч. имеет форму -уару/-үәрү.

Местный—исходный п. — афф. -да/-дә; после основ на л, l, н — -та/-tä: *тәүридә* 'на небе', 'с неба'; *учдук-да* 'когда улетел' = 'когда умер'; *көл-тә* 'на озере', 'от озера'.

В отдельных случаях, преимущественно в наречиях, афф. исходного п. имеет форму -тан/-тын, -дан/-дин (надпись Тоньюкука): *кантан* ~ *кантин* 'откуда'. Исходный п. нередко сочетается с послелогом *јан* ~ *јән*: *бер-дән-јән* ~ *бер-дин-јән* 'с юга', *оу-дән-јән* ~ *оу-дин-јән* 'с востока', *јыра-дан-та-јан* ~ *јыра-дын-та-јан* 'с запада'. К сожалению, В. В. Радлов не дал объяснения последнему примеру, в котором сочетаются афф. -дан и -та.

3. Аффиксы глагольных форм.

Имперфект образуется с помощью следующих аффиксов: после гласных и звонких согласных — -дым/-дīm, -дыз/-dīg, -ды/-dī, -дымыз/-dīmiz, -дығыз/-dīgiz; после сонорных л, l, р, н — -тым/-tīm, -тыз/-tīg, -ты/тi, -тымыз/-tīmiz, -тығыз/-tīgiz.

В качестве диалектальной разновидности енисейских надписей под воздействием южных диалектов (языков) афф. 2 л. имеет форму -дыу/-diu, -дыуыз/-diūiz.

Деепричастие соединительное — -н/-yn/-in/-yn/-ŷn; его полная форма — -нан/-nän/-ынан/-inän.

Деепричастие на -матын представляет собою, по мнению В. В. Радлова, соединение инструментального п. или винительного п. с афф. принадлежности 3 л. и глагольного имени на -т: -мат-ы-н.

С. Е. Малов тщательно рассмотрел все существовавшие в середине 20-х гг. текущего столетия предположения о составе этой формы.⁵

Афф. Nomen agentis на -зма/-zmä, характерный для северных диалектов, часто встречается и в рунических памятниках: *öl-ŷ-zmä* 'der Sterbende', *јарат-ы-зма* 'der Anfassende'.

Афф. Nomen agentis на -мачы/-mäči: *öl-mäči* 'der im Sterben liegende'; *бол-мачы* 'der dabei ist zu sein'.

Афф. Nomen agentis на -сык/-cyk/-cīk/-cŷk специфичен для северных диалектов: *ач-сык* 'das Hungern'; *öl-cŷk* 'das Sterben'.

§ 5. О древнем южном диалекте (уйгурском языке) В. В. Радлов писал: «Я называю язык уйгуров южным диалектом, хотя

⁵ См.: Radloff W. Uigurische Sprachdenkmäler. Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov herausgegeben. Lenin-grad, 1928, S. 226—229.

часть уйгуров времен господства тюрков-сиров обитала на севере, между Байкалом и Косо-голом, и далее на запад, потому что этот диалект образовался на юге и известен нам по рукописям из южных областей» (Alttürk. Studien, S. 436).

Основные фонетические особенности южного диалекта состоят главным образом в переходе *б > м* при словах с конечным *н, ң* (т. е. регрессивная назализация): *мунда* 'здесь', *маңа* 'мне'.

Назовем основные морфологические особенности южного диалекта.

1. Словообразование.

Уйгурская азбука не различает глухих и звонких *к, ь, қ, ғ*, а потому невозможно представить, читать ли *-лык/-лік* или *-лыь/-ліғ*.

2. Аффиксы падежей.

Родительный п. — афф. *-ның/-ниң/-нуң/-нүң*; при личных местоимениях — *-иң*: *мен-иң*, *сен-иң*, *сиз-иң*; эти формы в результате неправильного членения стали делиться как *ме-ни*, *се-ни*, *а-ны*, так возник афф. *-ны*.

Дательный п. — афф. *-ка/-ба/-кә/-гә*; он может быть дополнен афф. направительного п. *-кару/-бару*, *-жәрј/-гәрј*.

Винительный п. — афф. *-ык/-ік/-ук/-үк* и *-ны/-ні*; после слов с афф. принадлежности 3 л. афф. винительного п. имел форму *-ын/-ін*, *-зын/-зін*.

Местный п. — афф. *-да/-дә*; *-та/-tä*.

Исходный п. — афф. *-тын/-тін*, *-тун/-түн*, *-дын/-дін*.

3. Аффиксы глагольных форм.

Имперфект образуется с помощью афф. *-ды*; 2 л. ед. ч. — *-тың/-тің*, *-дың/-дің*; 2 л. мн. ч. — *-тыңыз/-тіңіз*, *-дыңыз/-діңіз*.

Деепричастие соединительное — афф. *-п/-ып*. Полная форма этого аффикса — *-ыпан* — в южном диалекте не встречается.

Встречается деепричастие на *-мадын/-мәдін*. В гератской рукописи «Кутадгу билиг» и в юридических документах из Турфана это деепричастие имеет афф. *-мајын/-mäjin*.

Афф. Nomen agentis — *-клы/-kli* (или возможно *-блы/-gli*): *ал-ы-блы* 'der Nehmende', *käl-i-gli* 'der Kommende'.

Афф. Nomen agentis предстоящего действия — *-тачы/-дачы*.

Афф. Nomen actionis — *-мак/-mäк*, ему в северных диалектах соответствует афф. *-сык/-суқ/-сік/-сүк*.

§ 6. Смешанный диалект включает в себе особенности северного и южного диалектов; на этом диалекте написаны: 1) все тюркские памятники манихейской азбукой; 2) все до той поры опубликованные тюркские манихейские памятники — уйгурским письмом; 3) каирский список «Кутадгу билиг» — арабским письмом; 4) большинство рукописей буддийского содержания (сутра «Золотой блеск», сутра «Типтаствустик», «Куан-ши-им-Пусар» и др.).

§ 7. Сочинения, написанные на этом смешанном языке, отчетливо делятся на два типа.

1) Западный диалект — язык западных тюрков (западные туцзюе), которые в VI в. отделились от народа тюрков-сиров и коче-

вали в степях к западу от Тарбагатай. Древнейшими памятниками этого диалекта являются «Покаянная молитва манихейцев — Хуастуанифт», которая по языку, вероятно, древнее орхонских памятников, и каирский список «Кутадгу билиг».

2) Восточный диалект представлен памятниками древнего литературного языка буддийского содержания (S. 443, 448).

§ 8. В. В. Радлов указывал на следующие характерные черты западного диалекта.

1. Аффиксы падежей.

В западном диалекте, равно как в северном, афф. локатива и аблатива представлены в форме *-та/-tä*, *-да/-dä*. В «Кутадгу билиг» (каирский список) они встречаются в форме *دَ، دِ، دِي*, что В. В. Радлов объясняет небрежностью переписчиков.

2. Аффиксы глагольных форм.

Афф. соединительного деепричастия в «Хуастуанифте» встречается в двух формах: *-ып ~ -ыпан/-ыбан*.

Афф. отрицательной формы деепричастия — *-матын/-mätin*. В «Кутадгу билиг» встречается «южная» форма *-мадын*.

Афф. *Nomen agentis* в «Хуастуанифте», как и в северном диалекте, имеет форму *-зма/-gmä*. В «Хуастуанифте» неоднократно встречается суфин на *-зäлы/-gäli*.

Афф. *Nomen actionis* *-сык/-sik*, *-сук/-sük* используется как в северном, так и в западном диалектах; в южном диалекте этому аффиксу соответствует афф. *-мак/-mäk*, который в «Хуастуанифте» встречается три раза; в западном диалекте используются оба эти аффикса.

§ 9. Характерные черты восточного диалекта (литературный язык сочинений буддийского содержания) состоят, по В. В. Радлову, в следующем.

1. Аффиксы падежей.

Родительный п. — *-ныу/-niü*, *-нуу/-nüü*;

исходный п. — *-тын/-tin*, *-дын/-din*; аффиксы всех падежей соответствуют таковым северного диалекта.

2. Аффиксы глагольных форм.

Афф. соединительного деепричастия — *-ып/-in*, *-уп/-ün*.

Афф. отрицательной формы деепричастия — *-матын/-mätin*, *-мадын/-mädin*.

Афф. *Nomen agentis* — *-зма/-gmä*, *-зäлы/-gäli*; *-тачы/-däci*.

Афф. *Nomen actionis* — *-мак/-mäk*.

Характерной чертой литературного языка буддийских сочинений является частое использование этого имени действия в сочетании с глаголами *бол-* и *är-* 'быть': *kälmäkiüis polsun 'möget ihr ankommen'*.

§ 10. Основы выделения и классификации древнетюркских «диалектов», предложенные В. В. Радловым в 1911 г., остаются и поныне действительными. Существующие ныне воззрения на характер и природу языка древнетюркских памятников

основываются на этих положениях В. В. Радлова с некоторыми уточнениями и дополнениями.

Приведенная выше классификация является полезным введением в исследование грамматики ТРП.

§ 11. Памятники рунического письма, обнаруженные на берегах Орхона, Селенги, а также в бассейне Енисея, заметно отличаются друг от друга по форме букв и приемам орфографии; это обстоятельство, по мнению П. М. Мелиоранского, дает «основание думать, что они (енисейские надписи, — А. К.) написаны на другом диалекте . . . и что, следовательно, формы и начертания, встречающиеся в них, нельзя ставить на одну доску с собственно орхонскими. Наконец, нельзя упускать из вида и того, что некоторые из енисейских надписей, быть может, на 150—200 лет древнее орхонских. . .⁶ Все вышеизложенное имеет, конечно, значение как для транскрипции, так и для перевода надписей».⁷

В силу сказанного П. М. Мелиоранский убежденно считал, что В. В. Радлов «несколько преждевременно включил в свой весьма интересный фонетико-грамматический очерк⁸ результаты своих занятий енисейскими надписями и, быть может, не совсем правильно видит в них диалектологические отклонения только в мелочах, причисляя их вообще к одной группе с собственно орхонскими».⁹

«Во второй, незаконченной редакции своей классификации Радлов, — писал А. Н. Самойлович, — рассматривал орхонский и уйгурский (древнеуйгурский, — А. К.) языки как представителей двух разных групп восточнотурецких (=тюркских, — А. К.) языков домонгольского периода: северо-восточной и юго-восточной, — наряду с коими он допускал еще группу северо-западных языков с перезвучиями й//ч//с в начале слов. Памятники енисейско-орхонской и уйгурской письменностей не дают, по-моему, — утверждал А. Н. Самойлович, — достаточных доказательств в пользу существования основных различий между языками этих двух письменностей, и я потому не склонен резко разграничивать эти языки, хотя, конечно, не могу отрицать за каждым из них некоторых особенностей».¹⁰

§ 12. В соответствии с классификацией С. Е. Малова, язык памятников тюркской рунической письменности (по его терминологии — «огузский язык»), наряду с тувинским, древнеуйгурским (главным образом буддийской письменности), а также языком памятников христианских, манихейских, мусульманских и юридических документов V—XIII вв., относится к д р е в н и м

⁶ О современных воззрениях на этот счет см. статьи Л. Р. Кызласова и И. В. Кормушина.

⁷ Мелиоранский. КТ, с. 50.

⁸ Radloff. ATIM, NF.

⁹ Мелиоранский. КТ, с. 50.

¹⁰ Самойлович А. [Н.] Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг., 1922, с. 7.

тюркским языкам, предшественниками которых являются древнейшие тюркские языки.¹¹

С. Е. Малов отметил, что «памятники с рунами (из долины р. Талас, — А. К.) по характеру букв и по содержанию надписей весьма напоминают подобные же надгробия в бассейне р. Енисея, заметно отличаясь от рунических памятников, находящихся по рр. Орхону и Селенге».¹² С другой стороны, С. Е. Малов признавал языковое единство рунических надписей бассейна р. Енисея, характеризуя последние как «язык — общий, стандартный, эпитафийно-рунический».¹³

А. Габен в свою «Древнетюркскую грамматику» включила материал как рунических надписей, так и древнеуйгурских памятников уйгурского письма¹⁴ (см. § 18).

§ 13. Н. А. Баскаков на основании своих многолетних исследований историю развития и формирования древних тюркских языков представил в следующем виде.¹⁵

I. Алтайская эпоха — «когда тюркские языки были еще слабо разобщены с языками монгольскими, а те и другие в свою очередь — с тунгусо-маньчжурскими». II. Хуннская эпоха (до V в. н. э.). III. Древнетюркская эпоха (V—X вв.), которая делится на три периода: тукуйский (V—VIII вв.),¹⁶ древнеуйгурский (VIII—IX вв.) и древнекиргизский (IX—X вв.).

«Тюркские языки в древнетюркскую эпоху, — пишет Н. А. Баскаков, — как это показывают древнеугузские (орхонские), древнеуйгурские и древнекиргизские (енисейские) памятники, имели как свои общие черты — преобладание в середине и конце слов ∂/t вместо $c/z \sim \dot{y} \sim p$ в соответствии $p \sim c/z \sim \partial/t \sim \dot{y}$, — так и черты, дифференцирующие эти языки, например соответствие $n/\dot{n} \sim \dot{y}$, встречающееся в некоторых памятниках орхонского и уйгурского письма. . .».¹⁷

Языки древнетюркских памятников Н. А. Баскаков делит на две группы.

I. Язык древнеугузских и древнекиргизских, т. е. орхоно-енисейских памятников, имеющих много общих признаков: а) наличие параллельных слабо дифференцированных между собой звуков $\dot{n}/n/\dot{y}$; б) наличие в ауслауте b вместо r : *суб* вместо *су r* или *су δ* ; в) наличие $b//m$ в анлауте: *бэн//мэн* 'я'; г) преобладание деепричастной формы на *-пан* вместо *-ын/-ыб*; д) аффикс 2 л. прошедшего категорического вр. *-ты r* , *-тыгыз*; е) аффикс 3 л. повелительного наклонения *-сун/-чун*; ж) долженствовательное наклонение на *-сы r* ; з) модальная частица *эринч* и пр.

¹¹ Малов С. Е. Древние и новые тюркские языки. — ИЮЛЯ, 1952, т. 11, вып. 2, с. 142. То же в кратком изложении: Малов. ПДТП, с. 5—7.

¹² Малов. ПДТП МК, с. 57.

¹³ Малов. ЕПТ, с. 7.

¹⁴ Gabain. Alttürk. Gr., S. 1.

¹⁵ Баскаков. Введение, с. 148—166.

¹⁶ Реально документированные пределы этого периода — VII—VIII вв.

¹⁷ Баскаков. Введение, с. 164.

II. Древнеуйгурский язык, имеющий два диалекта: 1) *н*-диалект, представленный манихейскими текстами; 2) *й*-диалект, представленный позднеманихейскими и буддийскими памятниками, а также текстами на алфавите брахми и памятниками христианского содержания.¹⁸

Н. А. Баскаков в своей классификации тюркских языков выделяет уйгуро-тукюйскую подгруппу, состоящую из двух древних языков — древнеогузского языка, т. е. языка орхон-енисейских надписей, и древнеуйгурского языка, а также двух современных языков — тувинского и карагасского,¹⁹ причем особо отмечается со ссылкой на С. Е. Малова, что «язык древних уйгуров был в большей степени близок к языку орхонских тюрков — древних огузов, чем к уйгурскому же языку эпохи Караханидов».²⁰

§ 14. В. М. Насилов в работе, посвященной описанию фонетико-грамматического строя древнейших тюркских текстов, использовал преимущественно памятники рунического письма орхонского ареала, а также «несколько отдельных памятников енисейской письменности, к сожалению без глубокого и дифференцированного анализа их специфики».²¹ Из последнего замечания следует, что В. М. Насилов отчетливо видел некоторое различие между орхонскими и енисейскими памятниками.

§ 15. И. А. Батманов неоднократно подчеркивал, что «большая близость языка енисейских и орхонских памятников говорит о том, что данный письменный язык (впрочем, с несколькими диалектными разновидностями) носил межплеменной характер, а это обстоятельство в значительной степени усложняет определение его прямой этнической принадлежности. . .»,²² — но не мешает, добавлю я, совместному сравнительному изучению этих памятников.

§ 16. Турецкий филолог Т. Текин в своей «Грамматике орхонско-тюркских памятников»²³ ограничил круг исследуемых надписей (как видно из названия книги и как об этом объявлено в предисловии) пятью известными памятниками: Кюль-тегин, Могилянхан, Тоньюкук, Онгинский памятник, Кули-чур (Ихэ-Хушоту). Памятники Моюн-чуру (Байан-чору), Карабалгасунский, Суджинский, как принадлежащие уйгурам, не включены в это исследование. Тем не менее Т. Текин часто обращается к «уйгурским» надписям в целях сопоставления их с орхонскими памятниками.

§ 17. По мнению С. Г. Кляшторного, можно говорить «о едином литературном древнетюркском языке, распространенном в VII—X вв. на территории Монголии, Южной Сибири и Семиречья (основная территория Тюркского каганата) и связанном

¹⁸ Подробнее см.: там же, с. 165—166.

¹⁹ Там же, с. 316.

²⁰ Там же, с. 320.

²¹ Насилов. Язык памятников, с. 7.

²² Батманов. Язык енисейских памятников, с. 124.

²³ Tekin. Grammar.

с определенной системой письма. Возможно предположить, что в основе этого языка лежал племенной диалект ашина (түрк), превратившийся в государственный язык Тюркского каганата и сохранивший значение своего рода литературного койне в течение известного времени после падения государства орхонских тюрков.

В литературном и историографическом отношении рунические памятники не столь едины, как в отношении языка и шрифта.²⁴

§ 18. А. Габен в «Древнетюркской грамматике» предложила свою классификацию тюркских диалектов Восточного Туркестана, включающую памятники рунического и уйгурского письма.²⁵ Название «уйгурский», по ее мнению, так же не ясно, как и «татарский», «чагатайский» или «староосманский». В колофонах исследуемых рукописей этот язык чаще обозначается как *türk*, *uġur* или *türk uġur*. Намечаются признаки пяти различных диалектов, которые, однако, не могут быть соотнесены с названием определенного народа; среди них только один имеет этническое название — «уйгурский».

Грамматика А. Габен основывается на материале средневековых тюркских рунических надписей (*Die Sprache der mittelalterlichen Inschriften in türkischen Runen*) и на сочинениях тюрков Средней Азии доисламской эпохи. Древнейшей датой надписей и рукописей, по ее мнению, является VIII в.

В связи с основной темой своей книги А. Габен ставит ряд важных для истории тюркских языков вопросов: о месте древнетюркского языка в семье тюркских языков, о его предшественнике (или предшественниках), который мог бы быть назван «тюркским» языком, и о том, какой язык пришел ему на смену. Носителями языка-предшественника могли быть кочевавшие в Северном Китае хунну, о которых сообщают китайские хроники. То же самое следует сказать о языке народа Табуащ, который по-китайски (в современном произношении) назывался т'о-па и который владел Северным Китаем (436—557) под названием Северные Вэй.²⁶

²⁴ Кляшторный, с. 51.

²⁵ Gabain. *Alttürk. Gr.*, S. 1—15; см. также: G a b a i n A. v. *Das Alt-türkische*. — PhTf, I, S. 21—45.

²⁶ «В конце IV в. усилилось одно из сяньбийских племен на северо-востоке Китая — тюркоязычные табгачи. . . В 386 г. их вождь Тоба Гуй основал династию Северные Вэй (386—532 гг.), объединившую под своей властью весь Северный Китай (439 г.). К концу V в. династия и племя табгач почти полностью ассимилировались в китайской этнической среде. В рунических памятниках этим именем называлось коренное население Китая» (Кляшторный, с. 108); ср. еще: «. . . наименование китайцев в древнетюркских надписях, несомненно восходящее ко времени ранее VI в., заимствовано тюрками через посредство согдийцев и в согдийском языковом оформлении» (там же, с. 112). — *tawqač*, *tawqač*, *tabqač* < кит. *t'о-па* < **t'ak-pat* — название династии Северные Вэй; позднее — Китай (Gabain. *Alt-türk. Gr.*, S. 368). См. еще: B a z i n L. *Recherches sur les parles T'о-па*. — T'oung Pao, Paris, 1950, t. 39, № 4—5, p. 228—329; Л и г е т и Л. Табгачский язык — диалект сяньбийского. — НАА, 1969, № 1, с. 107—117; L i g e t i L. *Le Tabghatsh, en dialecte de la langue Sien-pi*. — In: *Mongolian*

На все эти вопросы — по причине отсутствия необходимого фактического материала — ответить невозможно.

Из современных языков наиболее близким к древнетюркскому, по мнению А. Габен, является восточнотюркский язык; многие детали указывают на близость его к диалекту Яркенда, другие же — к диалектам таранчей, жителей долины р. Или, т. е. имеется в виду современный уйгурский (новоуйгурский) язык и его диалекты, формирование которого «явилось результатом взаимодействия западных и восточных тюркских языков, с одной стороны, и языков древних аборигенов Средней Азии — ирано-язычных племен, с другой».²⁷ Это утверждение известного специалиста по уйгурскому языку в некоторой степени противоречит утверждению А. Габен.

Диалектные различия, по определению А. Габен, сводятся к следующему. j-диалект²⁸ представлен главным образом буддийскими, позднеманихейскими рукописями и писанными брахмиписьмом; ему противостоит ѓ-диалект: ajiγ — añiγ 'дурной' 'плохой', старая форма añjiγ. В последнем случае речь идет о смягченном ѓ (назализованный j-j̃), который в древнеуйгурском языке и рунических памятниках представлен звуком n, а в поздних манихейских, буддийских текстах — звуком j: añjiγ — añiγ — ajiγ 'дурной', 'плохой'; c̃iγañ — c̃iγan — c̃iγaj 'бедный'.²⁹

ѓ-диалект представлен многочисленными рукописями манихейского содержания. Соединительные гласные и гласные не-первых слогов j-диалекта i, i в ѓ-диалекте заменяются через а, ä; ѓ-диалект характерен для языка огузов, аргу, чигилей; j-диалект представлен уйгурским языком;³⁰ под последним, по-видимому, имеется в виду язык карлуков, основного племенного объединения в государстве Караханидов.

Особенности ѓ-диалекта: инструментальный п. -an (также -un); прошедшее категорическое вр. -t + am;³¹ афф. принадлежности 1,

Studies. Budapest, 1970, p. 265—308; Clauson. Etymolog. Dict., p. 438. — По Прицаку, «Tonγa-č ~ Tamγa-č, Tabγa-č, Tafγa-č usw. vom Totemtier Tonγa; -č — das Kollektivsuffix» (P r i t s a k O. 1) Von den Karluk zu den Karachaniden. — ZDMG, 1951, 101. Bd, S. 289, 292, 297; 2) Die Karachaniden. — Der Islam, 1955, 31/1. Bd, S. 20); это предположение о происхождении слова tabγač не согласуется с реальными историческими фактами (см. выше). О характерных признаках языка табгачей см.: Щ е р б а к А. М. Работы Дж. Клосона по алтаистике. — НАА, 1963, № 3, с. 151.

²⁷ К а й д а р о в А. Т. Развитие современного уйгурского литературного языка, I. Алма-Ата, 1969, с. 56.

²⁸ В соответствии с принятой в этой работе системой буквенного обозначения у=j.

²⁹ Подробнее см.: На д е л я е в В. М. Чтение орхоно-енисейского знака **З** и этимология имени Тонькука. — В кн.: Тюркологические исследования. М.—Л., 1963, с. 212; Ряснен. Фонетика, с. 177—181.

³⁰ G a b a i n A. v. Alttürkisches Schrifttum. — SBAW, Phil.-hist. Kl., 1950, N III, S. 21, 22.

³¹ Махмуд Кашгарский утверждал: «Тюрки говорят bardīm — это по правилу; огузы и другие (племена) говорят bardam — это не по правилу;

2 л. мн. ч. -amaz, -aṣaz; винительный п. -aṣ; повелительно-желательное накл. -aṣ, -alam; деепричастие -ar; отыменное прилагательное -laṣ. Ср. еще отдельные слова: aṣiz ~ aṣaz 'рот'; jalın ~ jalaṣ 'голый'; balıq ~ balaq 'рыба'.³²

§ 19. Д. Синор в развитии и дополнение классификации древнетюркских диалектов, впервые сформулированной А. Габен еще в 1938 г.,³³ предложил следующую схему разграничения древнетюркских диалектов Восточного Туркестана:³⁴

+ ṅ (Праорхонский язык)

Турфанско-тюркский яз. (Диалект aṣıṣ)	Орхонский яз. Язык Шине-усу Манихейские тексты (Диалект anıṣ)	Уйгурский яз. anıṣ
--	--	-----------------------

Смешанный язык после 870 г.

(т. е. после прихода уйгуров в Турфан; главным образом турфанско-тюркский яз.)

Народ, пользовавшийся диалектом anıṣ, замечает Д. Синор, принадлежал к западным тюркам, которые исповедовали манихейство до уйгуров и были независимы от них. На диалекте aṣıṣ говорили уйгуры.

Аблатив anıṣ-диалекта имел форму не только на -ta, -da, как полагает А. Габен, но и на -tan, -dan. Большая часть манихейских текстов была написана на anıṣ-диалекте, тогда как орхонские надписи и два исторических источника об уйгурах — надписи из Карабалгасуна и Шине-усу — имеют звук ṅ.

§ 20. О. Прицак под термином «Das Alttürkische» объединил язык доисламских письменных памятников Центральной и Средней Азии, написанных разными системами письма; конечной временной границей для этих памятников он устанавливает середину XI в.³⁵

Древнетюркский язык, по его мнению, являлся своеобразным «степным койне», он состоял из нескольких диалектов, представлявших собою ответвление двух языков.

аргу говорят bardum, keldüm — это совсем не по правилу» (МК—БА, III, 19—140). — В уйгурских диалектах Синьцзяна bādam 'я пошел', boldaq 'мы стали (кем-то)' (Т е н и ш е в Э. Р. О диалектах уйгурского языка Синьцзяна. — В кн.: Тюркологические исследования, с. 146).

³² См. еще: Ряснян. Фонетика, с. 86—87.

³³ G a b a i n A. v. Briefe der uigurischen Hüen-tsang-Biographie. — SBAW, 1938, 29. Bd, S. 371—415.

³⁴ S i n o r D. On Turkish Buddhism in Central Asia. — KCsA, 1939, 1. Ergänzungsband, 5. Heft, p. 394; Щ е р б а к А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII в. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, с. 21—22.

³⁵ Pritsak. Das Alttürkische, S. 27.

1. Тюркютский язык — язык государства T'u-chüe (<*Türküt), время существования которого определяется, по китайским источникам, 552—740 гг., что совпадает с последним периодом существования этой империи; примерно с 690 по 740 г. этот язык был распространен в Монголии, а затем — в течение VIII—IX вв. — в Восточном Туркестане.

Главные памятники «тюркютского» языка: Онгинский, Кюльтегин, Могилян-хан, Тоньюкук, «Ырк битиг» и некоторые другие.

2. Уйгурский язык — язык Уйгурского государства в Монголии (744—840) — представлен рунической надписью Эльэтмишкагана (746—759), написанной под сильным влиянием «тюркютского» языка, а также памятниками уйгурского письма и других графических систем.

Памятники других древнетюркских языков: рунические надписи из бассейна р. Енисея, Тувы и Таласа, манихейские тексты (уйгурским письмом) из Восточного Туркестана и буддийские тексты из Турфана.

О. Прицак, как указано выше, выделил два древнетюркских диалекта (которые я склонен называть языками): т ю р к ю т с к и й (т. е. язык ТРП) и у й г у р с к и й. Они по фонетическим признакам делятся следующим образом.

А. *ǰ*-диалект: а) тюркютский; б) *n*-диалект; в) брахми-диалект; В. *j*-диалект: а) уйгурский; б) брахми-диалект.

Особенности *ǰ*-диалекта.

1) **ǰ* > *ǰ* ~ *n*: тюркют. *aǰaγ* 'плохой' ~ *n*-диалект *anǰ* id.

2) Соединительный гласный *ə* > *a*: тюркют. *kältəməz* 'мы пришли' > *n*-диалект *kältämāz* id.

3) В некоторых аффиксах (например, афф. вин. п.) *i* > *a*: тюркют. *qatun-aγ* 'госпожу' (вин. п.).

Особенности *j*-диалекта.

1) **ǰ* > *j*: уйгур., брахми *aǰǰ* 'дурной'.

2) Соединительный гласный *-i* подчиняется закону губной гармонии гласных: уйгур. *käl-timiz* 'мы пришли'; *kör-düm* 'я видел'.

3) *i* в афф. винительного (и в других аффиксах) сохраняется: уйгур. *aǰǰ-iγ* 'дурного'.

В брахми-диалекте используются различные соединительные гласные, которые частично совпадают с *n*-диалектом. Особенностью этого диалекта является наличие в не-первом слове гласных *o/ö*: *поп-оγ* 'закон' (вин. п.).

Морфологические особенности тюркютского и уйгурского диалектов проявляются наиболее ясно в следующих случаях.

Т ю р к ю т с к и й

У й г у р с к и й

1) Различные аффиксы коллективности	Афф. <i>-laγ</i>
2) Род. п. <i>-oγ</i> ~ <i>-oγ</i>	<i>-oγ</i> ~ <i>-oγ</i>
3) Вин. п. <i>-aγ</i>	<i>-iγ</i> ~ <i>-ni</i>

4) Местн.-исх. п. -da (~ -dan)	Местн. п. -da; исх. п. -dīn
5) Афф. принадлежности 2 л. -°γ ~ -°η	-°η
6) Дееп. -°р, -°ран	-°р
7) Прич. прош. вр. -mīš/-maduq	-juq/-majuq ~ (-mīš, -maduq)
8) Nomen actoris -°γma	-°γlī
9) Прич. долженств. -s°q	-γu(luq)
10) Буд. вр. -dačī	-γaj
11) Проп. категор. вр. 2 л. -d°γ, -d°γ°z	-d°η, -d°η°z
12) Модальные слова ärkli, kük(ü)	ärkän, ärki
13) Союзное слово ulaju	ulatī
14) Отсутствие показателя мн. ч. при Verba finita	Наличие показателя мн. ч. при Verba finita

Все рунические памятники находятся под большим или меньшим влиянием тюркютской морфологии, в то время как остальные памятники подчиняются правилам уйгурской морфологии.

В синтаксисе О. Прицак устанавливает наличие двух разновидностей — язык рунических надписей (Монголия) и язык рукописей (Туркестан), последний здесь обозначается как «уйгурский» (подробнее см.: Pritsak. Das Alttürkische, S. 30—31).

§ 21. Предложенное А. Габен и О. Прицаком деление древнетюркского языка следует дополнить делением по очень важному признаку, проходящему красной линией по всей истории тюркских языков и являющемуся характерным классификационным признаком, который проявляется в чередовании узких и широких, передних и задних гласных в корнях-основах; это впервые обстоятельно описано В. В. Радловым: ³⁶ al ~ il ~ il 'перед', ana ~ enä 'мать', e(r) ~ i(r) 'быть', aq ~ iq- 'течь', te ~ ti- 'говорить', bič ~ piči- 'резать' — bičaq 'нож', bučuq 'половина', taš//daš ~ tiš//diš 'внешняя часть', jaŋī ~ jeni 'новый' и мн. др.³⁷

Чередование узких и широких гласных в корнях-основах явилось основанием для возникновения подобного же явления и в аффиксальных морфемах: за широкими гласными корня-основы следовали аффиксы с широкими гласными, за узкими — аффиксы с узкими гласными, т. е. осуществлялось полное уподобление по качественной характеристике гласного корня, что сохранилось поныне лишь в отдельных тюркских языках (например, в киргизском, якутском).

Позднее, в результате сложнейших этногенетических процессов, вызвавших смешение различных тюркских племен, эти два исторически основных тюркских языковых объединения образо-

³⁶ Radloff. Phonetik, S. 84—91.

³⁷ См. еще: Рясянен. Фонетика, с. 52—58; Щербак. Ср. фонетика, с. 143—158.

вали современные смешанные тюркские языки, которые часто пользуются аффиксами с обеими огласовками.

§ 22. Сказанное позволяет в основу исторической классификации тюркских языков ввести важный элемент: характер огласовки аффиксальных морфем.

По этому признаку прототюркское состояние было представлено двумя разновидностями:

a(ä, o, ö)-язык;

i(i, u, ü)-язык.

Характерными представителями а-языка являются тюркюты (основным ядром которых были огузы), аргу, кыпчаки, чигили и современные чуваша и якуты (отчасти); представители i-языка — древнеуйгурский язык и подавляющее большинство современных тюркских языков.

В современных тюркских языках эти два признака обнаруживаются в одном и том же языке, что явилось результатом сложного исторического взаимодействия носителей этих двух классификационных признаков, выразившегося в довольно частых объединениях и разъединениях тюркских племен.

Наиболее четко различие между а-языком и i-языком может быть представлено следующим образом.

а - язык

i - язык

Аффиксы падежей

Вин. п. -a³⁸

-i

-a ~ -na³⁹

-i ~ -ni

Исх. п. -dan

-din

Направ. п. -га

-gi

Род. п. -än, -nän⁴⁰

-in(-in) ~ -niñ (-nin)

Множественное число

-lar

-liḡ⁴¹

Аффиксы сказуемости

1 л. ед. ч. -am

-im

(азерб. almiš-am, alir-am)

(турец. almiš-im, alir-im)

Ср. аффиксы сказуемости чувашского языка, в которых «соединительный» гласный выступает как ä, ё.

³⁸ Варианты согласных по глухости/звонкости, гласных по губности/нёбности рассматриваются как сами собой разумеющиеся.

³⁹ Щербак. Очерки, с. 37.

⁴⁰ Чувашский язык.

⁴¹ «В кумандинском диалекте... аффикс -лар/-лер имеет варианты с узким гласным -лыр/-лур, -дыр/-дур...» (Баскаков Н. А. Особенности словообразования имен в кумандинском диалекте. — Зап. Горно-Алтайского НИИЯЛ. 1964, вып. 6, с. 59).

Аффиксы принадлежности

1 и 2 л. ед. ч. -am, -aŋ (qol-am 'моя рука', qol-aŋ 'твоя рука')	-im, -iŋ (qol-im id., qol-uŋ id.)
3 л. ед. ч. -a, -ta (якут. ata 'его конь', aŋata 'его отец')	-i, -sī (at-i, aqa-sī)

Аффиксы причастия будущего времени

-γa(j)	-γu(j)
-γan, -qan	-γin, -qin
-γar, -qar	-γir-, -qir-

Аффиксы деепричастия

-a	-i
-ap	-ip
-an (якут.)	-(j)in

Аффиксы учащательной формы глагола

-a, -a	-i, i, -u, -ü
-qala	-qila

Аффиксы прошедшего категорического времени

1 л. ед. ч. -tam, -dam (bar-dam 'я пришел')	-tim, dīm (bar-dīm/-dum id.)
1 л. мн. ч. -tamaz, damaz	-timiz, -dīmiz

Ср. еще уйгур. (диалекты) -doq, -dök: qal-doq/-duq.⁴²

Аффиксы отыменного образования глаголов

-la	-li
(tum-la- 'охлаждаться')	(tom-li- id.) ⁴³

Аффиксы собирательности

-laq	-liq (-lij)
------	-------------

Аффиксы абессива-приватива

-sar (чуваш.)	-süz
---------------	------

Аффиксы отыменных прилагательных

-la(γ)	-liγ
(körk-lä 'красивый')	(körk-lü(g) id.)

⁴² К а й д а р о в А. Т. Развитие современного уйгурского литературного языка, с. 185.

⁴³ Севортян. Афф. глаголообразования, с. 35—36.

К числу аффиксов с параллельной огласовкой (широкий ~ узкий), нередко используемых в современных тюркских языках, относятся глаголообразующие аффиксы -ar ~ -ir, -al ~ -il, -qalu ~ -qilu, -ša ~ -ši; залоговые аффиксы -aš ~ -iš, -at ~ -it, -qar ~ -qir, -qaz ~ -qiz, -dar ~ -dir и др.; деепричастные аффиксы -qanča ~ -qinča и др.; уменьшительно-ласкательные аффиксы -čaŋ ~ -čir, -čir ~ -čiriz и др.⁴⁴

Список параллельных по огласовке слов и форм может быть продолжен, например, включением форм типа -ŋalaŋ ~ -ŋuluŋ, -taŋ ~ -tir, -ŋadaŋ ~ -ŋadir, -sa ~ -sir⁴⁵ и др.

В памятниках письменности брахми, в якутском и киргизском языках, в тюркских языках Алтая, в отдельных случаях в саларском, сарыг-югурском языках и анатолийских диалектах турецкого языка зарегистрировано изменение а > о, ä > ö: tolo 'полный', oloror 'сидит', odon 'дрова', ököz 'бык' (Рясянен. Фонетика, с. 89—91).

§ 23. Язык ТРП, как сказано выше, представляет собой сочетание основных морфологических элементов огузской и уйгурской групп тюркских языков. Задолго до 745 г., т. е. до завоевания уйгурами Восточного каганата, последние оказывали значительное культурное воздействие на его коренной состав, т. е. на тюркютов, основным этническим элементом которых были огузы.

Объединения племен, известные под названием огузы (по Прицаку, тюркюты) и под названием уйгуры,⁴⁶ с точки зрения классификации тюркских языков принадлежат к разным группам: огузы (и кыпчаки) являются носителями j-языка (aŋaŋ 'нога', qoj- 'класть'), уйгуры — d-языка (adaŋ, qod-), киргизы — z-языка (azaŋ, qoz-). Кроме того, языки огузов и уйгуров значительно отличаются друг от друга и по морфологическим показателям (подробнее см. с. 35). Тем не менее язык ТРП представляет собою некое единство и является продуктом длительного функционирования этого гибрида в качестве наддиалектного литературного стандарта, допускающего в отдельных случаях фонетико-морфологические вариации, свойственные двум названным выше языкам;⁴⁷ к ним относятся фонетические явления, не зависящие от позиционных или фонетических

⁴⁴ Там же, с. 36—37.

⁴⁵ Там же, с. 295.

⁴⁶ Об этимологии этих этнонимов см.: К о н о н о в. Родословная туркмен. — М.—Л., 1958, с. 82—85, прим. 31, 35. — Об этнониме уйгур см. еще: H a m i l t o n J. Toquz-oguz et on-uygur. — JA, t. 250, 1962, p. 23—63; C l a u s o n s i r G. The name Uyghur. — JRAS, 1963, № 3—4, p. 140—149; П е т р о в К. И. Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе, 1963, с. 70—71.

⁴⁷ См.: Т е н и ш е в Э. Р. 1) Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских памятниках. — СТ, 1976, № 1, с. 27—33; 2) Язык древне- и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте. — ВЯ, 1979, № 2, с. 80—90.

условий: параллельное употребление $i \sim e$; $s \sim \dot{s}$, $\dot{s} \sim s$; $lt \sim ld$, $rt \sim rd$, $nt \sim nd$, $nk \sim ng$; $b \sim m$.⁴⁸

§ 24. Многих тюркологов занимала проблема — в какой степени тогдашние территориальные диалекты нашли свое отражение в рунических памятниках?

Тюркские племена, входившие в состав Восточного и Западного каганатов (VI—VIII вв.), а также тюркоязычные племена, расселившиеся в Южной Сибири и Средней Азии в VIII—IX вв., представляли собою зыбкие военно-политические объединения, которые так же быстро складывались, как и скоротечно распадались.

При подобных исторических условиях существования носителей тюркских языков не могло быть и речи о едином разговорном древнетюркском языке. На основании приведенных выше (с. 24) фонетико-морфологических данных, содержащихся в текстах ТРП, следует говорить о достаточно четком разграничении двух древнейших тюркских языков — огузского (тюркютского) и уйгурского.

Основой языка ТРП, его определяющим фонетико-морфологическим признаком выступает огузский (тюркютский) субстрат, на который легким напластованием были наложены уйгурские элементы, выраженные в отдельных морфологических показателях.

Поскольку, как было сказано выше, характерным признаком огузского (тюркютского) языка является наличие в аффиксах ш и р о к и х гласных, то, следовательно, при транскрипции ТРП (во всяком случае для всех орхонских памятников!) необходимо его строго учитывать, как это и делают О. Прицак и Г. Дёрфер.

Однако ввиду того, что трудно с полной определенностью установить, какие из ТРП полностью сохраняли огласовку широкими гласными и какие из них были огласованы узкими гласными, мы вынуждены принять т р а д и ц и о н н у ю транскрипцию ТРП.

§ 25. Для целей грамматического исследования некоторые различия в морфологическом строе памятников — факт не отрицательный, а скорее положительный, так как неустойчивость морфологии отражает истинную картину состояния древнетюркского письменного — литературного языка, зависевшего в VII—IX вв. во многом от диалектальных воздействий, которым легко подвергаются письменно-литературные формы языков с неустойчившей нормой.

Даже два таких одновременно созданных памятника, как монумент в честь Кюль-тегина и надпись Тоньюкука, с полной очевидностью свидетельствуют о том, что авторы этих блестящих исторических хроник являлись носителями двух древнетюркских диалектов: первый из них, принц Йолуг-тегин, принадлежал к гос-

⁴⁸ Подробнее см.: Б а т м а н о в И. А. 1) Некоторые особенности языка памятников орхон-енисейской письменности и их отражение в современных тюркских языках. — В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков, т. III. Баку, 1963, с. 118—123; 2) Енисейка, с. 45—50.

подствующему племени ашина, языком которого был огузско-уйгурский тип; второй, Тоньюкук, представлял племя ашиде, говорившее, по-видимому, на языке чисто огузского (тюркютского) типа.

§ 26. Подводя итоги этой своеобразной дискуссии о характере языка тюркских рунических памятников, следует отметить, что графемы енисейских, орхонских, среднеазиатских надписей заметно отличаются друг от друга, но различие в графике не сопровождается сколько-нибудь значительным различием в фонетико-грамматическом строе памятников,⁴⁹ а потому в интересах более обстоятельного освещения грамматики тюркских рунических памятников следует использовать фактический материал в с е х (или почти всех) ТРП, без разделения на древнетюркские и древнеуйгурские (рунической письменности), непременно отмечая, однако, их различия в тех случаях, когда это можно установить.

⁴⁹ Так называемые «чагатайские» памятники в части словаря и особенно грамматики являют более сложную картину, чем ТРП.

VI

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ФОНЕТИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ТРП

§ 27. Пионерами изучения лексики и фонетико-грамматического строя ТРП являются В. В. Радлов, В. Томсен, Г. Вамбери, П. М. Мелиоранский, В. Банг.

Объяснение всех известных в ту пору знаков орхоно-енисейского письма и в связи с этим изучение основ фонетики ТРП впервые было выполнено В. Томсеном в труде «Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées» (MSFOu, 5, 1896). Отдельные вопросы фонетики и грамматики рассматривались в его двух других трудах — «Turcica» (1916) и «Alttürkische Inschriften aus der Mongolei» (ZDMG, 1924, 78. Bd, S. 121—175).

Фонетика и грамматика ТРП в систематическом изложении впервые были представлены В. В. Радловым в его широко известном труде «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge» (СПб., 1897), которому предшествовал первый опыт краткого грамматического очерка известных в ту пору рунических надписей — «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei», III (СПб., 1895, S. 388—422).

Г. Вамбери (H. Vámbéry, 1831/32—1913), предложивший гипотезу о происхождении рунического письма из тамг¹ (до него об этом писали акад. А. А. Шифнер и другие),² посвятил фонетико-грамматическому истолкованию ТРП специальную работу «Noten zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei und Sibirien» (MSFOu, 12, 1898), в которой значительное место уделено морфологии.

П. М. Мелиоранский в своей магистерской диссертации «Памятник в честь Кюль-тегина» (1899) предложил новое историко-филологическое объяснение целого ряда трудных мест этой надписи; его грамматические замечания по тексту надписи представляют исключительный интерес и стали новым — не потерявшим своего

¹ V á m b é r y H. Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig, 1885, S. 34—36.

² Подробнее об этом см.: Бернштам, с. 14.

значения и поныне — словом в фонетико-морфологическом истолковании этого памятника.

К уточнению переводов и объяснению отдельных мест ТРП много усилий приложил В. Банг (W. Bang, 1869—1934),³ в ранних статьях которого, по заключению П. М. Мелиоранского, «есть две-три ценные догадки, и в общем они несколько продвинули вперед истолкование надписей, хотя, с другой стороны, напрасно затемнили некоторые хорошо переведенные В. Томсеном места; что же касается до столь ценных, по мнению В. Банга, монголо-маньчжурских этимологических параллелей, то, признаемся, по нашему мнению, они положительно не дают ничего нового для истолкования надписей, не говоря уже о том, что в значительной части и вообще-то кажутся нам весьма рискованными».⁴ Последняя по времени работа В. Банга «Turcica» также посвящена уточнению перевода и толкованию некоторых слов и отдельных предложений, преимущественно тех, которые были рассмотрены В. Томсеном в его труде «Turcica».

Исследование В. В. Радлова «Древнетюркские надписи Монголии. Новое издание» (СПб., 1897; см. выше), в котором обобщались результаты, добытые предварительным изучением фонетико-грамматического строя ТРП, состоит из следующих четырех разделов:

- I. Грамматический очерк древнетюркского языка (с. 1—129);
- II. Текст и перевод древнетюркской надписи из Кошо-Цайдама (с. 130—157);⁵
- III. Исправления и дополнения к другим надписям (с. 157—158);
- IV. Глоссарий к древнетюркским надписям Монголии.

Грамматический очерк состоит из глав:

- I. Фонетика древнетюркского языка (с. 1—44);
- II. О морфологии древнетюркского языка (с. 45—97);
- III. О синтаксисе древнетюркского языка (с. 98—129) (подробнее см. § 393 сл.).

§ 28. В предисловии к упомянутому труду В. В. Радлов (с. III, сн. 1) считал необходимым высказаться по поводу термина, обозначающего предмет исследования: *Alt türkische Inschriften der Mongolei*. «Термин *Alt türkisch* можно применять, — писал В. В. Радлов, — также в ряде других случаев: *Altost türkisch* — древне-восточный тюркский язык («Кутадгу билиг»), *Altwest türkisch* — древне-западный тюркский язык («Кодекс команикус»), *Altsüdtürkisch* — древне-южный тюркский язык («Сельджукские стихи») или просто *Alt türkisch* — древнетюркский («Юсуф и Зулейха»). Язык ТРП, по мнению В. В. Радлова, следует называть

³ Список его статей, посвященных ТРП, см.: Самойлович. Материалы, с. 58—59; Gabain. *Alttür. Gr.*, S. 226—228.

⁴ Мелиоранский. КТ, с. 13.

⁵ Русский перевод, выполненный П. М. Мелиоранским, см.: Сборник трудов Орхонской экспедиции, IV. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. СПб., 1897.

по месту их нахождения — Alttürkisch der Mongolei, а народ — Alttürken der Mongolei (там же).

В. Томсен предпочитал пользоваться пространным термином: *L'inscriptions runiques turques*.⁶

§ 29. В. В. Радлов (там же), а также присоединившиеся к нему В. Томсен⁷ и П. М. Мелиоранский⁸ решительно возражали против термина *Kök-Türkisch*, предложенного В. Бангом и сохраняющегося и поныне в большинстве немецких работ для обозначения языка ТРП. Основанием для этого термина послужило то обстоятельство, что тюрки, обитавшие в Отукенской земле (один из лесных районов Восточного Хангая), в эпоху Могилян-хана носили название *kök türk*. Однако слово *kök* в тюркской географической терминологии имеет значение 'восток', 'восточный', а потому словосочетание *kök türk* значит 'восточные тюрки': так назывались тюрки Восточного каганата.⁹

В трудах французских и турецких ученых до сих пор отдается предпочтение термину *Kök ~ Gök türk*.¹⁰

Термин *Kök (~Gök) türk (~türük)* в некоторых французских работах используется в дословном переводе: *Les Turcs célestes*;¹¹ ср. еще: *Kök türk = Turchi celesti*.¹²

Предложение В. Банга, хотя и получило довольно широкое распространение, было принято далеко не всеми тюркологами; поиски точного определения языка тюркских рунических памятников продолжаются.

А. Габен свою работу по описанию грамматического строя языка рунических надписей, рукописей и ксилографов доисламских тюрков Средней Азии назвала «*Alttürkische Grammatik*».

В статье «Древнетюркский язык» О. Прицак¹³ предмет исследования определяет так: под «древнетюркским языком» понимается язык памятников Центральной и Средней Азии, представленных

⁶ Thomsen. *Turcica*, p. 3.

⁷ Там же, p. 20, n. 1.

⁸ Мелиоранский. КТ, с. 13, сн. 1.

⁹ G a b a i n A. v. Die alttürkische Literatur. — PhTF, II, 241; К о н о в А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках. — В кн.: Тюркологический сборник, 1975. М., 1978, с. 173. — По мнению Ф. И. Фасеева, «*Kök türk* представляет собой древнетюркское выражение, которое означало простых (коренных) тюрков-степняков, кочевавших со своим стадом в зависимости от обилия трав и воды» (Кто они, так называемые «Голубые тюрки»? — В кн.: Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978, с. 145). С этим предположением решительно нельзя согласиться.

¹⁰ См.: B a z i n L. La littérature épigraphique turque ancienne (PhTF, II, 201): *Epoque Kök-Türk (avant 744)*. Ср.: Hamilton. *Les ouïghours*, p. 94—100; Orkun, I, 5; C a f e r o ğ l u A. Türk dili tarihi, I. Istanbul, 1970, s. 103—148; K a r a m a n o ğ l u A. Türk dili. Istanbul, 1972, s. 32—37; K u r a t A. N. *Gök Türk Kağanlığı*. — DTCFD, 1952, II, N 1—2, s. 2—6.

¹¹ Giraud. *L'empire*, p. 15.

¹² B o m b a c i A. La letteratura turca. Milano, 1969, p. 21; Г у м и л е в Л. Н. Древние тюрки. М., 1967 («Голубые тюрки», с. 329 сл.); ср.: Бернштам, с. 85.

¹³ Pritsak. *Das Alttürkische*, S. 27—52.

различными системами письма. В качестве конечной временной границы принимается середина XI в.: с одной стороны, в это время на востоке не принадлежащие к алтайским народам тангуты завоевывают уйгурское государство в Ганьсу (1031 г.); с другой стороны, на западе (Туркестан) утверждается исламский литературный язык Караханидского государства («Кутадгу билиг», 1069 г.). «Древнетюркский язык» представляет собою своего рода «степное койне» (eine Art «Steppen-Koine»), содержащее определенное количество диалектальных форм, что позволяет выделить два древнетюркских языка: тюркютский и уйгурский (см. § 20).

Т. Текин, автор одного из лучших описаний фонетико-грамматического строя орхонских рунических памятников, использует термин *Orkhon Turkic* — орхонско-тюркский язык (диалект) (the old Turkic dialect), на котором говорили тюрки — *t'u-küe* (точнее, туцкюе), как их называли китайцы, — главным образом в Монголии в первой половине VIII в. Этот язык был официальным языком второй Восточнотюркской империи (ок. 680—740 гг.) и, конечно, естественным продолжением древнетюркского языка, на котором ранее говорил тот же самый народ в том же самом регионе.¹⁴

§ 30. В русских работах предпочтение отдается терминам «орхоно-енисейские памятники» и, следовательно, «язык орхоно-енисейских памятников». Используются также термины «язык памятников древнетюркской рунической письменности»,¹⁵ «древнеогузский язык, или тюркский язык енисейско-орхонских надписей». ¹⁶ Термин «древнеогузский язык»,¹⁷ точно обозначающий положение языка орхоно-енисейских надписей среди других памятников тюркской (в том числе и древнеуйгурской) письменности, встречает возражения: «Термин *Ancient Oguz*, — пишет Т. Текин, — не может быть применен к *Orkhon Turkic*, так как огузы и токуз-огузы ¹⁸ были далеко не единственной этнической группой, входившей в Восточнотюркскую конфедерацию, о которой мы знаем из надписей. Таким образом, предпочтительно называть официальный диалект (!) второй Восточнотюркской империи термином *Orkhon Turkic*».¹⁹

Предложенный Т. Текином термин «орхонско-тюркский язык» нельзя признать удовлетворительным, так как он охватывает

¹⁴ Tekin. Grammar, p. 7.

¹⁵ Малов. ПДТП, с. 7.

¹⁶ Баскаков. Введение, с. 318.

¹⁷ Кондратьев В. Г. Об отношении языка памятников орхоно-енисейской письменности к языку древнеуйгурских памятников. — СТ, 1973, № 3, с. 27.

¹⁸ «В сохранившихся в Монголии надписях слова *огуз* и *токуз-огуз* употребляются в одном и том же значении; по терминологии арабских географов, огузы и токуз-огузы были различными народами и жили в разных местностях. . .» (Бартольд. Соч., т. II, ч. 1. 1963, с. 554).

¹⁹ Tekin. Grammar, p. 9.

только одну — правда, самую значительную — часть памятников, обнаруженных в бассейне р. Орхон.

Огузы и токуз-огузы были не единственным этническим образованием, составлявшим объединения племен второго Восточно-тюркского каганата, они (огузы и токуз-огузы) были господствующим элементом, ядром, вокруг которого сплотились другие племена.

Енисейская группа ТРП по языку и графике несколько отличается от орхонской группы памятников; по своим, главным образом, морфологическим признакам енисейские памятники ближе к современным тувинскому, киргизскому, хакасскому, шорскому и алтайскому языкам.²⁰

§ 31. В практике западноевропейских и американских тюркологов язык рунических памятников обозначался следующими терминами: *Vieux Turk ~Turc, Old Turkic, Turc runique, Runic Turkic, Vieux Turc de l'Orkhon, Old Orkhon-Turkic* и некоторыми другими. В последнее время предпочтение отдается терминам *Orkhon Turkic, Old Turkic, Old Turkish, Alttürkisch, реже Türkütisch*.

В этой книге исследуемый лингвистический материал мы будем называть по специфическому характеру графики — «язык тюркских р у н и ч е с к и х памятников»; это наименование наиболее полно и недвусмысленно обозначает объект исследования и поддерживает мнение о том, что все памятники рунического письма более или менее едины по своему фонетико-грамматическому строю.

§ 32. Следует остановиться на транскрипции основного этнонима, который в современной специальной литературе встречается в четырех начертаниях: *türk, türük, türkü, türküt*.

В памятниках Кюль-тегину и Могилян-хану этот этноним пишется **ᠲᠦᠷᠦᠭ**, в надписи Моюн-чуру (Байан-чору) — **ᠲᠦᠷᠦᠭ**, что можно предположительно читать как **türük* или, как предлагал Дж. Клосон, **türkü*;²¹ в надписи Тоньюкука, на Онгинской стеле и на памятнике Кули-чуру — **ᠲᠦᠷᠦᠭ**, т. е. **türék* или **türk*.

Китайскую транскрипцию этого этнонима П. Пельо восстановил в виде *t'uət-kiwət* = **türküt*²² (ее приняли О. Прицак и Л. Н. Гумилев),²³ а Е. Д. Поливанов — как *mǝpklär*.²⁴ Э. Г. Пуллебленк опровергает возможность чтения и транскрибирования китайского

²⁰ Батманов и др. Енисейка, с. 3.

²¹ «... the original form of the name was not *Türk*, but *Türkü*, as is shown by the inscriptions of the *Türkü* dynasty and contemporary Chinese, Tibetan, Khotanese and other records». См.: Clauson G. 1) A note on Qarqan. — JRAS, 1956, N 1—2, p. 76; 2) The concept of «Strength» in Turkish. — In: Németh Armağanı. Ankara, 1962, p. 99—101; 3) Turkish and Mongolian studies. London, 1962, p. 84—89. — Возражения против чтения *türkü* см.: Eren H. (*Türk Dili*, 1953, N 21, s. 592—593); см. еще: Doerfer, II, S. 493.

²² Подробнее см.: Кляшторный, с. 18—19.

²³ Pritsak O. 1) Stammesnamen und Titulaturen der altaischen Völker. — UAJ, 1952, 24. Bd, N 1—2; 2) Das Alttürkische, S. 27; Гумилев Л. Н. Древние тюрки, с. 22, 24.

²⁴ Поливанов Е. Д. «Ту-кюэ» китайской транскрипции — турецкое *türklär*. — ИАН, 1927. Сер. VI, т. 21, № 7—8, с. 691—698.

названия тюрков туцзюе как *türküt* и восстанавливает чтение *türk*.²⁵

Р. Груссе,²⁶ поддерживая предположение П. Пельо, приходит к следующему выводу: „«Китайская транскрипция *t'ou-küe* восходит к монгольскому множественному числу *türk-üt* (от единственного числа *türkün* (!), см. с. 51, — А. К.); китайцы познакомились с тюрками через посредство жужаней (жуань-жуаней), которые были монголами. Следует вспомнить, что еще И. Маркварт допускал фонетическое тождество *t'ou-küe=türküt*». Едва ли можно утверждать, — пишет далее Ю. Немец, — что эта гипотеза особенно убедительна. Поэтому вполне естественны следующие предположения Я. Харматты.²⁷ «Впервые официально сообщили о тюрках в китайскую имперскую канцелярию согдийские дипломаты, поэтому следует предположить, что название тюрков установилось при китайском дворе в согдийской форме. . . *twrky*. Согдийское множественное число от формы *twrky* могло быть *twrkyt=türkit*, или *türkid*, точно отраженное китайской транскрипцией».²⁸

Предположение Я. Харматты мне представляется убедительным, как основывающееся на признании важной культурно-исторической роли согдийцев, являвшихся связующим звеном между Китаем и тюркскими каганатами.

Однако начертание этого термина-этнонима знаками рунического, уйгурского и арабского письма и его этимология (см. с. 51) подтверждают единственно правильное чтение — *türk*.²⁹

Опираясь на китайскую транскрипцию термина *t'ou-küe*, содержащую два слога (см. выше), Р. Жиро³⁰ (как и некоторые другие) транскрибировал это слово в форме *türük*,³¹ которая известна ряду современных тюркских языков кыпчакской группы;

²⁵ Pulleyblank E. G. The Chinese name for the Turks. — JAOS, 1965, v. 85, № 2, p. 121—125; К л я ш т о р н ы й С. Г., Л и в ш и ц В. А. Согдийская надпись из Бугута. — В кн.: Страны и народы Востока, X. М., 1971, с. 141 (англ. перевод: АОН, 1972, т. XXVI/1, p. 87—88); Clark L. V. Mongol Elements in Old Turkic? — JSFOu, 75, p. 120—121.

²⁶ Grousset R. Histoire de l'Extrême-Orient, I. Paris, 1929, p. 252—253.

²⁷ Harmatta J. Irano-Turcica. — АОН, 1972, т. XXV/1—3, p. 272—273.

²⁸ Немец Ю. К вопросу об аvaraх. — В кн.: Turcologica, с. 298—299.

²⁹ Doerfer, II, 483—484. — Ср. замечание В. Томсена о недопустимости двусложного произношения: *türük* (Мелиоранский. КТ, с. 27, св. 1); см. еще: Radloff. ATIM, NF, S. 11. — Ср., однако: *Kök türük* (Thomsen. Turcica, p. 19—20).

³⁰ Giraud. 1) L'empire; 2) L'inscription.

³¹ «Nous lisons *türük*, bien que le texte ne porte que *türk*, dans tout le début de l'inscription. La bonne graphie est donnée à partir de la ligne 46 et d'une façon constante jusqu'à la fin» (Giraud. L'inscription, p. 66); ср. еще: «For some unknown reason the editors have been unwilling to transcribe in the obvious way and have habitually transcribed in *Türük* sometimes adding that this should be pronounced *Türk*» (Clason G. Turkish and Mongolian studies, p. 84—85).

нет никакого сомнения в том, что форма *türk* возникла как вторичная из *türk*; ср. казах. *alıp* < *alp* 'богатырь'.

«В каком значении в рунических памятниках употребляется слово *türk*?» — задает вопрос Г. Дёрфер (Doerfer, II, S. 484).

Словосочетание *türk bilgä qaγan* (Ktm), которое В. Томсен переводил 'der türkische weise Chan', П. М. Мелиоранский и С. Е. Малов — 'тюркский мудрый каган', по Г. Дёрферу, следует переводить 'der mächtige weise (kluge) Chan' (Doerfer, II, S. 484), так как слово *türk* имело значение 'mächtig', 'kraftvoll', что подтверждается ссылками на соответствующие источники; о моем толковании значения слова *bilgä* см. с. 16—17.

Действительно, слово *türk* имеет значение 'сильный', 'могучий' (ДТС 599), равно как и ряд других; так, например, в «Диване» Махмуда Кашгарского слово *türk* зафиксировано в трех сочетаниях: *türk üzüm ödi* 'время созревания винограда'; *türk kuyaş ödi* 'солнце в зените'; *türk yigit* 'молодой человек, находящийся в расцвете сил' (МК—БА, I, 353; МК—СМ, I, 335); слово *türk* употребляется также и как этноним (also als Nationennamen), замечает Г. Дёрфер. Но наличие указанных выше значений в слове *türk* не может служить бесспорным доказательством того, что они вошли в качестве основных в значение *türk*, по всей вероятности, значение 'сильный', 'могучий' возникло как вторичное производное от первичного значения *türk* — политического термина, обозначавшего первоначально принадлежность к господствующему роду-племени и свидетельствующего о высокородном происхождении его носителя. «Я полагаю, однако, — продолжает Г. Дёрфер, — что это слово в надписях используется главным образом не в значении названия племени. Многие указывает на то, что в своем развитии слово 'mächtig' обозначало как название собственного племени царствующего лица, включая все объединение племен вокруг господствующего дома, так и собственно носителя власти (Machtträger), так сказать, господствующего народа (das Staatsvolk). . . ». А потому предложение из памятника в честь Кюль-тегина (Ktb 22) *türk oγāz bağlāri bodān ešēdēn* не следует, по мнению Г. Дёрфера, переводить 'ihr Türken-Oghusen-Bäge und ihr Untertanenschaft, höret!', так как в таком случае огузы должны были бы иметь два племенных названия. Напротив того, огузы были собственным народом государя (das eigentliche Staatsvolk des Herrschers); следовательно, приведенное выше предложение, по его мнению, следует понимать и переводить так: 'ihr Bäge der Oghusen, die der Machtträger (das Staatsvolk) sind, und ihr Untertanen, höret' (Doerfer, II, S. 485). В. Томсен, П. М. Мелиоранский, С. Е. Малов перевели это предложение так: 'О [вы] тюркские [и?] огузские беки и народ, слушайте!'. Т. Текин (Grammar, p. 267): 'you, Turkish and Oguz lords and peoples hear this!'; см. ниже мнение В. В. Бартольда. Ср. также: «Türgäş хаγан türkēmēz (bodānāmāz ārti) 'der Chan der T. gehörte zu unserem Staatsvolk, zu unseren Untertanen', а перевод 'gehörte zu unseren

‘Türken’ был бы бессмысленным» (Doerfer, II, S. 485); ср. перевод П. М. Мелиоранского и С. Е. Малова: ‘Тюркешский каган был наш же тюрк, [из] нашего же народа’. Т. Текин (Grammar, p. 266): ‘Türgis kagan (and his people) were our Turks and (our people. On account of their foolishness)’.

Г. Дёрфер во всех случаях слово bodän=bodun переводит ‘die Untertanen’, что, конечно, неправильно, так как самого понятия der Untertan ‘подданный’ в то время у орхон-енисейских тюрков не существовало, хотя В. В. Бартольд отмечал, что, судя по данным орхонских надписей, «одним из чрезвычайных обстоятельств, под влиянием которых создавалось государство, могло быть обострение сословной борьбы между богатыми и бедными, между бекками и простым народом. В кочевом обществе имущественные и сословные различия уже достигают таких пределов, что такое обострение вполне возможно». ³² Однако «подданных» — в обычном понимании этого слова — не было.

Вернемся теперь к вопросу, поставленному Г. Дёрфером: «В каком значении в рунических памятниках употребляется слово türk?».

«Надписи, — писал В. В. Бартольд, — не дают ясного ответа на вопрос, какие народы уже в то время назывались турками (тюрками); столь же мало известно, как постепенно распространялось это название на разные народы и как оно приобрело то значение, которое имеет теперь. Хан называет свой собственный народ турками (тюрками) и в то же время огузами или токуз-огузами, хотя в некоторых местах огузы или токуз-огузы называются врагами хана. Еще до открытия ключа к чтению надписей Радлов пришел к выводу, что турки (тюрки) VI—VIII вв. принадлежали к народу огуз, и надписи вполне подтвердили это мнение». ³³ «Те места надписей, где „турки“ (тюрки) и „огузы“ ставятся рядом, грамматически можно толковать и в том смысле, как их толкует Томсен, — в смысле „турки“ (тюрки) и „огузы“. . . Но если в Монголии в VIII в. отдельно от огузов, карлуков и др. были турки (тюрки), то этот народ скоро исчез бесследно; уже арабские географы употребляют слово „турки“ (тюрки) как коллективное название, обнимавшее целый ряд народов, родственных между собой по языку; отдельного народа, который бы назывался просто турками (тюрками), в то время не было. По-видимому, слово „турки“ (тюрки) как политический термин на некоторое время вышло из употребления около 740 г. вместе с падением западно-тюрецкого (тюркского) каганства, последние представители которого были из народности тюркешей; как только в X в. вновь появились в Кашгаре и Баласагуне турецкие (тюркские) каганы, на этот раз мусульманские, они снова стали называть себя и свой народ турками (тюрками). . . Вследствие этого можно признать

³² Бартольд. Соч., т. V, 1968, с. 23.

³³ Там же, с. 39—40.

по меньшей мере вероятным, что слово „турки“ (тюрки) было политическим термином, слово „огузы“ — этнографическим (разрядка моя, — А. К.); на это указывает и такое выражение надписей, как „мои турки (тюрки), мой народ“. Общeturецким (общетюркским) в современном смысле слово „турки“ (тюрки) тогда не было; преемники огузских каганов в Монголии, уйгурские каганы (с 744 г.) себя турками (тюрками), насколько можно судить по надписям, не называли, и китайцы были правы, не распространяя термина „турки“ (тюрки)... ни на уйгуров, ни на киргизов. Огузы, первоначально жившие в северо-восточной Монголии, при своем движении на запад принесли с собой слово „турки“ (тюрки), которое только арабами стало употребляться для обозначения народов определенной лингвистической группы». ³⁴

§ 33. Этимологии термина-этнонима *türk* посвящен целый ряд статей. ³⁵

Следует помнить, что В. В. Бартольд и другие русские ученые настоятельно подчеркивали: слово «тюрки» первоначально было политическим термином, слово «огузы» — этнографическим.

По предположению известного китаевода В. П. Васильева (1818—1900), «самое слово Турк явилось в турецком (тюркском) языке уже как сокращение двух слогов (разрядка моя, — А. К.). Может быть, наименование живших после в главной родине турок (тюрков) Торгоутов — Тургуты ³⁶ — есть только применение династийного имени, данного народу опять китайцами же, потому что сами среднеазиатцы не имели никакого понятия об общеплеменных именах». ³⁷

С. Г. Кляшторный термин *türk* использует в двух значениях: 1) в отношении союза племен, создавших каганат (узкое этническое значение термина); 2) для обозначения племен, покоренных тюрками и инкорпорированных в созданную ими военно-политическую организацию (широкое политическое значение термина). ³⁸

К изложенному в моих ранних работах о составе имени *türk* теперь нужно добавить следующее. Наиболее вероятным прототипом этого имени, как справедливо полагал А. Н. Бернштам, ³⁹ яв-

³⁴ Там же, т. II, ч. 1, 1963, с. 553—554.

³⁵ См.: Кононов А. Н. 1) Опыт анализа термина *türk*. — СЭ, 1949, № 1, с. 40—47; 2) Родословная туркмен. М.—Л., 1958, с. 81, прим. 21; Doerfer, II, 491—494; Благова Г. Ф. Вариантные заимствования *тюрк* ~ *тюрк* и их лексическое обособление в русском языке. — В кн.: Тюркологический сборник, 1972. М., 1973, с. 93—140; Kafes oğlu Y. Tarihte «Türk» adı. — In: R. R. Arat için. Ankara, 1966, s. 306—329; İslâm Ensiklopedisi. 127 cüz. İstanbul, 1976, s. 142—143.

³⁶ Множественное число от *тургун* (!); см. ниже.

³⁷ Васильев В. П. Памятник умершего Кюе-тегина. — В кн.: Сборник трудов Орхонской экспедиции, IV. СПб., 1898, с. 2—3.

³⁸ Кляшторный, с. 19.

³⁹ Бернштам А. Н. Происхождение турок. — Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1935, № 5—6, с. 47—48.

ляется слово *türkün* 'место, где собирается племя', 'родственники', 'отчий дом' (МК—БА, I, 441); *türkün* 'народ', 'племя', 'отчий дом' (МК—СМ, I, 414); ср. киргиз. *tөркүн* 'родители и родня жены' (Юдахин, 759); *törkün* 'отец, родители и все родственники жены', 'дом жены' (РСл. III, 1256); *türgün* 'дом отца, в который возвращается замужняя дочь' (РСл. III, 1563); башкир. *туркен* 'родительский дом'; *türkün* ~ *törkün* 'род', 'племя', 'дом кровных родственников' (ДТС 581); см. еще: *türgün*, *törkün*, *törkin* (Clouston. Etymolog. Dict. 545); ср. монг. *törgün* (мн. ч. *törgüt*) 'родственники по матери или родственники жены' (Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Л., 1934, с. 48).⁴⁰

Исходной основой приведенных слов является глагол *tür* + -ä-, *tür* + -ü- ~ *tör* + -ü- 'появляться', 'нарождаться', 'происходить', 'возникать';⁴¹ ср.: бурят. *түрэхэ*, монг. *төрөх* 'рожать', 'родиться'.

Термином *türk* обозначалась, по-видимому, принадлежность к высокородной семье степной аристократии, составлявшей господствующий род племени ашина.

Что же касается восстановленной формы этого термина в виде *türkit* ~ *türkid* (см. выше), что это могло быть монгольским, а вернее с о г д и й с к и м, множественным числом на -t (d) от основ с конечным -n: *türkün* > *türküt*(d); само *türkün* в результате весьма обычной гаплогогической утраты конечного -ün превратилось в *türk*, которое в некоторых тюркских полногласных языках (кыпчакская группа) перешло в *türük*; таким образом, *türük* — в т о р и ч н а я форма от первичной *türk* < *türkün*.

Предположение же, что *törük* ~ *türük* > *türk*,⁴² совершенно неприемлемо, так как по законам тюркской фонетики и акцентуации *törük* ~ *türük* могло превратиться только в **t^orük* > **trük*.

§ 34. После трудов В. Томсена, В. В. Радлова, П. М. Мелиоранского, Г. Вамбери, В. Банга интерес к руническим памятникам затухает; внимание ученых привлечено к новым открытиям — находкам целого ряда интереснейших древнеуйгурских памятников (находки С. Е. Малова и др.).

С новой энергией и новыми силами ТРП стали изучаться в СССР (в историческом, лингвистическом, литературоведческом планах) в послеоктябрьский период; этот же период знаменуется и многочисленными новыми находками мелких рунических памятников.

Особо значительную роль в развитии многоплановых исследований ТРП сыграли труды С. Е. Малова: «Памятники древнетюркской письменности», «Енисейская письменность тюрков», «Памят-

⁴⁰ См. еще: П о т а п о в Л. П. Из истории ранних форм семьи и религиозных представлений. — СЭ, 1959, № 2, с. 18—30; П о к р о в с к а я Л. А. Термины родства в тюркских языках. — В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, с. 45.

⁴¹ См.: Бартольд. Соч., т. V, с. 39; V á m b é r y Н. Die primitive Cultur des Türko-Tatarischen Volkes. Leipzig, 1879, S. 51.

⁴² K a f e s o ğ l u Y. Op. cit., p. 314.

ники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии». Они проложили дорогу многочисленным исследованиям ТРП.

В серии очерков по языкам зарубежного Востока и Африки, публикуемых Институтом востоковедения АН СССР, была издана брошюра В. М. Насилова (1893—1970)⁴³ «Язык орхоно-енисейских памятников» (М., 1960), заключающая краткое описание фонетики и грамматики ТРП.

Значительный вклад в историю открытия новых памятников и их изучения, в особенности ТРП енисейского региона, связан с именем И. А. Батманова (1906—1969)⁴⁴ и его учеников и сотрудников; см.: Батманов. Язык енисейских памятников; Батманов и др. Енисейка; Древние письмена Хакасии. Сост.: О. В. Субракова, И. А. Батманов. Абакан, 1970; Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках. Ред. И. А. Батманов. Фрунзе, 1971; Б а т м а н о в И. А. Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе, 1971.

Древнетюркские надписи, найденные в Туве, собраны в трех сборниках, изданных под редакцией И. А. Батманова и А. Ч. Кунаа: «Памятники древнетюркской письменности Тувы», I—III (Кызыл, 1963—1965).

Памятники орхоно-енисейской письменности из Киргизии собраны в сборнике «Эпиграфика Киргизии» (вып. I, Фрунзе, 1963), составленном Ч. Джумагуловым.

§ 35. Новое поколение советских тюркологов также работает над изучением фонетико-грамматического строя ТРП; среди них следует назвать В. Г. Кондратьева (автор брошюры «Очерк грамматики древнетюркского языка» (изд. ЛГУ, 1970) и ряда статей, освещающих отдельные вопросы грамматики ТРП), А. С. Аманжолова (Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. АДД. Алма-Ата, 1975; также ряд статей), Г. Айдарова (Язык орхонского памятника Бильге-кагана. Алма-Ата, 1966; Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата, 1971), Н. Антонова (Древнетюркский язык (VI—VIII вв.). Якутск, 1970 (на якут. яз.)), М. Р. Федотова (Древнетюркский язык. Учебное пособие по сравнительному изучению языка орхоно-енисейских памятников. Чебоксары, 1973), А. Дж. Шукурова и А. М. Магеррамова (Язык памятников древнетюркской письменности. Учебное пособие. Баку, 1976, на азерб. яз.).

Отдельным проблемам изучения ТРП посвящены статьи Л. Р. Кызласова, Э. Р. Тенишева, Д. М. Насилова, А. М. Щербака, В. Г. Кондратьева, У. Асаналиева, И. Н. Шервашидзе, Д. Д. Васильева, А. С. Аманжолова, А. А. Раджабова, Е. Агманова, А. Ислямова и др.

⁴³ Грунина Э. А. Памяти В. М. Насилова (1893—1970). — Вест. МГУ, 1971, № 1, с. 107—108; О ф р о с и м о в а - С е р о в а Л. Г. Памяти В. М. Насилова. — СТ, 1978, № 3, с. 109—110.

⁴⁴ Его некролог см.: СТ, 1970, № 1, с. 120—121.

Лингвистический материал ТРП послужил основой для целого ряда диссертаций: А г м а н о в Е. Именно-атрибутивное словосочетание в языке памятников древнетюркской письменности. АКД. Алма-Ата, 1964; К о н д р а т ь е в В. Г. Очерк грамматического строя языка памятников тюркской рунической письменности VIII в. из Монголии. АКД. Л., 1965; Р а д ж а б о в А. А. 1) Язык орхоно-енисейских памятников древнетюркской письменности. АКД. Баку, 1967; 2) Глаголообразование в языке орхоно-енисейских памятников. АДД. Алма-Ата, 1977; Е с е н г у л о в А. Словообразовательные аффиксы в языке древнетюркской письменности (на материале орхоно-енисейских и таласских памятников). АКД. Алма-Ата, 1969; А ш и р а л и е в К. А. Древнетюркские элементы в современных тюркских языках. На материале орхоно-енисейских памятников. АКД. Фрунзе, 1969; А х м е т о в М. А. Глагол в языке орхоно-енисейских памятников (в сравнительном плане с современным башкирским языком). АКД. Алма-Ата, 1970; отдельное изд.: Саратов, 1978; М а х м а т к у л о в М. Аналитический способ словообразования в языке древнетюркских памятников. АКД. Ташкент, 1973; А м а н ж о л о в А. С. Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. Ш е р в а ш и д з е И. Н. Формы глагола в языке орхоно-енисейских надписей. АКД. Тбилиси, 1977; К у л и е в А. А. Неличные формы глаголов в языке орхоно-енисейских памятников (в сравнении с азербайджанским языком). АКД. Баку, 1978.

Тюркские рунические надписи как предмет литературоведческого анализа нашли своего преданного исследователя в лице И. В. Стеблевой, издавшей две книги: «Поэзия тюрков VI—VIII веков» (М., 1965) и «Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период» (М., 1976).

ТРП как источник по истории древних тюрков привлекали пристальное внимание В. В. Бартольда и других русских историков-востоковедов.

Труд С. Г. Кляшторного «Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии», выдержавший проверку временем, является, как общепризнано, крупным достижением советской историографии древних тюрков.

Исследованию С. Г. Кляшторного предшествовал труд А. Н. Бернштама (1910—1956) «Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI—VIII веков. Восточно-тюркский каганат и кыркызы».

На широком историческом фоне излагается история интересующей нас эпохи и народов в книге Л. Н. Гумилева «Древние тюрки».

Интерес западноевропейских тюркологов-лингвистов к ТРП после работ В. Томсена, Г. Вамбери, Б. Банга, О. Доннера,

Г. И. Рамстедта, Ю. Немета, М. Рясянена, К. Грэнбека и других вновь возродился в последние тридцать пять-сорок лет.⁴⁵

§ 36. Восточноевропейские ТРП представлены в первую очередь памятниками хазарского каганата⁴⁶ и печенежского племенного союза: кладом золотых сосудов с рунами, открытым в 1799 г. в Венгрии в селении Святого Николая — Надьсентмиклош. Первое прочтение этих надписей предложил В. Томсен в 1922 г. Затем их заново прочитал и прокомментировал известный венгерский тюрколог Юлиус Немет (Julius Németh, 1890—1976);⁴⁷ см. его: *Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklós. Mit zwei Anhängen: I. Die Sprache der Petschinenen und Komanen. II. Die ungarische Kerbschrift.* Budapest, 1932 (переизд. фотомеханическим способом: The Hague, 1964). Это исследование получило дальнейшее развитие в работе: *The Runiform Inscriptions from Nagy-Szent-Miklós and the Runiform Scripts of Eastern Europe.* — *Acta Linguistica Hungaricae.* Budapest, 1971, p. 1—52.

§ 37. На Западе специальных трудов, посвященных изучению фонетико-грамматического строя ТРП, появилось немного. Здесь упомянем еще раз труд А. ф. Габен (издание 1941, 1950 и 1974 гг.). Эта книга представляет собою хорошее учебное пособие, снабженное словарем и обширной библиографией, в котором, однако, нет строгого систематического изложения фонетики и грамматики ТРП; это полезный справочник-репертуар аффиксов и служебных слов, без попытки представить фонетико-грамматический строй ТРП как систему, регулируемую своими внутренними закономерностями. По этому же образцу составлена и другая работа А. ф. Габен — «*Das Alttürkische*» (PhTF, I, S. 21—45). В несколько отличном плане написана статья О. Прицака «*Das Alttürkische*».

§ 38. Немало интересных наблюдений над словарем и грамматикой ТРП содержится в работах сэра Джерарда Клосона (Sir Gerard Clauson, 1891—1974);⁴⁸ особенно в этой связи следует отметить его книгу «*Turkish and Mongolian Studies*» и статьи, посвященные разъяснению имени-титла Капаган ~ Капкан («*A note on Qarqan*») и интерпретации Онгинской надписи («*The Ongin inscription*»).

§ 39. Финский алтаист Пентти Аалто, ученик Г. И. Рамстедта, — автор ряда статей по отдельным вопросам изучения ТРП, в частности ему принадлежит удачная попытка интерпретации имен-

⁴⁵ Библиографию см.: Кляшторный, с. 181—211; Gabain. *Alttürk. Gr.*, S. 224—270; см. еще с. 9.

⁴⁶ Кляшторный С. Г. Хазарские надписи на амфоре с городища Маяки. — СА, 1979, № 1, с. 270—275.

⁴⁷ О нем см.: *Hungaro-Turcica. Studies in honour of Julius Németh.* Budapest, 1976.

⁴⁸ Библиографию его трудов см.: Баскаков Н. А., Трыярский Э. Памяти Джерарда Клосона (1891—1974). — НАА, 1975, № 3, с. 246—249; Ménage V. Z. Sir Gerard Clauson. — JRAS, 1975, N 2, p. 215—217.

прозвищ коней в памятнике в честь Кюль-тегина (Zu den Pferdnamen der Orchon-Inschriften. — FUF, 1946, 29. Bd, N 1 — 3, S. 127 — 133). Он собрал, обработал и издал рамstedтовские «Материалы по древнетюркским надписям Монголии» (Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei. Gesammelt von G. J. Ramstedt, J. G. Granö und Pentti Aalto, bearbeitet und herausgegeben von Pentti Aalto. — JSFOu, 1958, 60, S. 3—91).

§ 40. Во Франции последние годы на исследовании ТРП специализировался Ренэ Жиро, издавший и прокомментировавший надпись Тоньюкука (L'inscription) и написавший книгу об истории тюрков Восточного каганата (L'empire).

Следует отметить большой труд Луи Базэна (B a z i n Louis. Les calendriers turcs anciens et medievauux), содержащий разнообразные историко-филологические сведения, извлеченные из ТРП и тщательно прокомментированные, а также его весьма обстоятельную статью «La litterature epigraphique turque ancienne» (PhTF, II, p. 192—211).

§ 41. Во второй половине тридцатых годов текущего столетия в Турции появляется хорошо подготовленный специалист по ТРП — Хюсейин Намык Оркун (Hüseyin Namık Orkun, 1901—1956), оставивший своим четырехтомным трудом «Eski Türk yazıtları» заметный след в изучении рунических надписей (Orkun, I—IV).

Ахмед Джевад Эмре (Ahmed Cevad Emre, 1877—1955), один из основоположников современного тюркского языкознания в Турции, выступил с малоудачной попыткой выяснить происхождение тюркского рунического алфавита (Eski Türk yazısının menşegi. Istanbul, 1938); в другой своей работе — «Türk lehçelerinin mukayeseli grammer. Fonetik» (Istanbul, 1949) — он посвятил фонетике ТРП большой, хорошо разработанный раздел (с. 27—55).

Ахмеду Джафероглы (Ahmed Caferoğlu, 1899—1976) принадлежит обстоятельное изложение истории открытия и изучения ТРП, а также краткий грамматический очерк языка рунических надписей, опубликованные в его книге «Türk Dili tarihi, I» (Istanbul, 1970, s. 103—148).

Новое поколение турецких специалистов по ТРП представлено рядом имен, среди которых в первую очередь следует назвать Т. Текина, автора двух больших трудов (см.: Tekin. Grammar; Ana Türkçede aslı uzun ünlüler).

В объемистом справочнике «Türk Dünyası El Kitabı» (Ankara, 1976) опубликована работа Шинаси Текина (Şinasi Tekin) «Eski Türkçe» (s. 142—192), освещающая основные положения фонетики и грамматики Eski Türkçe — древнетюркского языка.

Этим термином III. Текин обозначает язык доисламских тюрков, обитавших в степях Монголии и на землях Тарымского бассейна; язык, именуемый им Eski Türkçe, он вслед за О. Прицаком (см. § 20) делит на две подгруппы: Kök Türkçe (Türkütçe) и Uygurca.

Следует отметить также ряд статей по различным вопросам фонетики и грамматики ТРП, опубликованных Османом Недимом Туна.

В Японии преимущественное внимание уделялось и уделяется истории и историографии древних тюрков; среди работ на эти темы своими филологическими разысканиями привлекают внимание исследования Масао Мори.

Новым трудом шведского тюрколога Ларса Юхансона я воспользоваться не смог, он стал доступным мне после завершения работы над этой книгой (см.: J o h a n s o n L. Alttürkisch als «dissimilierende» Sprache. Wiesbaden, 1979).

VII

ФОНОЛОГИЯ

§ 42. Для графической передачи языкового материала ТРП в разных исследованиях используются часто резко различающиеся транскрипции; в этой книге используется система знаков, принятая в «Древнетюркском словаре» (ДТС), что позволит читателям в нужных случаях наводить справки в этом Словаре.

«Отсутствие данных, — пишут составители ДТС, — во-первых, о фонетических особенностях отдельных звуков, во-вторых, о признаках, лежащих в основе фонематических систем древнетюркских языков, не дает возможности воссоздать живую речь древних тюрков и передать тексты памятников в точной фонетической или фонематической транскрипции» (ДТС, с. XIII; см. еще: ДТС, с. XIV).

В силу сказанного при графической передаче звукового облика лексического материала ТРП обычно применяется транслитерация, т. е. побуквенная передача текста, написанного при помощи одной графической системы, средствами другой системы, в данном случае основанной на латинской азбуке. Транслитерация поддерживается, где это возможно, фонологической реконструкцией.

§ 43. Рунический алфавит создан на морфонологической основе, а не фонологической и отражает систему дифференциальных признаков фонем, а не сами фонемы. «Отдельные графемы для палатализованных и непалатализованных согласных отражают не самостоятельные согласные фонемы древнетюркского языка периода орхоно-енисейских надписей, а комбинаторные варианты согласных фонем, выступающих в словах с характерно выраженной палатальной гармонией гласных, равно как и частично выраженной губной гармонией».¹

Рунический алфавит, основанный на морфонологическом принципе, «позволяет читать текст не по отдельным буквам, каждая из которых соответствует определенному звуку, и не по отдельным слогам, отражающим сочетание согласного и гласного, а зрительно, отождествляя слово в целом с исконно тюркской гармонией

¹ Кобешавидзе И. Н. К характеристике графики и фонемного состава языка орхоно-енисейских надписей. — СТ, 1972, № 2, с. 41.

Тюркские рунические знаки			Звуковое значение (чтение)
Таласские	Енисейские	Орхонские	
1 1	1 1 1 1 1 1	1	a, ä, (e)
1 1	1 1 1 1 1 1	1 1	ï, i, (e)
> <	> <	> { ε	o, u
N M	N N M M M M M	M M M M	ö, ü
J	J J J J J J J	J J J J J J	b
2	2 2 2 2 2 2 2	2 2 2 2 J	b'
1	1 1 1 1 1	1 1 (ič)	č, č'
2 2	2 2 2 2 2 2 2	2 X	d, (ð), (t)
X	X X + ⊗ ⊗ 2	X X +	d', (ð'), (t')
2 2 2	1 1 1 1 1 1 1	1 1 1	ž
2 2	2 2 2 2 2 2 2	2 2 2 2	g'
0 0	0 0 0 0 0 0 0	0 0 0 0	j
	0 0 0 0 0 0 0	0 0	j'
N N И	1 1 1 1 1 1 1	1 1 1	q
	↓ ↑	↓	q при o, u
	▷ ▷ ▷ ▷	▷ ▷	q при i
2 2	2 2 2 2 2 2 2	2 2 2	k'
	2 2 2 2 2 2 2	2 2 2 2 2	k' при ö, ü
1 1 1	1 1 1 1 1 1 1	1 1	l
Y	Y	Y	l'

Примечание. Таблица заимствована из работы: Аманжолов А. С. К генезису тюркских рун. — ВЯ, 1978, № 2, с. 80—81; см. также: Малов. ПДП, с. 17; ДТС, с. XV—XVI; Батманов и др. Енисейка, с. 22; Щербак А. М. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. — В кн.: Тюркологический сборник. 1970. М., 1970, с. 123—124; Tekin. Grammar, p. 23—24.

Тюркские рунические знаки			Звуковое значение (чтение)
Таласские	Енисейские	Орхонские	
☉☉☉☉☉☉☉☉	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	☉☉☉☉☉☉☉☉	m, m'
☉☉	☉☉ ☉☉	☉☉	n
☉☉☉☉	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	☉☉☉☉☉☉☉☉	n'
	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	☉☉☉☉☉☉☉☉	ñ, (nj)
☉	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	☉	ŋ, ŋ'
1	11☉☉☉☉	1	p, p'
☉☉☉☉	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	☉☉☉☉	r
☉	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	☉☉	r'
☉☉	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	☉☉☉☉☉☉☉☉	s
1	1	1	s'
☉☉☉☉	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	š
^	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	š'
☉☉	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	t
и	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	t'
☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	z, z'
	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	lt, l't'
☉	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	nt, n't'
	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	nc, n'c'
	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	rt
☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	☉☉☉☉☉☉☉☉☉☉	знак словораздела

входящих в него гласных и согласных. Именно в этом и состоит особое значение данного алфавита при всех известных его недостатках, заключающихся как в многозначности того или иного сочетания фонем, так и в том, что гласные во многих случаях только предполагаются, а не обозначаются».²

² Там же, с. 43.

ГЛАСНЫЕ

§ 44. В рунической азбуке для обозначения восьми гласных использовалось пять знаков: **Ј, 1** — а, ä, **Г, Ь** — і, і; **>** — о, u; **Н, Һ** ö, ü; **Х, Ҳ** — е. Значение их определяется качеством соседнего согласного.

По определению В. Томсена,³ последний знак, характерный для енисейских памятников, передает закрытый е (ə) и используется только в первом слоге: еl 'племенной союз', еkі 'два', беš 'пять';⁴ гласный е — более узкий, или закрытый, вариант широкой гласной фонемы ä.

Р. Жиро решительно присоединяется к предположению В. Томсена о наличии в рунических текстах закрытого е и добавляет, что во всех случаях, когда в начальном слоге графически гласный не показан, должно предполагать е, а не ä:⁵ беr- 'давать', беš 'пять', еš 'друг', еrtiš 'р. Иртыш'. В открытых слогах всегда ä: tēlā- 'просить', jelmä 'набег (военный)'. Единственным исключением из этого правила является слово со значением 'дело', 'работа', которое известно только в форме iš(s).

А. С. Аманжолов утверждает, что «звук е (вариант гласной фонемы ä) не имел специального обозначения, вопреки широко известному предположению В. Томсена»;⁶ с этим трудно согласиться, так как доводы В. Томсена основательно аргументированы.

§ 45. Качественная характеристика гласных определяется тремя признаками.

1. По степени раствора рта и положению языка (по вертикали) восемь древнетюркских гласных образуют трехступенчатую оппозицию.

Широкие (нижнего подъема): а ä

Среднеширокие (среднего подъема): (е) о u

Узкие (верхнего подъема): і і ü ü

Гласные а, ä, (е) в анлауте и, как правило, после согласных в инлауте буквами не обозначаются.

Гласные о, ö, u, ü, і, і в анлауте всегда⁷ пишутся вне зависимости от их количественной характеристики: долготы или краткости.

Широкие губные о, ö и полуширокий (е) используются только

³ Thomsen V. Une lettre méconnue les inscriptions de l'Jenissei. — JSFOu, 1916, 30, p. 1—9.

⁴ Подробнее об истории вопроса см.: Щербак. Ср. фонетика, с. 27—35; Емге. Fonetik, s. 29; Юлдашев А. А. Соотношение и историческое развитие тюркских корневых е, u, э. — В кн.: Всесоюзная тюркологическая конференция. Советская тюркология и развитие тюркских языков СССР. Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1976, с. 340—344.

⁵ Giraud. L'inscription p. 36—37.

⁶ Аманжолов А. С. К генезису тюркских рун, с. 77. — Эта одна из лучших работ по фонетике ТРП используется в нашей книге.

⁷ Гласный і в анлауте в ряде случаев не обозначается.

в первом слоге; во втором и последующих слогах могут быть только узкие *u, ü, ɪ, i*: *altun* 'золото', *edgüti* 'хорошо'.

В ТРП, равно как и в древнеуйгурских памятниках, в ряде случаев в первом закрытом слоге возможны фонемы *e ~ i*: *jeg ~ jir* 'земля', *beḡ ~ bir* 'давать', *il ~ el* 'эль'.

Узкий негубной гласный заднего ряда *i* и узкий негубной переднего ряда *i* в ТРП являлись единой фонемой (ср. современные узбекский, уйгурский, сарыг-югурский языки), которая в зависимости от качества соседнего согласного имела варианты, сближающиеся с *i ~ i*.⁸

2. По месту образования (твердый/задний ряд — мягкий/передний ряд) восемь древнетюркских гласных распределяются следующим образом.

Твердый ряд: *a, o, u, ɪ*

Мягкий ряд: *ä (e), ö, ü, i*

3. По участию губ гласные делятся на губные и негубные.

Губные: *o, ö, u, ü*

Негубные: *a, ä (e), ɪ, i*

§ 46. Количественная характеристика гласных определяется двумя ступенями длительности: краткие и долгие (первичные и вторичные).

Наличие первичной долготы в языке ТРП находит свое подтверждение в графике: долгий гласный *ā* обозначался, в то время как краткий гласный *a* специального обозначения не имел; в памятниках арабского письма («Диван» Махмуда Кашгарского) долгий гласный *ā* обозначался удвоенным элифом; обозначение долгих гласных через двойное написание гласных применялось в уйгурской (манихейской) письменности; в уйгурской письменности «брахми» различались долгие, краткие и редуцированные гласные.⁹

По общему мнению, о наличии первичной долготы свидетельствует также озвончение при гласном наращении конечного глухого согласного — *q > ɣ, k > g, t > d, p > b, č > ž*,¹⁰ — что материалом ТРП далеко не всегда подтверждается.

По наблюдениям О. Н. Туна, в языке ТРП конец слова с долгим гласным, как правило, ударен; на месте старых долгих гласных почти всегда появляются широкие гласные; в периоды, следующие за древнетюркским, образование гласного в конце слова после согласного всегда связано со слогом, имеющим старую долготу гласного; гласные конца слова значительно открытее гласных, находящихся в других позициях.¹¹

⁸ См.: Кондратьев В. Г. Гласные в древнетюркском языке. — В кн.: Востоковедение, 3. Изд. ЛГУ, 1977, с. 17; Кобешавидзе И. Н. Указ. соч., с. 43.

⁹ Ряснян. Фонетика, с. 61; Щербак. Ср. фонетика, с. 53.

¹⁰ В ТРП аффриката *ž* отсутствовала.

¹¹ Туна Osman Nedim. 1) Bazı imlâ gelenekleri. Bunların metin incelemelerindeki önemi ve Orhon yazıtlarında birkaç açıklama. — TDAYB, 1957,

§ 47. Приведенные выше признаки гласных фонем в ТРП могут быть представлены в виде таблицы.

По степени раствора рта и положению языка (по вертикали)	По участию губ и положению языка (по горизонтали)			
	негубные		губные	
	заднего ряда (твердые)	перед- него ряда (мягкие)	заднего ряда (твердые)	перед- него ряда (мягкие)
Широкие (нижнего подъема)	a	ä		
Среднеширокие (среднего подъема)		(e)	o	ö
Узкие (верхнего подъема)	i	i	u	ü

СОГЛАСНЫЕ

§ 48. В ТРП шестнадцать согласных: b, p, d (δ), t, k ~ q, g ~ γ, j, č, s, š, z, m, n (ń, ĵ), ŋ, l, r.

Звуки d ~ δ — второй из них гипотетически возможен — в ТРП не противопоставлялись друг другу и использовались как диалектные варианты одной фонемы d; противопоставление звуков d — t, g — k, q — γ в аффиксах также не имело фонематического значения.

§ 49. Система письма ТРП являлась в основе своей консонантной.

В зависимости от качества соседнего гласного согласные, обозначаемые отдельными буквами, делятся на следующие три группы.

1. Знаки-согласные твердые¹² (веляризованные), т. е. сочетающиеся с гласными заднего ряда (a, o, u, i): b, d, γ, q, l, n, r, s, t, j, č, lt.

2. Знаки-согласные мягкие¹³ (палатализованные), т. е. сочетающиеся с гласными переднего ряда (ä(e), ö, ü, i): b, d, g, k, l, n, r, s, t, j, ič, kü.

3. Знаки-согласные нейтральные, т. е. сочетающиеся с гласными как переднего, так и заднего рядов: m, ĵ, ŋ, p, š, č, z, nč, nt.

s. 41—81; 2) Köktürk yazılı belgelerinde ve Uygurcada uzun vokaller. — TDAYB, 1960, s. 213—282. — См. еще: Tekin. Ana Türkçe, s. 109—124.

¹² В транслитерации обычно обозначаются надстрочной цифрой ¹: l¹ и т. п.

¹³ В транслитерации обычно обозначаются надстрочной цифрой ²: l² и т. п.

§ 50. Ниже дается классификация согласных фонем по основным признакам.

1. По артикулирующему органу согласные делятся на четыре группы.

а) губные — b, p, m	в) средняяязычные — j, (ñ)
б) передняяязычные:	г) задняяязычные:
зубные — d, t, z, (ð), s, n, l	средненёбные — g, k
нёбно-зубные — š, č, ɾ	задненёбные — ɣ, q
2. По способу образования согласные делятся на четыре группы.
а) шумные смычные:	в) шумные смычно-щелевые — č
звонкие — b, d, g, ɣ	
глухие — p, t, k, q	
б) шумно-щелевые:	г) сонорные:
звонкие — z, (ð), j	смычно-носовые — m, n, (ñ),
	ɲ
глухие — s, š	щелевые боковые — l
	щелевые дрожащие — r

§ 51. Приведенные выше признаки согласных фонем в ТРП могут быть представлены в виде таблицы.

По способу образования		По месту образования					
		губно-губные	передне-язычные		среднеязычные	задняяязычные	
			зубные	нёбно-зубные		средне-нёбные (палатализованные)	задне-нёбные (веляризованные)
Шумные	Смычные:						
	звонкие	b	d			g	ɣ
	глухие	p	t			k	q
	Щелевые:						
	звонкие		z (ð)		j		
	глухие		s	š			
Смычно-щелевые (аффрикаты)				č			
Сонорные (сонанты)	Смычно-носовые	m	n		(ñ)	ɲ	
	Щелевые (боковые)		l				
	Дрожащие			r			

§ 52. Согласные d, g, ɣ, ñ, ɲ, r, z в анлауте ТРП не используются; согласные l, p, š встречаются в анлауте заимствованных слов.

Согласный *m* возникает в анлауте на месте этимологического *b* под ассимилятивным воздействием конечного носового: *mēn* < *bēn* 'я'; *maŋa* < *baŋa* 'мне'; *miŋ* ~ *mīŋ* < *biŋ* ~ *bīŋ* 'тысяча'; *mēŋgü* < *bēŋgü* 'вечный'; *tarman + qa* (Kth 21) < *tarban + qa* (M 18).

§ 53. Финали на *ŋ* в формах 2 л. прошедшего категорического вр. и 2 л. афф. принадлежности регулярно разлагаются на свои составляющие: *ŋ* < *n + γ(g)*, в силу чего *ŋ* > *γ/g*.¹⁴

В инлауте *ŋ* спорадически чередуется с *n* ~ *γ* ~ *g* ~ *k* ~ *q* (т. е. разлагается на свои составляющие): *jalanuz/jalīnuz* > *jalγuz* 'один', 'единственный'; *ējin* > *ēgin* 'плечо'; *jīŋnā* > *jīgnā* 'игла'; *jīŋ* > *jūk* 'перо птицы'; *ērŋāk* > *ērŋāk* > *ērkaäk* 'палец'.

Согласный *n* в анлауте встречается как вторичная форма¹⁵ только в двух словах: *ne* 'что' (и в производных от него *nešā*, *nešük*, *nekim*, *ne mā*, *ne tāg* и др.), *neŋ* 'вещь', 'нечто'.

§ 54. Сильно смягченный вариант смычно-носовой фонемы *n* согласный *ñ*, обозначаемый особой буквой,¹⁶ встречается довольно редко и только в инлауте, главным образом между задними гласными, и в ауслауте; этот согласный закономерно рефлектирует с *n*, *j*: *añŋ* ~ *añŋ*, *añŋ* 'дурной', 'злой'.

§ 55. Из звонких согласных в анлауте встречается только согласный *b*: *bēŋ* - 'давать', *bol* - 'делаться', *biŋ* 'один', *bēn* 'я'.

В ТРП, в отличие от большинства современных тюркских языков, согласный *q* аффикса в позиции между двумя гласными, как правило, не озвончается: *olurtuqīnta* (M Xb 9) 'когда он сидел [на царстве]'; *olurtuqīma* (там же) 'когда я сидел [на царстве]'; *qulqaqīn* (там же, 11) 'ушами'; *artuqī* (там же, X I) 'излишек его'; *jegirmikā* (Mč 35) 'двадцатого [числа]'.

§ 56. Для обозначения согласных *s* — *š* в алфавите надписей имеется три литеры — **Տ**, **І**, **Վ**, — первая из которых, по наблюдениям В. Томсена, используется для обозначения согласного *s* при заднерядных гласных, третья передает *š* при гласных как заднего, так и переднего рядов, хотя преимущественно используется при переднерядных гласных. Вторая литера употребляется для обозначения *s* при переднерядных гласных, но также встречается в сочетании перед и после гласного *i*, заменяя первую литеру; вторая литера (в особенности в надписи в честь Кюль-тегина) замещает *š* при гласных переднего ряда, а иногда и при *i*. В заключение В. Томсен приходит к выводу: тот факт, что в употреблении второй литеры в последнем значении «далеко не замечается последовательности, показывает, что по существу это не более как особенность правописания — изображать звук *š* знаком *s* — и что, по крайней мере вообще, тут не следует видеть настоящей фонетической перемены *š* в *s*» (разрядка моя, — А. К).¹⁷

¹⁴ Подробнее см.: Рясянен. Фонетика, с. 169—170.

¹⁵ Там же, с. 176.

¹⁶ Наделеев В. М. Указ. соч., с. 197—213.

¹⁷ Мелиоранский. RT, с. 39—40.

В. В. Радлов придерживался той же точки зрения, считая, что «появление *s* и *š* в одних и тех же словах показывает нам, что здесь мы имеем дело только с орфографической особенностью».¹⁸

С. Е. Малов был твердо убежден, что редкое «написание *š* и частое употребление *s* . . . обуславливается самим древнетюркским языком, его фонетикой. Я думаю, — продолжает С. Е. Малов, — что в книжном, литературном языке мог быть звук *š*, но, по многим причинам, есть основание думать, что народные массы в этом случае произносили вместо *š* просто *s*. Основанием частично может служить, например, язык желтых уйгуров, где *š* очень редкий звук, большей же частью слышится в речи звук *s*. Некоторую аналогию с этим звуком *s*, — писал С. Е. Малов, — я вижу и в употреблении древними тюрками звука и буквы *d*».¹⁹

Эту же гипотезу еще более решительно отстаивал И. А. Батманов, предложивший перебой *s/š* объяснять отражением в графике диалектных различий.²⁰

К этой же точке зрения присоединился и А. С. Аманжолов, считающий, что «есть все основания утверждать, что колебания в написании знаков для переднеязычных щелевых согласных *s* и *ш* в древнетюркских письменных памятниках обусловлены не столько «орфографической особенностью» (мнение В. В. Радлова, — А. К.), сколько влиянием на письменную традицию местных говоров, живой разговорной речи. Корни соответствия *c//ш*, очевидно, уходят к общетюркскому языковому состоянию».²¹

Э. Р. Тенишев отметил, что «в тюркских языках встречаются разного типа переходы *s > š* и *š > s*», которые, однако, по его мнению, не могут служить убедительным объяснением перебоя *s/š* рунических памятников; «. . . алтайским языкам, — продолжает Э. Р. Тенишев — неизвестна взаимозамена *s* и *š*, идентичная руническому *s/š*. Следовательно, причину возникновения перебоя *s/š* надо искать за пределами алтайских языков. . . Влияющим языком (на возникновение перебоя *s/š*, — А. К.), следует думать, был китайский».²² С этим утверждением невозможно согласиться, так как сами тюркские языки знают на всем протяжении их истории перебой *s/š*.

Мне представляется, что перебой *s/š*, известный современным тюркским языкам (*s*-языки: казахский, каракалпакский, ногайский, сарыг-югурский, хакасский, якутский; *š*-языки: киргизский, уйгурский, узбекский, туркменский, азербайджанский, турец-

¹⁸ Radloff. ATİM, NF, S. 19.

¹⁹ Малов. ПДТП, с. 126.

²⁰ Батманов И. А. Следы [говоров в языке памятников орхон-енисейской письменности. — В кн.: Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964, с. 118—121.

²¹ Аманжолов А. С. К вопросу о соответствии *c//ш* в древнетюркских диалектах. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку, 2. Алма-Ата, 1970, с. 169.

²² Тенишев Э. Р. Перебой *s/š* в тюркских рунических памятниках. — В кн.: Структура и история тюркских языков. М., 1971, с. 293—294.

кий и др.), является одним из ярких, может быть, самым ярким проявлением диалектных признаков, нашедших отображение в ТРП.

§ 57. Перебой ä (е) ~ i // a ~ i отражает, по-видимому, также диалектные различия, восходящие к глубокой древности и нашедшие свое выражение в наличии двух основных диалектных группировок тюркских языков: а-языки, i-языки (подробнее см. § 21).

ОСНОВНЫЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

СИНГАРМОНИЗМ

§ 58. Уподобление гласных и согласных звуков, или сингармонизм, проявляется в двух законах: 1) закон гармонии гласных; 2) закон гармонии согласных.

Закон гармонии гласных

§ 59. Закон гармонии гласных состоит в том, что в многосложной основе (корне) и в сочетании основы (корня) с аффиксами гласный состав определяется качеством гласного первого слога: за передним гласным следует передний, за задним — задний.

Система рунической письменности основана на сингармонизме слога, т. е. на сочетании «твердых» согласных с «твердыми» (задними) гласными и «мягких» согласных с «мягкими» (передними) гласными.

Ведущим типом гармонии гласных в ТРП является бинарный тип, реализующийся в нёбной и губной гармонии.

§ 60. Н ё б н а я (палатально-велярная) гармония или ассимиляция гласных по признаку нёбности—ненёбности дополняется (в ограниченном числе корней-основ и в подавляющем большинстве аффиксов) губной гармонией по признаку губности—губности.

Уподобление гласных заднего ряда:

за а следует а, і, u — qazıanmasar, qaıanlıq, balıqtaqı, anıuladı,
baıladı, qazıanur, alqınur

за і следует і, а, u — qılınmaduq, qılııladı, qııladıq, sımadı

Примечание. Нередко встречающееся в ТРП использование «мягкого» согласного при «твердых» гласных — jaıısız (Ktb 30, M 24) 'без врагов' — является лишь свидетельством конвергенции і ~ і.

Уподобление гласных переднего ряда:

за е ~ ä следует ä, і, ü — ırın, beğlärda, ekälim, ebgärü, kentü

за і следует і, ä, ü — içikmis, bilgä, tilädim, ilgärü, ikägü, birür,
tirgürü.

§ 61. Губная гармония в силу отсутствия во втором и последующих слогах и в аффиксах губных гласных о, ö дополня-

ется ассимиляцией по признаку губности—нёбности. Губная гармония в ее абсолютной форме известна только киргизскому, горно-алтайскому и якутскому языкам.

Уподобление гласных заднего ряда:

за о следует u, i, a — bodun, olursiqim, olurupan, boltuqta
за u следует u, i, a — qutluq, bulundaqı, uđımadım, qulluq

Уподобление гласных переднего ряда:

за ö следует ü, i, ä — ötükan, körmädük, böri, köñül
за ü следует ü, i, ä — ülügüm, üägün, tükäti, jüzinä, süçig,
kölüg

§ 62. Большинство аффиксов с узкими гласными в ТРП представлены, как правило, двумя (а не четырьмя, как в современных языках) фонетическими вариантами гласных, а именно губными u, ü.

Этот тип уподобления гласных представлен такими случаями.

1. В основах (корнях) заимствованных слов: altun 'золото' (< кит.), azun 'мир', 'вселенная' (< иран.), batur 'богатырь' (< иран.), qamuq 'все', 'весь' (< иран.), taluq 'море' (< монг.), qunçuq 'княжна' (< кит.), qatun 'госпожа' (< иран.), şantun 'Шаньдун' (< кит. şan-ton), tarduq (< ?) название племени, eçü ~ eçi 'старший брат' (< монг.).

2. В следующих аффиксальных морфемах:

1) деепричастие на -(j)u, -(j)ü — opla-ju, jaratın-u, itin-ü, eşid-ü, ikilä-jü; в отдельных случаях используется узкий негубной гласный — artat-i (Ktb 22; M 19), jüzüt-i (M 30);

2) настоящее — будущее время на -(j)ur, -(j)ür — al-ur, bar-ur (~ bar-ür), qıl-ur, jorı-jur, käl-ür;

3) понудительный залог на -ur, -ür — art-ur-, jaş-ur-, keş-ür-, keş-ür-;

4) понудительный залог на -tur, -tür — qan-tur- (~ qan-dur-), tın-tur-, bil-tür-, beş-tür-;

5) понудительный залог на -yur, -gür — qad-yur-, jañ-yur- 'звонеть';

6) отглагольные прилагательные на -uq, -ük — jazuq 'развязанный', saçuq 'рассеянный', jañluq 'ошибочный';

7) отглагольное имя существительное на -yu, -gü (= субстантивированное будущее причастие на -yu, -gü) — biçyu 'пила' (< 'то, чем можно резать, пилить'), qadıu 'печаль', keđgü 'одежда', mingü 'верховное животное';

8) отглагольное имя существительное на -yuçi, -güçi (= субстантивированное будущее причастие на -yuçi, -güçi) — ajuçi 'советник' (< 'тот, кто может/должен сказать, сообщить'), barq itgüçi 'строитель';

9) причастие на -tuq, -tük//-duq, -dük — qılıntuq, qılınmaduq, birtük, teđdük.

§ 63. Ряд аффиксов имеет огласовку только узким негубным гласным.

1) -sira, -sirä; 2) -mīs(š), -mis(š); 3) -čī, -či: а) имя деятеля, б) будущее вр.; 4) -sīq, -sik; 5) -γlī, -gli; 6) деепр. -(j)in, -(j)in.

§ 64. Остается открытым вопрос о действии губного притяжения в личных аффиксах и в аффиксах принадлежности; основываясь на общих тенденциях развития губного притяжения, следует предположить, что в ТРП губное притяжение в закрытых слогах действовало, хотя в графике, как правило, это явление не отражалось.

Закон гармонии согласных

§ 65. Гармония согласных, т. е. уподобление согласных по признаку глухости—звонкости, реализуется в виде как прогрессивной, так и регрессивной ассимиляции согласных в пределах двух соседних согласных.

§ 66. Прогрессивная ассимиляция согласных по глухости—звонкости видна в таких примерах.

За глухим согласным следует глухой:

tüpütkä (Ktm 3) 'в Тибет', tašqa (Ktm 11) 'к камню', kün batsiqīna (Ktm 2) 'там, где заходит солнце', tökti (T 52) 'пролилась (кровь)', tabγašqa (Oa 2) 'к табгачам'.

За звонким согласным следует звонкий:

bodun boγzī (T 8) 'горло народа', oγuzdantan (T 8) 'от огузов', qirqizda (T 29) 'от кыргызов', ebgärü (T 30) 'к дому', tegdimiz (T 35) 'мы сразились', esidgil (Ktm 1) 'слушай', közdä (Ktb 51) 'из глаз', qatīγdī (Ktb 51) 'твердо'.

§ 67. Основы с финальными сонорными l, r, m, n статистически наиболее часто сочетаются с глухими смычными t, q, k, что, по-видимому, следует объяснить приглушенным характером качества сонорных периода рунических памятников (VII—IX вв.): bolti (Ktb 7) 'он стал', qiltim (Ktb 29) 'я сделал', jilqa (Ktb 53) 'в год', körti (Ktb 19) 'он увидел', bertim (T 2) 'я дал', jerkä (T 17) 'в землю', arqada (T 5) 'сзади, позади', ilimkä qanımqa (E 32, 17) 'моему элю, моему хану', jašimta (E 32, 16) 'в мои годы', kemkä (Ktb 9) 'кому', tünkä (T 26) 'к ночи', qantan ~ qantın (Ktb 23) 'откуда', qaγanqa (Ktb 32) 'кагану', qaγanta (Ktb 52) 'от кагана'.

Сочетание сонорный+глухой смычный сохраняется и поныне в отдельных неразложимых основах и в производных словах: altī 'шесть', aqinti 'течение', oturt- 'заставить сесть', azalt- 'уменьшать' и др.

Глагол bar- 'идти' — единственное слово в ТРП, оканчивающееся на сонорный согласный r, — при согласном наращении всегда имеет звонкий согласный: bardim, bardīγ, bardī, barduq, barzīn и т. п. Слово jir ~ jer 'земля' в местно-исходном п. встречается в обеих формах: jirtä ~ jerdä.

По О. Прицаку,²³ в ТРП начальные согласные аффиксов составляли оппозицию по признаку силы/слабости:

-tī — афф. наречий — -dī — афф. прош. категорического вр.
-kli — афф. деепричастия — -gli — афф. причастия
-qu — афф. деепричастия — -γu — афф. причастия
-qa — афф. дательного п. — -γa(ru) — афф. направительного п.

Это важное наблюдение, привлекательное, на первый взгляд, своей простотой, нуждается в документированной проверке.²⁴

§ 68. Природа сонорных согласных в ТРП, имевших, как сказано выше, склонность к оглушению, не всегда находила в рунической графике свое отражение.

За сонорными (графически) следует звонкий согласный, что наиболее часто встречается в енисейских памятниках: adīrildīm (E 11, 4, 5, 7; 13, 1, 4; 14, 3; 25, 2, 3, 7; 28, 8; 44, 6) 'я расстался', ср. adīrindīm (E 32, 13, 14) 'я расстался'; adīrdīm (E 32, 16) 'я лишился', ср., однако, adīriltīm (E 15, 3; 17, 3; 25, 1; 27, 3; 43, 2, 3; 44, 5) 'я расстался'; в орхонских памятниках, как правило, adīriltīm. Еще: qanγa (E 11, 9) 'хану', ср. qanqa (E 29, 8); qazγandīm (E 11, 9; 32, 8) 'я приобрел', ср. qazγantīm (E 27, 4).

По-видимому, афф. причастия будущего вр. -γa, -gä — bil-gä 'мудрый' < 'умеющий править, управлять' — не имел глухой пары -qa, -kä, подобно тому как афф. -ča, -čī не имеют звонких пар.

§ 69. Глухой аффрикативный č, как не имеющий звонкой пары, во всех случаях остается глухим, воздействуя оглушающе (случай регрессивной ассимиляции) на предыдущий звонкий согласный: otča (Ktb 37) 'как огонь', boγča (Ktb 37) 'как буря', subča (Ktb 24) 'как вода' (вероятно, произносилось supča), taγča (Ktb 24) 'как гора' (в произношении — taqča). Ср. еще афф. -čī/-čī: sīγitčī (Ktb 4) 'рыдающий', 'стенающий', joγčī ~ juγčī 'плакальщик (на похоронах)' (в произношении — joqčī ~ juqčī), jērčī (T 23) 'проводник', bēdizčī (Ktb 11) 'резчик по камню' (в произношении — bēdisčī), sabčī (IB 16) 'вестник' (в произношении — sapčī).

§ 70. Сочетания большинства согласных в рунической графической передаче являют довольно пеструю картину (глухой—глухой, звонкий—звонкий, глухой—звонкий, звонкий—глухой), которая безусловно не отражала истинного фонологического состояния языка исследуемых памятников; основываясь на более поздних памятниках и современном состоянии общетюркской фонологической системы, можно с уверенностью говорить об извечном уподоблении соседних согласных по глухости—звонкости, которое не было по ряду причин достаточно отчетливо закреплено в гра-

²³ P r i t s a k O. Die Herkunft der Allophone und Allomorphe im Türkischen. — UAJ, 1961, 33. Bd, N 1—2, S. 143—144.

²⁴ Ср.: Щербак. Ср. фонетика, с. 105.

фике, применявшейся на обширных территориях обитания тюрок. Система рунического письма отражала лишь самые общие положения об использовании согласных, регламентируя их употребление лишь в части сочетания их с передними и задними гласными.

§ 71. Рассмотрим встречающиеся в рунических текстах графически несингармонические сочетания согласных.

Звонкий согласный после глухого:

tapdīm (E 13, 2; 34; 46, 2) 'я служил', ükdīm (E 17, 2) 'я разбогател', jurtda (İB 18) 'в юрте',²⁵ tabṛačda (T 2, 13) 'у, от табгачей', ičikdi (T 2, 28) 'он подчинился', tabṛačṛaru (T 9) 'к табгачам', sülätīm (T 18) 'я велел вести войско', tašīqdi (T 31) 'он вышел', ašdīmiz (T 26) 'мы перевалили через горы', ačdīmiz (T 28) 'мы проложили (дорогу)', olurtdi (Ktb 26) 'посадил (на царство)' и многие другие.

Глухой согласный после звонкого:

udiztīm (T 15) 'я повел', ügüzkā (T 18) 'к реке', oṛuzqa (T 49) 'к огузам', temir qarīṛqa (T 45, 46) 'К Темир-капыгу', teḡti (T 46) 'он достиг', taṛqa (T 47) 'в горы', abqa (İB 17) 'на охоту', aztī (İB 20, 21) 'он сбился с пути', subqa (T 50) 'в воду', bu ödkā (Ktm 1) 'в это время'.

Конечный согласный η графически сочетается как со звонкими, так и с глухими согласными, что, по-видимому, объясняется качеством этого согласного — $ng/n\eta \sim nq/nk$: tört bulunḡaqī (Ktb 2, 29) \sim tört bulunṭaqī (İB 42) 'находящийся по четырем странам (света)'.

§ 72. Под регрессивной ассимиляцией согласных имеется в виду уподобление согласных, при котором предшествующий согласный уподобляется последующему: $d + q > tq$, $\gamma + s > qs$, $\gamma q > q(q)$ и т. п. Результаты уподобления согласных по глухости — звонкости в рунической графике, как правило, отражения не получали. О влиянии глухого согласного в аффиксах -čī, -ča см. § 69.

Приведенные выше графически несингармонические сочетания согласных звонкий + глухой, глухой + звонкий должны были в живом произношении подвергнуться действию законов прогрессивной или регрессивной ассимиляции согласных, как это наблюдается в современных тюркских языках: $tapdīm > taptīm$ (прогрессивная ассимиляция согласных по глухости) $\sim tabdīm$ (регрессивная ассимиляция согласных по звонкости), $tabṛačṛaru > tabṛačqaru$ (в данном случае регрессивная ассимиляция по звонкости не может иметь места, так как согласный č не имеет звонкой пары), $udiztīm > udizdīm \sim udistīm$, $ügüzkā \sim ügüzgä \sim ügüskā$, $taṛqa > taṛṛa \sim taqqa$, $subqa > subṛa \sim supqa$, $ödkā > ödgä \sim ötkā$.

§ 73. Явление прогрессивной и регрессивной ассимиляции особенно часто наблюдается в группах согласных, первым из кото-

²⁵ jurt 'место для кочевания', 'юрт' (< jur- 'ходить', 'кочевать') > 'страна' (Бартольд. Соч., т. V, с. 133; К о н о н о в А. Н. Родословная туркмен, с. 79, § 4).

рых является плавный: tarla > tala ~ dala 'нива', 'степь'; otur- > olur- ~ otur- 'сидеть', 'садиться' (здесь в первом случае $l+t > l$, во втором — $l+t > t$).

§ 74. Приведем примеры регрессивной ассимиляции согласных по звонкости.

td > *dd > d: *jaratitdīm > *jaratiddīm > jaratidīm (Tekin, Grammar, p. 247, № 14) > jaratdīm (Малов, М Хб 14) 'я приказал соорудить'; bititdim > *bitiddim > bitidim (Tekin, p. 247, № 15; Малов, М Хб 15) 'я поручил написать'; ср.: taš toqittīm (М Хб 15) 'я приказал водрузить камень'.

kg > *gg > g: *jōkgārū > *jōggārū > jōgārū (Ktb 11) 'вверх'; ср.: jūgārū (ДТС 284) < *jūggārū < *jūkgārū; ср. прогрессивное уподобление: jūkārū (ДТС 285) < *jūkkārū < *jūkgārū.

§ 75. Укажем случаи прогрессивной ассимиляции согласных по глухости:

qṛ > qṛ > q: *baliqṛa > baliqqa > baliqa (Т 18, 19) 'в город'; *joqṛaru > joqqaru > joqaru (Т 25) 'вверх'.

td > tt > t: *igitdim > *igittim > igitim (Ktb 29; М 38) 'я поднял', 'я возвысил'; itdīm²⁶ > *ittīm > itīm (М 40) 'я послал'; ср. еще: itī (Ktm 12; М Хб 14) < itti < *itdī 'он послал', itīmiz (Ktb 40; Т 42) 'мы послали' (< ittīmiz).

čs > *čč > č: qorqinčīṛ 'страшный' (ДТС 469) < *qorqinčsīṛ < qorqinč 'страх' + -sīṛ афф. уподобления; kūsānčig 'желанный' < *kūsānčsig (ДТС 329) < kūsānč 'желание' + -sig афф. уподобления.

§ 76. Действие прогрессивной ассимиляции согласных прослеживается и на заимствованных формантах.

gd < gt: jegdi < *jegtī 'лучше'.

ṛd < ṛt: qatīṛdī (Ktm 2) < *qatīṛtī 'крепко', 'твердо'.

По мнению Г. И. Рамштедта, афф. -tī «представляет собой (в тунгусском языке, — А. К.) обычный инструментальный падеж, проявляясь фонетически как -ṣi, -d'i, -di, -ti, -či, -t». ²⁷ Исходной формой этого падежа является афф. -tī/-ti, так как при гласной основе (äḡṛūti 'хорошенько') и при основе на сонорный (amtī 'теперь') сохраняется начальный глухой согласный.

§ 77. Эти явления ассимиляции согласных находят свое отражение в графике: bitidim вм. bititdim; этот орфографический прием обеспечивает точную фонематическую передачу живого произношения, при котором два согласных одинакового качества сливаются в один несколько более удлинённый, чем одинарный согласный; см. § 74—75.

²⁶ Глагол 'посылать' приводится в словарях в трех-четырех формах. ДТС: it-/id-/iḍ-; Tekin. Grammar, p. 332—333: it-/id-/id-/i-; Gabain. Alt-türk. Gr., S. 336: id-/it-/i-; формы этого глагола типа it- состоят из коренной морфемы *i- + афф. понудительного залога -t, который утратил свое значение.

²⁷ Рамштедт. Введение, с. 50.

§ 78. А п о к о п а — отпадение последнего согласного в отглагольных именах — может служить одним из классификационных признаков огузской группы тюркских языков: қаруγ > qarı 'дверь'; tarlaγ (< tarıγlaγ) > tarla 'нива', 'степь'.

§ 79. К о н т р а к ц и я — стяжение согласных.

η < ng / nγ: kälinün (Ktb 49) 'невестка' < kälin + -gün афф. собирательности; аңар (Ktm 11) 'ему' < *an + -γar афф. дательного п.

§ 80. П р о т е з а — появление факультативного начального j; часто трудно поддается определению, первоначальное оно или вторичное: jıγač ~ iγač ~ aγač; ²⁸ jıγla- ~ iγla- ~ aγla- < *aγ ~ aγ ²⁹ + -la-; i (T 26) 'растение' — jis ~ jiš 'чернь', 'горный лес', где -š (-s) — афф. собирательности (?).

§ 81. С и н к о п а — выпадение звука или группы звуков внутри слова — проявляется как закон сокращения двусложного слова в односложное, трехсложного в двусложное, четырехсложного в трехсложное: bar (T 10, 26, 3) 'имеется', 'есть' < barır (§ 391); čiq- < tašiq- 'выходить'; janıluq > janluq (Ktb 19) 'ошибка' < janıl- 'ошибаться'; tarıγlaγ > tarlaγ > tarla 'нива' (tarıγ 'земледелие' < tarı- 'засевать' < *tar- 'возделывать землю?'); *oγulu > oγlu 'его сын'; udušir- ~ udišir- 'заставить следовать друг за другом' — udišru (Ktb 36) 'один за другим (следуя)'; köñlünčä (T 15, 32) 'по своей воле' < köñülünčä.

Падение согласных q, γ/k, g в анлауте аффиксов в сочетании с согласным корня-основы может рассматриваться как явление синкопы, вызванное прогрессивной ассимиляцией согласных корня-основы и аффикса: qulγaq > qulaq 'ухо'; inčgä > inčä 'тонкий'; jazγan > jazan 'пишущий'.

§ 82. М е т а т е з а — взаимное перемещение звуков или слогов в составе слова на ассимилятивной или диссимилятивной основе. Метатеза как особый источник фонетико-морфологического развития слова в памятниках рунической письменности — в отличие от живых современных тюркских языков ³⁰ — развита довольно слабо, что, конечно, следует объяснить довольно строгой нормализацией языка ТРП. Приведенные ниже примеры взяты из «Дивана» МК.

Наблюдается метатеза преимущественно смежных согласных, первым из которых является сонорный.

nš > šn: qonši > qošni 'сосед' (ДТС 455);

²⁸ По всей вероятности, форма диминутива на -γač от (j)i 'растение'; см.: M e n g e s K. H. Die sibirischen Türksprachen. — In: Handbuch der Orientalistik, 5. Bd, 1. Abschn., Türkologie. Leyden—Köln, 1963, S. 88.

²⁹ Ср.: aq- 'течь'; aq 'жидкость' (РСл. I, 95); jaš 'слеза' < ja + -š (?).

³⁰ П а л ь м б а х А. А., И с х а к о в Ф. Г. Явления метатезы в тувинском и в некоторых других тюркских языках. — ИСГТЯ, I, с. 293—297.

γd > dγ: baγda- > badγa- 'дать подножку (в борьбе)' (ДТС 77);
γm > mγ: jaγmur > jamγur 'дождь'.

§ 83. Отмеченное выше (§ 21) чередование гласных в аффиксах (по степени раствора рта: узкие ~ широкие негубные) наблюдается также довольно широко в основах (корнях) слов, сохранившихся в памятниках тюркской письменности; приведенные ниже примеры извлечены из ДТС, «Дивана» Махмуда Кашгарского, словарей Кюсока, Рясянена, Севортяна.

e(ä) ~ i: eł ~ il 'эль, племенной союз', te- ~ ti- 'говорить', tez- ~ tiz- 'бежать', keñäš ~ keñiš 'совет', asra ~ isrā 'внизу', 'под'.

a ~ i ~ u: aγaz ~ aγiz 'рот', anča ~ inča (ДТС 43) 'так', balaq ~ balıq 'рыба', balıq ~ baluq 'город', tapaγ ~ tapıγ ~ tapuγ 'служба' (tap- 'служить'), qaraγ ~ qarıγ ~ qarıγ (qar-a- 'закрывать'), tatıq- ~ tutıq- ~ tutuq- 'ржаветь', turaq ~ turuγ 'жилище', tatıγ ~ tataγ 'вкус' (tat- 'пробовать').

i ~ i: iš ~ iš 'дело', biγ ~ bıγ 'тысяча', biñä ~ bıña 'отряд из тысячи воинов', til ~ tıl 'язык', tiš ~ tiš 'зуб(ы)', bič- ~ bič- 'резать', bičäk ~ bičaq 'нож', čilä- ~ čila- 'мочить'.

i ~ ü: min- ~ mün- 'подниматься', köpik ~ köpük 'пена', köpir- ~ köpür- 'пениться', süčig / süčik ~ süčüg / süčük 'сладкий', sipir- ~ süpür- 'подметать'.

i ~ u: qurı- ~ quru- 'сохнуть', mına ~ muna 'вот', mınča ~ munča 'так', 'таким образом', mındın, mundan, mındın, mundun исх. п. от bu 'это(т)', toqı- ~ toqu- 'бить', 'ударять'.

ö ~ ü: sök- ~ sük- 'ругать', 'бранить', köšüs ~ küsüs 'желание'.

o ~ u ~ i: qorqunč ~ qorqınč 'страх', qoşıq ~ quşıq 'орех', qotrul- ~ qutrul- 'быть изгнанным', sıγun ~ soγun ~ suγun 'матрал-самец'.

Чередование гласных, в первую очередь по степени раствора рта — широкие / узкие (как в основах, так и в аффиксах), отражает **два основных типа тюркских языков**, один из которых характеризовался в огласовке аффиксальных морфем широкими негубными гласными, другой — узкими негубными гласными; с другой стороны, подобное различие распространялось и на основы (корни) слов.

§ 84. Приведем примеры чередования согласных.

b ~ m: bən ~ mən 'я'; bin- ~ min- ~ mün- 'садиться верхом'; biγ / bıγ ~ miγ 'тысяча'; beγgü ~ meγgü / meñi ~ meñü 'вечный'; beñü ~ meñü / meñi 'памятник'; qabša- ~ qamša- 'сдвигаться', 'смещаться'.

Чередование b ~ m в словах с конечными согласными n, ŋ объясняется регрессивной назализацией; но как объяснить b ~ m в слове qabša- ~ qamša-? ³¹

³¹ Рясянен. Фонетика, с. 188—190.

b ~ v(w) ~ f[~ j]: eb ~ ev ~ ef ~ üv [~ öj ~ üj] 'дом'; ab ~ av 'охота (на зверей)'; čab ~ čav 'слава'; sab ~ sav 'слово', 'речь'; seb- ~ sev- ~ sef- [~ sōj- ~ sūj-] 'любить'; tabar ~ tavar 'имущество'; evat ~ evet (ewet) ~ emät ~ emet ~ jemät 'да', 'ладно' < *ebet (только через цепочку чередований b ~ v, b ~ m возможны формы evet ~ emet); jabaš ~ javaš 'мягкий', 'кроткий'; jabiz ~ javiz ~ javuz ~ jufuz 'плохой'; jabγu ~ javγu ~ jaγu титул верховного правителя у западных тюрков.

p ~ b: ара ~ aba 'старшая родственница'; taparu ~ tabaru (последлог) 'к, на, по направлению'; qabaq ~ qaraq 'крышка', 'веко'; pös ~ böz ~ bez 'бязь'; piš- ~ biš- 'вариться'.

b ~ p ~ v/f: qabsa- ~ qarsa- ~ qavsa- 'окружать'; qopdaq ~ qovdaq 'жадный', 'прожорливый'; *öbkä ~ örkä ~ övkä ~ öfkä 'гнев'; öb- ~ öp- ~ öv- 'целовать'; *jubqa ~ jurqa ~ juvqa / juvγa ~ juγa ~ jujqā 'тонкий', 'мягкий'.

b ~ v ~ g/γ: sub ~ suv ~ suγ ~ su 'вода'; čibin ~ čigün 'муха'.

č ~ t: čičqan ~ tišqan 'мышь'.

č ~ j: čač ~ jač 'волос(ы)'; ср.: sač ib.

d/t ~ δ[z]s ~ j/j: ada ~ ata 'отец'; baldu ~ baltu 'секира'; jad- ~ jat- ~ jaδ- [jaz-] ~ jas- ~ jaγ- ~ jaj- 'распускать', 'рассеивать'; eδgü ~ eδgü ~ ejgü > ejü ~ ejī ~ iji 'хороший'; adaq ~ adaq / azaq ~ ajaq 'нога', öd ~ öδ ~ öz 'время'; qadīn ~ qadīn / qazīn ~ qajīn 'отец жены', 'тесть'; qod- / qot- ~ qod- ~ qoj- 'класть'; qodqī / qotqī ~ qodqī ~ qozqī / qosqī 'кроткий', 'смирный'; aduruγ / adruq ~ adruq ~ ajruq 'разный'; aduγ / adīγ ~ adīγ ~ ajīγ >aju ~ ajī 'медведь'; keđim ~ keđim ~ kejim 'одежда'; keđ / keγ ~ keđ ~ keγ 'сильный', 'крепкий'; adγīr ~ adγīr ~ ajγīr 'жеребец'; quduγ ~ quduγ ~ qujuγ > quju 'колодец'; badraq / batraq ~ bajraq 'древко с флагом'; bađram ~ bajram 'праздник'.

d ~ δ ~ v: adut ~ ađut ~ avut / avuč 'горсть'.

η ~ n/γ/g/k (см. § 53): *ančaη > ančan > ančay 'столько' (ДТС 43—44).

k/g ~ j ~ ø: eškāk / ešgāk ~ ešjāk > ešāk 'осел'.

УДАРЕНИЕ

§ 85. В ТРП ударение было, по-видимому, экспираторным и падало, как правило, на последний слог двусложного слова.

В трехсложных и четырехсложных словах возникает вторичное ударение, падающее на первый слог: bōdunumīn 'мой народ' (вин. п.).

Средний узкий гласный трехсложного слова, состоящего из корневой и аффиксальной морфем, находящийся между вторичным и главным ударениями, часто полностью элизируется: janjil- 'ошибаться' > janjīš 'ошибка'.

Повелительное наклонение и отрицательная форма имеют ударение на первом слоге: bīlīŋ (M 33) 'знай же!'; bīrmädi 'не отдал'.

Некоторые аффиксы не имеют ударения: óqun (инстр. п.) 'стрелю' (Ktb 33); ótča (Ktb 37) 'подобно огню'.

СЛОГ И СЛОГОДЕЛЕНИЕ

§ 86. Слог, представляющий собою минимальную языковую единицу, может или совпадать со словом, или быть частью слова. Слоγοобразующими в тюркских языках являются все гласные, а неслоγοобразующими — все согласные.

Лексический материал ТРП представлен следующими структурными типами слогов.

V: u- 'мочь', ö- 'думать', u 'сон', i 'растение', i + ni (ini) 'младший брат', a + ta (ata) 'отец', a + ra (ara) 'старшая родственница'.

VC: eŋ- 'быть', ač- 'открывать', 'торить дорогу', ab 'охота (на зверей)', eŋ 'муж'.

CV: ti- ~ te- 'говорить', ba- 'привязывать', tö + rü (törü) 'обычное право', ba + ɣa (baɣa) титул.

CVC: bir- 'давать', bol- 'быть', baŋ- 'идти', baš 'голова', ɣan 'хан', sub 'вода', bul + ɣaɣ (bulɣaɣ) 'смятение', 'мятеж'.

VCC: ełt- 'тянуть', 'вести', alp 'герой', iŋɣ 'гадание', ast 'низ'.

CVCC: ɣoɣɣ- 'бояться', sanč- 'пронзить копьём', türk 'тюрк', qırɣ 'сорок', bars 'барс', tört- 'четыре'.

Стечение двух согласных в ауслaute допускается при условии сочетания сонорного с шумным согласным: lɣ—lk, lp, lt, nč, ɣč, ɣɣ—rk, rs, rt, jt.

Односложные тюркские корневые слова типа CVCC — явление вторичное, обусловленное фонематической природой тюркских сонорных согласных.

Современные тюркские языки, преимущественно языки кыпчакско-карлукского круга, не терпят сочетания двух согласных (любого качества) в одном слоге в ауслaute.

СТРУКТУРА ТЮРКСКИХ КОРНЕВЫХ МОРФЕМ

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА КОРНЯ

§ 87. Корень слова — понятие историческое в том смысле, что структура корня изменяется в зависимости от ряда обстоятельств, и в первую очередь от сохранения или угасания словотворческой способности отдельных формантов; известно, например, что в современных тюркских языках исходной основой для образования глагола *baɣla-* 'связывать' служит имя существительное *baɣ* 'связка', 'узел', состоящее из глагола *ba-* 'связывать' + афф. отглагольного имени существительного *-ɣ/-g*; ср. еще: *ba + n-* 'обвязываться', *ba + l-* 'быть связанным'; *ögrän-* 'учиться' < *ög* 'разум' < *ö-* 'думать'; *sapa-* 'считать' < *san* 'счет' < *sa-* 'считать' (> *san-* 'считаться').

§ 88. Кратчайшей формой тюркского корня является корень, состоящий из

1) одного гласного: *ö-* 'думать', *ü-* 'мочь', *ī* 'растение', *ī* 'запах', *ū* 'сон', *ū-* 'тереть' 'растирать', 'мелкий';

2) согласного и гласного: *pā- ~ bā-* 'связывать', *sā-* 'считать', *qā-* 'складывать', 'класть друг на друга', *tē ~ ti-* 'говорить', *tū-* 'закрывать', 'запружать', 'заваливать', *tū* 'цвет', 'окраска', 'масть лошади', *jā (ḡā)* 'лук (оружие)';

3) гласного и согласного *āj* 'луна', *aj-* 'говорить', *āq* 'белый', *aq-* 'течь' (глагол), *at* 'лошадь', *āt-* 'шагать', *et* 'мясо', *it- ~ et-* 'делать'.¹

Что же касается весьма распространенного в современных тюркских языках корня типа согласный + гласный + согласный, то следует иметь в виду, что морфологический анализ в большинстве случаев определяет третий элемент (т. е. конечный согласный) как **с л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы й** аффикс (при именных корнях). Следовательно, речь идет о грамматическом синкретизме древнейших глагольно-именных корней-основ, обстоятельно разработанным Э. В. Севортыаном² и Б. М. Юнусалиевым.³

¹ Подробнее см.: Юнусалиев. Киргизская лексикология, с. 38—46.

² Севортыан. Афф. глаголообразования, с. 359—430.

³ Юнусалиев. Киргизская лексикология.

Н. А. Баскаков типичным тюркским корнем считает корень, состоящий из C + V + C: «Этот тип корня представляет собой древнейшую структуру корня, из которой позже развились три других типа корня этой группы».⁴ «Структура слогов в тюркских языках, — пишет Н. А. Баскаков в другой своей работе, — . . . совпадает со структурой типичных корней самостоятельных слов из которых более древним является корень типа C + Г + C . . . »⁵ Что же касается остальных, то последние представляют собой более поздние модификации корня типа C + Г + C . . . ».⁵

Вопреки этому положению ТРИ своим лексическим запасом подтверждают наличие некоторого количества односложных глагольных корней типа C + V: ⁶ ba- 'связывать', ji- ~ je- 'есть', 'купать', si- 'ломать', sa- 'считать', ti- ~ te- 'говорить', tu- 'закрывать', 'запружать', 'заваливать' и некоторые другие.

С другой стороны, наличие первородного типа C + V⁷ подтверждается многочисленными примерами основ типа C + V + C, в которых конечным согласным выступает формант, выполнявший в свое время определенную грамматическую функцию, но позднее ее утративший и в силу этого вошедший в состав нового корня-основы; так, например, глаголы jaп- 'гореть', jaq- 'зажигать', jal- 'воспламеняться', 'обжигать', ja + r + u- 'светиться', 'сиять' восходят к корню *ja-; глаголы keł- 'приходить', kit- ~ keť- 'уходить', keз- 'гулять', keç- 'переходить', qaç- 'убегать', kir- 'входить' имеют общий корень *ke- ~ *ki-, *qa-; глаголы tod- ~ toz- ~ toj- ~ tođ- 'насыщаться', tol- 'наполняться', toš- 'наполнять' образованы от корня *to-; этот же корень обнаруживается в ряде отглагольных имен: to-q 'сытый', to-j 'пир', to-siq 'сытый', to-p 'полный', 'целый', 'весь'; глаголы san- 'думать', 'раздумывать', saq- 'думать', 'считать', очевидно, восходят к глаголу sa- 'считать', 'подсчитывать'; глаголы qod- ~ qođ- ~ qoj- 'класть', qoš- 'класть вместе', 'соединять', qotur- 'перекладывать', qop- *'класть себя' > 'опускаться', 'садиться (о птицах)', 'оседать', 'поселяться' имеют общий корень *qo- 'класть'; глаголы tid- 'задерживать', tij- 'препятствовать', tut- 'держать', 'хватать', 'ловить', tun- 'быть закрытым', tur- 'стоять', по всей вероятности, восходят к корню tu- 'закрывать', 'преграждать'; глаголы jor- ~ jori- ~ jör- ~ jöri- ~ jörü- ~ jür- ~ jüri- ~ jügü- ~ jur- ~ juri- ~ juri- 'идти', 'ходить', jügür- ~ juv- 'бежать' (ДТС 282) восходят к глагольному корню *jo- ~ jö- ~ *ju- ~ jü- с гипотетическим значением *'ходить', *'двигаться'; ⁸ афф.-г в составе

⁴ Баскаков. К.-к. язык, II, ч. 1, с. 100.

⁵ Баскаков Н. А. Структура слога в тюркских языках. — ИСГТЯ, I, с. 333.

⁶ В дальнейшем изложении частично использован фактический материал, приведенный в статье: Зайончковский А. К вопросу о структуре корня в тюркских языках. Глагольные основы моносиллабические (односложные) типа C + V. — ВЯ, 1961, № 2, с. 28—35.

⁷ См.: Котвич. Исследование, с. 276—288.

⁸ См.: Там же, с. 284—285.

глагола *jog-* (и его фонетических вариантов), равно как афф. *-gür* (*jügür-*), являются показателями понудительного залога; афф. *-i* (и его фонетические варианты) в составе глагола *jogī-* (и его фонетических вариантов) является показателем учащательной формы (залога), причем и понудительное и учащательное значения давно утрачены и в настоящее время все приведенные формы этого глагола (за исключением, конечно, глагола *jügür-~juv-*) имеют значения базового корня **jo-*.⁹

§ 89. Спайка придаточной (аффиксальной) морфемы с корневой морфемой в единое целое с сохранением исходного значения может быть иллюстрирована также следующими примерами: в глаголе *rol- ~ bol-* ($> wol- > ol-$) 'быть', 'делаться', как и в глаголе *qil-* 'делать', якут. *qin-* 'делать', морфемы *-l*, *-n*, судя по общепалтайским данным (ср.: монг. *ki-*, тунгус. *ke-* 'делать'), не входили в состав корня, а являлись показателями страдательно-возвратного залога; ср. еще: *qajt-* ($< qaj + -t-$) 'возвращаться', *ajt-* ($< aj + -t-$) 'говорить', *et-* ($< e + -t-$) 'делать', *eg-* ($< e + -r-$) 'быть',¹⁰ *tur-* ($< tu + -r$) 'стоять';¹¹ во всех этих примерах форманты *-t*, *-r* — афф. понудительного залога.

Ряд производных глаголов от корня **qa-* анализируется в статье И. В. Кормушина.¹²

Конечные согласные *q*, *k*, *l*, *r*, *n*, *t*, *š ~ č*, *s ~ z* в трехфонемных (CVC) и двухфонемных (VC) корнях-основах являются залоговыми показателями, которые вошли в состав корневых морфем, образовав базу — новый тип корня, не поддающийся в сознании носителей языка членению на составляющие элементы.

§ 90. Глагольные и отглагольные двусложные основы типа VCCV восходят к трем сложным основам VCVCV: *aṛī-* $< aṛīr-$ $< aṛīr- + -i-$ $< aṛ-īr-$ 'болеть', *ašnu* $< ašin-$ $+ -u$ $< ašin-$ $\sim ašin-$ 'быть впереди', 'опережать' (см. ниже).

Трехсложные основы, возникающие в результате морфологического развития двусложных основ, сокращаются, как правило, в двусложные, при этом предударный (средний узкий гласный) полностью утрачивается: *titir titir* 'дрожание' — **titir + ä-* \sim **titir + i-* $>$ *titrā-* \sim *titri-* 'дрожать'; *adīr-* 'отделять' — *adīrīl-* $>$ *adrīl-* 'быть отделенным' (ДТС 12—13), *adru-* 'различать' (ДТС 13); *egir-* 'заставить сгибать' — **egirig* $>$ *egri* 'кривой'; *jaqış-* 'приближаться', 'подходить', 'нравиться' — **jaqışiq* $>$ *jaqşı* 'хороший'; *terin-* \sim *derin-* 'собираться' — **terinäk* $>$ *ternäk* \sim *dernäk* 'соб-

⁹ Там же.

¹⁰ Кононов А. Н. О фузии в тюркских языках. — В кн.: Структура и история тюркских языков. М., 1971, с. 115. — «Перечень глаголов, представляющих омертвелые образования с залоговыми аффиксами», приведен в кн.: Харитонов Л. Н. Залоговые формы глагола в якутском языке. М.—Л., 1963, с. 120—124.

¹¹ Котвич. Исследование, с. 283.

¹² Кормушин И. В. Лексико-семантическое развитие корня **qa* в алтайских языках. — В кн.: Тюркская лексикология и лексикография. М., 1971, с. 9—28.

вание', 'союз'; *oɣun* 'место' — **oɣuna-* > *oɣna-* 'помещаться', 'занимать место'; *jašin* 'молния' — **jašina-* > *jašna-* 'сверкать (о молнии)'; *jaɣır* 'ссадина на спине животного' — **jaɣiri-* > *jaɣrı-* 'покрываться ссадинами'; *qobuz* 'комуз' — **qobuza-* > *qobza-* 'играть на комузе'; *hepsi* < **hepisi* 'все'; *aşır* ~ *aşur* — понуд. залог от *aş-* 'увеличивать' — деесп. **aşiri* ~ *aşuru* > *aşru* 'чрезмерно', 'в избытке'; *oɣlaq* 'козленок' < **oɣulaq* — диминутив на -^oq от *oɣul*.

Синкопирование предударного широкого гласного наблюдается значительно реже: турец. *üzere* (< *üzgere*) > *üzre* 'над'.

§ 91. Незначительное число двусложных основ при гласном наращении не подчиняется синкопированию: *odun-u* 'его дрова', *balıq-i* 'его рыба', *kömür-ü* 'его уголь', *kəlin-i* 'его невестка' и некоторые другие.

ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННАЯ ОМОНИМИЯ

§ 92. Древнейшее состояние глагольных основ представляет особый интерес в связи с проблемой разграничения имени и глагола как самостоятельных частей речи. Н. К. Дмитриев, следуя за П. М. Мелиоранским,¹³ высказал мнение, — к которому присоединился Э. В. Севортян, — что на ранней ступени глаголообразования глагольная и именная основы различались только в контексте, «как синтаксические единицы, а не как лексические», которые позднее дифференцировались за счет фонетического чередования.¹⁴

Эта точка зрения на происхождение омонимичных глагольно-именных пар не может быть безоговорочно принята, так как в действительности дело обстоит, по-видимому, значительно сложнее; во всяком случае следует признать, что в исторически обозримую эпоху развития тюркских языков «основой омонимичных пар слов служит корень с глагольным значением».¹⁵ Этот вывод подтверждается следующим наблюдением. В «Диване» (МК) первичный глагольно-именной омоним представлен единственным примером — *qa-* 1) 'складывать', 'класть вместе', 'класть по порядку'; 2) 'сосуд', 'посуда' (ДТС 399); по-видимому, к этому же корню принадлежат глаголы *qal-* 'оставаться', 'сохраняться', 'уделеть' (ДТС 410), *qat-* 'смешивать', 'примешивать', 'присоединять' (ДТС 432), *qar-* 'хватать', 'захватывать' (ДТС 420), *qar-* 'смешивать', 'примешивать' (ДТС 422), а также имена существительные *qar* 'сосуд', 'мешок', *qat* 'слой', 'пласт' 'ряд'.¹⁶

¹³ Мелиоранский. КТ, с. 98: «... в древности разделение корней на глагольные и именные не было так строго проведено в турецком языке, как теперь. Впрочем есть и теперь корни, имеющие двойное значение — глагольное и именное».

¹⁴ Подробнее см.: Севортян. Афф. глаголообразования, с. 362; Юнусалиев. Киргизская лексикология, с. 66—79. — Ряд примеров заимствован из этих работ.

¹⁵ Юнусалиев. Киргизская лексикология, с. 79.

¹⁶ См.: там же, с. 67; К о р м у ш и н И. В. Лексико-семантическое развитие корня **qa* в алтайских языках, с. 9—29.

Э. В. Севортьян, которому принадлежит наиболее полное освещение и исследование глагольно-именной омонимии, выделяет первичные и вторичные глагольно-именные основы.¹⁷

Характерной особенностью омонимичных глагольно-именных основ является закрытый слог, конечным согласным в котором выступают q—γ, g—k, m, n, (ŋ), l, r, j, t—d, č—š(s), s—z, p.¹⁸ Обращает на себя внимание почти полное совпадение перечисленных согласных с набором конечных согласных в трехфонемных корнях-основах (см. § 89).

По подсчетам Б. М. Юнусалиева, в современном киргизском языке первичных омонимов односложного типа насчитывается 22 пары;¹⁹ в «Диване» (МК), по его же исчислению, представлено 50 пар первичных омонимов.²⁰

Происхождением омонимичных глагольно-именных основ тюркская морфология обязана ряду факторов.

1. О д н о с л о ж н ы е о м о н и м ы. В результате сложного и длительного фонетико-морфологического развития аффиксов отглагольного образования глаголов и имен многие из этих аффиксов приобрели одинаковое звучание, образовав омоформы типа: ta-+t 1) 'пробовать на вкус', 2) 'вкус'; to-+j 1) 'насыщаться', 2) 'пир'; ar-+t 1) 'класть на спину', 'навьючивать', 2) 'задняя часть', 'зад' [ar 1) 'спина' 2) 'взваливать на спину' (Севортьян. ЭСТЯ, I, 175), -t — афф. понудительного залога]; k/gö-+č(∼š∼s) 1) 'кочевать', 2) 'кочевка'; to-+z 1) 'распыляться', 'превращаться в пыль', 2) 'пыль'; t/do-+n 1) 'мерзнуть', 2) 'мерзлый', 'лед'; ta-+š 1) 'переливаться через край', 2) 'наружная часть чего-л.'; mü-+n 1) 'заблуждаться', 'выживать из ума', 2) 'порок', 'недостаток', 'изъян'; tī-+n 1) 'дышать', 2) 'дыхание'; je-+l 1) 'скакать', 'мчаться', 2) 'ветер'; ju-+q 1) 'прилипать', 'приставать', 2) 'остаток пищи на стенках котла'; t/dü-+z 1) 'приводить в порядок', 'выравнивать', 2) 'ровный', 'одинаковый'; ja-+r 1) 'рассекать', 2) 'яр', 'овраг'; qa-+t 1) 'присоединять', 2) 'слой', 'ярус', 'ряд'; qu-+m 1) 'волноваться (о воде)', 2) 'волна'; a-+č(∼š∼s) 1) 'голодать', 2) 'голодный'.

В глаголе jüd- 'нагружать', 'навьючивать' (ДТС 283) выделяется корень *jü-(+ -d — афф. понудительного залога), который получил развитие в виде глагольно-именного омонима: jü-+ -k 1) 'навьючивать', 2) 'выюк'; дальнейшее развитие — jük + lä- 'навьючивать' (ср.: ba-, baγ, baγla-).

Отсутствие о д н о с л о ж н ы х омоформ подобного типа с открытым слогом позволяет сделать следующий важный вывод: все конечные согласные приведенных или подобных омоформ явля-

¹⁷ Севортьян. Афф. глаголообразования, с. 365—397.

¹⁸ Примеры см.: там же, с. 365—374; Hatiboğlu V. Türkçenin yapısı ve ikili kökler. — Türk Dili, 1970, № 224, s. 110—115; Deny. Gr., § 849.

¹⁹ Юнусалиев. Киргизская лексикография, с. 80.

²⁰ Там же, с. 82.

ются, вне всякого сомнения, 1) залоговыми показателями, которые в результате фузионного сплавления (корень + аффикс) образовали корень-основу с сохранением, по-видимому, своего основного значения; 2) аффиксами отглагольного образования имен.

2. Двусложные омонимы представляют собою сочетание глагольного корня с показателями залогов и омонимичных им масдарных или, реже, причастных аффиксов: *adī- + n* 1) 'изменяться', 2) 'другой', 'иной'; *adī- + r* 1) 'разделять', 'отделять', 2) 'отделение', 'ответвление'; *adīr- + t* 1) 'различать', 2) 'различие'; *qis- + il* 1) 'быть сдавленным, зажатым', 2) 'теснина', 'ущелье'; *ög- + üt* 1) 'восхвалять', 2) 'хвала', 'славословие'.

3. Подавляющее большинство двусложных основ с открытым конечным слогом в их именном значении являются производными от глагольных имен на -γ/-g, которые в большинстве тюркских языков (начиная с XV—XVI вв.) полностью редуцировались: *qıgu-* 'сохнуть' — *qıguγ* > *qıgu* 'сухой'; *aγγı-* 'испытывать боль' — *aγγıγ* > *aγγı* 'боль'; *jama-* 'ставить заплаты' — *jamaγ* > *jama* 'заплата'; *tarı-* 'сеять' — *tarıγ* > *tarı* 'зерно', 'злаки'; *açı-* 'киснуть', 'бродить' — *açıγ* > *açı* 'кислый', 'горький'; *aγı-* 'очищаться' — *aγıγ* > *aγı* 'чистый'; *ekši-* 'делаться, становиться кислым' — *ekšig* > *ekši* 'кислый'; *boja-* 'красить' — *bojaγ* > *boja* 'краска'; *tat-* 'пробовать на вкус' — *tataγ* ~ *tatıγ* > **tatı* > *tat* 'вкус'; *qat-* ~ *qatı-* (учащательная форма) 'становиться твердым' — *qatıγ* > *qatı* 'твердый'; *qışla-* 'зимовать' — *qışlaγ* > турец. *qışla* 'зимовка' > 'казарма'; *jajla-* 'проводить лето' — *jajlaγ* > турец. *jajla* 'летний'.

4. Значительное распространение получила оморфия взаимного залога с масдарами на -^oš и возвратного залога с масдарами на -^on, как результат длительного развития первоначально разноразличающих формантов.²¹

Взаимный залог — масдар на -^oš:

dövüş 1) 'драться', 2) 'драка' (*döv-* 'бить'); *vuruş* 1) 'биться', 'сражаться', 2) 'битва' (*vur-* 'ударять'); *jarış* 1) 'состязаться', 2) 'состязание' (*jar-* 'рассекать'); *ulaş* 1) 'связывать что-л. вместе с кем-л.' 2) 'связь', 'соединение'; *alış* 1) 'вместе брать', 2) 'взимание долга' (ДТС 36); *barış* 1) 'мириться', 2) 'примирение', 'мир'.

Возвратный залог — масдар на -^on:

jınap 1) 'верить', 2) 'вера', 'убеждение' (*jına-* 'верить'); *jaqın* 1) 'приближаться', 2) 'близкий' (*jaq-* 'приблизиться' < **ja + n* 'сторона', *ja-q* 'бок'); *tütün* 1) 'дымить', 2) 'дым' > 'табак'.

Понудительно-пассивный залог — отглагольное прилагательное на -^oq/-^ok:

кирг. *biñiq* 1) 'быть в беспорядке', 2) 'непутевый'; кирг. *biñiq* 1) 'закаляться', 'крепнуть', 2) 'крепкий', 'прочный'.

§ 93. Синкретизм глагола — имени в истории и современном состоянии тюркских языков широко распространен. Э. В. Севор-

²¹ Севортян. Афф. глаголообразования, с. 374.

тян на основании учтенного им значительного числа омоформ считает возможным сделать следующий вывод: «Все глаголы и имена, семантически связанные между собой и объединяемые значениями названия процесса, результата и т. д., восходят к корням и производным словам, в которых не было не только грамматического, но иногда и лексического разграничения глагола и имени действия, процесса и его признака (или результата) и т. д. Иными словами, выражение всех этих значений носило комплексный характер и конкретизировалось в контексте».²²

Несмотря на обстоятельно аргументированное Э. В. Севортяном «предположение о грамматическом синкретизме древнейших глагольно-именных корней-основ»,²³ мне представляется более убедительным считать глагольно-именную омонимию результатом ко н в е р с и и, разумея под последней совпадение в единой звуковой форме разных по происхождению основ, что, конечно, не мешает признать давно известное в русской тюркологии положение о происхождении имен от глаголов.

ГЕНЕЗИС ТЮРКСКИХ АФФИКСАЛЬНЫХ МОРФЕМ

§ 94. Основным способом слово-формообразования в тюркских языках является способ агглютинации, состоящей в присоединении аффиксальных морфем в строго определенном порядке к коренной морфеме или к основе слова. Однако утвердившееся с прочностью предрассудка широко распространенное мнение, что все агглютинативные форманты восходят к самостоятельным словам, есть заблуждение, направившее тюркологов по ложному пути.

Специальными исследованиями удалось наметить т р и т и п а образования аффиксальных морфем.

1. Сращение в единое целое двух (и более) однозначных аффиксальных морфем; например, афф. множественного числа $-lar/-lär$ состоит из двух однозначных формантов, выражающих собирательность—множественность: $-lar < -l^o- + -r$.

2. Сращение в единое целое двух (и более) аффиксальных морфем разного назначения; например, $-maq/-mäk < \text{афф. имени действия } -m^o + -q/-k < -qa/-kä — \text{афф. дательного п. и мн. др.}$

3. Сращение залоговых показателей с морфемой следующего морфологического ранга (причастие, деепричастие, отглагольное прилагательное), в результате чего происходит п е р е р а з л о ж е н и е: морфема, ранее принадлежавшая глагольной основе, входит в состав аффиксальной морфемы; например, афф. глагольного имени (причастия) $-ğan/-qan, -gän/-kän$ обязан своим происхождением сплавлению афф. понудительно-пассивного залога $-γ/-q, -g/-k$ с общеалтайским аффиксом причастия~деепричастия $-^o п.$ ²⁴

²² Там же, с. 423.

²³ Там же, с. 427.

²⁴ Подробнее см.: Кононов А. Н. 1) О природе тюркской агглютинации. — ВЯ, 1976, 4; 2) О генезисе тюркских аффиксальных морфем. — In: Hungaro-Turcica. Studies in honour of Julius Németh. Budapest, 1976.

IX

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 95. В ТРП используются (как и в современных тюркских языках) следующие способы словообразования: аффиксация, субстантивация, словосложение, калькирование.

Словообразование имен существительных осуществляется пятью способами.

1) **Морфологический** способ, реализуемый в виде аффиксации.

Имена существительные, образованные способом аффиксации, могут быть мотивированы именами существительными, прилагательными, числительными, глаголами, наречиями, звукоподражательными словами.

2) **Синтаксический** способ, реализуемый путем сложения основ.

3) **Синтактико - морфологический** способ, реализуемый в виде субстантивации.

Синтаксическое начало во 2-м и 3-м способах проявляется по-разному: образование собственно сложных и парных слов подчиняется определенным синтаксическим нормам; при субстантивации синтаксическое начало заключается лишь в том, что для реализации этого способа словообразования нужен определенный контекст и морфологическое оформление, свойственное имени существительному.

4) **Фонетический** способ, реализуемый в двух приемах: а) чередование звуков; б) расщепление носового п.

5) **Калькирование**, реализуемое путем копирования того способа словообразования, коим соответствующее слово образовано в языке, из которого заимствовано данное слово; калькирование может рассматриваться как особая, высшая форма заимствования.

**Имена существительные,
образованные от именных классов слов**

§ 96. Имена существительные, образованные от имен существительных, прилагательных, числительных, глаголов, составляют три основные семантические группы:

- 1) имена существительные, обозначающие названия лиц;
- 2) имена существительные отвлеченные и конкретные, обозначающие названия предметов, орудий, места и т. п.;
- 3) имена существительные со значениями уменьшительности, ласкательности, т. е. субъективной оценки.

§ 97. Афф. -čī, -či образует как от именных, так и глагольных основ имена существительные преимущественно со значением имени деятеля.

1. От имен существительных — это носитель предметного признака: jučēi ~ jočēi (Ktm 4) 'плакальщик' (при поминальном образе juč ~ joč); sabčēi (IB 16) 'вестник' (sab 'слово', 'речь'); be-dizčēi (Ktm 11) 'резчик по камню' (bediz 'резьба по камню');¹ ječēi (T 29) 'проводник' (ječ 'земля'); jolčēi (E 44, 2) 'предводитель' (jol 'путь').

2. От глагольных основ — это носитель процессуального признака: jočēi (Ktb 32) 'ходок', 'проводник' (joč- 'идти', 'ходить'); otačēi (ДТС 373) 'лекарь' (ota- 'лечить травами'); tilānčēi 'попрошайка', 'нищий' (tilān- 'просить для себя'); ötünčēi 'проситель' (ötün- 'просить').²

Следует заметить, что неоднократно высказывались сомнения в возможности образования отглагольных существительных с помощью этого аффикса; формы типа tilānčēi, ötünčēi выводились из *tilānč + -čēi, ötünč + -čēi, формы типа jočēi < *jočēi-čēi > jočēi > jočēi ~ joč-ju-čēi > jočučēi > jočēi. При этом упускается из виду, что «существительные, образованные с помощью этого аффикса, обозначают лица по признаку, что приближает их к прилагательным и причастиям» (разрядка моя, — А. К').³ К этому следует добавить, что формы на -čēi в определительной группе сочетаются со своим определяемым приемом примыкания,

¹ Kljachtornyj S. L'interpretation du mot *bediz* dans les inscriptions runiques. — In: Hungaro-Turcica. Studies in honour of Julius Németh. Budapest, 1976, p. 51—54; К л я х т о р н ы й С. Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах. — В кн.: Тюркологический сборник, 1974. М., 1978, с. 238—257. — По мнению турецкого филолога О. Н. Туна, *bediz* (<bed < * кит. piet 'кисточка для письма') < bedi- 'красить' (Т у н а О. Н. Bazı imlâ gelenekleri. — TDAYB, 1957, s. 75).

² «... dans le cas de thèmes verbaux de plus d'une syllabe, l'affixe -čēi est très souvent ajouté immédiatement au thème, et non pas, comme toujours pour les thèmes monosyllabes, à un dérivé nominal en -ju, -gü; comp. tilānčēi, ötünčēi, etc» (Thomsen. Turcica, p. 35).

³ Гулямов А. Г. Проблемы исторического словообразования узбекского языка, I. АДД. Ташкент, 1955, с. 16.

что характерно в первую очередь для имен прилагательных и причастий; ср.: турец. *devrimci hareket* 'революционное движение' (*devrimci* 'революционер'); *inatçı çocuk* 'упрямый ребенок' (*inatçı* 'упрямец').

«Первоначально это окончание (т. е. афф. -*çi*, — *A. K.*) служило, — писал Г. И. Рамstedт, — только для образований, обозначающих человеческую персону. . . На примере бурятского языка видно, как это значение постепенно может перейти в значение обычного причастия настоящего времени. . .».⁴ Г. И. Рамstedт принял следствие за причину: причастие субстантивировалось и превратилось в существительное.

В этой связи особого внимания заслуживает следующее утверждение Э. В. Севортына: «. . . существительные на *-чы* приближаются к производным на *-лы*, означая, как и последние, свойства лица или предмета. Действительно, образования типа *инадчы* 'упрямец' от *инад* 'упрямство' по характеру значения весьма близки к прилагательным типа *абырлы* 'стыдливый', 'нравственный', 'приличный', 'порядочный' от *абыр* (*обру*) 'стыд'. Весьма приближаются они также к прилагательным на *-чыл*, означающим постоянное или устойчивое свойство, присущее предмету. В азербайджанском языке имеется, в частности, параллельная с *инадчы* форма *инад-чыл* в том же значении».⁵

§ 98. С афф. -*çi* генетически и семантически непосредственно связаны аффиксы -*çin*, -*çil*, -*çir*, -*çay* > -*çan*/-*çay*(q), якут. -*sit*/-*çit*,⁶ в составе которых конечный согласный, по-видимому, сообщает основному значению афф. -*çi* идею многократности, собирательности, повторяемости и т. п.⁷

Афф. -*çi* и производные от него сообщали именам существительным значение признака, обычно, постоянно или многократно присущего значению исходной основы, а при глагольных основах этот признак характеризовал отглагольное прилагательное (причастие), осуществление признака которого мыслится как возможное в будущем.

§ 99. Удовлетворительной этимологии этого аффикса нет.⁸ Наиболее вероятным в свете сказанного о функциях и природе этого аффикса представляется мне сопоставление его с афф. буду-

⁴ Рамstedт. Введение, с. 209.

⁵ Севортын. Афф. именного словообразования, с. 84 (примеры на параллельное использование аффиксов *-чы*~*-чыл*: с. 173—176); см. еще: Рамstedт. Введение, § 119.

⁶ См.: Кононов. Гр. узбекск. яз. §§ 109—110; Севортын. Афф. именного словообразования, с. 83—122; 173—176; Brockelmann. Osttürk. Grammatik, § 30—31; В а н г у о ğ л у Т. Altosmanische Sprachstudien zu Süheyl-ü Nevbahar. Leipzig, 1938, S. 152.

⁷ Кононов. Показатели; С а н ж е е в Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, I. М., 1953, с. 133; Vietze H.-P. Plural, Dual und Nominalklassen in altaischen Sprachen. — In: Altaica. Berlin, 1969, S. 418—512; ср.: Brockelmann. Osttürk. Grammatik, § 30—31.

⁸ Подробный разбор этимологий этого аффикса см.: Абдуллаев Ф. -*Чу* аффиксининг генезисига доир. — Ўзбек тили ва адабиёти масалалари, 1960, № 6, с. 63—70; см. еще: Кононов. Гр. узбекск. яз., § 109—110.

щего вр. -čī, -či ~ -ča, -čä⁹ < -čaq(γ), -čäk(g) < *-čan, *-čän < *-čaj, *-čäj ~ *-čīj, *-čīj с их шипящими и свистящими вариантами -saj ~ -šaj и т. п. Афф. -čī входит в состав афф. будущего вр. -tačī, -lāčī (§ 216). Формы с узкими гласными выводятся на основании реально существующего положения: все (или почти все) аффиксы исторически были представлены двумя типами огласовки — узкими гласными и широкими гласными (а-языки и ĭ-языки); см. § 22.

Будущее (предположительное) вр. на -čaj, -čäj широко используется в хакасском и шорском языках.¹⁰ Этот же афф. -čaj, -čäj в форме -čaq, -čäk входит в состав огузского будущего категорического вр. -(j)ağaq, -(j)äğäk < -γa — афф. будущего вр. + -čaq < čaj, т. е. сочетание двух формантов будущего вр.¹¹

Причастие будущего вр. на -γučī, -güči также состоит из двух формантов будущего вр.: -γa ~ -γu, -gä ~ -gü + -čī, -či.

С этим же причастием связан афф. -γač ~ -γič (< -γ⁰ + -č⁰); он образует субстантивизирующиеся причастия будущего вр., служащие для обозначения орудия, реже — процесса, признака (последний «относится к свойству или способности лица совершать действие», указанное в основе глагола).¹²

В терском диалекте кумыкского языка афф. -čik, -žik служит показателем будущего вр.¹³

§ 100. Афф. -čaq (-šaq), -čäk (-šäk)¹⁴ от глагольных основ образует прилагательные (< причастия): basinčaq 'униженный' (basin- 'быть придавленным'); burčaq 'вьющийся' > 'горох и другие растения из семейства бобовых'; bürčäk 'локон(ы)' (bur- ~ bür- 'виться', 'завиваться'); ęrinčäk 'ленивый' (ęrin- 'лениться').

В этом же причастном значении используется аффикс с узким гласным -čiq(γ), -čik(g): ęrinčik 'ленивый'.

Афф. -čaj, -čäj > -čan, -čän употребляется с глагольными и, чаще, именными основами: ęrin-čäj 'ленивый' (ср.: ęrinčäk ~ ęrinčik); узбек. *иш-чан* 'работающий'; *сўз-чан* 'красноречивый'; *уриш-чан* 'драчливый'; *сезув-чан* 'чуткий'.¹⁵

§ 101. Афф. -čaj > -čan ~ -čaq(γ) ~ -čiq(γ) > -ča > -č как омоаффиксы, служащие для выражения уменьшительности-ласкательности,¹⁶ представляют собою сочетание двух умень-

⁹ «-čī, -ča: Diese beiden Formen kommen ganz selten vor und dürften als Prädikat ein Futur oder einen Wunsch ausdrücken: tägmä-či män — ich will nicht angreifen» (PhTF, I, S. 35).

¹⁰ Грамматика хакасского языка. Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1975, с. 214; Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, § 84, 123.

¹¹ Кононов А. Н. О природе тюркской агглютинации. — ВЯ, 1976, № 4, с. 12.

¹² Севортян. Афф. именного словообразования, с. 276—279.

¹³ Керимов И. Кумыкская диалектология. Махачкала, 1972, с. 101.

¹⁴ Подробный разбор этимологии аффиксов -ča, -čä, -čī < -čaj, предложенной Ж. Дени, см.: Севортян. Афф. глаголообразования, с. 98—122.

¹⁵ См. еще: там же, с. 190—191.

¹⁶ См.: там же, с. 93—122; Brockelmann. Osttürk. Grammatik, § 24—26, 29, 33; Räsänen. Morphologie, S. 92—94.

шительно-ласкательных формантов: $-\check{c} + -\eta$ ($> -q(\gamma) \sim -k(g)$), которые по происхождению отличаются от таких же формантов, но имеющих темпоральное значение.

§ 102. Омоаффиксы $-\check{c}il/-\check{s}il$, $-\check{c}in/-\check{s}in$, состоящие из двух уменьшительно-ласкательных аффиксов ($-\check{c} + {}^o l$; $-\check{c} + {}^o n$), именам прилагательным сообщают значение ослабленной степени качества: $aq\check{c}il$ 'беловатый' (aq 'белый'); $k\check{o}k\check{c}in \sim k\check{o}k\check{s}in$ 'голубоватый', 'сивый' ($k\check{o}k$ 'голубой').

§ 103. Омоаффикс $-\check{c}aq$, $-\check{c}äk > -\check{c}a$, $-\check{c}ä$, служащий для выражения одинаковой меры, степени качества ($\check{A}quativ$), по общепринятому мнению, восходит к слову $\check{c}aq < \check{c}ar$ 'мера', 'количество времени'.¹⁷

§ 104. Афф. $-ta\check{s}/-da\check{s}$, $-tä\check{s}/-dä\check{s}$ ($< -ta/-da \sim -la$ — глаголообразующий афф. (§ 194) + \check{s} — омоаффикс взаимного залога \sim имени действия (масдара) на $-{}^o\check{s}$),¹⁸ малопродуктивный в ТПИ, образует имена существительные — названия лиц со значением соучастия, содружества, общности жизни или социального положения.

Наличие (например, в киргизском, казахском, каракалпакском языках) варианта афф. $-la\check{s}$, $-lä\check{s}$, $-da\check{s}$, $-dä\check{s}$, полное подчинение закону гармонии гласных, а также наличие словоформ, образованных от глагольных основ, — $ba\check{s}landa\check{s}$ 'commencé avec un autre', 'conçu avec un autre'; $bäslanda\check{s}$ 'nourri avec q. autre, coéduqué'; $birlanda\check{s}$ 'celui qui s'est uni avec un autre'; $bolda\check{s}$ 'coexistant'; $bolu\check{s}da\check{s}$ 'aide', 'coadjuve' и др.¹⁹ — говорят в пользу предложенной этимологии.

Следует отметить, как факт исключительный, что в памятниках рунического письма зафиксировано только два слова с афф. $-da\check{s}$: 1) $qada\check{s}$ (Е 3, 10, 11, 13, 16—18, 21—23, 29, 44, 45, 48—51) 'родственник'; ср. парное $qa\ qada\check{s}$ 'родственники' (ДТС, 399) $> qa\gammaada\check{s}$ (Е 41) 'родственники' (см. § 138); 2) $ada\check{s} \sim ada\check{s}$ (Е 26) $< ?adda\check{s}$ 'товарищ', 'друг', 'приятель' ($< ?$ 'тезка'); может быть, $ada\check{s} < ata-$ 'называть'.²⁰

В памятниках древнеуйгурской письменности этот аффикс развит слабо, но в «Кутадгу билиг» и в «Диване» (МК) этот формант функционирует уже в значении, известном во всех современных тюркских языках (за исключением якутского).

§ 105. Афф. $-liq$, $-lik$ ($-luq$, $-lük$),²¹ получивший широкое распространение в «Диване» (МК), в древнеуйгурских и «чага-

¹⁷ Севортян. Афф. именного словообразования, с. 98—102.

¹⁸ См.: Кононов. Гр. узбекск. яз., § 111; ср.: Doerfer, III, § 1173; Муратов С. Н. О тюркских аффиксах $-таш/-даш$ и $-турук/-дурук$ в свете данных других алтайских языков. — В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., 1971, с. 331—336.

¹⁹ Trujarski E. Dictionnaire arméno-kiptchak, т. I, fas. 1. Warszawa, 1968.

²⁰ См.: Brockelmann. Osttürk. Grammatik, § 98.

²¹ Предположения о составе этого аффикса см.: Кононов. Гр. узбекск. яз., § 112.

тайских» памятниках, равно как и в современных тюркских языках,²² в ТРП был малопродуктивен или, может быть, вовсе не использовался как аффикс, образующий определенные разряды имен существительных, — очень мало вполне достоверных примеров с этим формантом: *qanlïq süsi* (İB 97) 'войско ханства'; *erdämligimä bökmä*[dim] (E 28, 1) 'Я не наслаждался [плодами] моей доблести'; *beğlik* (E 26, 9; İB 9) 'должность бека'; *altun tujuyluğ adırlıq* (İB 7) 'табун жеребцов с золотыми копытами'; *altun budluluğ buğralıq* (İB 8) 'стадо самцов—верблюдов с золотыми палочками для поводка'.

Имена существительные, образованные от глагольных основ

§ 106. Афф. *-(a)γ, -(ä)g, -iγ, -ig* (*-uγ, -üg*) образуют имена существительные

1) со значением названия акта, процесса: *bilig* (Ktb 50) 'знание' (*bil-* 'знать'); *ölüg* (M 39) 'просьба', 'мольба' (< *öt- 'to ask for', 'request' — Tekin. Grammar, p. 111); *ötün-* (T 12, 15) 'молить', 'просить';

2) со значением результата действия: *ülig ~ ülüg* (T 4) 'часть', 'доля' (*ül- ~ ül + ä- 'делить', ср.: *ülüş* 'часть', 'доля' — ДТС 625); *ölig ~ ölüg* (Ktb 49) 'мертвый', 'мертвец' (*öl-* 'умирать'); *tirig* (Ktb 49) 1. 'живой'; 2. 'жизнь' — *öltäçi bodunı tirigrü igitim* (Ktb 29) 'Я поднял к жизни готовый погибнуть народ'; *bitig* (Më 20, Ob 1) 'надпись', 'письмо' (*biti-* 'писать' < кит. *piet* 'кисточка для письма'); *tuγ* (T 26) 'завал', 'преграда' (*tu-* 'преграждать');

3) со значением объекта действия: *qarıγ* (Ktb 4) 'ворота' (*qar-* 'закрывать');

4) со значением действующего лица, субъекта действия: *körig ~ körgü* (T 8, 29) 'соглядатай' (*kör-* 'видеть');

5) со значением места действия: *keçig* (T 35) 'переправа', 'брод' (*keç-* 'проходить', 'переходить'); *erig jirtä* (Ktm 13) 'в [том] месте, где пребывают', 'место стоянки' (*er-* 'быть'); ср. парное слово *erig oğnaγ* 'местопребывание' (ДТС 177); *oğna-* 'занимать место', 'помещаться' (ДТС 371) < *oğun* 'место';

6) со значением орудия действия: *sünjüg* (T 28; Ktb 35) 'копье' < *sünj- 'to fight' (Clauson. Etimolog. Dict., 842); < *sünjü- 'to thrust into', 'pierce' (Tekin. Grammar, p. 111); в виду того, что наряду с *sünjüg* в том же значении известны слова *sünjü ~ sünji*, возможно предположить, что производящей основой является *sün (< *sü* 'войско') > *sün + -gü* (§ 111).

²² Обстоятельный разбор значений этого аффикса см.: Севортян. Афф. именного словообразования, с. 20—53.

²³ Примеры, приведенные в грамматике Т. Текина (Tekin. Grammar, p. 106), не дают оснований для утверждения, что этот аффикс использовался для образования отвлеченных имен существительных.

§ 107. Афф. -(a)q, -(ä)k, -īq, -uq, -ik, -ük образуют имена существительные

1) со значением результата или процесса действия: *jaziq* ~ *jazuq* (*jazuqlıq* (Мѳ 14) 'грешный') 'грех', 'заблуждение' (*jaz-* 'грешить', 'заблуждаться'); *bulıaq* (Ktb 44) 'смятение', 'возбуждение' (*bulıa-* 'смешивать', 'мутить'); *artuq* (Kč 13; T 40) 'излишек' (*art-* 'увеличиваться', 'прибавляться'); *üläşik* (Ktm 6) 'разделение', 'деление' (*üläš-* 'делить совместно'); *barq* (Ktm 12) (<*barıq) 'постройка', 'жилище' (<*bar- 'to build', 'construct'; cf. Mong. *barıd*. — Tekin. Grammar, p. 113; ср.: Севортян. ЭСТЯ, II, с. 62—63);

2) со значением объекта—субъекта действия (глаголы переходные образуют название объекта действия, глаголы непереходные — субъекта действия): *bujuuq* > *bujuq* 'приказный', 'тот, кому приказывают', титул и должность²⁴ (*buju-* 'приказывать'); *uıuq* (T 8) 'хищная птица' (*uı-* 'летать');

3) со значением имени места, орудия действия: *tüşnäk* (İB, 94; ДТС 600) 'место остановки', 'гнездовье', 'гнездо' <*tüşün-возврат. залог. от *tüş-* 'падать', 'спешиваться', 'делать остановку' (ДТС 600); *bičäk* ~ *bičaq* (ДТС 98, 104) 'нож' (*bič-* ~ *bič-* 'резать'); по Габен (Gabain. Alttürk. Gr., § 46), это слово — уменьшительная форма на -čaq, -čäk от *bi 'Messer', что подтверждается наличием парн. *bi bičäk* 'нож' (ДТС 97).

§ 108. Афф. -laq(γ), -läk(g) (<-la, -lä — афф. отыменных глаголов + -q/-γ, -k/-g — афф. имени места)²⁵ служит для образования имен существительных со значением места, имеющего определенное назначение: *qışlaγ* ~ *qışlaq* 'зимовье', 'зимовка' <*qışla-* 'зимовать' (ДТС 448); *jajlaγ* ~ *jajlaq* 'летовка', 'яйла' <*jajla-* 'проводить лето' (ДТС 226), *jaj* ~ *jaz* 'лето', 'весна'.

Только некоторыми тонкими нюансами значения отличаются от этого аффикса имена места, образованные с помощью афф. -lıq, -lik, -luq, -lük: *qışlıq* 'зимнее помещение'; *jajlıq* 'летнее местопребывание', 'летний дворец' (ДТС 227).

Афф. -laq, -läk можно рассматривать как дублет (с широкой огласовкой) афф. -lıq, -lik (§ 105). Следовательно, например, слово *qışlaq* может быть мотивировано как именной (*qış-laq*), так и глагольной основой: (*qış* + -la + -q).

§ 109. Афф. -(a)q, -(ä)k, -(ī)q, -(u)q, -(i)k, -(ü)k, образующие близкие по семантике имена, по всей вероятности, восходят к форманту *-q, *-k ~ *-γ, *-g, составляющему ядро целого ряда частных аффиксов: -γī, -γu, -gi, -gü; -γα, -gä, -qa, -kä;²⁶ -γaj, -qaj, -gäj, -käj.

²⁴ Györfly G. Die Rolle des *bujuq* in der alttürkischen Gesellschaft. — АОН, 1960, т. XI/1—3, S. 169—179; Doerfer, II, § 815.

²⁵ Севортян. Афф. именного словообразования, с. 217—221.

²⁶ Подробнее см.: там же, с. 200—217; Кононов. Гр. узбекск. яз., § 133—134; Tekin. Grammar, p. 111, 113; Brockelmann. Osttürk. Grammatik, § 48, 49, 55, 57, 60, 64, 65, 184; ср.: Radloff. ATIM, NF, S. 56.

Чередование гласных по признаку узкий~широкий отражает исторически четко проводившуюся дифференциацию по признаку а-языки и ĭ-языки; позднее это различие в результате сложных процессов консолидации тюркских народов из разных племенных образований было утрачено. Эти фонетические варианты единого некогда аффикса по своему основному значению — причастие~глагольное имя — в субстантивном использовании приобретали все присущие имени существительному функции.

§ 110. Афф. -ṡa, -gä, -qa, -kä — малопродуктивный в ТРП, позднее получивший довольно значительное распространение,²⁷ — по своему происхождению связан с аффиксами, названными в предыдущем параграфе. Этот аффикс, как и указанные выше, по своему первоначальному значению служит для образования причастия со значением желательности, долженствования, возможности осуществления действия, названного производящей основой; этим значениям целиком соответствуют формы, которые обычно в тюркологических трудах называются причастиями будущего времени и которые имеют глагольно-именное и причастное значения.

Г. И. Рамстедт формы, образованные афф. -ṡaj (-gäj) и его вариантом -ṡa (-gä), именует «будущее желательное наклонение», а формы на -qu, -quj называет «имя последования (Nomen futuri)»; эти аффиксы являются общеалтайским достоянием.²⁸

Этот аффикс образует имена существительные

1) со значением имени деятеля, исполнителя действия и его признака: bilgä 'правитель', 'мудрый' (bil- 'знать', 'управлять'); ср. ögä титул, 'мудрец', 'правитель' (Малов. ПДТП, 405) <ö- 'думать' (см. § 221, 3);

2) со значением результата действия: tamṡa 'тамга', 'клеймо', 'тавро'²⁹ (родовой, племенной знак, который ставился раскаленным железом на скоте) (там- 'гореть';³⁰ там-ыз- 'зажечь огонь', 'раздувать огонь' — РСл. III, 1001; tam-tur- ~ tam-dur- 'разжигать', 'зажигать' — ДТС 531); ср. tamṡači (Ktb 53) 'хранитель печати'.³¹

§ 111. Афф. -ṡi, -gi, -ṡu, -qu, -qi, -gü, -ki, -kü — фонетическая разновидность (по принадлежности к ĭ-языку) предшествующего аффикса с аналогичной семантикой причастия будущего времени, имеющего модальное значение возможности, долженствования и выступающего как носитель признака.

Этот аффикс образует имена существительные

²⁷ Севортян. Афф. именного словообразования, с. 232—234.

²⁸ Рамстедт. Введение, § 54—55; Санжеев. Глагол, с. 130—131.

²⁹ О других значениях см.: Шипова. Словарь тюркизмов, с. 305—306 (здесь же указания на основную литературу); см. еще: Menges K. H. Problemata Etymologica. Alt-Russisch tamṡa 'Siegel', 'Stempel'; Türkisch tamṡa, tamqa, damṡa... — Zeitschrift für slavische Philologie, 1963, 31. Bd, N 1, S. 22—42; Doerfer, II, § 933.

³⁰ Малов С. Е. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, с. 110.

³¹ Doerfer, II, § 934.

1) со значением результата действия: *belgü* (Мѝ 20) 'знак', 'примета' (*bel-gür-* 'проявляться', 'обнаруживаться'); *baɣu* (ДТС 83) 'добыча', тот же корень, что и в словах *baɣ* 'богатый', *baɣ* 'имеется' (§ 391);

2) со значением процесса или способа действия: *qaɣu* (Г 53) 'дозор', 'стража' (*qaɣa-* 'смотреть').

§ 112. Афф. $-\gamma\dot{in}$, $-\gamma\dot{un}$, $-\dot{q}\dot{in}$, $-\dot{q}\dot{un}$, $-\dot{g}\dot{in}$, $-\dot{g}\dot{un}$, $-\dot{k}\dot{in}$, $-\dot{k}\dot{un}$, равно как и его аналог с широким гласным $-\gamma\dot{an}$, $-\dot{g}\dot{an}$, $-\dot{q}\dot{an}$, $-\dot{k}\dot{an}$,³² состоит из двух морфем: $-\gamma/-q \sim -g/-k$ — афф. понудительно-пассивного залога³³ + $-n$ — афф. причастия ~ деепричастия ~ имени результата действия ~ имени совершенного действия, известного во всех алтайских языках. Афф. $-\gamma^{\circ}n$, $-q^{\circ}n$ является общеалтайским достоянием.³⁴

Этот малопродуктивный в ТРП аффикс образует имена существительные, называющие процесс, объект, орудие, результат действия: *qurɣan* (Ктб 48; М 31; Tekin, 112: *qorɣan*) — *maɣi* (*amɣi*) *qurɣan* 'крепость Магы (Амгы)' — место зимовки Кюльтегина перед походом на огузов (*qur-* 'устанавливать', 'сооружать'); ср.: Tekin. Grammar, p. 112, § 9; *qaraɣan* (Г 51, 60, 61) титул и прозвище хана³⁵ < *qara-* учащательная форма от *qar-* 'схватывать', 'хватать ртом, зубами' (РСл. II, 403—404); *qaraɣan* 'хищный (о диких зверях)' (РСл. II, 407).

§ 113. Афф. $-\gamma\dot{a}q$, $-\dot{q}\dot{a}q$, $-\dot{g}\dot{a}k$, $-\gamma\dot{u}q$, $-\dot{g}\dot{u}k$ < $-\gamma/-g$ — афф. понудительно-пассивного залога + $-q/-k \sim -\gamma/-g$ — афф. отглагольных прилагательных — причастий,³⁶ который входит в состав афф. $-\dot{d}\dot{u}q$, $-\dot{d}\dot{u}k$, $-\dot{s}\dot{u}q(q)$, $-\dot{s}\dot{u}g(k)$, $-\dot{o}\gamma\dot{l}\dot{i}$, $-\dot{o}g\dot{l}\dot{i}$, $-\dot{j}\dot{u}q$, $-\dot{j}\dot{u}k$, $-\dot{j}\dot{a}q$, $-\dot{j}\dot{a}k$.

Слова, образованные афф. $-\gamma\dot{a}q$, $-\dot{g}\dot{a}k$ (как и все другие аффиксы с начальными $\gamma-$, $g-$, $q-$, $k-$), в юго-западных тюркских языках в сочетании с конечным согласным производящей основы

³² Дмитриев Н. К. Аффикс $-\gamma\dot{an}$ в новоосманском языке. — В кн.: Строй тюркских языков. М., 1962, с. 109—113.

³³ Понудительный залог, как известно, имеет очень широкий диапазон «понудительности»: от категорического приказания до пассивного попустительства. — Ср.: « $-\dot{q}\dot{in}$, $-\dot{q}\dot{an}$, $-\dot{\gamma}\dot{in}$, usw. Verbalnomen auf $-n$ von einem intensiven Verb auf $-q$ » (Gabaïn A. v. Die Südwest-Dialekte des Türkischen. — Handbuch der Orientalistik. 5. Bd, 1. Abschn., Türkologie. Leiden—Köln, 1963, S. 186); «К, yk , ik —Intensiva, Passiva» (Räsänen. Morphologie, S. 164). О других предположениях по поводу состава этого аффикса см.: Кононов. Гр. узбекск. яз., § 130—132, 264; см. также: Кормушин И. В. О пассивном значении каузативных глаголов. — Turcologica, с. 89—93.

³⁴ Рамстедт. Введение, § 56, 70—71; Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка, т. II. М.—Л., 1961, с. 65—68; Суник О. П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.—Л., 1962, с. 228—235, 290—291.

³⁵ В. В. Радлов (Radloff. Alttürk. Studien, IV. 1911, S. 309) допускал двойное чтение этого слова: *qaraɣan* ~ *qarɣan*; см. еще: Бартольд. Соч., т. V, с. 318. — О происхождении и значении этого имени-титула см. § 319, 5.

³⁶ Форма на $-\gamma\dot{a}q$ как продуктивная форма причастия сохраняется в современном уйгурском языке и в языке сарыг-югуров (Тенишев Э. Р. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976, с. 85—86).

утрачивают начальный согласный аффикса: $-\gamma aq > -aq$, $-\gamma an > -an$ и т. п.³⁷

С помощью афф. $-\gamma aq$... образуются имена существительные, называющие процесс, орудие, результат действия: $qul\gamma aq$ (М Ха 12) $\sim qul\gamma aq (> qulaq)$ 'ухо' ($qul-$ 'слышать'; см.: ВЯ, 1963, № 6, с. 127).³⁸

§ 114. Афф. $-\gamma üči$, $-güči$ ($< -\gamma ü$, $-gü$ (§ 111) + $-\či$ — афф. будущего вр. (§ 342)³⁹) — причастие будущего вр.,⁴⁰ которое, субстантивировавшись, служит для обозначения имени деятеля: $ba\gamma q itgüči$ (Ktb 53) 'тот, кто может сооружать' $>$ 'сооружающий жилище' $>$ 'строитель'; $bitig taš itgüči$ (Ktb 53) 'сооружающий камень с надписью' $>$ 'строитель надгробного камня с надписью' ($it-$ 'делать'); $a\gamma üči$ (Т 31, 32) 'советник' ($a\gamma-$ 'говорить').

Дальнейшее фонетическое развитие этого причастия идет за счет отпадения конечного узкого гласного — $-\gamma üč$, $-güč \sim -\gamma ač$, $-gäč$.⁴¹

§ 115. Афф. $-\gamma uluq$, $-gülük$ ($-quluq$, $-külük$) — дальнейшее развитие афф. $-\gamma ü + -luq$ (§ 105) — образует причастие будущего вр. с модальным значением потенциальной возможности осуществления действия (см. ДТС 654).

В ТРП этот аффикс зарегистрирован в единственном случае в субстантивированном значении:

$jüjqa qalın bolsar topul\gamma uluq$ ⁴² (Малов, Giraud, Tekin: $topla\gamma uluq$) $alp ęrmis jünčgä jöran$ ($jöran$) $bolsar üzgölük alp ęrmis$ (Т 13—14) 'Если тонкое сделается толстым, тот, кто сможет разорвать [толстое], надо думать, герой. Если слабое сделается крепким, тот, кто сможет сломать [крепкое], надо полагать, герой'.

§ 116. Афф. $-\gamma alir$, $-gäliр$ ($-qalir$, $-käliр$)⁴³ — дальнейшее развитие афф. $-\gamma a + -liр$ — образует причастие ближайшего будущего вр., нередко осложненное значением предположительности, намерения (см.: ДТС 652).

§ 117. Афф. $-iš$, $-uš$, $-iš$, $-üš$ — малопродуктивный, образует отглагольные имена, обозначающие процесс, реже результат действия: $u\gamma üš$ (Оа 2) 'драка', 'сражение' ($u\gamma-$ 'бить', 'ударять'); $sünjüs(s)$ (Ktb 15) 'сражение' ($< *sünj$; омоним $sünjüs-$ (Ktb 15, Т 16) 'сражаться', совместный залог $< *sünj$); $tegiš(s)$ (Ktb 45) 'схватка', 'бой' ($teg-$ 'доходить', 'достигать', 'нападать на врага';

³⁷ Ср.: Севортян. Афф. именного словообразования, с. 240—252.

³⁸ См. еще: Brockelmann. Osttürk. Grammatik, § 52.

³⁹ По МК (МК—БА, III, 314), форма на $-\gamma üči$ у кыпчаков, огузов и примкнувших к ним кочевников и суваров соответствует форме на $-dači$.

⁴⁰ В саларском языке с помощью этого аффикса образуется причастие настоящего вр. (Тенишев Э. Р. Строй саларского языка. М., 1976, с. 175—176).

⁴¹ Севортян. Афф. именного словообразования, с. 276—279.

⁴² См.: Te z s a n S. Tonyukuk yazıtında birkaç düzeltme. — TDAYB, 1975—1976. Ankara, 1976, s. 175—178.

⁴³ III у к у р о в III. -*Ғалыр/-гәлир* формасы ҳақида. — В кн.: Исследования по грамматике и лексике тюркских языков. Ташкент, 1965, с. 199—203.

омоним *tegiš-* (ДТС 548) 'касаться', 'сражаться'; *üküş* (М 31) 'много' (*ük-* 'собирать', 'накапливать' — ДТС 623).

§ 118. Афф. *-im, -im* — малопродуктивный, образует отглагольные имена

1) со значением процесса или действия, реже результата действия: *batim* 'глубина (погружения)' — *sünjüg batimī qarīγ söki-rän ...* (Ktb 35; М 26) 'Проложив [дорогу] по снегу глубиною с копые...' (*bat-* 'погружаться'); *barim* (Мс 15; М 24) 'скот', 'имущество' (*bar-*, см. § 391);

2) со значением названия предмета — амуниции, снаряжения: *kedim* 'одежда', 'одевание', 'конский убор', 'снаряжение (воина)' — *kedemlig torīγ at binib* (Ktb 33) 'сев на гнедого коня в полном конском уборе'; *beš jüz kedimlig jadaγ* (Мс 33) 'пятьсот пеших (воинов) в полном снаряжении' (*ked-* 'надевать', 'одеваться').

§ 119. Афф. *-ma, -mä* (< *-m + -a*) в субстантивном значении в ТРП зарегистрирован только (!) в одном достоверном случае: *jelmä* (Т 52; Мс 18)⁴⁴ 'подвижной отряд, совершающий набег' (ДТС 254) (*jel-* 'скакать', 'мчаться'); слово *jalma* 'одежда', 'плащ', 'накидка' (ДТС 229), которое в одном из этих значений используется в Ktb 33, не поддается этимологизации на тюркском материале; см.: Doerfer, IV, § 1892.

§ 120. Афф. *-maq, -mäk* (< *-m^o + -q/-k*)⁴⁵ в ТРП в качестве показателя имени действия не используется. Этот аффикс входит в состав малопродуктивного афф. *-maqči, -mäkči*, причастия будущего вр.: *armaqči* (Ktb 6) 'имеющий обмануть' > 'обманщик'.

§ 121. Афф. *-n, -in, -in* — малопродуктивный, входящий в состав ряда формантов, — образует имена существительные со значением субъекта, объекта и названия процесса действия: *kelin* (Ktb 49)⁴⁶ 'невестка', «die zum Hause, zur Familie Hinzugekommene» (Radloff. АТІМ, NF, S. 59); *bulun* (Мс W 5; Tekin. Grammar, p. 114) 'пленный', 'пленник' (*bul-* 'находить', 'заполучить'); *qijın* (Т 32; Мс 14) 'наказание', 'кара', 'мучение' (*qij-* 'срезать', 'резать' — ДТС 440); *san* 'счет' (*sansiz* 'без счета', М 12; *sa-* 'считать').

§ 122. Афф. *-nč* (< *-n + -č*). Афф. *-n* обычно рассматривается как показатель возвратного или возвратно-страдательного залога, который совпадает по форме с аффиксом, образующим отглагольные имена (§ 121); афф. *-č* может быть с одинаковой долей вероятности возведен к афф. *-č^o ~ -č^o* или *-č^oq(k)*: ср.: узбек.

⁴⁴ Малов. ПДТП, с. 387; *jälmäg* 'набег (военный)' < *jälmä + g* — афф. вин. п.

⁴⁵ О составе показателя *-maq* см.: Кононов. Гр. узбекск. яз., § 123; ср.: Brockelmann. Osttürk. Grammatik, § 195.

⁴⁶ Ср.: *kälāuh* 1) 'невеста', 'любовница', 'молодая жена'; 2) 'замужняя женщина', 'жена' (РСл. II, 1114). Ср. еще в эпитафиях волжских булгар *kel* 'жена' (Х а к и м з я н о в Ф. С. Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978, с. 79), что заманчиво сопоставить с чуваш. *kil* 'дом' (< ср.-перс. *gil* 'дом'); ср.: *ebči~evči* 'жена', 'женщина' (ДТС 162) < *eb~ev* 'жилище'.

таянч ~ таянчи ~ таянчик 'опора', 'подпорка' (таян- 'опираться');⁴⁷ qorqinč ~ qorqunč (ІВ 54) 'страх' (qorqin- 'бояться'). Ср. еще: qorqinčiy qasınčiy 'страх-ужас' (ДТС 459); ögrünč ~ ögrünčü (ДТС 380—381) 'радость'.

В ТРП этот аффикс образует имена существительные со значением имени действия, процесса: bulʔanč (Т 22) 'смятение' (bulʔan- 'перемешиваться', 'смешиваться'); ötünč (Т 15) 'просьба' (ötün- 'обращаться с просьбой'); tarqanč (Т 22) 'рассеяние', 'смятение' (tarqan- 'рассеиваться', 'разбредаться').

§ 123. Существуют две точки зрения на происхождение аффикса -i, -i: 1) -i < -γi, -gi; 2) -i < -°γ, -°g; второе предположение более вероятно.⁴⁸

В ТРП этот аффикс используется в ограниченном числе случаев, что, по-видимому, свидетельствует о его вторичном происхождении: -i < -iγ: jazı (Ktm 3) 'степь' (jaz- 'простирается', 'располагаться'); qalı 'остаток' — qalısız (Т 30) 'без остатка', 'целиком'.

§ 124. Афф. -°l, малопродуктивный во всех тюркских языках, по-видимому, генетически связан с афф. -la, -lä, -laq, -läk и через них с аффиксами комитатива — собирательности; а может быть, это заимствование из монгольских языков, где этот аффикс имеет сравнительно с тюркскими широкое употребление: qısil (М 37) 'теснина', 'ущелье' (qis- 'сжимать'); inal высокий титул (ına- + -n- 'верить').⁴⁹

§ 125. Афф. -°t — непродуктивный, образующий имена существительные со значением процесса: jıyt sıyt 'плач и стенания'; sıytıcı (Ktb 51) 'плакальщик' (*jıγ- 'плакать'; ср.: jıyla- id.).

§ 126. Афф. -tam, -täm, -dam, -däm (< -ta/-da ~ -la — афф. отыменного образования глаголов + -m (§ 118)) сохранился в единичных примерах: er-dä-m 'мужество', 'благородство' (er 'муж', 'мужчина'); täpri-dä-m 'божественный' (täpri 'небо'); til-dä-m 'красноречие' (til 'язык').

§ 127. Афф. -°z (омоаффикс множественного числа, § 268, 1) — один из древнейших аффиксов, образующих имена существительные (прилагательные) от глагольных корней, причем, как указывал Н. К. Дмитриев, «в тюркских языках отмечается своеобразное чередование *p* и *z*, разграничивающее сходные основы по частям речи. При этом *p* характеризует глагольные основы, а *z* — именные»: ⁵⁰ kö + z/gö + z 'глаз(а)' — kö + r-/gö + r- 'видеть'. Ср. еще: uz 'мастер' (u- 'уметь', 'мочь'); köküz ~ gögüz(s) ~ чуваш. kăkăr

⁴⁷ См.: Кононов. Гр. узбекск. яз., § 136—137; Севортян. Афф. именного словообразования, с. 269—276.

⁴⁸ Разбор возможных объяснений состава этого аффикса см.: Севортян. Афф. именного словообразования, с. 239—263.

⁴⁹ См. еще примеры: Räsänen. Morphologie, S. 132—133; Brockelmann. Osttürk. Grammatik, § 72.

⁵⁰ Дмитриев Н. К. Соответствие *p/z*. — ИСГТЯ, I, с. 325.

‘грудь’ (< письм.-монг. köke- ~ kökü-, монг. *xəxə-*, бурят. *xuxa*, калм. kök- ‘сосать грудь’).⁵¹

От этого же глагола köke- ~ kök- с тем же значением ‘грудь’ в тюркских языках известны формы киргиз. *kükürök*, башкир. *kükräk*, узбек. *kükra*, представляющие собою уменьшительно-ласкательную форму на -^ok, -^oq от субстантивировавшегося причастия *kök + üg.

Корень глагола köke- ~ köku- ~ kök- представлен формой *kö-, которая в тюркских языках обнаруживается в составе слова kö-ŋ-läk ~ gö-ŋ-läk > gö-m-läk ‘рубаха’⁵² (< *‘нагрудник’), а также в слове kö-ŋ-ül ~ gö-ŋ-ül⁵³ ‘сердце’, ‘желание’, ‘чувство’.

К числу отглагольных имен на -^oz, по-видимому, относятся также aŋaz ~ aŋiz ‘рот’, ‘уста’; tiz ~ diz ‘колени’, ‘колени’; beŋiz ~ meŋgiz ‘лицо’ и др.

§ 128. Афф. -man, -män,⁵⁴ по-видимому, омоаффикс, образующий

1) имена существительные от глаголов (-ma + -n): tegir-män ‘мельница’ (tegir- ~ tevir- ‘вращать’, ‘поворачивать’); ört-män ‘крыша’ (ört- ‘покрывать’);

2) имена прилагательные с усилительно-димиутивным значением (m^o + -n — два уменьшительных аффикса): qut-man ‘счастливый’ (qut ‘счастье’); azman (Ktb 46) кличка коня (азман 1) ‘огромный’, 2) ‘кастрированный’ (о животных) — Севортян. ЭСТЯ, I, 96; Tekin. Grammar, p. 106: < *az (cf. Uig. az ‘braunes Pferd’; also cf. Kāšyari: ās ~ āz ‘ermine, stoat’); ср. еще также: kögmän < *kökmän ‘bluish’ (?)).

Формы субъективной оценки имен существительных

§ 129. В ТРП (как и в большинстве современных тюркских языков) субъективно-оценочные формы имен, выраженные аффиксальным способом, имеют преимущественно уменьшительно-ласкательные значения, а увеличительные, резко пренебрежительные и прочие грубо эмоциональные субъективные оценки передаются, как правило, синтаксическим или морфолого-синтаксическим способом.

В ТРП, вероятно в силу специфичности жанра (историко-повествовательного!), формы субъективной оценки представлены крайне ограниченным числом примеров.

§ 130. Афф. -^oč (~ -^oš) — один из древнейших аффиксов димиутива, вошедший в состав ряда ныне продуктивных аффиксов

⁵¹ Колесникова В. Д. Названия частей тела человека в алтайских языках. — В кн.: Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972, с. 78, 82.

⁵² См.: Räsänen. Versuch, S. 290—291; Кононов А. Н. О природе тюркской агглютинации, с. 9.

⁵³ См.: Räsänen. Versuch, S. 291.

⁵⁴ Севортян. Афф. именного словообразования, с. 197—199.

уменьшительности-ласкательности: $\check{\text{c}}^{\circ}$, $\check{\text{c}}^{\circ}\text{-q}$, $\check{\text{c}}^{\circ}\text{n}(\text{n})$, $\check{\text{c}}^{\circ}\text{l}$. Последние три аффикса состоят из двух показателей диминутива: $\check{\text{c}} + \text{-q}$, -n , -l ; ср.: якут. *-чаан* (*-чээн*, *-чөөн*, *-чоон*) $< * \text{-чаган}$, где три афф. диминутива *-ч-г/k-н*.⁵⁵

Омоаффикс $\check{\text{c}}^{\circ}\text{l}$, образующий имена со значением 1) деятельности, состояния, 2) объекта влечения, способности, привычки, состоит из аффикса *Nomen agentis* $\check{\text{c}}^{\circ} + \text{l}$ — показателя собирательности.

§ 131. В ТРП уменьшительно-ласкательные формы на $\check{\text{c}} \sim \check{\text{s}}$ используются крайне редко: *ata-č-im*⁵⁶ 'my beloved father' (Tekin. Grammar, p. 305); *aγi-š* 'wealth, riches, property' (Tekin. Grammar, p. 107) $< aγi$ id.

Афф. диминутива $^{\circ}\check{\text{c}}$, $\check{\text{c}}^{\circ}$, $^{\circ}\check{\text{s}}$, а также $^{\circ}\text{q}$ ($< \text{-qaj}$), -a , -ä ($< \text{-aq}$, -äk), $^{\circ}\text{m}$ служат для образования имен существительных — названий особ женского пола: *han-īm* 'ханша', 'госпожа'.⁵⁷

§ 132. Афф. -γaq , -gäk , -qaq , -käk состоят из двух уменьшительных аффиксов — $\text{-γ/g} + \text{-q/-k}$: *eräkäk* 'самец', 'муж', 'мужчина' (*er* 'муж');⁵⁸ *qizγaq* (Е 3, 5) 'молодушка' (*qiz* 'девушка').

§ 133. Афф. -qan , -kän $< \text{-q/-k} + ^{\circ}\text{n}$ — два уменьшительных аффикса. Этот общеалтайский аффикс диминутива⁵⁹ используется в монгольском языке для обозначения особ женского пола: *poja-xan* 'княжна' (*pojon* 'князь'), *keüken* 'девушка', 'дочь' (*keü* 'сын', 'мальчик');⁶⁰ в тюркских языках это продуктивный аффикс, используемый для выражения почтительности, вежливости, ласкового обращения.

Этот аффикс в ТРП используется только в составе слова *tän-rikän*, три раза встречающегося в Онгинском памятнике (0 5, 6, 8). С. Е. Малов (ПДТП МК, с. 10, 104) его переводит: 1) 'божественный', 2) 'августейший', 3) титул (уйгурского князя?); *Gabain. Alttürk. Gr.*, S. 370: 'Göttlicher', 'Majestät' // 'yüksək bir unvan'; Tekin. Grammar, p. 105: 'God-like' (title of the Turkish kagan); Clauson. Etymolog. Dict., p. 525: «*tenri:ke:n*... 'devout', 'pious'. This is clearly the right meaning, not 'sacred', 'divine' as originally suggested; normally applied to rulers... *tenri:ken* is the terme used in Ongin 5, 6, 8 for the ruler to whom the person commemorated in this inscription was subject»; см. еще: РСл. III, 1048; ДТС 544; Räsänen. Versuch, S. 474; Doerfer, II, § 944.

⁵⁵ См.: Кононов А. Н. Уменьшительные формы имен и словообразование (на материале тюркских языков). — В кн.: Вопросы тюркологии. Баку, 1971, с. 94—104; Севортян. Афф. именного словообразования, с. 168—176.

⁵⁶ Малов. ПДТП МК: *тачам* (Оа 4).

⁵⁷ См.: Кононов. 1) Гр. узбекск. яз., с. 71—72; 2) Уменьшительные формы имен и словообразование (на материале тюркских языков), с. 94—101.

⁵⁸ См.: Constantin G. J. Zum Gebrauch der *är* als Geschlechtsappellativum in der Sprache der Jenissej-Inschriften. — Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. Berlin, 1959, 12. Bd, N 2, S. 252—269.

⁵⁹ Котвич. Исследование, с. 103.

⁶⁰ Рамстедт. Введение, § 99.

Афф. -kän в составе слова täŋri+-kän является показателем диминутива. Словом täŋrikän обозначался «небоподобный и неборожденный» (Ktm 1) каган, который по точному значению этого слова — «Малое небо», «Малый бог Неба» — «есть земная ипостась небесного бога (täŋri)» (устное сообщение С. Г. Кляшторного).

В древнеуйгурском языке диминутивные формы от слова täŋri — täŋri-kän, täŋri-m (ср.: han-īm, § 131) — имели значение 'императрица'.⁶¹

§ 134. Афф. -ŋina, -qina, -ginä, -kinä (-γ/η-+ -n — два уменьшительных аффикса) получает новое развитие через присоединение третьего аффикса диминутива: -ŋinan(η), -qinan(η)... (η < n + g /q) > -ŋinaq, -qinaq...; в соответствии с чередованием ñ ~ j ~ j — -ŋiña, -qiña (-ŋinja, -qinja) > -qiña, -kiña.⁶²

В ТРП этот аффикс зарегистрирован в одном случае: uluγ irkin azqīña erin tezip bardī (Ktb 34) 'Великий эркин⁶³ бежал с немногими воинами' (az 'мало', 'немного', 'немногочисленный').

§ 135. Афф. -l — малопродуктивный аффикс диминутива: jaš-ıl 'зеленький', 'голубенький' > 'зеленый', 'голубой' (jaš 'молодой', 'зеленый').

Субстантивация

§ 136. Субстантивация, т. е. переход других частей речи в разряд имен существительных, в тюркских языках осуществляется лексико-синтаксическим способом, который состоит в том, что слова, не входящие в разряд имен существительных, приобретают в определенном контексте, не меняя своей формы, предметное значение; в этом случае наблюдаются два типа субстантивации.

1) Устойчивая субстантивация — слово приобретает предметное значение при сохранении исконного значения; в этом случае слово входит в класс имен существительных (новое, приобретенное качество) и в класс другой части речи (старое, исконное качество):

eki ülügi atlīγ erti, bir ülügi jadaγ erti (T 4) 'Две части из них были на конях, одна часть из них — пешая' (atlīγ 1) 'имеющий коня', 2) 'всадник'; jadaγ 1) 'пеший', 2) 'пешеход';

jariqlīγ (Tekin: jaraqlīγ) qantan (qantīn) kēlip jana ēltdi sünüglig (Tekin: sünüglüg) qantan (qantīn) kēlipän ēltdi (Ktb 23) 'Вооруженные люди откуда пришли и увели [тебя в плен]? Копьеносцы откуда пришли и прогнали [тебя из твоих кочевий]?';

⁶¹ Там же, § 33.

⁶² Кононов. Гр. узбекск. яз., § 146; Gabain. Alttürk. Gr., S. 351; PhTF, I, 798; Ряснен. Фонетика, с. 180; Рамстедт. Введение, § 100, 104; Brockelmann. Osttürk. Grammatik, § 68, 70.

⁶³ О титуле эркин~иркин см.: Ligeti L. Mots de civilisation de Haut Asie en transcription chinoise. — AOH, 1950, t. I/1, p. 172—173; Pritsak O. Die Karachaniden. — Der Islam, 1954, 31. Bd, N 1, S. 23: irkän <il xan (что весьма сомнительно); см. еще: Кононов. Родословная туркмен, с. 99, § 140; Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969, с. 141.

ol ödkä qul qullıy bolmıs erti (Ktb 21) 'В это время рабы стали рабовладельцами';

tabıač atlıy süsi (M 1) 'конное войско [конница табгачей]';

andaı (antaı) küčlüg men (İB 5, 32) 'Я такой сильный' ~ 'я так силен';

ičikigmä ičikdi bodun boltı ölügmä ölti (M 37) 'Те, кому надлежало подчиниться, подчинились, они стали [моим] народом, те, которые должны были погибнуть, погибли';

qutluı ~ qutlıy (E 19, 1) 'счастливый' > титул и имя собственное.⁶⁴

2) Оказиональная, или контекстуальная, субстантивация — приобретение предметного значения в определенном контексте морфологическим способом, т. е. слово непредметного значения приобретает грамматические категории имени существительного (категории числа, принадлежности, падежа, послелога):

čııaııy baj qıltı azıy üküš qıltı (Ktb 16) 'Бедных он сделал богатыми, малочисленных сделал многочисленными';

jılqa tēgmışig jıdıtmaıın ajqa tēgmışig artatmaıın... tir (İB 91—92) «'Достигших [больших] лет я не сгною (т. е. не убью), достигших [всего нескольких] месяцев я не стану губить»,... — говорит он';

uluıy šad erti (T 5) 'Старший из них был шадом';

kēlmiš alp tidi (T 38) 'Пришельцы — храбрецы, сказал он';

qamuıy (qamaıy) biš otuz sülädimiz (Ktb 18) 'Всего мы ходили в поход двадцать пять раз';

[qa]muıy jeıi jüz ır bolmıs (Ktb 12—13) 'Всего их стало семьсот воинов';

ıda tašda qalmıš qubranıp jeıi jüz boltı (T 4) 'Те, кто находился в лесах и на горах, собрались, и стало [их] семьсот'; ср. узбек. *тоғ-тош* // *тоғу тош* 'горы', 'гористая местность';

illigil ilsirätimiz qaıanlııy qaıansiratdimiz, tizligil sökürtimiz, başlııy jüküntürtimiz (Ktb 18) 'Мы лишили элей тех, кто имел эли, мы лишили каганов тех, кто имел каганов, мы заставили преклонить колени тех, кто имел колени, мы заставили склонить [головы] тех, кто имел головы';

tirigi küı boltaçı erti, ölügi jurtıa jolda jatı qaltaçı ertigiz (Ktb 49) 'Живые из вас стали бы рабынями, мертвые из вас остались бы на кочевьях, на дорогах лежать [без погребения]';

jaımiš beı ertim bilgä toınuııı (T 5) — Жиро⁶⁵ и Тезджан⁶⁶ первое слово в этом предложении читают aııııııı (что, пожалуй, правильнее) < aı- 'говорить', 'разъяснять', 'указывать', 'распоря-

⁶⁴ Бартольд. Соч., т. V, с. 315: «... кутлуг... титул членов царской семьи, вроде нашего „высочества“»; см. еще: B o m b a c i A. Qutluı bolzun. A Contribution to the history of the concept of «Fortuna» among the Turks. — UAJ, 36. Bd, p. 87—117; 38. Bd, p. 13—43; Clauson. Etymolog. Dict., p. 594.

⁶⁵ Giraud. L'inscription, p. 53, 70—71.

⁶⁶ T e z c a n Semih. Tonyukuk yazıtında birkaç düzeltme. — TDAYB, 1975—1976. Ankara, 1976, s. 174—175.

жаться', 'руководить' (ДТС 25); Жиро приравнивает значение слова *aĵġma* к *aĵuċi* 'советник' и переводит указанное выше предложение так: 'Le conseiller, c'était moi, le Sage Tonyouquouq'. Тезджан перевел так: 'Akıl vereni ben Bilge Tonyukuk idim'. Мой перевод: 'Тот, кто дал [ему, кагану] совет, был я, правитель Тоньюкук'; ср.: Малов. ПДТП, с. 65, 5.

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ

§ 137. Словосложение, или объединение двух, реже трех простых слов (как корневых, так и производных), происходит по определенным моделям, имеющим свою семантическую, морфологическую и фонетическую характеристику.

В результате словосложения возникает новая словарная единица, обладающая цельным лексическим значением, равноправная по грамматическим функциям простому слову, но она отличается от последнего своим морфологическим строением и в известной мере фонетической структурой (возможностью несингармонических сочетаний).

Из известных в современных тюркских языках типов словосложения, т. е. синтаксических способов образования имен существительных,⁶⁷ в ТРП используются преимущественно парные имена существительные, которые представлены следующими типами.

§ 138. Два имени, объединенные бессоюзной связью, относятся друг к другу как синонимы, образуя парное слово со значением собирательности или обобщения: *taluj ögüz* (Т 18, 19) 'океан—море' (*talaj* ~ *taluj*, монг. *dalai* < кит. *ta lei* (Clauson. Etymolog. Dict., p. 502)); *qa qadaş*⁶⁸ > *qaradaş* (Е 41) 'родственники'; *eşim qadaşım* (Е 18, 4) 'мои друзья—приятели'; *künim qadaşım* (Е 3, 1) 'мои родные и родичи'; *söz sab* (İВ 16) 'слова—речи' (ср.: *sab söz* — ДТС 478); *sab ötüg* (М 39) 'речи—просьбы'; *qız quduz* (Т 48; М 15) 'девушки—женщины' (весь женский пол); *joq çïʔañ bodunıŋ* (Ktm 10) 'неимущий бедный народ' (вин. п.); *küm soruŋım* (Е 47, 4) 'моя слава — [добрая] молва обо мне'; *eḅ*⁶⁹ *barq* 'юрта' (становище) + 'жилище', 'строение' — *süsi eḅig barqıŋ julʔalı bardı* (М 32) 'Их войско выступило, чтобы грабить [наши] юрты—жилища'; *eḅ barım* 'юрта' (становище) + 'скот' (ДТС 84) > 'все имущество' —

⁶⁷ См.: Кононов. Гр. узбекск. яз., § 155—164; Муратов С. Н. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М., 1961.

⁶⁸ *qadaş* < *qa* (сино-корейское *qa* 'семья') + *-daş* (Рясянен. Фонетика, с. 184); Clauson. Etymolog. Dict., p. 578, 607; G a b a i n A. v. Das Leben im uigurischen Königreich von Qoço (850—1250). Wiesbaden, 1973, S. 59: «*qadaş* < *qa* + *das* die 'zur gleichen Familie (*qa* < chin. *kia*, mittelchin. *ka*) Gehörigen'... *qa qadaş* 'die Familie und die zur Familie Gehörigen'».

⁶⁹ См.: Севортян. ЭСТЯ, I, 513—515. — О значениях слова *eḅ* см.: Tun a O. N. Bazı imlâ genekleri. Bunların metin incelemelerindeki önemi ve Orhon yazıtlarında birkaç açıklama. — TDAYB, 1957. Ankara, 1957, s. 66—67.

əbin barı[mın] [qalı]sız qor kəltürti (Ktb 41) 'Все его имущество — его юрты, его скот — все без остатка велел привести [к нему]'; ср. aγi barım (baram) 'богатство'; aγi 'драгоценности', 'сокровища', 'дары' (ДТС 17). Ср. еще: əl kün ('племя' + 'народ') 'народ'; əl kün bodun ('племя' + 'народ' + 'народ' + 'народ') 'весь народ'; oγuś bodun ('племя' + 'народ') 'весь народ (данного племенного союза)'; tidīy tutuγ 'препятствие — преграда' (ДТС 565) (tid- 'задерживать', tut- 'держать', 'хватать'; по-видимому, оба глагола имеют общий корень *ti- ~ *tu- 'закрывать', 'заваливать (путь)').

Довольно редкий для ТРП случай сочетания двух несинонимичных слов, однако близких по своей внутренней семантике: əl törü ('племенная организация' + 'обычное право') 'власть' (Ktb 31).

§ 139. К числу сложных слов типа синонимичных пар собирательного значения следует отнести также довольно часто встречающееся в ТРП сочетание (см., например: Е 3, 6; 10, 7) qara bodun ('люди + народ') ~ bodun qara ('народ' + 'люди') (ДТС 108); ⁷⁰ qara bodun = 'avam, halk' (Orkun, IV, 85); ср. еще: əl bodun 'люди' + 'народ' (ДТС 169), 'все люди'; qarasin jıydim (O Oa 1) 'Народ их я победил' (ср.: ДТС 265); qara qamıy süsi ögirär tir (İB 97—98) 'Народ и все его войско радовалось, говорит он'; türk qara qamaγ (qamıy) bodun anča timis (Ktm 8—9) 'Тюркские люди, весь народ так сказали, говорят'.

Тюркское qara (как и бурят. *хара*, монг. *хар*) служит для обозначения собирательности, множественности, обобщенности: ⁷¹

qara türgis bodun qor içikdi (Ktb 38) 'Весь тюркешский народ целиком подчинился'; anta kisrä qara türgis bodun jaγi bolmis (Ktb 40) 'После этого весь тюркешский народ стал [нам] врагом'; qara 'am bodun (ДТС 423) 'все люди и народ'; 'am — арабская глосса к тюркскому bodun.

Ввиду того что слово qara имеет также значение 'главный', 'великий', 'могучий', 'сильный', ⁷² словосочетание qara türgis bodun может быть с достаточным основанием переведено 'сильный // могучий тюркешский народ', что в известной мере соответствовало действительному состоянию тюркешского народа.

Не исключено предположение, что расширение семантики слова qara могло произойти под воздействием (через согдаков) др.-иран. *kāra, др.-перс. kāra 'войско', 'народ', 'люди'; ср. также: ср.-перс. kār, мн. ч. kāgān 'народ', 'люди', 'чужой', 'враждебный народ'. ⁷³

⁷⁰ См.: К о н о н о в А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках. — В кн.: Тюркологический сборник, 1975. М., 1978, с. 169—170; Giraud. L'empire, p. 87—88.

⁷¹ См.: К о р м у ш и н И. В. Лексико-семантическое развитие корня *qa в алтайских языках. — В кн.: Тюркская лексикология и лексикография. М., 1971, с. 16—17.

⁷² К о н о н о в А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках, с. 162—165.

⁷³ Этой справкой я обязан любезности В. А. Лившица.

§ 140. Интересно сложное слово (сочетание синонимов) *arqış* ⁷⁴ *terkiş* (Ktm 8) 'обозы—караваны'. *arqış* < *ar* (тюркско-монгольский глагольно-именной корень) 1) 'спина', 'тыльная часть', 2) 'взваливать на спину', 'нести на спине' (Севортян. ЭСТЯ, I, 175) + *-qış* < *-q* — афф. понудительно-пассивного залога + *-ş* (—ç) — афф. отглагольного имени; ср.: *arqaş-* 'помогать нести ношу на спине' (ДТС 54); якут. *arҕар-* 'располагать предметы один позади другого или один над другим' (Пекарский, с. 143); по-видимому, отсюда произошло значение слова *arqış*. То же морфологическое строение имеет и слово *terkiş*, которое следует сопоставить с глагольно-именной основой, зарегистрированной в «Диване» (МК): *tergäş-* ~ *terkäş-* 'следовать друг за другом', 'выстраиваться в цепочку' (ДТС 554; РСл. III, 1070).

§ 141. Два имени, объединенные бессоюзной связью, относятся друг к другу как антонимы, образуют парные имена со значением собирательности, обобщения: *ög qar* (ДТС 378) 'мать-отец' = 'родители'; ... *bodunı küñ qul boltı* (Ktb 20) '... народ его стал невольниками' ('рабынями—рабами'); *eñüm aram* (Ktb 1) 'мои предки', 'мои старшие родственники по мужской и женской линиям' (*eñü* ~ *eñä* ~ *aça* ~ *eñä* 'старшая сестра', 'старшая родственница' (ДТС 162); ср.: *eñi* 'старший брат' (ДТС 162); *aba* ~ *ara* 'мать', 'старшая родственница', 'старшая сестра' (ДТС 47); *aba* 'отец', 'дядя', 'дед (по отцу)'; подробнее см.: Севортян. ЭСТЯ, I, 55—58, 220—222, 231—235).

§ 142. Основное слово + слово-«эхо» образуют новое слово с собирательным значением, осложненное экспрессивной оценкой; слово-эхо образуется препозиционно присоединяемым отзвуком *m-*; ⁷⁵ малопродуктивное образование: *bars kejik eñkä meñkä barmış eñin meñin bulmış* (İB 46—47) 'Тигр-зверь отправился, говорят, за добычей-«мамычей», он добыл, говорят, свою добычу-«мамычу» (т. е. тигр добыл много разнообразной добычи)'. Редкий случай — повтор с *m-* при глагольной основе: *bars kejik eñläjü meñläjü barmış* (İB 74) 'Тигр-зверь отправился охотиться за добычей-«мамычей»'.

§ 143. Значительно реже в ТРП встречаются сложные имена существительные, первым компонентом-определением кото-

⁷⁴ РСл. I, 301: *аргыш* 1) 'караван'; 2) 'товарищ'; см. еще: Räsänen. Versuch, S. 26. — В русском языке (Архангельская обл.) *аргыш* «обоз из несколько десятков и более саней, запряженных оленями и привязанных одни за другими. ... Слово *аргыш* (в значении торговый караван, — А. К.) встречается в грамоте 1536 г. царя Ивана Грозного к одному когайскому князю» (Словарь русских народных говоров. Вып. 1. Сост. Ф. П. Филин. М.—Л., 1965, с. 274); *аргыш*, *аргыш* 'олений обоз' (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1955, с. 21). В тунгусских языках *аргыс* ~ *аргыш* 'перекочевка' (<якут.), см.: Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, т. I. Л., 1975, с. 50; см. еще: Фасмер, I, 84; Doerfer, II, § 460; V á m b e ř y H. Noten zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei und Sibiriens. — MSFOu, 1899, 12, S. 98.

⁷⁵ По В. В. Радлову (Radloff. Phonetik, § 465), *m-* из вопросительной частицы *mi*: *at mat* < *at mi at* 'лошади и т. п.'.

рых выступают имена существительные, прилагательные, числительные, составляющие со своим определяемым единое лексическое целое, организованное, как правило, приемом примыкания.

Существительное + существительное ~ субстантивированная глагольная форма:

el̆teris(s) ~ il̆teris(s) < el ~ il 'эль' + teris- 1) 'собирать вместе', 2) 'собираение', 'сбор'; el̆teris̆ qaraŋ (Ktb 11) — прозвище (титул?) отца Кюль-тегина и Могилян-хана;

el̆tebär (Ktb 43) < el + tebär (< *teb- ~ *teğ- 'доходить', 'доводить', 'нападать' (ДТС 546—547)) — титул военачальника у азов; ⁷⁶ el̆ bilgā qatun (Ktb 11) 'госпожа — правительница эля', прозвище (титул) матери Кюль-тегина и Могилян-хана.

§ 144. Значительное число сложных слов, организованных приемом примыкания, отмечается в топонимических названиях: ötükän jış (Ktm 4) 'Отюкенская чернь' (один из лесистых горных узлов Восточного Хангая); ötükän jir (Ktm 8) 'Отюкенская земля'; ⁷⁷ qadırqan jış (Ktb 21) 'Радырканская чернь' (Хинган); şantun jazı (Ktm 3) 'Шаньдунская равнина'; tēmīr qarır (T 46) досл. «Железные ворота», горный проход Бузгала в горах Байсун-тау, по дороге из Балха в Самарканд. ⁷⁸

§ 145. Крайне редко встречаются сложные слова, организованные с помощью конструкции изафета: kün ortusı (Ktm 2) досл. «солнце в зените», 'юг'; tün ortusı (Ktm 2) досл. «ночь в зените», 'север'.

Редко используется прием субстантивации предикативного словосочетания: kün toysıq (Ktm 3) 'солнце-восход', 'восток'; kün batsıq (Ktm 3) 'солнце-заход', 'запад'.

§ 146. Словосложение прилагательное + существительное отмечено в следующих примерах: beŋgü taş (Ktm 11) 'памятник', 'стела, каменная плита с надписью' (досл. «вечный камень»); kök türk (Ktb 3) 'восточные тюрки', тюрки Восточного каганата (kök 1) 'голубой', 'небесный цвет', 2) 'восток'.

Значительное число примеров подобного типа сложных слов отмечается

1) в топонимике: qara qum (T 7) название пустыни, ⁷⁹ qara köl (Ktb 42) название озера; слово qara в значении 'большой',

⁷⁶ Mori M. *Eltäbär/Eltäbir and Irkin*. — In: *Acta Asiatica*, t. 9. Tokyo, 1965, p. 31—56; Bombaci A. *On the ancient Turkic title Eltäbär*. — In: *Proceedings of the IX-th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference*. Naples, 1970, p. 1—66; Doerfer, II, § 655.

⁷⁷ О значении аппелятива jış см.: Боргояков М. И. *Йыш в древнетюркских памятниках рунической письменности*. — В кн.: *Археология Северной и Центральной Азии*. Новосибирск, 1975; Молчанова О. Т. *Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск*, 1979, с. 44—45. — Об Отюкенской земле см.: Кляшторный, с. 33—34; Schubert J. *Zum Begriff und zur Lage des Ötüken*. — *UAI*, 35. Bd, S. 213—218.

⁷⁸ Мелиоранский. *РТ*, с. 86; Бартольд. *Соч.*, т. V, с. 313.

⁷⁹ См.: Czeglédy K. *Soğay-quzı, Qara-qum, Kök-öng*. — *АОН*, 1962, т. XV/1—3, p. 55.

‘сильный’ входит в состав многих мужских имен собственных — qaqa han основатель династии караханидов;⁸⁰

2) в личной ономастике: kül ‘славный’ (kü ‘слава’) — kül tigin (~ tegin) имя и титул младшего брата Могилян-хана (Ktb 50); ср. еще: kül bilgä qaqa (Mč 5) имя и титул; jollıy (> jolıy)⁸¹ ‘счастливый’ — jolıy tigin (~ tegin) имя родственника Могилян-хана и Кюль-тегина, составителя надписей в их честь (Ktm 13).

§ 147. Словосложение числительное + существительное используется в названиях племенных объединений: üč oğuz (M 32); se-kiz oğuz (Mč 13); toquz oğuz (Ktm 2); on oq qaqañı (T 19) ‘каган [народа] десяти родов’; otuz tatar (Ktb 4); üč qarluq (Mč 11, 25); üč qurıqan (Ktb 4).⁸²

ФОНЕТИЧЕСКИЙ СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

§ 148. Под фонетическим способом словообразования понимаются словообразовательные отношения между словами, выражающиеся в видоизменении их фонетического состава, т. е. в функциональном чередовании звуков, которое реализуется в современных тюркских языках в ряде приемов.⁸³

В ТРП довольно отчетливо прослеживается три главных способа функционального изменения звуков:

- 1) чередование гласных переднего—заднего рядов;
- 2) чередование согласных глухих—звонких;
- 3) расщепление согласного п.

§ 149. Функциональное чередование гласных переднего—заднего рядов в ТРП представлено следующими формами: eñü ~ eñi ~ iñi обозначает представителей мужской линии родственников — ‘старший родственник’, ‘старший брат’, ‘дядя’; eñä ~ aña ~ añi обозначает преимущественно старших родственников по женской линии — ‘мать’, ‘старшая сестра’, ‘бабушка’, ‘тетя’;⁸⁴ aqa ~ aya ‘старший родственник’, ‘старший брат’;⁸⁵ eka ‘старшая сестра’ (ДТС 167); aba ‘старший родственник’; eba ‘старшая родственница’;⁸⁶ ср.: qart ‘старик’, qurt-qa(-ya, -a) ‘старуха’; -qa, -ya > -a — афф. диминутива.

⁸⁰ Подробнее см.: Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках, с. 162.

⁸¹ «Jolluy — einen Weg habend, glücklich» (Radloff. ATIM, NF, S. 52); Gabain. Alttürk. Gr., S. 273; Tekin. Grammar, p. 408.

⁸² См.: Hamilton J. Toquz-oruz et on-uyur. — JA, 1962, t. 250, p. 23—61; Czeglédy K. On the numerical composition of the ancient turkish tribal confederations. — АОН, 1972, t. XXV/1—3, p. 275—281; Rásonyi L. Les noms de nombre dans l'anthroponymie turque. — АОН, 1961, t. XII/1—3, p. 45—71.

⁸³ См.: Ганиев Ф. А. Фонетическое словообразование в татарском языке. Казань, 1973; Пюрбеев Г. Ц. Функциональное чередование звуков в монгольских языках. — ВЯ, 1971, № 3, с. 89—93.

⁸⁴ Севортян. ЭСТЯ, I, 231—235.

⁸⁵ Там же, 121—123.

⁸⁶ Там же, 54—58, 220—222.

§ 150. Функциональное чередование глухих—звонких согласных может быть иллюстрировано словом ара ~ aba (~ abu), обозначающим старшего по возрасту представителя в составе родственников по крови; первоначально оно, по-видимому, имело значение 'старшая в роде женщина' > 'мать', 'бабушка'; позднее, в связи со сменой иерархии внутрисемейных отношений, стало значить 'старший в роде мужчина' > 'отец', 'дедушка'. Впоследствии за формой ара (тувин. ава < аба) закрепилось «женское» значение: 'мать', 'старшая сестра', 'тётя' (как обращение) aba (abu) 'отец'.

Слово ара в значении 'старший' встречается в составе титулов — ара тарган (Т 34), öz ара tutuq (ДТС 395); в именах собственных — qul ара иргун (ДТС 464).

О. Прицак⁸⁷ считает необходимым рассматривать оппозицию сильные (глухие)—слабые (звонкие) в инлауте и ауслауте в ТРП как важный смысловозначительный фактор; эта плодотворная идея для приобретения должной убедительности требует дополнительных изысканий.

§ 151. В результате расщепления заднеязычного носового ɲ > n / γ, g (> v, j)⁸⁸ образовалось некоторое количество слов нового значения. Корень *ja обнаруживается в составе слов jaɲaɣ ~ jaɲ-ɣaɣ 'сторона', jaɲaɣ 'щека', которые являются диминутивными формами на -(γ)aɣ от названного корня; с другой стороны, в результате расщепления согласного ɲ на свои составляющие этот корень стал производящей основой для новых слов: ja-n 'бок', ja-q 'край'.

§ 152. Совершенно естественно предположить, что в ТРП известную словообразовательную роль играло изменение места главного ударения, как это нередко наблюдается в современных тюркских языках; по аналогии с турецким послелогом sonra и наречием sonra 'после', 'затем' можно допустить, что слово üzä, выступающее в ТРП в функции наречия и послелога (Ktb 1, 16, 17), тоже имело два ударения.

КАЛЬКИРОВАНИЕ

§ 153. В языке ТРП (как во всяком письменном-литературном языке) есть значительное число заимствований — преимущественно из согдийского, китайского и тибетского языков; наиболее ясно эти заимствования прослеживаются в ханской титулатуре, в названиях административных должностей и военных званий, например: beg, qan ~ xan, qaɲan ~ xaɲan, tegin ~ tigin, jabɣu, boɟla, iʃvara ~ iʃbara, šad, šadapit, saɲun ~ seɲün, tarqan ~ tarxan, bölön, tutuq, oɲ tutuq, qatun (< hatun), baɣa и др.⁸⁹

⁸⁷ P r i t s a k O. Die Herkunft der Allophone und Allomorphe im Türkischen. — UAJ, 1961, 33. Bd, N 1—2, S. 142—145.

⁸⁸ Ряснен. Фонетика, с. 168—173.

⁸⁹ Подробнее об этимологии и содержании этих терминов см.: Кляшторный, с. 111—113; R a m s t e d t G. J. Alte türkische und mongolische Ti-

Прямое усвоение иноязычной лексики всегда сопровождается особым видом лексического заимствования — к а л ь к и р о в а н и е м; к числу древнетюркских калек относятся:

jašıl ögüz ~ ügüz (Ktb 17) 'Желтая река', калька с китайского Хуанхэ; ⁹⁰ jašıl 1) 'зеленый', 'голубой', 2) 'желтый'; ⁹¹

jeñcü ögüz ~ ügüz (Ktm 3) 'Жемчуг-река', древнее название этой реки Яксарт < jašarta ~ jaša arta 'самородный жемчуг', современное название — Сырдарья; ⁹²

toñuquq (< toñ + uquq) имя известного исторического лица, ⁹³ калька с китайского Юаньчжэн 'первенец-сокровище'.⁹⁴

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 154. Словообразование имен прилагательных осуществляется следующими способами: аффиксацией, словосложением, адъективацией.

Имена прилагательные, образованные способом аффиксации, могут быть мотивированы именами существительными, именами числительными и глаголами.

Имена прилагательные, образованные от именных классов слов

§ 155. Афф. -liγ, -lig (-luγ, -lüg) — в такой форме он сохранился в тувинском, хакасском, шорском, азербайджанском, уйгурском языках; ср.: киргиз. -luu < -luγ; в других тюркских языках он имеет форму -li, -li, -lu, -lū (и их фонетические варианты в части согласного); варианты этого аффикса с широким гласным присущи чувашскому (-lă, -lă, -la; -lă) и якутскому (-laah) языкам.

О составе этого аффикса высказано довольно много (часто диаметрально противоположных) суждений.⁹⁵

tel. — JSFOu, 55, 1951, S. 59—82; Gabain. Alttürk. Gr., § 42; Hamilton. Les ouïghours, p. 144—161; M e n g e s K. H. Problemata Etymologica. — In: Studia Sino-Altaica. Wiesbaden, 1961, S. 130—140; Doerfer. II, § 828; IV (Wortregister); P r i t s a k O. Stammesnamen und Titulaturen der altaischen Völker. — UAJ, 1952, 24. Bd, N 1—2; A l t o P. Iranian contacts of the turks in pre-islamic times. — In: Studia Turcica, Budapest, 1971, p. 29—37; E s s e d y H. Old Turcic titles of Chines origin. — АОН, 1965, t. XVIII/1—2, p. 83—91; B o m b a c i A. On the ancient Turkish title şadapit. — UAJ, 1976, 48. Bd, p. 32—41; К л я ш т о р н ы й С. Г., Л и в ш и ц В. А. Согдийская надпись из Бугута. — В кн.: Страны и народы Востока, т. X, 1971, с. 121—145; Г у к а с я н В. Тюркизмы в «Истории албан» Моисея Утийского. — В кн.: Структура и история тюркских языков. М., 1971, с. 238—250; Менгес. Восточные элементы (Индекс); Севортян. ЭСТЯ, II, 97—101.

⁹⁰ Мелиоранский. КТ, с. 86; Бартольд. Соч., т. V, с. 316.

⁹¹ Н а д е л я е в В. М. [Выступление]. — В кн.: Вопросы методов изучения истории тюркских языков. Ашхабад, 1961, с. 195.

⁹² Мелиоранский. КТ, с. 86; Бартольд. Соч., т. V, с. 313.

⁹³ Бартольд. Соч., т. V, с. 312—323.

⁹⁴ См.: с. 16.

⁹⁵ Radloff. ATİM, NF, S. 46—52; Мелиоранский. КТ, с. 95—98; Кононов. Гр. узбекск. яз., § 112; 170; С е в о р т я н Э. В. Из истории прилагательных

Наиболее вероятным представляется предположение О. Н. Бётлингк: «-lū und -lāx gehen auf das Denominativaffix -lā zurück, das aus Verbalstämmen abgeleitete Verba in der Bedeutung 'damit versehen' bildet».⁹⁸

Общетюркский аффикс -līq, -lik, -luq, -lūk О. Н. Бётлингк возводил также к афф. -la, -lā (генетически связанному с афф. мн. ч. -lar, -lār) + -q, -k.⁹⁷

Исходя из сказанного, следует признать, что афф. -līy состоит из двух морфем: -l + -γ(g);⁹⁸ первая имеет значение комитатива — собирательности — множественности,⁹⁹ вторая — отглагольного прилагательного и имеет общее происхождение с афф. имен прилагательных -γī (§ 159); сочетание морфем -l + -q(k) (по функции второй морфемы) образует имена существительные абстрактного и обобщающего значения. Махмуд Кашгарский четко определил функции формантов -γ(-g) и -q(-k): первый образует имена прилагательные, второй — имена существительные.¹⁰⁰

Наличие в современных тюркских языках у афф. -līq, -lik наряду с субстантивными и а д ъ е к т и в н ы х значений (ср.: турец. bin kişilik bir salon 'зал на тысячу человек') следует объяснить оглушением конечных звонких согласных -γ/-g > -q/-k.

С другой стороны, афф. -līγ, -lig по закону отпадения конечных γ/g, который особенно последовательно проводится в огузской группе тюркских языков, превратился в формант -lī, -li, -lu, -lū, образующий имена прилагательные.

Афф. -līγ (и его сингармонические варианты) в ТРП образует имена прилагательные со значением обладания тем, что обозначено производящей основой (обозначение признака по предмету обладания): ellig ~ illig (Ktb 29; М 24) 'обладающий элем' — illig bodun ertim (Ktb 9) 'Я был народом, имеющим эль (имеющим племенную организацию)'; tonlīγ ~ tonluγ (Ktb 29; М 23) 'имеющий одежду'; külüg ~ külīg (Ktb 4; Е 10, 6) 'славный',

в тюркских языках. — В кн.: Тюркологические исследования. М.—Л., 1963, с. 58—68; Котвич. Исследование, с. 109—116; Баскаков. К.-к. язык, II, с. 195—196; Brockelmann. Osttürk. Grammatik, § 79—80; Räsänen. Morphologie, S. 105; К р е й н о в и ч Е. А. Об одной тюркско-палеоазиатской языковой параллели. — В кн.: Turcologica, с. 94—100.

⁹⁶ Böhrling, § 385.

⁹⁷ Там же, § 306, 310, 311.

⁹⁸ «Не исключено, что -līy ~ -lik не исконная форма суффикса; исконной формой следует считать l: ведь до сих пор l является признаком множественного числа в тунгусских языках» (Котвич. Исследование, с. 109). Об афф. -l как показателе мн. ч. в составе афф. -lar, -lār см. § 267.

⁹⁹ В якутском языке афф. -лаах, присоединяясь к собственным именам и индивидуализированным названиям людей, . . . может также выражать совокупность, собирательность, множественность (Х а р и т о н о в Л. Н. Современный якутский язык. Ч. I. Фонетика и морфология. Якутск, 1947, с. 134 (разрядка моя, — А. К.)).

¹⁰⁰ П. М. Мелиоранский отмечал, что «в именах существительных преобладают конечные q и k. . . в именах прилагательных преобладают, наоборот, γ и g» (цитирую по: Севортян. Афф. именного словообразования, с. 54, сн. 25).

‘знаменитый’ (kü ‘молва’, ‘слава’); ęr busuşluę tәnri bulitlię boltı (ЇВ 79—80) ‘Человек стал печальным, небо покрылось облаками’.

Производящей основой может быть и словосочетание: üküş (~ öküş) atlıę kişi (ЇВ 54) ‘человек, имеющий много лошадей’; ęki ęltebәrlig bodun (М 38) ‘народ, имеющий двух эль-теберов’; bię sәkiz adaqlię barımım (Е 42, 6) ‘тысяча моего восьминогого скота’ (ср. у Малова казахскую пословицу: «У сытого коня восемь ног»).

§ 156. Афф. -li, -li, не имеющий генетических связей с афф. -lię, -lig,¹⁰¹ в ТРП используется для обозначения с о ч и н и т е л ь н ы х отношений между однородными членами предложения, т. е. выступает в функции соединительного союза: inili ęçili (Ktb 6) ‘и младшие и старшие родственники’; beęli bodunli (Ktb 6) ‘и беки и народ’; adırlı toęuzlı (ЇВ 10) ‘и медведь и кабан’; tünli күnli (М X II) ‘и ночью и днем’ (ср. др.-уйгур. күnlük tünlik (ДТС 327) ‘и днем и ночью’); turuę buęalı sәmiz buęalı (Т 5) ‘и тощие быки и жирные быки’.

§ 157. Афф. -lię, -lik (-luę, -lük)¹⁰² образует имена прилагательные (ср. с афф. -lię, § 155), производящей основой которых является словосочетание, состоящее из числительного и существительного, обозначающего определенный отрезок времени: bię jıllıę tımән күnlik bitigimin belęümin anta jası taşęa jaratıtdım (Мс 21—22) ‘Мои тысячелетние, десятидневные (т. е. вечные, — А. К.) письма я тогда велел иссечь на плоском камне’.

§ 158. О составе афф. -sız, -siz (-suz, -süz) (отсутствующего в алтайском, тувинском, хакасском, шорском и якутском языках) высказано значительное число предположений;¹⁰³ наиболее вероятным представляется гипотеза о слиянии в единой форме -sız двух аффиксов отрицания -s + -z (s) < *r.¹⁰⁴

С афф. -sız непосредственно генетически связан афф. -sır, -sır (§ 185), сопоставляемый с чувашским и монгольским -sar, -sär; по закону соответствия r:l в эту же группу однозначных аффиксов входит афф. -sul (< -s + l): joęsul ‘неимущий’ («без ничего»).

С помощью этого высокопродуктивного аффикса образуются имена прилагательные п р и в а т и в н ы е, имеющие, как правило, значение антонимичное прилагательным на -lię; нередко функционально соответствует русским приставкам без-, не- и предлогу без:

¹⁰¹ Мелиоранский. КТ, с. 97—98.

¹⁰² Предположения о составе этого аффикса см.: Böhtlingk, § 306, 310, 311; Кононов. Гр. узбекск. яз., § 112.

¹⁰³ Кононов. Гр. узбекск. яз., § 171; Исхаков Ф. Г. Наблюдения по лексике в области прилагательных в тюркских языках. — В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, с. 183—184.

¹⁰⁴ Котвич. Исследование, с. 123—137; Räsänen. Morphologie, S. 111—112, 113—114; Баскаков. К.-к. язык, II, с. 456—457; ср.: Серебрянников Б. А. Заметки по истории тюркских языков. — В кн.: Тюркологические исследования. М., 1976, с. 210.

idisiz (Ktb 20) 'лишенный хозяина', 'без хозяина', 'бесхозный';¹⁰⁵ biligsiz (Ktb 5) 'неразумный', 'лишенный разума'; sansiz (M 12) 'бесчисленный'; otsuz subsuz (İB 68—69) 'без травы, без воды'; beş jaşımta qansız qalip toquz jigirmi jaşımta ögsüz bolt(ım) (E 45, 2—3) 'Когда мне было пять лет, я остался без отца, когда мне было девятнадцать лет, я лишился матери'.

Этот аффикс при однородных существительных может быть «вынесен за скобки»: idi oqsız kök türk... (Ktb 3) 'восточные турки, не имевшие властелина, лишённые племенной организации'.

§ 159. Афф. -γī / -γu, -qī / -qu, -gi / -gü, -ki / -kü, омонимичный с афф. причастия будущего вр. на -γu / -γa, генетически связан с частицей -γu / -gü (§ 388); он образует относительные прилагательные от имен существительных в основном, местном, местном-направительном и местном-дательном п.

1) Имена прилагательные на -γī от имен существительных в основном п.: çölgi (T 23) 'степной', 'живущий в степи'; ср. çöllig (Ktb 4) 'степной' (çöl 'степь'); ilki (M 32, Ktb 32) 'первый', 'начальный' (il ~ el ~ al 'перёд'); ср. ilgärü (Ktb 12) 'вперед', 'на восток'; ср. турец. ilk, туркмен. ilki 'первый'; en ilki (Ktb 32) ~ en ilik (Ktb 36) 'самый первый'; tabğaçγī beglär (Ktb 7) 'табгаческие беки'; edgü (Ktm 7) 'хороший' < ed ~ eđ 'вещь', 'имущество', 'богатство' (ДТС 162); eđgü ~ eđgü > ejgü > ejü > турец. eji ~ iji 'хороший'; о других этимологиях этого слова см.: Севортян. ЭСТЭ, I, 245—247.

Редкий случай — прилагательное с указанным аффиксом, мотивированное наречием: jeṭi aṣnuqī iṣim (E 41, 2) 'семь моих прежних дел'; aṣnu 'раньше', 'прежде', деепр. от aṣnu- 'оперекать' (ДТС 64).

2) Имена прилагательные на -qī, -ki от имен существительных в местном п. обозначают местонахождение лица или предмета, названного определяемым словом: täñridäki künkä jerdäki elimkä bökmädim (E 7, 3) 'Я не наслаждался солнцем, что на небе, моим элем, что на земле'; köñültäki sabimın... (M 14) '[Я повелел иссечь на камне] мои сокровенные слова...' (досл.: 'те, что у меня на сердце'); tört bulundaqı bodunuç qop baz qiltım (Ktb 29—30) 'Находящиеся по четырем странам [света] народы я всех принудил к миру'; qurıja kün batsıqdağı soğd... (Ktb 52) 'согд[аки],¹⁰⁶ обитающие сзади, [т. е.] там, где заходит солнце...'.

¹⁰⁵ М е н г е с К. Г. Тюркское idi 'господин', некоторые его рефлексy в тюркских языках и параллели в других языковых семьях. — В кн.: Тургорская, с. 101—110.

¹⁰⁶ По свидетельству Махмуда Кашгарского (МК—БА, I, 31), «жители Исфиджаба, Тараза и Баласагуна говорили по-согдийски и по-тюркски. Согдийцы, как в орхонских надписях, носят название *согдак*; так назывался, по словам автора (т. е. Махмуда Кашгарского, — А. К.), народ, вышедший из Согда, страны между Самаркандом и Бухарой; согдаки приняли тюркскую одежду и тюркские обычаи» (Бартольд. Соч., т. V, с. 76; см. еще с. 207—208).

Как и почти любое имя прилагательное, формы на -daqı, -taqı легко субстантивируются: *balıqdaqı taγıqmıs*, *taγdaqı inmıs* (Ktb 12) 'Жившие в городах поднялись в горы, жившие в горах спустились [в долины]'.

3) Имена прилагательные на -qı, -ki от имен существительных в местно-направительном п. на -га, -гä и дательно-направительном п. на -ja, -jä синонимичны прилагательным на -daqı, -däki. Афф. -га, -гä в чувашском языке — показатель местного п., т. е. функционально соответствует общетюркскому -da, -dä; с другой стороны, афф. -га, -гä (и его фонетические варианты -rı, -ru, -rı, -rū) является формантом направительного п.: *içraki bēdizçig iti* (Ktm 12) 'Он прислал дворцовых (досл. 'внутренних') резчиков по камню'; *ögräki bodun kelti* (T 17) 'Пришел народ, обитающий впереди (т. е. на востоке)'; *berijäki (~ birijäki) bodun qurıjaqı jırjaqı ögräki bodun kelti* (T 17) 'Пришли народы, обитающие по правую сторону (небосклона, т. е. на юге), пришли народы, обитающие в задней стороне (небосклона, т. е. на западе), обитающие по левую сторону (небосклона, т. е. на севере), обитающие в передней стороне (небосклона, т. е. на востоке)'.

В древнеуйгурских манихейских текстах встречаются (очень редко!) при определении местоположения прилагательные, образованные сочетанием исходного п. (-dın, -din)+ki: *birdinki jirdinki jır suv* (Man III, 8 (3) 8) 'Die im Süden und im Norden gelegenen Länder'.¹⁰⁷

Имена прилагательные, образованные от глагольных основ

§ 160. В языке ТРП отмечено небольшое число имен прилагательных, образованных от глагольных основ.

Некоторые отглагольные прилагательные генетически связаны с причастиями, утратившими основные признаки глагольных форм и лишенными возможности обозначать время совершения действия.

§ 161. В афф. -°γ, -°g, -°q, -°k соединительным гласным являются широкие и узкие гласные.

По всей вероятности, эти аффиксы генетически разного происхождения и исторически имели самостоятельные значения: γ/g служили для образования прилагательных, q/k — существительных.¹⁰⁸

С помощью этих аффиксов от переходных глаголов образуются имена прилагательные пассивного значения, от непереходных глаголов — активного значения: *bēdük*¹⁰⁹ 'большой' (*bēdū* — 'увеличи-

¹⁰⁷ A r a t R. R. Über die Orientationsbezeichnungen im Türkischen. — In: Aspects of Altaic civilisation. Indiana University Publications. Bloomington—The Hague, 1963, p. 181 (Uralic and Altaic Series, vol. 23). — В турецком переводе эта статья опубликована: ТМ, XIV, 1—24.

¹⁰⁸ Рамстедт. Введение, § 66; Deny. Gr., § 859—860.

¹⁰⁹ О других формах этого слова см.: Рясянен. Фонетика, с. 142.

ваться' — ДТС 91), ср. beđük 'высокий' (beđü- 'возвыситься' — ДТС 91); arıγ (Т 37) 'чистый' (arı- 'быть чистым'); turuq (Ктб 39) 'тощий', 'худой' (tur- 'тощать', 'худеть' — ДТС 587), ср. turlaq (< tur-la-q) 1) 'тощий', 'худой (о скотине)', 2) 'изнуренный', 'обессиленный (о старом человеке)' (ДТС 587); kičig ~ kičüg ~ kičik ~ küčük 'маленький', 'небольшой' (*kičü- ~ küčü- *'быть малым'); silik (Ктб 24)¹¹⁰ 'чистый', 'благородный' (турец. sil- 'вытирать', 'чистить'); jıraq ~ ıraq 'дальний', 'далекий' (jıra- 'удаляться' — ДТС 268); uluγ (Т 56; Ктб 34) 'большой', 'великий' (ul + a- 'связывать', 'присоединять' — ДТС 608); kergäk (Ктб 50) 'нужный', 'необходимый' (kergä- 'подходить', 'соответствовать' — ДТС 300).

§ 162. Афф. -sıγ, -sig// -čıγ, -čig образует имена прилагательные со значением уподобления: adınsıγ ~ adınčıγ (Ктм 12) 'особый', 'другой', 'иной' (adın 'другой'); ödsig 'dear', 'beloved' (М 34) < *öd (cf. Kāš. ödik 'love', ödür- 'to select', 'prefer' — Tekin. Grammar, p. 107, § 24).

§ 163. Афф. -ma, -mä (-m + -a)¹¹¹ — общетюркский аффикс, образующий от глагольных основ 1) имена существительные со значением результата, акта, реже названия действия в его материально-конкретном выражении (§ 119); 2) имена прилагательные с характеристикой по результату действия; в ТРП примеров нет.

§ 164. Афф. -°γma, -°gmä (< -°γ, -°g — афф. вторичной глагольной основы = повудительный залог + -ma, -mä — имя действия) образует отглагольное имя прилагательное; в составе предложения оно служит базой развернутым определениям; в функции Verba finita не используется:

bödkä körigmä beğlär (Ктм 11) 'беки, подчиняющиеся престолу'; tinäsi oγlı jatıγma taγqa teğmis (Т 47) 'Он достиг горы, на которой обитал Тинеси-оглы (= Сын сына Неба)';¹¹² il birigmä täñri (Ктб 25) 'Небо, дарующее эль'; jeṭi jüz kisig udizıγma uluγı šad erti (Т 4—5) 'Старший из них, кто заставил следовать [к нам] семьсот человек, был шадом'.

§ 165. Форма на -γma встречается в субстантивированном использовании:

bu bitig bitigmä atısı joluγ ti[gin] (Ктм 13) 'Эту надпись написал [написавший] его родственник Йолуг-тегин'; ičikigmä ičikdi bodun boltı ölügmä ölti (М 37) 'Те, кто [должны] подчиниться,

¹¹⁰ Это слово в Ктб 24, по мнению покойного турецкого филолога А. Ф. Караосманоглу, следует читать išilik: «prensес olасak, beyhanım olmağa layik» (K a r a o s m a n o ğ l u A. F. «Silik» sözü üzerine. — In: R. R. Arat için. Ankara, 1966, s. 320—322).

¹¹¹ Подробнее см.: Рамстедт. Введение, с. 101; см. еще: Кононов. Гр. узбекск. яз., § 127.

¹¹² См.: К л я ш т о р н ы й С. Г. Титул согдийского владетеля в древнетюркском тексте. — ПБ, 1960, № 6, с. 133—135; Д у м а н Л. И. К вопросу о происхождении учения о Сыне Неба (Тянь-цзы). — В кн.: Общество и государство в Китае. М., 1970, с. 328—332.

подчинились [и] стали [нашим] народом, те, кто [должны были] погибнуть, погибли’.

О словосочетании типа *barıŋma bardı* см. § 201, 2.

§ 166. Афф. $^{-\circ}\gamma\ddot{ı}\ddot{ı}$, $^{-\circ}g\ddot{ı}\ddot{ı}$, $^{-\circ}q\ddot{ı}\ddot{ı}$, $^{-\circ}k\ddot{ı}\ddot{ı}$ состоит из двух однофункциональных морфем $-\gamma+ -\ddot{ı}\ddot{ı}$, первая образует отглагольное имя прилагательное, вторая — отыменное имя прилагательное; ¹¹³ имя функционирует как развернутое определение и субстантивированное имя прилагательное:

anı bitigli anın e[r]ti (Е 24, 3) ‘Написавший эту [надпись] был Аныгын’.

§ 167. Афф. $-\gammauluq$, $-g\ddot{u}l\ddot{u}k$ — см. § 115.

§ 168. Афф. $-\gamma\ddot{u}\ddot{c}\ddot{ı}$, $-g\ddot{u}\ddot{c}\ddot{ı}$ — см. § 114.

Адъективация

§ 169. Адъективация — переход причастий в имена прилагательные — явление довольно широко распространенное; это явление в ТРП представлено формами, образованными с помощью аффиксов $-\gamma\ddot{u}\ddot{c}\ddot{ı}$ (§ 114), $-\gammauluq$ (§ 115) и некоторых других.

Формы имен прилагательных, образованные от прилагательных

§ 170. Формы субъективной оценки имен прилагательных в ТРП представлены единичными примерами.

1) $-s\ddot{ı}raq$ ($< -s\ddot{ı} + -r + -q$): ¹¹⁴ *aqsıraq ordu* (Мç 20) ‘Беленькая ставка’ — вероятно, топоним = ‘Западная ставка’ (ДТС 49: ‘Беловатый лагерь’; *Orkun*, I, 170: *Mükemmel karargâh*).

2) $-man$, $-mân$ — см. § 128.

§ 171. Категория меры и степени имен прилагательных выражается морфолого-синтаксическим способом; в ТРП имеется следующий пример, выражающий превосходную степень: *eñ ilki toŋu balıqta süñüsdüm* (М 30) ‘Самый первый [раз] я дал сражение у [города] Тогу-балык’.

Сравнительная степень иллюстрируется примером: *süñüşdümüz bizintä eki uçı sınaçça artuq ertı* (Т 40) ‘Мы сразились; их два крыла примерно вдвое были многочисленнее нас’.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

§ 172. В ТРП представлены следующие разряды имен числительных: количественные, порядковые и собирательные, обозначающие количество как совокупность, а потому называемые также

¹¹³ Ср.: Мелиоранский. КТ, с. 127, § 64; Кулиев А. А. О причастии на $-gli/-li$ в языке орхоно-енисейских памятников древнетюркской письменности. — Учен. зап. МВ ССР АзССР. Сер. языка и лит-ры, 1976, № 6, с. 43—46.

¹¹⁴ К о н о н о в А. Н. Уменьшительные формы имен и словообразование (на материале тюркских языков), с. 94—101; B a n g u o ğ l u T. Türkçede benzerlik sıfatları. — TDAYB, 1957. Ankara, 1957, s. 13—27.

«числительные самостоятельные» (А. Н. Самойлович) или «субстантивные числительные» (Н. А. Баскаков).

§ 173. Числительные количественные отмечены в следующих формах:

1. bir	10. on
2. iki, ęki	20. ęęirmi, ęęirmi, ęęirmä
3. üç	30. otuz
4. tört	40. qırq
5. beş(s), biş(s)	50. ęlig, ilig
6. altı	60. altmış(s)
7. jiti, ęeti	70. ęetmiş(s), jitmiş(s)
8. ęekiz	80. ęekiz on
9. toquz	90. toquz on

100. жүз

1000. biң, biң, miң, mīң

10000. tümän

(< ср.-перс. tumān; ср. русск. *тьма*; см.: Фасмер, IV, 134).¹¹⁵

§ 174. Для обозначения чисел, состоящих из десятков и единиц, используются две системы.

1. При счете от 11 и далее сначала называется единица, за которой обозначается десяток следующего, высшего порядка.¹¹⁶

üç ęęirmi (E 5, 2) '13'; bir otuz (E 15, 1) '21'; ęki otuz (E 25) '22'; beş ęetmis (0, 0 4) '65'; ęekiz ęetmis (E 41, 9) '68'; men toquz ęęirmi jil şad olurtım toquz ęęirmi jil qağan olurtım (E Ха 9) 'Девятнадцать лет я был шадом, девятнадцать лет сидел каганом'.

2. При счете от 31 и больше (наряду с системой, указанной выше) сначала называются десятки, затем прибавляется слово artuq 1) 'больше', 2) 'излишек' (< art- 'увеличиваться', 'прибавляться') с показателем изафетной связи — artuqı, за которым следует нужное число единиц. Эта система счета используется преимущественно в енисейских надписях, а также в памятниках в честь Могилян-хана и Кюль-тегина.

otuz artuqı bir (M Ха 9) 'больше тридцати на один = тридцать да еще один = 31'; qırq artuqı ęeti (Ktb 25) '47'; bir tümän

¹¹⁵ Предположения об этимологиях числительных количественных см.: Конов. Гр. узбекск. яз., § 199.

¹¹⁶ О системе счисления в рунических памятниках, разгаданной И. Марквартом и разработанной В. Бангом, см.: Бартольд В. В. 1) Новые исследования об орхонских надписях. — Соч., т. V, с. 312—313; 2) Система счисления орхонских надписей в современном диалекте. — Там же, с. 363—364. — В последней статье речь идет о языке желтых уйгуров, в котором сохраняется указанная система счета; подробнее см.: Малов С. Е. К изучению турецких числительных. — В кн.: АН СССР — акад. Н. Я. Марру. XLV. Л., 1935, с. 271—277; см. еще: Тенишев Э. Р. Строй сарыг-югурского языка, с. 72 (здесь эта система счета действует только в пределах от 11 до 29).

artuqı jęti biy süg ilki kün ölürtim (М Ха, 1) 'В первый день я убил один тюмен да еще семь тысяч (=17 000) воинов'; ср.: meñ aj artuqı tört kün [olu]rup bitidim (М X, 1) '...месяц, да еще четыре дня я провел [за работой] и написал [эту надпись]'.
§ 175. Числительные количественные приблизительного счёта образуются с помощью афф. -ča, -čä.

ęligčä ęr tutdımız (Т 42) 'Мы взяли [в плен] около пятидесяти воинов'; ujur ęltebär jüzčä ęrin ilg[ärü tezip bardı] (М 37) 'Уйгурский эльтебер бежал на восток приблизительно со ста воинами'.

Приблизительный счёт может быть выражен повторением числительных количественных.

qorıu (Малов: qorıu) ęki üç kisilig[in]¹¹⁷ tezip bardı (М 41) 'Убоявшись, он бежал с двумя-тремя людьми'; ср. также: jüz artuq oqun urtı (Ктб 33) 'Поразили [его] более чем ста стрелами'.

§ 176. Числительные порядковые образуются с помощью следующих аффиксов.

1) -^onč (числительные порядковые, кроме 'первый' и 'второй'): üçünč, törtünč, bişinč ~ bisinč ~ beşinč, [altınč], jitinč ~ jętinč, şekizinč, toquzunč, onunč; bir jęgirminč aj şekiz jęgirmikä joluq-dım (Мč 25) 'Одиннадцатого месяца восемнадцатого [числа] я [их] встретил'; qarım qaran it jıl onunč aj... uča bardı (М Ха 10) 'Мой отец каган скончался в год собаки (734 г.) десятого месяца [двадцать шестого числа]'; lařzın jıl bisinč aj jiti otuzqa joř ęrtürtim (М Ха, 10) 'В год свиньи (735 г.) пятого месяца двадцать седьмого [числа] я приказал устроить тризну'.

Следует отметить характерное явление — субстантивацию числительных, — представленное в этих примерах: alti otuz-qa, jiti otuz-qa.

2) -^onti — только в одном случае: ękinti ~ ikinti 'второй'; ikinti süñüs (Мč 9) 'вторая битва'.

3) -ki — только в одном случае: ilki 'первый'; ср.: ilik (Ктб 44) < ilk < ilki.

О составе афф. -^onč(^o) высказано много различных предположений.¹¹⁸ Наиболее аргументированное решение вопроса об этимологии этого аффикса состоит в сопоставлении его с афф. -^onč^o ~ -^ont^o ~ -^ond^o, который служит для образования отглагольного прилагательного; ср., например: itinčü ~ itindi 'отвергнутый', 'отброшенный' (ДТС 215); чередование (соответствие) č ~ t широко представлено в алтайских языках,¹¹⁹ причем «усеченная» форма афф. -^onč (üčünč 'третий') наряду с его «полной» формой -^onč^o

¹¹⁷ Tekin. Grammar, p. 147: kisiligü.

¹¹⁸ См.: Кононов. Гр. узбекск. яз., с. 168; Исхаков Ф. Г. Числительное. — ИСГТЯ, II, с. 192—195.

¹¹⁹ Подробнее см.: Баскаков Н. А. 1) Причастие на -ды/-ты в тюркских языках. — Тр. Моск. ин-та востоковедения, 1961, № 6, с. 205—217; 2) К.-к. язык, II, с. 396; Щербак А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, с. 120—121; Кондратьев, с. 21—22.

(üçünçü) находит точную аналогию в использовании параллельных форм типа *öğrünç ~ öğrünçü* 'радость' (ДТС 380—381).¹²⁰

Подтверждением причастного происхождения формы *ekin̄ti ~ ikinti ~ ikindi* служит его аналог *екиндук: екиндук намаз* 'после-полуденная молитва',¹²¹ собственно 'вторая молитва'.

§ 177. Числительные собирательные — субстантивированные имена числительные — образуются от числительных количественных с помощью показателей собирательности—множественности.

1) Афф. $^{-\circ}\gamma\text{un}$, $^{-\circ}\text{gün}$ ($< -\gamma/-g + -n$ — два показателя собирательности—множественности)¹²² в ТРП представлен единственным примером: *üçägün* (Т 21) 'трое', 'все трое', 'втроем'. В «Кутадгу билиг» (XI в.) эта форма выступает в определительной функции: *ikigün azunda* (QB 1972) 'в обоих мирах'.

Дальнейшее закономерное фонетическое развитие этого аффикса шло следующим путем: $^{-\circ}\gamma\text{un}$, $^{-\circ}\text{ägün} \sim ^{-\circ}\gamma\text{u}$, $^{-\circ}\text{ägü} \rightarrow ^{-\circ}\text{üçägü}$ (Т 12) 'трое', 'все трое', 'втроем'; *törtägü* (ДТС 581) 'четверо', 'все четверо', 'вчетвером'; $^{-\circ}\gamma\text{un} > ^{-\circ}\gamma\text{u} > ^{-\circ}\text{vī} > ^{-\circ}\text{v} > -\text{u}$, $^{-\circ}\text{ü}$.¹²³

2) Афф. $-n$,¹²⁴ входящий в состав афф. $^{-\circ}\gamma\text{un}$ как показатель собирательности—множественности, представлен в ТРП единственным примером: *ekin̄ ara* (Ktb 1; Мс 2; О, Оа 2) 'между [ними] обоими'.

С другой стороны, форма *ekin̄* противопоставляется числительному порядковому *ilki*, что позволяет считать *ekin̄* формой также числительного порядкового — *ekin̄ = ekin̄ti ~ ekin̄ci*:

*ilki sü taşıqmış erti ekin̄*¹²⁵ *sü ebdä erti* (М 32) 'Первое войско выступило [в поход], второе войско было дома'. Ср. в «Кутадгу билиг»: *bu ikin̄ uçuylı bulur kökkä jol* (QB 3673) 'Эти оба [крыла] проложат путь на небо'.

§ 178. Нумеративы в ТРП представлены следующими словами:

jolı̄ 'раз' — *bir jılqa biş jolı̄ süñüşdümüz* (Ktb 44) 'В течение одного года мы сражались пять раз'; *qırq artuq[ī jet]i jolı̄ sülämis* (Ktb 15) 'Сорок да еще семь раз ходили они походом';

qata (деепр. на $-a$ от *qat-* 'присоединять') 'раз' — *elimdä biş qata tezgintim* (Малов. Tal, с. 72) 'Пять раз я обошел (?) мой эль'.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ

§ 179. Основы глагола по своему морфологическому составу делятся на

1) первообразные, или корневые; 2) производные, мотивированные именами и другими частями речи; 3) сложные.

¹²⁰ Ср.: Ряснян. Фонетика, с. 176.

¹²¹ Ф а з ы л о в Э. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века. Т. I. Ташкент, 1966, с. 165.

¹²² Кононов. Показатели, с. 21—24.

¹²³ Подробнее см.: И с х а к о в Ф. Г. Числительное, с. 195—200.

¹²⁴ Кононов. Показатели, с. 15—18.

¹²⁵ Tekin. Grammar, p. 147: *ekin̄* (for *ekin̄ti*).

Сложные глагольные основы бывают аналитического и синтетического типа; к ним примыкают перифрастические формы глагола (они рассматриваются в разделе «Морфология»).

В разделе «Словообразование глаголов» мы даем также образование от основ разного типа глагольных имен действия — причастий и дееспричастий, этих своеобразных атрибутивных форм глагола.

НЕПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

§ 180. Первообразные (корневые) основы представлены двумя типами.

1. Основы первого типа — синкретичные глагольно-именные корни и основы, функционирующие в значении а) имени (существительного и прилагательного), б) основы глагола; последние, в свою очередь, делятся на первичные глагольно-именные основы и вторичные глагольно-именные основы.

В ТРП синкретичные глагольно-именные основы встречаются очень редко: *qat* 'слой', 'пласт' — *qat-* 'смешивать', 'примешивать', 'присоединять' (ДТС 432).

Этот пример может быть вполне достоверно истолкован как результат аффиксальной омонимии: афф. $-^{\circ}t$ образует 1) от глаголов имени существительные типа *keç-it* 'проход', 'переход'; 2) одну из форм повелительного залога — *keç+it-* 'переправлять'; ср. еще: *keç+ -iš* 1) 'переход', 'переправа', 2) совместный залог от гл. *keç-* 'переходить', 'переправляться'; подробнее см. § 92—93.

2. Основы второго типа имеют только одно значение — глагола (~ 2 л. ед. ч. повелительного наклонения): *al-* 'бери', *keļ-* 'приходи'.

И в этом случае вовсе не исключается возможность подобных глаголы разлагать на корень + аффикс.

ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ, МОТИВИРОВАННЫЕ ИМЕННЫМИ И ДРУГИМИ ЧАСТЯМИ РЕЧИ

§ 181. Афф. *-la*, *-lā* — один из самых продуктивных аффиксов деноминативного образования глаголов.

В зависимости от лексического значения производящей основы этот аффикс образует переходные и непереходные глаголы: *qīš+ -la* 'зимовать' (Ktb 48) — *qīš* 'зима'; *jaj+ -la* 'проводить лето' (Mč 20) — *jaj* 'лето'; *joγ+ -la* 'справлять тризну' (Kč 24) — *joγ* 'тризна'; *sü+ -lā* 'воевать', 'отправляться в поход' (Ktm 3) — *sü* 'войско'; *ēb+ -lā* 'наделять жилищем', 'женить' (S 6) — *ēb* 'жилище'; *jeγ+ -lā* 'обживать', 'осваивать' (E 24, 5) — *jeγ* 'земля'; *öt+ -lā* 'наставлять', 'давать совет' (Oa 3) — *öt* 'совет'.

Афф. *-la* (*-lā*) состоит из двух морфем: *-l+ -a*, *-ä*; первая из них генетически связана с аффиксом комитатива и через него с афф.

мн. ч. -lar, -lär (§ 94), вторая — известный деноминативный аффикс глаголообразования.¹²⁶

В качестве общего примечания следует заметить, что все рассматриваемые ниже аффиксы представлены, как правило, в единичных примерах, что чрезвычайно затрудняет точное определение их состава и функций; в подавляющем большинстве эти аффиксы в памятниках последующих веков и в современных языках также представлены как малопродуктивные, что свидетельствует, по всей вероятности, об их древности.

§ 182. Афф. -l- как формант деноминативного образования глаголов имеет огласовку

1) с широким гласным после согласного: baš + -la- 'начинать(ся)' — baš 'голова', 'начало'; jük + lä- 'навьючить' — jük 'вьюк'; см. § 181;

2) с широким гласным (a, ä) перед согласным: az + al- 'уменьшаться' — az 'мало';

3) с узким гласным (i, u, i, ü) перед согласным: tom + il- 'охлаждаться' — tom 'холод' (ДТС 574);

4) с узким гласным после согласного: tom + -lī- ~ tom + -il- 'охлаждаться' (ДТС 574);

5) с нулевым соединительным гласным при гласной производящей основе: jük-se-l- 'возвышаться'.

§ 183. Афф. -lan, -län (< -la + °n) в ТРП используется крайне редко: ugī + lan- 'родить сына' (ЇВ 9) — ugī 'сын', 'мальчик'.

§ 184. Афф. -a, -ä образует глаголы переходные — со значением обратить в предмет, объект действия то, что названо производящей основой; непереходные — со значением названия процесса действия, выведенного из значения исходной основы: at + a- 'называть', 'давать имя', 'титловать' (Мѣ 12) — at 'имя'; jaš + a- 'жить' (Ktb 42) — jaš 'год' (о возрасте); jarliq + a- 'соизволить', 'соблаговолить', 'приказывать' (Ktm 9) — jarliq(γ) 'повеление'; buln + a- 'брать в плен', 'пленить' (Tekin. Grammar, p. 108) — bulun 'пленный', 'пленник' < bul- 'находить', 'приобретать'; sīṛt + a- 'плакать', 'рыдать' (Ktb 4) — sīṛit 'плач', 'рыдание' (< sīṛ- < sīq- 'давить', 'жать', 'теснить' — ДТС 504); ср. турец. can sıkıntısı, iç sıkıntısı 'тоска', 'скука', 'томление'; til + ä- 'желать', 'стремиться' (Т 23) — til ~ til 'язык'.

§ 185. С помощью афф. -a, -ä от производящих основ с привативным афф. -sīr, -sir (= *-siz, *-siz, § 158) образуются глаголы со значением лишиться того, что обозначено производящей основой: qaṣan + -sīr- + a- 'лишиться кагана' (Ktb 13); ɛl + -sir + -ä- 'лишиться эля' (Ktb 13).

§ 186. Афф. -ī, -i, -u, -ü образует глаголы чаще медиального значения с семантикой приобретать качество, свойство, обозна-

¹²⁶ Подробнее см.: Deny. Principes, § 139—142; Кононов. Гр. узбекск. яз., § 313; Севортян. Афф. глаголообразования, с. 33—93, 203—205; Серебрянников Б. А. К истории суффикса деноминативных глаголов -la в тюркских языках. — СТ, 1972, № 5, с. 64—68.

ченное производящей основой: bit + -i- (Ktm 13) 'писать' (< кит. piet 'кисть для письма');¹²⁷ toq + -i- (Ktb 46) 'бить', 'разбивать' — toq звукоподражание стуку.

Ж. Дени рассматривал афф. -i как «ослабленную» форму афф. -a.¹²⁸

Э. В. Севортян придерживается того мнения, что «именные словообразовательные аффиксы -қан и -қын, -ақ и -ық, -қа и -қы ... деепричастия на -а и -ы и т. д. восходят к единым формам, лишь в дальнейшем дифференцировавшимся по признаку широкого и узкого гласного, глаголообразующие аффиксы -а- и -ы- также можно было бы возвести к одной форме-основе, в дальнейшем разделившейся на две формы с широким и узким гласными. К такому допущению ведет, помимо указанных фактов параллелизма в области словопроизводных и грамматических форм, также параллелизм ряда глагольных основ, различающихся между собой конечными гласными: в одном случае — широким, в другом — узким. Ср., например, следующие пары глаголов: курә-//күрү- 'сгребать', 'очищать лопатой'».¹²⁹

Преобладающей, однако, является концепция, рассматривающая аффиксы с широким или узким гласным как формы «параллельные»,¹³⁰ характеризующие две основные группы тюркских языков: i-языки и а-языки.

§ 187. Афф. -(a)d, -(ä)d образует глаголы медиального значения: buq + -ad- 'огорчаться', 'печалиться' (Т 26) — buq 'печаль', 'скорбь'; күн + -äd- 'становиться рабыней' (Ktb 3) — күн 'рабыня'; qul + -ad- 'становиться рабом' (Ktb 13) — qul 'раб'; baş + -ad- 'предводительствовать' (М Ха 8, 11) — baş 'голова', 'начало'; joq + -ad- 'погибать' (Ktb 10) — joq 'нет'; jaı + -d- 'становиться врагом' — jaı 'враг'.

В этих примерах обращают на себя внимание два факта: 1) широкий соединительный гласный (или основа на -а, -ä ?!); 2) звонкий согласный -d, образующий глаголы непереходного значения; ср. -t — аффикс именного и глагольного словообразования.

§ 188. Афф. -ıq, -uq, -ik, -ük используется (как омоаффикс) при образовании глаголов от именных и глагольных (§ 323, 5) производящих основ, образуя от именных основ глаголы медиального значения: taş + -ıq- 'выходить', 'выступать (в поход)' (Т 33) — taş 'наружная, внешняя часть'; taγ + -ıq- 'подниматься', 'взбираться (на гору)' (Ktb 12) — taγ 'гора'; ič + -ik- 'покоряться', 'подчиняться' (букв. 'входить в состав чего-л.') (Т 2; Ktb 38) — ič 'внутренность'.

§ 189. Афф. -га, -гä (< -°r + -а, -ä ~ -ı, -i)¹³¹ (омоаффикс) — комбинаторный вариант афф. -la, -lä (§ 181), образующий глаголы как от имен, так и глаголов: qob ~ qub + -га + -n- (< *qob ~

¹²⁷ Об этимологии этого слова см.: Севортян. ЭСТЯ, II, 155—158.

¹²⁸ Deny. Principes, § 139.

¹²⁹ Севортян. Афф. глаголообразования, с. 230.

¹³⁰ Кононов. Гр. узбекск. яз., § 320.

¹³¹ Deny. Principes, § 141.

qub + ir + a + n-) 'собираться вместе', 'умножаться в числе' (Т 4); qob ~ qub + -ra + -t- (< *qob ~ qub + ir + a + t-) 'собирать', 'умножать в числе' (Ктм 10) — qor (b) 'много' < *qo- *'класть вместе' (см. § 304).

§ 190. Афф. -^or в современных языках чаще огласован широким гласным: этот омоаффикс, образующий глаголы от именных и глагольных основ, в ТРП используется крайне редко: eb + -ir-¹³² 'обходить', 'делать круг(и)' (Т 28); по всей вероятности, ebir- < tegir- ~ tevir- 'поворачивать'; см. § 323, 3.

§ 191. Афф. -^ora, -^oqa, -^okä, -gä ~ -^ori, -^oqi, -^oki, -^okü (< -^or/-q + -a ~ -i) — омоаффикс, используемый в ТРП в единичных случаях: kü + -kä- 'to gain fame', 'become well-known' (Кč W 4) — kü 'fame', 'reputation' (Tekin. Grammar, p. 108); em + -gä + -t- 'мучить', 'притеснять' (М Xb 13) — ? *äm 'remedy', 'medicine' (Tekin. Grammar, p. 109).¹³³

§ 192. Афф. -^orqa, -^orkä (< -^or + -qa, где -r, судя по некоторым примерам, аффикс интенсификации-каузатива; -qa — см. § 191) представлен примером: toq-urqa- 'to regard as satiated' < toq 'satiated, full' (Tekin. Grammar, p. 109, § 10).

§ 193. Афф. -š в более поздних (чем рунические) памятниках и в современных языках дополнен афф. -a, -ä > -ša, -šä; ¹³⁴ в ТРП используется крайне редко: sün + üš- 1) 'воевать', 'сражаться' (М28) < *sün < ? sü 'война'; 2) 'сражение', 'война' (Кč 16; М 16).

§ 194. Афф. -ta, -tä (-da, -dä) — по-видимому, комбинаторный вариант афф. -la, -lä (после сонорных и плавных): ¹³⁵ toq + -ta- 'остановиться', 'удержаться' (М 2); см. еще: Tekin. Grammar, p. 110, § 12.

СЛОЖНЫЕ ГЛАГОЛЫ

§ 195. Сложные глаголы представляют собою особое словосочетание, состоящее из имени и глагола специального лексико-синтаксического назначения. В современных тюркских языках и в памятниках XI и последующих веков вторым компонентом сложного целого обычно выступают глаголы: qil- 'делать', et- ~ it- 'делать', ejlä- 'делать', bol- (> ol-) 'делаться', 'становиться'. В ТРП в качестве основного элемента сложного глагола используются следующие из перечисленных глаголов.

§ 196. С bol- (< b^o + -l)¹³⁶ образуются непереходные глаголы медиопассивного значения:

¹³² По предположению Э. В. Севортяна (Афф. глаголообразования, с. 256—257), этот глагол мотивирован именем существительным eb > ev 'дом', 'жилище', что мало вероятно.

¹³³ См.: Menges K. H. Aus dem Gebiet der altaischen Suffix-Morphologie: die Verbal-Suffixa: tung. dyt-/dyč-, türk. -qar/-^oyr, -^ora/-qa, -rqa, -qaly/-^oaly. — In: Hungaro-Turcica. Studies in honour of Julius Németh, S. 101—117.

¹³⁴ Deny. Principes, § 144; Севортян. Афф. глаголообразования, с. 331—336.

¹³⁵ Предположения о составе этого аффикса см.: Севортян. Афф. глаголообразования, с. 392—396.

¹³⁶ См.: Кононов А. Н. Опыт реконструкции тюркского деепричастия на -(^o) л. . . — ВЯ, 1965, № 5, с. 110; Севортян. ЭСТЯ, II, 185—187.

kerğäk bol- 'скончаться' (досл. 'стать нужным Небу-богу')¹³⁷ — inimi küi teğin kerğäk boltı (Ktb 50) 'Мой младший брат Кюльтегин скончался';

joq bol- 'исчезать', 'погибать', 'умирать' — türk bodun joq bolmazun (Ktb 11) 'Да не погибнет тюркский народ!'; türk bodun ölti, alqıntı, joq boltı (T 3) 'Тюркский народ умер, погиб, исчез'; qatun joq bolmus erti (T 31) 'Катун (жена кагана) умерла'.

§ 197. Глагол ęr- (< ę- общеалтайский глагол 'быть', 'существовать' + -г — афф. понудительного залога, утративший свое значение) 'быть', 'существовать', 'находиться' образует глаголы:

joq ęr- 'отсутствовать', 'не существовать' — biziñ sü atı turuq azuqı joq erti (Ktb 39) 'Кони нашего войска были тощие, корма для них не было'; bar ęr- 'быть в наличии', 'существовать' — ol iki kişi bar ęrsär (T 10) 'Пока существуют эти два человека'.

§ 198. Глагол qıl- (< qı- общеалтайский глагол 'делать' + -°l — показатель страдательного залога, утративший свое значение; ср.: bol-¹³⁸) 'делать' в служебном значении в сочетании с именем образует переходные глаголы с семантикой соответствующего имени:

joq qıl- 'уничтожать', 'истреблять' — jotuzın joq qıltım (M Xa 4) 'Их женщин я уничтожил' (ср.: joq bol-); baz qıl- 'усмирить', 'замирить' — jaıı baz qılmıs (Ktb 2, 15, 30) 'Врагов [своих] он усмирил'.

Редкий случай непереходного (медиального) значения: ıruş qıl- 'сражаться', 'вести войну' (ıruş 'сражение') — ıruş qılır (Oa 2) 'сражаясь'/'ведя войну'.

§ 199. Глагол qıl- (по закону соответствия I: š(s))¹³⁹ в некоторых случаях имеет форму qış(s)-:¹⁴⁰ joq qış(s) = joq qıl- — ol süğ anta joq qışdım (O 25) 'То войско я тогда/там уничтожил'; idi joq qısalım tir men (T 11) 'Я сказал: «Давайте уничтожим [этого] властителя»' (см. еще примеры: Ktb 21, 32, 34; T 21).

§ 200. Глагол ęt- ~ it- (< ę- ~ i- 'быть' (§ 197) + -t — афф. понудительного залога, утративший свое значение) в ТРП используется в своем реальном значении: 'создавать', 'строить', 'устраивать', 'совершать'.

§ 201. К разряду сложных глаголов следует отнести также устойчивые словосочетания, состоящие

1) из дополнения, реже — обстоятельства + глагол:

kör- 'видеть' — ęmgäk kör- 'претерпеть мучения', 'испытывать трудности'; on oq bodun ęmgäk körti (Ktb 19) 'Народ «десяти родов»¹⁴¹ терпел лишения';

¹³⁷ T u n a O. N. Köktürk yazıtlarında «ölüm» kavramı ile ilgili kelimeler ve «kergek bol-» deyimini izahı. — VIII Türk Dil Kurultayında okunan bilimsel bildiriler. 1957. Ankara, 1960, s. 130—148.

¹³⁸ См.: Кононов. Гр. узбекск. яз., § 335; M e n g e s K. H. Etymologica. — Studia Orientalia Fennica, 1964, t. 28, N 8, S. 17.

¹³⁹ Tekin. Grammar, p. 119; Щербак. Ср. Фонетика, с. 84—86.

¹⁴⁰ Малов. ПДТН, с. 389; ДТС 274: joqqış(s)- 'уничтожать', т. е. -qış(s) рассматривается как формант глагольного словообразования, а не как вспомогательный глагол в словообразовательной функции.

¹⁴¹ «Из китайских источников мы знаем, — писал В. В. Бартольд, — что западные турки (тюрки)-огузы разделялись на десять родов, из которых

aj- 'говорить' — qijin aj- (Mč 14) 'назначать наказание';

2) из имени существительного или глагольного имени (причастия) того же корня, что и глагол (ср. русск. *думу думать*); так образуются глаголы учаательно-интенсивного значения:

sünjüş sünjüş- 'сражаться' — aγuda ɛki uluγ sünjüş sünjüşdim (E 34) 'При Агу дал два больших сражения', ср. bolučuda sünjüşdimiz (M 28) 'Мы сразились на [р.] Болучу';¹⁴²

sü sülä- 'идти войною', 'вести войско в поход' — sü süläpän... (Ktb 2) 'выступив в поход с войском...';

bitig biti- 'надпись написать' (Kč 28);

ab abla- 'устраивать облаву', 'охоту на зверей' (Kč 9);

bariγ ~ bariγma bar- 'часто, много ходить' (Ktb 23—24) (см. еще § 165).

ГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕНА ДЕЙСТВИЯ

§ 202. Глагольные имена действия представлены двумя разновидностями: 1) причастие, 2) деепричастие.

Причастие

Причастие — глагольное имя, обозначающее действие—состояние—процесс, приписываемые лицу или предмету как его признак—свойство, проявляющиеся во времени.

По признаку соотнесенности со временем действия причастие представлено тремя основными разрядами:

1) причастие настоящего-будущего времени (§ 203);

2) причастие прошедшего времени (§ 207);

3) причастие будущего времени (§ 216);

Причастия на -^oγ, -diq (~ -siq) в составе предложения используются атрибутивно, предикативно, субстантивно, т. е. в качестве простого или развернутого определения, простого или развернутого дополнения, обстоятельства и сказуемого.

Причастия на -miš(s), -dači используются атрибутивно и предикативно, т. е. в качестве простого или развернутого определения и сказуемого.

§ 203. Причастие настоящего-будущего I времени¹⁴³ образуется с помощью афф. -γ (при гласных основах), -^oγ (при согласных основах), широко используемого во всех алтайских языках.¹⁴⁴

пять жили к северу и пять к югу от реки Или. В надписях (т. е. в ТРП, — А. К.), по переводу Томсена, эти десять родов называются *он ок* „десятью стрелами» (Бартольд. Соч., т. V, с. 45). Омоним оγ наряду со значением 'стрела' имел также значение 'род', 'поколение' (ДТС 367).

¹⁴² О локализации р. Болучу см.: Кляшторный, с. 36, сн. 86.

¹⁴³ Настоящее-будущее II вр. образуется от деепричастной основы на -а, -ä, -j (§ 337).

¹⁴⁴ См.: С у н и к О. П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках, с. 75—77.

Соединительным гласным при этом аффиксе выступают как узкие, так и широкие гласные — *-iŋ*, *-uŋ*, *-iŋ*, *ŋŋ*, *-aŋ*, *-äŋ* (*-oŋ*, *-öŋ*),¹⁴⁵ которые только в современном азербайджанском языке имеют четкое темпоральное значение: вариант с узким гласным служит для обозначения настоящего вр., вариант с широким гласным — будущего вр.

§ 204. Вопросу о происхождении этого аффикса и особенно проблеме двух огласовок посвящено значительное число исследований,¹⁴⁶ однако общепринятого решения пока не найдено, что дает мне основание высказать свои соображения, несколько отличные от ранее мною предложенных.¹⁴⁷

Огласовка общеалтайского аффикса *-oŋ* широкими и узкими гласными отражает обычное почти для всех тюркских аффиксальных морфем положение, связанное первоначально с их принадлежностью к а-языку и i-языку; позднее — в результате смешения тюркских племен — использование широкого или узкого соединительного гласного определялось (в некоторых языках) фонетическими условиями: слоговой структурой глагольной основы.¹⁴⁸

Наличие аористных причастий с формантами *-(j)uŋ* и *-(j)aŋ* дает основание считать достаточно оправданным предположение, что *-(j)uŋ* < *-yüŋ* (< *-yü* + *-ŋ*), *-(j)aŋ* < *-yaŋ* (< *-ya* + *-ŋ*),¹⁴⁹ где *-yü* // *-ya* — афф. причастия будущего вр. + *-ŋ* — общеалтайский аффикс аориста, т. е. два близких по функции аффикса.¹⁵⁰

Подтверждением этого предположения служит наличие в алтайском языке форм типа *сарнайыр* (< *сарна* + *ғыр*), *көлөйір*, *акыйыр*; «у черневых татар пред этой приставкой буква „а“ изменяется в „ы“: от *ада* — ‘называть’, по-алтайски *адайыр*, у черневых татар *адыйыр*»¹⁵¹ (< **ада* + *ғы* + *р*); ср. еще: «При основах на гласный конечный гласный удваивается (факультативно долгий гласный): *айдаар* ‘гонит’ (от *айда*-)»,¹⁵² что, конечно, объясняется первоначальной формой **айдағар*. Хакасское *узир* ‘он будет спать’ < *узи* + *й* + *ар*¹⁵³ < **узи* + *р* + *ар*.¹⁵⁴

¹⁴⁵ См., например: Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, § 93.

¹⁴⁶ Подробнее см.: Котвич. Исследование, с. 276—288; Грунина Э. А. О форме настоящего-будущего на *-(o)ŋ* в тюркских языках. — В кн.: Тюркологические исследования. М., 1976, с. 94—111; Räsänen. Morphologie, S. 139—140; Doerfer G. Proto-Turkic: Reconstruction problems. — TDAYB, 1975—1976, S. 47—49.

¹⁴⁷ См.: Кононов. Гр. турецк. яз., § 457.

¹⁴⁸ Батманов. Язык енисейских памятников, с. 94.

¹⁴⁹ Баскаков. К.-к. язык, II, с. 399—400, 425—426.

¹⁵⁰ Ср.: Räsänen. Morphologie, S. 130, 157.

¹⁵¹ Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, с. 67, § 103, б.

¹⁵² Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка, § 93.

¹⁵³ Грамматика хакасского языка. М., 1975, с. 228.

¹⁵⁴ Ср.: «Another problem is why we find :yur, :ju after vowels (-y- is not a „Hiatusstilger“ in ATu, cf. başla:p ‘beginning’=TTu: başla-y-ıp, etc). May we suppose that the original suffix was not -u- but -ju...» (Doerfer G. Op. cit., p. 49).

В этой связи следует принять во внимание наличие в саларском языке параллельных форм будущего I вр. $-\gamma u(r) \sim -\gamma a(r)$ ¹⁵⁵ и параллельных форм в ТРП $-\text{г} \sim -\text{jur}$ (см. ниже).

§ 205. В ТРП настоящее-будущее I вр. образуется с помощью аффиксов

1) -г (после гласных основ): $ti- \sim te-+r$ (Ktb 9) 'говорящий', 'говорит' ($te- \sim ti-$ 'говорить'); $ja-+r$ (Ktb 50) 'устраивающий', 'устраивает' ($ja-$ 'устанавливать', 'устанавливать');

2) -ir, -ig, -ur, -ür (после согласных односложных основ); установить точное правило использования этого форманта с узким губным или узким негубным не представляется возможным, так как ко времени создания ТРП четкое разграничение на а-язык и i-язык было уже — по-видимому, давно! — утрачено:

$ba-+ir$ (Ktb 10) $\sim ba-+ur$ (M 29) 'идуший', 'идет'; $bi-+ür$ (Ktb 30) 'дающий', 'дает'; $ke-+ir$ (Oa 2) 'приходящий', 'приходит'; $ki-+ür$ (Oa 4) 'входящий', 'входит'; $al-+ur$ (Oa 4) 'берущий', 'приобретающий', 'берет'; $kör-+ür$ (T 1; Giraud: $kör-+är$) 'видящий', 'подчиняющийся', 'подчиняется';

3) -ur, -ür (после согласных многосложных основ): $boşur-+ur$ (Ktm 7) 'наставляющий', 'наставляет', 'учит'; $qazıan-+ur$ (Ktb 9; T 54) 'приобретающий', 'приобретает'; $olur-+ur$ (Ktm 3) 'сидящий', 'сидит';

4) -ar, -är (после согласных односложных основ): $tez-+är$ (T 38) 'бегущий', 'бежит'; $bat-+ar$ (Tekin: Mç E 1) $\sim bat-+ur$ (Малов. Mç 13) 'заходящий (о солнце)', 'заходит (о солнце)'; $tut-+ar$ (İB 4) 'хватающий', 'хватает'; $it-+är$ (Kç 9) 'устанавливающий', 'устанавливает', 'делает';

5) -jur, -jür ($< *-\gamma u+g$) (после гласных односложных и многосложных основ) встречается преимущественно в İB (древнеуйгурский язык): $jorı-+jur$ (İB 31) 'ходящий', 'ходит'; $māñilä-+jür$ (İB 1) 'веселящийся', 'веселится'; $ba-+jur ertimiz$ (T 27) 'Мы привязали'; $jorı+jur ertimiz$ (T 10) 'Они, по-видимому, ушли'.

Отрицательная форма причастия настоящего-будущего вр. образуется с помощью афф. -maz, -māz ($< -ma+ -z$ — два отрицания):¹⁵⁶ $bilmāz$ (Ktm 7) 'незнающий'; $ömāz sen$ (Ktm 8) 'Ты [вообще] не думаешь'.

§ 206. Значение и функции причастия настоящего-будущего I вр. в ТРП (как, впрочем, и в большинстве современных тюркских языков):

- 1) постоянное, регулярно повторяющееся действие;
- 2) предположительно возможное действие;
- 3) потенциально возможное действие.

Причастие настоящего-будущего вр. используется

¹⁵⁵ См.: Тен и шев Э. Р. Строй саларского языка, с. 145.

¹⁵⁶ Котвич. Исследование, с. 130—131; Räsänen. Morphologie, S. 111—114; ср.: Рамстедт. Введение, § 53.

1) в функции определения: *bilig bilmāz kiši* (Ktm 7) 'Люди, не ведающие [истинных] знаний'; *körür közüм körmāz tēg bilir biligim bilmāz tēg boltı* [Kt 50 (10)] 'Мои зрячие глаза словно перестали видеть, вещей разум мой стал словно несведущим'; *bi-nār altı jüz atım* (Orkun, III, 82) 'шестьсот моих коней, на которых можно ездить'; *qalar (~ qalır) eşim* (E 41, 1) 'мои оставшиеся [в живых] друзья';

2) в функции сказуемого: *jarın jaŋrajur kičä kânranür tir* (İB 34) 'Говорят, утром она плачет, вечером рыдает'; *jarın kičä eşür mēn* (İB 2) 'Утром и вечером я езжу (на коне)'; *ol taɣda tururap mäjiläjür mēn* (İB 78—79) 'Живя на той горе, я радуюсь';

3) в функции развернутого дополнения, обстоятельства (крайне редко): *qatunı aɣırarınta tulı qalmış* (Tal. I, 2) 'Жена его в печали своей осталась вдовой' (*aɣıra-* 'хворать', 'скорбеть'); *inim eşim uja-rın üçün bängümin tikä berti* (E 28, 4) 'Ради могущества моих младших и старших родичей воздвигли мне [этот] памятник'; *jajlıɣ taɣıma aɣırap jaɣlajur turur mēn* (İB 96) 'Я живу, проводя лето, поднявшись на мои горные летние пастбища'; *isig küçig birür*¹⁵⁷ *bunča törüg qazıanıp inim kül tigin özi anča* (так: Tekin. Grammar, p. 235; Малов: *özinčä*) *kergäk boltı* (Ktb 30) 'Мой младший брат Кюль-тегин, отдавая [свой] труд и [свой] силы, таким образом приобрел [для народа] тёрю, а сам скончался'.

§ 207. Причастие прошедшего неочевидного времени¹⁵⁸ образуется с помощью афф. *-miş(s)*, *-miş(s)*, реже *-muş(s)*, *-müş(s)*, состав которого, несмотря на многочисленные попытки, остается невыясненным.¹⁵⁹ Наиболее вероятным представляется следующее предположение: *-miş(s) < -*ba, -*bi* — общий для тунгусо-маньчжурских языков показатель прошедшего совершенного вр., сохранившийся в составе форманта якутского прошедшего результативного вр. *-bīt, -pīt, -mīt*, который функционально и фонетически соответствует огузско-тюркскому афф. *-miş(s)*. Якутскому *t* в общетюркском соответствует *s*; чередование *b ~ m* — обычное явление в тюркских языках. Вторая морфема *-š(s)* может быть сопоставлена с показателем собирательности — множественности.

¹⁵⁷ Tekin (Grammar, p. 235) после этого слова поставил точку, рассматривая, по-видимому, всю конструкцию как сложносочиненное предложение.

¹⁵⁸ Другие названия: прошедшее субъективное, прошедшее заглазное, прошедшее перфективное; *Participium Praeteriti*; *Praeteritum Indefinitum*; *Praeteritum II*.

¹⁵⁹ См.: Кононов. 1) Гр. турецк. яз., § 467; 2) Гр. узбекск. яз., § 349; Котвич. Исследование, с. 295—297; Рамстедт. Введение, с. 101—102, 122—123; Ramstedt G. J. Die Verneinung in den altaischen Sprachen. — MSFOu, 1924, 52, S. 204; Räsänen. Morphologie, S. 137; Pritsak O. Bolgarische Etymologien, I—III. — UAJ, 1957, 29. Bd, N 3—4, S. 200—212; Шукуров Ш. Фейл тарихидан. Ташкент, 1970, с. 64 сл.; Грунина Э. А. К истории семантического развития перфекта *-miş*. — СТ, 1976, № 1, с. 12—26; Левитская Л. С. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976, с. 100—101.

§ 208. Функции причастия прошедшего неочевидного вр.: 1) определение (при именах); 2) Verba finita (§ 339). Примеры на определительную функцию афф. -mīš(s):

ēlsirāmis (ilsirāmis) qaḡansīramis bodunīḡ kūnjādmis quladmīs bodunīḡ türk törüsün içünmīs bodunīḡ eḡüm apam törüsünčä jaratmīs boşurmīs tōlis tarduṣ [bodunīḡ anta itmīs] jabḡuḡ ṣadīḡ anta beḡmis (birmis) (Ktb 13) 'Как передают [из поколения в поколение], он устроил и направил [на верный путь] в согласии с тёрю моих предков, народ, утративший [свой] эль и лишившийся [своего] кагана, народ, ставший рабынями и рабами [у табгачей], народ, упразднивший свое тёрю; тогда же [он устроил народ] телисов и тардушей, тогда же дал [им] ябгу и шада'.

§ 209. Причастие на -mīš(s) употребляется в обстоятельственной функции.

jaḡīm anča eḡmīs adīrildīm (E 25, 7) 'Я ушел (от вас, т. е. умер), так как у меня было много врагов [которые меня убили]'; eḡi öküzüḡ bir boḡarsıqqa kölmīs qamṣaju umatın turur tir (İB 37—38) 'Говорят, когда [некто] запряг двух волов в одну упряжку, они, не будучи в состоянии двигаться, стояли'.

§ 210. Отрицательная форма прошедшего неочевидного вр. с афф. -ma, -mā в ТРП не используется и замещается формой на -ma-dīḡ (§ 212) или образуется с помощью слова joḡ 'нет', при котором отрицание выражается более энергично, чем при афф. -ma, -mā (единственный пример):

taluj ügüzkä teḡmis joḡ eḡmis (T 18) 'Они, должно быть, до моря-реки (Желтое море?) вовсе не дошли'.

§ 211. Причастие на -duḡ, -dük, после основ на г, л, н (за исключением bar- 'идти') -tuḡ, -tük (< -d/-t — афф. понудительного залога (?) + -°ḡ, -°k — афф. отглагольного прилагательного)¹⁶⁰ обозначает действие, «одновременное с фоном повествования или предшествующее ему».¹⁶¹

Как заметил В. Л. Котвич, «на тюркской почве наблюдается как бы соперничество между суффиксами причастий прошедшего совершенного, с одной стороны, -dīḡ и -mīš, а с другой, -qaḡ (-ḡan). Раньше... все эти суффиксы выступали в тюркском параллельно».¹⁶²

Речь должна идти не о соперничестве, а о строгом распределении по группам тюркских языков: причастия на -dīḡ и -mīš — характерная особенность тюркских языков огузской группы, причастие на -qaḡ, -ḡan — языков кыпчакско-карлукской группы. В дальнейшем развитии тюркских письменно-литературных языков (в непосредственной связи с возникновением различных государственных образований) огузские причастия проникли в кыпчакско-карлукские языки в их письменно-литературной форме.

¹⁶⁰ О других этимологиях см.: Кононов, Гр. турецк. яз., § 875; Bang. Studien, II, § 19; Рамстедт. Введение, § 73; Brockelmann, § 202.

¹⁶¹ Кондратьев, с. 37.

¹⁶² Котвич. Исследование, с. 293.

§ 212. Функции причастия на -duq следующие.¹⁶³

1. Verba finita — в этом случае причастие на -duq используется в ТРП (как и в древнеуйгурском) только в отрицательной форме, выступая дублетом причастия на -mīš(s), которое в отрицательной форме не используется:

ēlteris (ēlteräs) qaγanta adirilmaduq jañilmaduq (Oa 3) '[Мы] не отложились от Эльтерис-кагана, [мы] не погрешили [против него]'; qarluq isinā kelmädük tidi (Mö 25) 'Они сказали: «Карлуки не пришли к своим союзникам»'.

Причастие на -duq, так же как и причастие на -mīš(s), в функции сказуемого при необходимости выразить заглазно-перфектное действие сочетается с модальным словом eγinč (это обстоятельство дает основание полагать, что обе эти формы по значению в ТРП были значительно ближе, чем в современных тюркских языках):

anta kešrä (~ kisrä) inisi eγisin teg qılınmaduq eγinč oγlı qaγın teg qılınmaduq eγinč biligsiz qaγan olurmīs eγinč, jablaq qaγan olurmīs eγinč (Ktb 5) 'Затем их младшие родичи, надо полагать, не поступали так [как поступали] их старшие родичи, их сыновья не поступали так, надо думать, [как поступали] их отцы, [в результате] на царство сели, надо полагать, невежественные каганы, плохие, надо думать, каганы'.

2. Развернутые подлежащее и присвязочная часть сказуемого (действующее лицо—субъект действия обозначается аффиксом принадлежности):

ben jēg erdüküm ol eγinč qara seγärig jerlädim (E 24, 5) 'Лучшее, пожалуй, из моих дел [то, что] я обжил Кара-сенгир' (см. § 359); ebkä tegdüküm uruš qılıp tegip inimä oγlıma anča ötlädim (Oa 2—3) 'Мой путь к дому (~ мое достижение дома) проходил в сражениях, достигнув [дома], я так наставлял моих младших братьев и сыновей...'

3. Развернутое определение:

barduq jirdä (Ktb 24) 'в землях, по которым (он) ходил / 'в землях, в которые (он) ходил' / 'в землях, исхоженных [им]'; közin körmädük qulqaqın eγidmädik bodunimın ... (M Xb 11) 'Мой народ, который [до того] не видел глазами, не слышал ушами...'

4. Развернутое дополнение (действующее лицо—субъект действия обозначается аффиксами принадлежности) бывает прямым и косвенным.

Развернутое прямое дополнение:

tapladıqımın tutar men sebdükimin jijür men (İB 4—5) 'Я ловлю то, что мне нравится, я ем то, что я люблю'.

Развернутое косвенное дополнение:

bunča isig küčig birtükgärü saqınmatı (Ktb 10) 'не думая столько отдавать [табгачам свой] труд и силы ...'; jerdäki bar

¹⁶³ Ср.: А х м е т о в М. А. Глагол в языке орхоно-енисейских памятников. Саратов, 1978, с. 97—98.

ertigimä ... bökmä[dim] (E 28, 5) 'Я не наслаждался тем, что у меня было на земле'.

5. Развернутое обстоятельство времени (-duq + (афф. принадлежности) + местный п.):

maγī (amγī) qurγan qışladuqda jut boltı (M 31) 'Когда [я] зимовал в Магы (Амгы)-кургане, случился падеж скота'; qaγım türk bilgä qaγan olurtuqınta (M Xa 13) 'Когда мой отец — тюркский правящий каган сел [на ханство] ...'.

6. Развернутое обстоятельство времени (-duq + (афф. принадлежности) + дательный п.):

özim olurtuqıma tört bulundaqı bodunıγ itdim jaratdim (M Xb 9) 'Когда я сел [на ханство], я устроил и воссоздал народы [всех] четырех стран [света]'.

7. Развернутое обстоятельство причины (-duq + (афф. принадлежности) + ücün):

Täγri küc birtük ücün ... (Ktb 12) 'Так как Небо дало [ему] силы...'; täγri jarlıqaduq ücün mēn qazγantuq ücün türk bodun qazγanmıš ęrinč (M 33) 'Так как Небо благоволило [ко мне], так как я [сам] приобрел [много земель], то и тюркский народ, надо думать, [тоже многое] приобрел'; mēn özim qaγan olurtuqım ücün ... (M 36) 'Так как я сам сел каганом...'

8. Развернутое обстоятельство образа действия (причастие и прилагательное используются как приименное определение (см. выше) и как приглагольное определение — обстоятельство образа действия):

jaγı bolıp itinü jaratunu umaduq jana içikmis (Ktb 10) 'Став врагом [табгачского народа] и не будучи в состоянии [что-либо] сделать для себя и создать для себя, они снова подчинились [табгачам]'.

§ 213. Причастие на -sıq, -sik (< -s° — дезидеративный и уподобительный афф. + -q, -k — афф. глагольного прилагательного),¹⁶⁴ обычно сопоставляемое семантически и генетически с причастием на -duq, -dük,¹⁶⁵ ничего общего с названным причастием не имеет. Причастие на -sıq, -sik в соответствии со своим составом выражает дезидеративность и уподобительность; дезидеративность, как правило, связывается со значением абсолютного будущего вр., осложненного модальными оттенками долженствования, желательности, условности совершения действия, названного производящей основой.

Причастие на -sıq, -sik функционирует в ТРП в качестве развернутого определения с указанными выше значениями:

il tutsıq jır ötükän jış ęrmiš (Ktm 4) 'Отюкенская чернь являлась, по-видимому, [той] землей, на которой можно созидать эль'.

¹⁶⁴ См.: Севортян. Афф. именного словообразования, с. 221—222; ср.: Рамстедт. Введение, § 78; Б а с к а к о в Н. А. К вопросу о происхождении условной формы на -ca/-ce в тюркских языках. — В кн.: Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию. М., 1953, с. 60—61.

¹⁶⁵ Кондратьев, с. 39; Б а с к а к о в Н. А. Указ. соч., с. 60.

§ 214. Причастие на -sıq, как любое другое тюркское причастие, легко субстантивируется, утрачивая свои модальные оттенки, и только в этом случае функционально сближается с причастием на -dıq, -dik:

türk bodun ... ačsıq tosıq ömüz sen (Ktm 8) 'Тюркский народ... ты не ведаешь состояния [ни] голода, [ни] сытости'; ol sabıq eşidip tün udisiqım kelmädi küntüz olursiqım kelmädi (T 12) 'Услышав эти речи, я ночью не мог спать ('мой сон не приходил'), днем не находил покоя'; küm soruqım kün toqsuq[qa] batsıq[qa] tēgdi (E 47, 4—5) 'Моя слава и добрая молва обо мне достигла восхода и захода солнца'; ср.: türk bodun ögrä kün toqsıqına keşrä kün batsıqına tēgi ... (O 2) '[Затем] тюркский народ [расселился] вперед, вплоть до того места, где восходит солнце, назад, вплоть до того места, где заходит солнце...'

§ 215. Фонетическим дублетом афф. -sıq является афф. -saγ, -säg (< -sa ~ -sı — дезидеративный и уподобительный афф. + -γ, -g — афф. отглагольного прилагательного); в ТРП (как и в других памятниках) используется в единичных случаях:

... isig küçig beγ-säg-im bar ərmiş ərincē (O Oa 2) 'У меня ведь было желание отдавать [кагану свои] труд и силу'.

§ 216. Причастие на -dači, -däči, после основ на r, l, n — -tači, -täči (< -da/-ta ~ -dä/-tä : -sa ~ -sä — дезидеративно-условный афф. + -či, -či — афф. будущего вр.)¹⁶⁶ служит для обозначения абсолютного будущего вр., осложненного оттенками долженствования, возможности совершения действия; используется только в положительной форме, отрицательная форма образуется с помощью афф. -čī, -či¹⁶⁷ и функционирует только как Verba finita.

Причастие на -dači используется в следующих функциях.

1. Определение: öltäči bodunıγ tirigrü (Tekin. Grammar, p. 180: tırgürü) igit[t]im (Ktb 29) 'Я поднял к жизни обреченный на гибель народ'.

2. Verba finita: ol jırgärü barsar türk bodun öltäči sen (Ktm 8) 'Если ты пойдешь в те земли, о тюркский народ, ты погибнешь'; ötükan jış olursar beγgü il tuta olurtači sen (Ktm 8) 'Пока [ты] живешь в Отюкенской черни, ты можешь править вечным элем'; özüñ eđgü körtäči sen ebinä [ki]rtäči sen bunsız boltači [sen] (M Xb 14) 'Сам ты будешь жить счастливо, будешь жить в своих домах, будешь [жить] беспечно'; bödkä körügmä beγlär-gü janıltači siz (Ktm 11) 'О покорные престолу беки, ведь вы склонны ошибаться!'

§ 217. Как и все причастные формы, причастия на -dači/-tači субстантивируются:

üküs öltäči anta tirilti (M 31) 'Многие, обреченные на смерть, тогда остались в живых'; quşladači (E 48, 5) 'тот, кто охотится на птиц', 'охотник(и)-птицелов(ы)'.

¹⁶⁶ Подробнее см.: Кононов А. Н. О природе тюркской агглютинации, с. 14—15; ср.: Кондратьев, с. 35.

¹⁶⁷ Tekin. Grammar, p. 193: mači- < -maγači; -ma + -γa + -či.

§ 218. Причастие на -sar, -sär (<-sa, -sä+-r), обозначающее возможность, долженствование, а также причинные, временные и условные связи, используется в следующих функциях.

1. Определение (только в енисейских памятниках):

erdäm bolsar bodunı̄... (E 29, 1) 'Народ, который должен быть доблестным...'; atsar alp ertı̄niz utsar küč ertı̄niz (E 28, 2) 'Вы были героем, который должен был [метко] стрелять, вы были силой, которая умела побеждать'.

2. Verba finita (в ТРП не используется; встречается в древнеуйгурских текстах).

3. Условное деепричастие (см. § 231).

Деепричастие

§ 219. Деепричастие в тюркских языках¹⁶⁸ как своеобразное глагольное имя используется в трех функциях:

1) в обстоятельственной функции, выступая наречным признаком определяемого им глагола-сказуемого;

2) в функции присвязочной части, т. е. спрягаемой основы Verba finita двух времен изъявительного наклонения: al-a-man 'Я беру', al-ır-man 'Я, по-видимому, взял';

3) в функции первого члена сложной глагольной формы, состоящей из деепр. на -a или -°p(b)+модифицирующий глагол, служащий для выражения категории способа действия или характера протекания действия (§ 362).

В этом разделе рассматриваются только морфология деепричастий, используемых в обстоятельственной функции.

§ 220. Деепр. на -p, -°pan, -°pän в ТРП и древнеуйгурских памятниках образуются только от положительных основ. Особое положение деепр. на -°pan отчетливо представлено в таблице.

Как видно из таблицы, форма на -°pan, -°pän получила наибольшее распространение в «Гадательной книге» (İB); дальнейшее развитие этой формы обнаруживается в древнеуйгурских памятниках (афф. -°ban, -°bän) и через них в староузбекском (у А. Навои и других авторов) и в других тюркских языках.

§ 221. Афф. -°p служит для обозначения

1) временной, причинной, целевой, условной характеристики действия: ... tirilip jëtmiş ır bolmış (Ktb 12) '... Когда [они] собрались, [их] стало семьдесят воинов'; ol sabı̄ğ eşidip tün udısı̄qım kelmädi (T 12) 'Услышав эти речи, я ночью не мог спать'; öti-

¹⁶⁸ Кононов А. Н. Опыт реконструкции тюркского деепричастия на -(°)п. . . , с. 100—111; Хаджилова Р. А. Глагольная форма на -°p в турецких литературных памятниках XIII—XVI веков. — СТ, 1972, № 6, с. 88 сл.; Насилов Д. М. Категория деепричастия в енисейских и орхонских памятниках письменности. — Узбек тили ва адабиёти масалалари, 1961, № 1, с. 48—53 (на узбек. яз.); Кондратьев, с. 10; Ахметов М. А. Деепричастия в языке орхоно-енисейских памятников и их отношение к современному башкирскому языку. — СТ, 1974, № 3, с. 39—51.

Памятники	Показатели	
	-°р	-°пан
О	3	—
Т	21	—
Ktb	41	7
Ktm	7	—
М	30	1
Kč	21	—
Mč	24	1
Мелкие памятники Монголии [Малов. ПДТП МК]	2	1
Мелкие памятники Киргизии [Малов. ПДТП МК]	5	—
Енисейские памятники [Малов. ЕПТ)	11	3
ЇВ	4	35
Всего	169	48

kän jir olurıp arqış tirkîş isar nân bunuγ joq (Ktm 8) 'Пока /когда/ если [ты, тюркский народ] пребываешь в Отукенской земле и посылаешь [торговые] обозы [в соседние страны], у тебя нет никакого горя'; kelıgmä beğlärin bodunın itip jıγır az(č)a bodun tezmîş erti (T 43) 'Пока [я] устраивал и собирал пришедших [к нам] их беков и их народ, некоторое число людей убежало'; jırči jir jañılıp boγuzlantı (T 26) 'Проводник, так как он сбился с пути, был умерщвлен'; süčig sabıña jımşaq aγısıña arturıp üküş türk bodun öltig (Ktm 6) 'Из-за того, что [ты, тюркский народ] дал себя прельстить их [табгачей] сладкими речами и роскошными дарами, ты [о], тюркский народ, во множестве погиб';

2) действия, происходящего одновременно или параллельно другому действию: örtčä qızıp kelti (T 40) 'Он пришел, пламенея, как лесной пожар'; anı körıp anča bilıñ (Ktm 13) 'Смотря на него [на этот памятник], так поучайтесь!'; ilgärü qurıγaru sülär tirmiş (Ktb 12) 'Идя с войском вперед (т. е. на восток) и назад (т. е. на запад), он собирал [разрозненные племена]';

3) однородного сказуемого: beş jaşımta qañsız qalıp toquz jeγirmi jaşımγa ögsüz boltım qatıylanıp otuz jaşımγ(a) ögä boltım (E 45, 2—3) 'В пятилетнем возрасте я остался без отца, к девятнадцати годам я лишился матери, возмужал и к тридцати годам стал «оге»'.¹⁶⁹

¹⁶⁹ Ögä: «a high Turkish title, roughly equivalent to 'Counsellor'; in the Moslem period displaced by Arabic l.—W. Wazır» (Clouston. Etymolog. Dict., p. 101); ögä ~ ügä: Doerfer, II, § 614.

§ 222. Афф. -^оran, -^оrān служит для обозначения предшествующего действия в плане его временной, причинной, целевой, условной характеристики.

eçim qaγan olurīpan türk bodunīγ jīčā itdi (Ktb 16) 'Мой дядя каган, когда сел/сев [на царство], снова устроил тюркский народ'; selānā qodī jorīpan... ebin barqīn anta buzdīm (M 37) 'Спустившись вниз по [р.] Селенге, я тогда/там разрушил их стойбища-жилища'; sū sūlāpān tōrt bulunḡaqī bodunīγ qor almīs (Ktb 2) 'Пойдя [на них] войною/, они пошли [на них] войною и совсем/целиком покорили народы, жившие по четырем странам [света]'; ср.: ilgārū qurīγaru sūlāp... (Ktb 12) 'Пойдя войной на восток и на запад...'; ... qara qanqa barīpan jalabaç barīpan kēlmādiniz beγimiz (E 30, 4—5) '[Вы] отправились к Кара-хану, [вы] отправились послом, вы, наш бек, не вернулись обратно'; tānri kūčīnā taγ üzā jul sub kōrūpān jīs üzā jaš ot kōrūpān jorīju barīpan sub ičīpān jaš jipān ölūmdā ozmīs tir (İB 25—26) 'По могуществу Неба на горе она (лошадь) увидела ручьи и реки, в горном лесу увидела зеленую траву, пошла и, попив воды, поев травы, избавилась от смерти'.

§ 223. Как видно из этих примеров, деепр. на -^ор и деепр. на -^оran в указанном значении выступают как дублеты; ср. еще: jaraqlīγ qantan (qantīn) kēlip jaña ēlti sūnūglig qantan (qantīn) kēlipān sūra ēlti (Ktb 23) 'Откуда пришли вооруженные люди и рассеили вас [тебя]? Откуда пришли копьеносцы и увлекли вас [тебя]?' (ср. также: Ktb 35).

§ 224. Афф. -matī, -māti (<-ma — афф. глагольного отрицания + -tī — афф. деепричастия < тунгусского инструменталиса¹⁷⁰) функционально соответствует отрицательной форме деепр. на -^ор, -^оran, выражая действие одновременное с действием глагола-сказуемого.

tūn udīmatī küntüz olurmatī... isig kūčig bērtim ök (T 50—51) 'Не спав по ночам, не сидя [без дела] днем, ... я отдавал ведь [народу все свои] труд и силу'.

§ 225. Афф. -matīn, -mātīn (<-ma — афф. глагольного отрицания + -tī (см. § 224) + -n — афф. инструктивного п.¹⁷¹) функционально соответствует отрицательной форме деепр. на -^ор, -^оran.

qaγanīnīn sabīn almatīn jir saju bardīγ (Ktm 9) 'Не вияв словам твоего кагана, ты [тюркский народ] ходил по [разным] землям'; ...jaγtīpan qamšaju umatīn turur tir (İB 24) '... [так как спина лошади] покрылась ссадинами и она, не будучи в состоянии двигаться, встала'; turuñaja quš tūšnākinā qonmīs tujmatīn tozqa ilinmīs uça umatīn olurur tir (İB 94—95) 'Журавль опустился на свое гнездо, не заметив угодил в силок, не будучи в состоянии взлететь, (остался там) сидеть'.

¹⁷⁰ Рамстедт. Введение, § 14.

¹⁷¹ Там же.

§ 226. Афф. -(j)a, -(j)ä¹⁷² обозначает

1) действие, протекающее одновременно с действием глагола-сказуемого: joqaru at jetä jadaŷın ĩyaç tutunu aqturtum (Т 25) 'Я поднялся [на гору], ведя лошадей [на поводу], пешком, держась за деревья'; ötükan jış olursar beŷgü il tuta olurtaçĭ şen, türk bodun (Ktm 8) 'Если ты, о тюркский народ, будешь жить в Отыкенской черни, то ты будешь жить, управляя [своим] вечным элем'; ...qunçuĭuma buŷa adırıldım (Е 11, 1) 'Горюя, я расстался с моими ханшами-девицами';

2) действие, предвещающее другое действие: ol jılqa türgis tара altun jışĭ aşa ertis ögüzüg (~ ügüzig) keçä jorĭ[dım] (М 27) 'В том году, перевалив через Алтунскую чернь и переправившись через реку Иртыш, я пошел [войною] на тюргешей'; toquz eгіg eгіrä toqıdĭ (Ktb 46) 'Девять воинов он, окружив, разбил'; ср.: on eгіg ... eгіrip ölürtimiz (Ktb 47) 'Мы убили, окружив..., десять воинов';

3) образ, способ совершения действия: at üzä bintürä qarĭş sökdım (Т 25) 'Посадив [воинов] на коней, я проложил [дорогу] по снегу'.

§ 227. Афф. -(j)ĭ, -(j)u, -(j)i, -(j)ü, являясь «узким» аналогом деепр. на -(j)a, -(j)ä (а-язык ~ і-язык!),¹⁷³ обозначает время, образ, цель, причину совершения действия, протекающего главным образом одновременно с действием глагола-сказуемого.

...qızıl qanım tökü-t-i qara tеrim жүgürt-i isig küçig bеrtim ök (Т 50—51) '...проливая мою красную кровь, заставляя течь мой обильный пот, я отдавал [свой] труд и силы [моему народу], так!'; kejik jĭjü tabısyan jĭjü olurur еrtimiz (Т 8) 'Мы жили [там], питаясь оленями, питаюсь зайцами'; kök öŷüg joqarĭ (juqarĭ) ötükan jışaru udızdım (Т 15) 'Перейдя р. Кёк-өңг,¹⁷⁴ я повел [войско] к Отыкенской черни'; күn toquru süŷüşdım (Orkun, I, 168) 'На восходе солнца я дал бой'.

§ 228. Деепричастия на -ĭ и на -a нередко выступают дублетами:¹⁷⁵

türk bodunĭn ilin törüsin tuta birmis iti birmis (Ktb 1) 'Они поддерживали и устраивали эль и тёрю тюркского народа'.

§ 229. Афф. -(j)ĭn, -(j)in является общим достоянием всех алтайских языков; в современных тюркских языках эта форма продуктивна только в якутском и чувашском языках и, по-видимому,

¹⁷² О составе этого деепричастия см.: Кононов. Гр. узбекск. яз., § 303.

¹⁷³ Ср.: Рамстедт. Введение, § 59.

¹⁷⁴ По Жиро (с. 84), речь идет, вероятно, о реке в бассейне р. Онгин-гол. По Бангу (W. Bang. Turcica, S. 286), Kök Öŷ 'die blaue Wüste, Steppe', что мало вероятно; ср.: Czeglédy К. Çoqaj-quzĭ, Qara-qum, Kök-öŷg. — АОН, 1962, т. XV/1—2, р. 55—69.

¹⁷⁵ П. М. Мелиоранский считал необходимым строго различать деепр. на -ĭ, -i от деепр. на -u, -ü, «так как формы на а (ä) или ы (i) при всей своей близости к формам у (ü) все-таки, вероятно, не вполне равнозначные» (Мелиоранский. КТ, с. 132). К сожалению, П. М. Мелиоранский не объяснил, почему он не считает возможным сблизить деепр. на -у (ü) с деепр. на -ы (i).

заимствована из монгольских языков;¹⁷⁶ это деепричастие обозначает действие, протекающее одновременно с действием сказуемого; достоверных примеров с этим деепричастием в ТРП нет; единственный пример сомнителен:¹⁷⁷

türk bodun qanin bolmajin tabγačda adirilti (Т 2) 'Тюркский народ, не будучи со своим ханом, отложился от табгачей'.

В ТРП широко используется деепр. на -(j)in от глагола te- ~ ti- 'говорить' — союзное слово tejin ~ tijin (§ 433).

§ 230. Афф. -γali, -gäli, -qali, -käli (< -γa — афф. причастия будущего вр. + -li)¹⁷⁸ служит для обозначения обстоятельства

1) цели: kisi oγli qor ölgäli törümis (Ktb 50) 'Сыны человеческие все рождены, чтобы умереть'; ...sanaγali tüsürtimiz (Т 27) 'Мы приказали [войску] спешиться, чтобы пересчитать [воинов]'; sīnar süsi ebig barqīγ julγali bardī, sīnar süsi sūnüşgäli kelti (М 32) '[Одна] половина их войска отправилась, чтобы разграбить наши стойбища-жилища, [другая] половина их войска пошла, чтобы сразиться [с нами]';

2) времени, 'с тех пор, как' (в этом случае, по-видимому, афф. -γali имеет другое происхождение): türk bodun olurγali (Tekin: qilinγali) türk qaγan olurγali santuγ balıq(qa taluγ ügüzkä tegmis joq ermis (Т 18) 'С тех пор, как существует тюркский народ, с тех пор, как сидит [на царстве] тюркский каган, они [тюрки] никогда не доходили до городов Шаньдуня, до моря-реки (до Желтого моря?)'.

§ 231. Афф. -sar, -sär (< -sa + -r)¹⁷⁹ образует условное деепричастие.¹⁸⁰ В орхонских памятниках оно выступает только в обстоятельственной функции как сказуемое зависимого предложения;¹⁸¹ в енисейских надписях афф. -sar, -sär используется также в атрибутивной функции (§ 218).

¹⁷⁶ Рамстедт. Введение, § 56.

¹⁷⁷ См.: ДТС 655.

¹⁷⁸ Рамстедт. Введение, § 12; ср.: Räsänen. Morphologie, S. 188.

¹⁷⁹ О составе этого аффикса см.: Кононов. Гр. узбекск. яз., § 290; Тенишев Э. Р. К истории тюркского условного наклонения. — In: Studia Turcica, с. 441—449; Щербак А. М. О происхождении форм условного наклонения в тюркских языках. — СТ, 1976, № 2, с. 13—21; Гаджиев Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, с. 327—334.

¹⁸⁰ Так определил эту форму П. М. Мелиоранский (Мелиоранский. КТ, с. 84—85, 90—91); Tekin. Grammar, p. 185: The Gerund in -sar/-sär; ср.: Radloff. ATIM, NF, S. 108—113. — О. Прицак определяет эту форму как Participium conditionale: „Ähnlich wie beim Participium voluntatis... treten auch beim Participium conditionale drei «Stufen» auf:

1. Die Null-Stufe (= «Genus»: gtü. čuv.-sa).

2. Die n-Stufe («Individualis»: čuv. -sa-n).

3. Die r-Stufe («Kollektiv»: atü., W-bg., alt-čuv.-sa-r), die sich dann auf verschiedene Weise spezialisiert haben“ (Pritsak O. Bolgaro-Tschuwaschica. — UAJ, 1959, 31. Bd, S. 283).

¹⁸¹ То же в якутском языке, где -sar=-tar; см.: Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка, II. Сложное предложение, кн. I. Новосибирск, 1976, § 53.

Форма на -sar, -sär служит для выражения 1) предположительного, реального и нереального условий; 2) временных отношений ('когда'); 3) уступительных отношений; 4) обобщающих определенно-объяснительных отношений.

§ 232. Предположительное условие — условие само по себе реальное, но осложненное оттенками возможности, желательности, нежелательности. Сказуемое главного предложения в этом случае выражается настоящим-будущим, будущим категорическим вр., формами желательного наклонения:

bir todsar ačsıq ömäs şen (Ktm 8) 'Стоит [тебе] однажды насытиться / однажды насытившись, ты [уже] не думаешь о голоде'; ol jolın jorısar jaramači (так: Tekin; Малов, Orkun, Giraud: unč) tedim (T 24) '«Если идти по той дороге, [это] будет [для нас] плохо / это [нам] не погодится», — сказал я'; usar idi joq qısalım tir mən (T 11—12) '«Если будет возможно, давайте уничтожим [этого] правителя», — говорю я'.

§ 233. Реальное условие — условие, которое не противоречит действительному положению вещей; условие, осуществление которого (в прошлом, настоящем, будущем) мыслится как возможное, реальное. Сказуемое главного предложения выражается формами настоящего-будущего вр., будущим категорическим, формами повелительного наклонения, именным сказуемым.

...bu qağanında... adırılmasar türk bodun özün eşgü körtäči şen... (M 13—14) 'Если [ты], тюркский народ, не отложишься от своего [твоего] кагана, ты сам будешь жить счастливо'; ol jırgärü barsar türk bodun öltäči şen (Ktm 8) 'Если [ты], тюркский народ, пойдешь в те земли, ты погибнешь'.

Реальное условие выражается также сочетанием настоящего-будущего вр. + eşsär (§ 360).

§ 234. Ирреальное условие — условие, которое не было или не могло быть выполнено. Сказуемое главного предложения выражается прошедшим категорическим вр., прошедшим неочевидным, будущим-прошедшим:

eş irdäm elim bolsar bodun isrik jörümädi (E 29, 2) 'Если бы мой эль обладал геройской доблестью, народ не ходил бы мятущимся'; üzä täñri basmasar asra jir tēlinmäsär türk bodun ilinjin törünin kem artatı [udači erti] (Ktb 22) 'Если бы Небо, что наверху, не давило [на тебя], если бы земля, что внизу, не разверзлась [под тобою], о тюркский народ, кто мог бы погубить твой эль, твое тѣрю?!'

§ 235. Ирреальное условие выражается также сочетанием прошедшего категорического вр. + eşsär (модальность на eşsär, см. § 360).

§ 236. Временные отношения естественно возникают из условий протекания действия (ср. русск. *если / когда в товарищах согласья нет...*): türk qağan ötükan jış olursar iltä buñ¹⁸² joq (Ktm 3) 'Когда тюркский каган сидит в Отюкенской черни, у эля забот

¹⁸² О слове buñ и его производных см.: Thomsen. Turcica, p. 49—73.

нет'; ötükan jir olurup arqış terkış isar neñ bunıy joq (Ktm 8) 'Когда [ты, тюркский народ], обитая в Отюкенской земле, посылаешь торговые обозы [в соседние страны], нет у тебя никаких печалей'.

§ 237. Уступительные отношения иллюстрируются примером: bir kisi janılsar oçuşı bodunı bisükinä (böşükinä)¹⁸³ tēgi qıdmaz ęrmış (Ktm 6) 'Если даже/хотя один человек может ошибаться, то [все] его соплеменники, [весь] его народ, вплоть до его [отдельных] родственников не давали, надо полагать, себя увлекать [на ложный путь]'.¹⁸⁴

§ 238. Обобщающие определительно-объяснительные отношения выражаются в том случае, когда в придаточном предложении имеется вопросительное местоимение neñ или кем ~ kim:

neñ neñ sabım ęrsār beñgü taşqa urtım (Ktm 11) 'Все-все слова, что у меня были, я выбил на вечном камне'.

§ 239. Форма ęrikli (ęrkli) (< ęr- 'быть' + °kli < -°k — отглагольное прилагательное (причастие) + -lī — аффикс, образующий имена прилагательные; ср.: Мелиоранский. КТ, с. 127) в сочетании с причастием на -°r передает обстоятельство времени 'когда':

kicā jaruq batur ęrikli sünjüsdım (Mč 13) 'Вечером, когда зашло [дневное] светило, я дал бой'; tuğ taşıqır ęrikli jelmā ęri kelti (Mč 17—18) 'Когда бунчук [т. е. войско] двинулся в путь, подошли воины подвижного [конного] отряда'; anča olurur ęrikli oğuzdantan (так: Малов; Tekin: uğuzduntan; Giraud: oğuzdıntın) körtüg kelti (T 8) 'Когда мы жили так, от огузов пришел лазутчик'; qarluq bodun ęrür barıñ ęrikli jaıı boltı (Ktb 41) 'Карлукский народ, став/когда стал свободным и независимым, сделался [нам] врагом'.

§ 240. Афф. -ča, -čä — «широкий» аналог афф. будущего вр. -čī, -či (§ 342) — обозначает действие, предшествующее действию сказуемого, переводится 'когда', 'как только';¹⁸⁵ ср.: деепр. на -ğāč, -ğāč (< -ğā + -ča / -či); в ТРП встречается крайне редко:

uluğ oğlum ağır joq bolča quğ señünig balbal tikā birtım (M Ха 9) 'Когда мой старший сын заболел/заболел и умер, я поставил [на его могиле] балбалом¹⁸⁶ [изображение] Куг-сенгюня'; öñräki ęr joğırča (так: Orkun, I, 108, 26; Tekin, p. 251, № 2;

¹⁸³ См.: ДТС 103.

¹⁸⁴ Ср.: Мелиоранский. КТ, с. 61, 88—89; Малов. ПДТП, с. 28, 34; Tekin. Grammar, p. 231, 262; Tuna O. N. Bazı imlā gelenekleri. — TDAYB, 1957. Ankara, 1957, s. 58—59; ДТС 103 (под словом bisük), 440 (под словом qıd-).

¹⁸⁵ То же в саларском языке; см.: Тенишев Э. Р. Строй саларского языка, с. 178.

¹⁸⁶ Кызласов Л. Р. О значении термина «балбал» древнетюркских надписей. — В кн.: Тюркологический сборник. Л., 1966, с. 206—208; Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Средневековая пограничная надпись с низовьев Уйбата (Хакасия). — СТ, 1976, № 1, с. 62; Tekin. Grammar, p. 73 (balbal 'statue' < *balibal < *mong. barımal); см. еще: Kotwicz Wł. Contribution à l'histoire de l'Asie Centrale. — RO, 1948, t. XV, p. 190—193; Менгес. Восточные элементы, с. 87—91.

Малов: *juɣuru tɛgürüp* (Т 25—26) 'Когда впереди [идущие] воины преодолели [горы], поведя [за собою]...';

teɾčä (М Хс 4) 'когда он собрал'; ср.: *beg ɛrigčä* (Е 32, 2) 'будучи беком' (в этом случае форма на -čä образована от вторичной глагольной основы *ɛɾ-ig-*).

Формы изъявительного наклонения в сочетании с этим аффиксом выражают терминальные, т. е. конечно-предельные значения:

... *qaɣan olurtım, olurtuɣıma öltäčičä saqınıɣma türk beɣlär bo-[dun] ögürüp səbinir...* (М 2) '... Я стал каганом; когда я стал [каганом], тюркские беки и народ, прежде опечаленные до того, что готовы были умереть, [теперь] радуясь и веселясь...'.¹⁸⁷

Ср. пример из «Кутадгу билиг» (бейт 3801): *tiriglik bolurčä* 'До тех пор, пока жив [человек]'; татар. *эш бет-ми-чә уйнарга ярамай* 'Пока работа не окончена, играть нельзя' (Современный татарский литературный язык. М., 1969, с. 261).

§ 241. Афф. -*qunča*, -*ɣunča* (< -*qun* + -*ča*) в ТРП встречается один раз; выражает предел во времени 'до тех пор пока': *buzqunča* (Оа 1) 'Пока не разбил [врагов]'.

§ 242. Афф. -*qan*, -*kän* (< -*°q*, -*°k* — афф. вторичной глагольной основы = афф. повелительного залога + общеалтайский афф. деепричастия ~ причастия -*°n*) сочетается с причастием настоящего-будущего вр. и служит для обозначения временных отношений 'когда, в то время когда, пока'; используется только в ЫВ.

tanım tüsi taqı tükämäzkän ... (ЫВ 4) 'Пока не кончится пища для моего тела...'; *qara ördük jıl jarumazqan tidi* (ЫВ 32) '«Черный угод за год не станет светлым», — сказал он'.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ НАРЕЧИЙ

§ 243. В ТРП, как и в современных тюркских языках, наречия образуются

- 1) с помощью специальных аффиксов;
- 2) путем изоляции падежных и деепричастных форм;
- 3) сложением в единый комплекс двух и более слов;
- 4) путем адвербиализации.

Наречия, образованные с помощью специальных аффиксов

§ 244. Афф. -*tı*, -*tı* (после гласных), -*dı*, -*dı* (после звонких согласных *ɣ*, *g*), сохраняющий продуктивность в тофаларском языке,¹⁸⁸ по мнению Г. И. Рамстедта, может быть сопоставлен с тунгусским инструментальным п.¹⁸⁹ На материале ТРП инстру-

¹⁸⁷ См.: Radloff. АТМ, NF, S. 65; Малов. ПДТМ МК, с. 20; Tekin. Grammar, p. 275.

¹⁸⁸ Р а с с а д и н В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978, с. 249.

¹⁸⁹ Рамстедт. Введение, § 14.

ментальное значение этого аффикса подтверждается только одним примером:

on tutuq jorčın (jorıčın) jaraqlıy ęlign tutdı jaraqlıydı qa-
yaŋqa ančuladı (Ktb 32) 'Он-тутука Йорчына он захватил воору-
женной рукой и [вместе] с [другими] вооруженными [воинами]
представил кагану'.¹⁹⁰

С помощью этого аффикса образуются от имен прилагательных наречия образа действия: ędgüti 'хорошо' (ędgü 'хороший'); qatıydı¹⁹¹ 'твердо' (qatıy 'твердый', 'крепкий') — bu sabımın ędgüti ęsid qatıydı tıŋla (Ktm 2) 'Эту мою речь хорошененько слушайте и крепко [ей] внимайте!'; ср.: amti ~ ęmti ~ ęmdi ~ imti 'теперь', 'теперешний' (ДТС 42) < am (ęm ~ im) 'теперь', 'сейчас' (РСл. I, 643); тофаларское *эккіді* 'хорошо', *каътыгды* 'крепко'.

Нередко слово tükäti 'совершенно', 'целиком', 'полностью' при-
числяют к наречиям (tükä + -ti), упуская при этом из виду, что
с помощью этого аффикса образуются наречия только от прила-
гательных; tükäti — изолированная форма деепричастия от гл.
tükät- 'завершать', 'заканчивать'.

Отглагольные наречия — тофаларское на -ti / -di,¹⁹² хакас. -da,
-dä¹⁹³ < -t / -d — афф. понудительного залога + -i ~ -a — афф. дее-
причастия.

§ 245. Имена прилагательные и причастия в тюркских языках
используются как в качестве приименного, так и при-
глагольного определения, т. е. в последнем случае функцио-
нируют в качестве обстоятельств образа действия; таким образом,
указанные выше наречия, образованные от имен прилагательных,
являются «избыточными» формами, а потому они не получили
дальнейшего развития.

§ 246. Афф. -ča, -čä (< čay 'время', 'мера'¹⁹⁴) иногда причис-
ляют к уравнительному падежу (casus aequativus), чего, однако,
не следует делать, так как словоформы, образованные этим аффик-
сом, не отвечают обычным требованиям, предъявляемым к падеж-
ным формам. С помощью этого аффикса образуются наречия упо-
добления, способа, манеры, предела действия, меры (см. числитель-
ные приблизительные, § 175):

qanın subča jögürti (jögürti) süñükün tařča jatdı (Ktb 24)
'Кровь твоя текла, как вода, кости твои лежали горою'; türgis
qaŋan süsi bolučuda otča borča kelti (Ktb 37; M 27) 'Войско
тюркешского кагана появилось на [р.] Болучу подобно огню, по-
добно буре';¹⁹⁵ örtčä qızır kelti (T 40) 'Он пришел, пламеня,

¹⁹⁰ Ср.: ДТС 44, под словом ančula-; Кляшторный, с. 91, сн. 65.

¹⁹¹ В ЫВ, вероятно, под влиянием древнеуйгурского языка, встречаются
две формы: qatırtı (19—20) ~ qatıydı (50).

¹⁹² Р а с с а д и н В. И. Морфология тофаларского языка, с. 249—250.

¹⁹³ Грамматика хакасского языка, с. 108.

¹⁹⁴ Подробнее см.: Кононов. Гр. узбекск. яз., § 363.

¹⁹⁵ Thomsen. Turcica, p. 94: «Comme le feu et l'orage». — Все суще-
ствующие точки зрения на чтение и перевод otča borča изложены в статье:

как лесной пожар'; könlünçä udiz tidi (Т 15) 'Он сказал: «Веди [войско] по своему разумению!»'; eçüm aram törüsінçä jaratmıs (Ктб 13) 'Он устроил [эль] согласно тёрю моих предков'; oçlanım erdäm marımınçä bol (Е 47, 9) 'Дети мои, в доблести (?) будьте равны моему духовному наставнику'; ançä, ançaγ (Е 39, 6) 'так', 'таким образом' (< *an 'тот'); bunçä 'этак', 'столько' 'так много' (< bu 'это').

§ 247. Афф. -taγ, -teğ (> -taj, -tej ~ -daj, -dej), по мнению Ж. Дени (Deny. Gr., § 930), < teγ ~ deγ 'равный', 'одинаковый'.¹⁹⁶

В ТРП этот формант используется только в одном случае: antaγ (Ктм 4; Т 9) ~ anteğ (Т 29) 'так', 'таким образом' (*an 'тот').

Наречия — изолированные формы падежей

§ 248. Наречия могут также представлять собой изолированные формы направительного, местного-направительного, дательного, направительного-дательного, дательного-направительного, местного, местного-исходного, инструментального падежей. Приведем соответствующие примеры.

§ 249. Направительный п. — с формантом -rī, -rī, -ru, -rū:

taşru ~ taşra 'вовне', 'наружу', 'снаружи' (taş 'наружная, внешняя сторона') — jeṭi aşnuqī işim taşru eṭilti (Е 41, 2) 'Семь первых моих дел были совершены за пределами [моего юрта]'; taşra joriјur tijin kü eşidip (Ктб 11—12) 'Услышав весть о том, что он кочует за пределами [своего юрта]...'.¹⁹⁷

Существует предположение, что подобные формы наречий восходят к деепричастиям на -u ~ -a: taşru ~ taşra < taş-ir-u ~ *taş-ir-a < taşir- 'выступать', 'выходить за пределы чего-л.'; ср. taşirtī (< taşirt- + деепр. -ī) ~ taşirtīn (< taşirt- + деепр. -in) 'снаружи' (ДТС 540).

§ 250. Местный-направительный п. — на -га, -гä:

asra 'внизу' < *as 'низ' (?) + -га. Корневая морфема, возможно, связана с корнем глагола aş- ~ as- 'переваливать горы' > 'идти сверху вниз', ср. aşayī ~ aşaya 'нижний', 'внизу', aşaq 'подножие горы'.¹⁹⁸ Существует и другое, не менее вероятное предположение: asra < *asīra ~ aşıra — деепричастие от asir- ~ aşir- — понудит. залог от as- ~ aş- (см. выше); ср. isrä 'ниже', 'под', 'за' (ДТС 214).

üzä¹⁹⁹ kök teңri asra jaγız jir qılınuqda (Ктб 1) 'Когда вверху было сотворено голубое небо, а внизу — бурая земля...'.²⁰⁰

Щербак А. М. О сочетании ot.ça b.r.ça в рунических надписях. — СТ, 1975, № 6, с. 88—90.

¹⁹⁶ См. еще: Кононов. Гр. узбекск. яз., § 367.

¹⁹⁷ См.: Radloff. АТМ, NF, S. 84—85; Räsänen. Morphologie, S. 64; A r a t R. R. Türkçede cihet mefhumu ve bunun ile ilgili tabirler. — ТМ, 1964, cilt XIV, s. 1—24.

¹⁹⁸ Севортян. ЭСТЯ, I, 195—196, 214—215.

¹⁹⁹ Наречие и послелог (§ 375).

içrâ 'внутри', 'внутрь' (iç 'нутро') — içrâ ašsîz tašra tonsîz jabîz jablaq bodunta üzâ olurtîm (Kth 26) 'Я сел [на ханство] над бедным и захудалым народом, у которого в животе не было пищи, на котором (tašra) не было одежды'.

ögrâ 'спереди', 'раньше', 'прежде', 'на востоке' (öğ 'перед'; восток') — ögrâ tölâs beğlâr (M Ха 13) 'Спереди (на востоке) телесские беки [стояли]. . .'; özimîn ögrâ bîja başî i[d]tî (Mč 6) 'Он послал меня самого вперед начальником тысячи'.

kęsrâ ~ kisrâ (< *kęs ~ kič 'зад', 'задняя часть') наречие и послелог 'после', 'затем' — türk bodun. . . kęsrâ kün batsîqîna teğî. . . (O 2) 'Тюркский народ [ходил войною]. . . назад (на запад) до того места, где заходит солнце'.

§ 251. Дательный п. — на -ya, -qa, -kâ, -gâ:

jazîja (<jaz-in-ya) oğuzyağı sü tašîqdimîz (Ktb 48) 'Той же весною мы выступили с войском против огузов';

neğâ (ne 'что') 'зачем?', 'к чему?', 'отчего?' — neğâ teğâr biz üküš teğîn neğâ qorqur biz az teğîn (T 38) 'Зачем нам бежать, дескать [врагов] много, к чему нам [их] бояться, дескать [нас] мало?'.

§ 252. Дательный-предельный п. — на -ja, -jâ < -ya / -qa:

berîjâ ~ birîjâ 'направо', на 'юг' — berîjâ tabğaç bodun jağî ermiş (Ktb 14) 'На правой стороне (на юге) врагом [нам] был табгачский народ';

qurîja ~ quruja 'на задней стороне', 'сзади', 'назад', 'на запад(е)' — qurîja kün batsîqdaqî (Ktb 52) 'На задней стороне (на западе), там, где солнце заходит. . .'; qurîja on oq[q]a kirtî (Mč 11) 'На западе [они] присоединились к [народу] десяти родов';

jîraja 'слева', 'налево', 'на север(е)' — berîjâ šadapît beğlâr jîraja tarqat bujruq beğlâr (Ktm 1) 'Справа [сидящие на пиру] шадапыты и беки, слева [сидящие] тарханы, буюруки [и] беки. . .'; jîraja oğuzî üküš ök ölrîti (T 7) 'Слева (на севере) огузов всех ведь он уничтожил. . .'

§ 253. По всей вероятности, формы типа berîja, qurîja, jîraja состоят из двух морфем: berî, qurî (kirü), jîra + -ja, -jâ — дательный-предельный п. В свою очередь, berî, qurî (kirü), jîra являются деепричастными формами от глаголов *ber- 'находиться вблизи' (ср.: *be ~ *bi 'эта, ближайшая сторона'), *qur- 'находиться сзади' — понудительный залог от глагола — q°- / k°-; ²⁰⁰ корень глагола q°- (~k°-) сохранился в составе а) отглагольных имен существительных qîč (qî- + č) 'задняя часть', 'зад', kęd ~ keğ (ke- + -d / -t) 'конец', 'зад'; б) деепричастий, перешедших в разряд наречий и послелогов: kęd-in ~ kid-in > keğ-in ~ kij-in 'сзади', 'затем'.

Корень слова jîra *jî- обнаруживается в глаголе jî + -g + -a- 'удаляться' (ДТС 268).

²⁰⁰ «Ki-n 'nach' (Postp.) < *ki- 'später sein' (Räsänen. Morphologie, S. 187); *Ki- 'am Ende sein', das auch die Wurzel von ki-d 'Ende' ist» (Gabain. Alt-türk. Gr., § 297).

Деепричастия *beri*, *qurı*, *jıra* перешли в разряд наречий и в этом качестве были дополнены дательным-предельным и дательным-направительным падежами.²⁰¹

С другой стороны, не исключено предположение, возводящее *beri*, *qurı*, *jıra* к именным основам **bē* 'ближайшая сторона', **qu* 'задняя сторона', **jī* 'дальняя сторона', к которым присоединился показатель дательного-направительного п. -*rı* / -*ra* + афф. дательного п.

§ 254. Дательный-направительный п. — на -*ıaru*, -*gärü* (< -*ıa*, -*gä* — дательный п. + -*ıu*, -*gä* — направительный п.):

ilgärü 'вперед', 'на восток' (*ıl ~ ıl ~ al* 'перед', 'передняя часть', 'лоб' — Севортян. ЭСТЯ, I, 124—125)²⁰² — *ilgärü şantun jazıqa tēgi sülädım* (Ktm 2) 'Вперед (на восток) я прошел с войском вплоть до Шандунской равнины';

birigärü ~ birgärü (< *biri ~ beri*, § 253) 'направо', 'на юг(е)' — *birgärü toquz ęrsänkä tēgi sülädım* (Ktm 3) 'Направо (на юг) я прошел с войском вплоть до Токуз-эрсена';

qurııaru ~ qurııaru (< *qurı*, § 253) 'назад', 'на запад(е)' — *qurııaru temir qarııqa tēgi süläjü bęrmış* (Ktb 8) 'Назад (на запад) они ходили войною вплоть до Темир-капыга'; *ilgärü qurııaru sülär* (Ktb 12) 'Вперед (на восток), назад (на запад) двигаясь с войском. . .';

jıraıaru ~ jırıaru (< *jıra*) 'слева', 'налево', 'на север(е)' — *jır(a)-ıaru jęr bajırqu jeringä tēgi sülädım* (Ktm 4) 'Налево (на север) я ходил с войском вплоть до земли Йер-Байырку';²⁰³

ınaıaru (Mč 10), *ınaru* (ДТС 219) — наречие и послелог 'за', 'туда', '(по)дальше' < **ın ~ *an* + -*ıa* + *ıaru*.

§ 255. Местный п. на -*da*, -*dä* ~ -*ta*, -*tä* (< -*d* / -*t* + -*a* / -*ä*, § 283) служит для обозначения только наречий места, времени (в ограниченном числе случаев). Глухой вариант аффикса используется, как правило, после основ на *l*, *g*, *n*.

bunta 'здесь', 'тут', 'в это время', 'тогда' — *qayan at bunta biz birtimiz* (Ktb 20) 'Титул кагана [именно] тогда мы дали [ему]';

anta 'там', 'тогда' — *jaj anta jajladım* (Mč 20) 'Лето я провел там'; *anta ajuıci jemä ben ök ęrtim* (T 40) 'Тогда советником я же был'.

§ 256. Исходный п. — на -*dın*, -*din*, -*dun*, -*dün* ~ -*tin*. . . ~ -*dan*, -*dän*, -*tan*, -*tän* (< *t* / *d* + -*n*, § 286):

öndün ~ öndän 'спереди', 'с востока' — *öndün* (так: Tekin; Малов: öndän) *qayanıaru sü jorılım temis* (T 29) 'Он сказал: «Пойдем-ка с войском на [враждебного] кагана спереди (с востока)»';

qurıdın 'сзади', 'с запада';

qantan ~ qantın (Ktb 23) 'откуда'.

²⁰¹ Ср.: Deny. Gr., § 906; Deny. Principes, § 163. — О составе *beri* см.: Севортян. ЭСТЯ, II, 124—126.

²⁰² Ср.: Deny. Gr., § 906.

²⁰³ См.: Мелиоранский. КТ, с. 86; Кляшторный, с. 35—36.

Основное значение исходного п. (исходный момент, удаление, отделение) в ТРП часто поддерживается послелогом-аффиксом *jan* ~ *jen* 'сторона', 'бок':

tabıaç biridin (Малов: *bäridän*) *jan teg qitañ öndün* (Малов: *öndän*) *jen teg...* *tir men* (Т 11—12) 'Я приказал: «Табгачи, нападайте справа (с юга), кидане, нападайте спереди (с востока)»'.

§ 257. Инструментальный п. на -*n*, -*in* -*in*, -*un*, -*ün* как наречеобразующий формант представлен ограниченным числом примеров со значением

1) наречия времени: *jaz-in* (М Ха 2) 'весною'; *jaj-in* (Мс 20) 'летом'; *küz-ün* (Мс 20) 'осенью'; *qış-in* (М Ха 2) 'зимой' — *qışın qitañ tapa sülädim* (М Ха 2) 'Зимой я выступил с войском против киданей';

2) наречия образа действия: *jadağ-in* 'пешком' (*jadağ* 'нога'); *jalıñ-in* 'нагишом' (*jalıñ* 'голый') — *jadağın jalıñın jana kelti* (Ктб 28) '[Народ] вернулся пешком и нагишом'; *qor-in* 'целиком' (*qor* 'весь', 'всё', 'все') — *oğuz qorın kelti* (Т 16) 'Огузы все, целиком пришли'.

Наречия — изолированные формы деепричастий

§ 258. Деепр. на -*a*, -*ä*: *jan-a* 'снова', 'опять' (*jan-* 'возвращаться') — *tabıaçqa jana içikdi* (Т 2) 'Он снова подчинился табгачам';

üz-ä 'сверху', 'вверху' (послелог: 'на', 'над' (§ 375) < **üz-* 'расти', 'увеличиваться'²⁰⁴ ~ *öz-* < *ör-* 'подниматься' (ДТС 368)²⁰⁵ — *üzä täñri asra jer* (М Хб 10) 'Вверху небо, внизу земля';

oza 'раньше', 'прежде' (*oz-* 'опережать') — *oza kelmış süsi* (Ктб 47) 'Их раньше пришедшее войско';

teğirä > *teğrā* 'вокруг', 'кругом' (*teğir-* ~ *tevir-* 'вращать', 'поворачивать') — *jañımız teğirä ucuq teg erti* (Т 8) 'Наши враги вокруг [нас] были словно [хищные] птицы'.

§ 259. Деепр. на -(*j*)*i*, -(*j*)*i*, -(*j*)*u*, -(*j*)*ü*:

tükät-i 'совершенно', 'целиком', 'полностью' (*tükät-* 'завершать') — *sabımın түкәти eşidgil* (Ктм 1) 'Целиком выслушайте мою речь';

jantur-u 'снова' (*jantur-* 'возвратить', 'повернуть вспять') — *janturu sağıntım* (Ктб 51 (11) 'Я снова предался печали';

başla-j-u 'во главе' (*başla-* 'возглавлять') — *başlaju qırqız qa-ğaniñ balbal tikdim* (Ктб 25) 'Во главе [вереницы могильных камней] я поставил балбал кыргызского кагана';

²⁰⁴ Gabain. Alttürk. Gr., § 290; Tekin. Grammar, p. 151 (*üz* 'upper part').

²⁰⁵ Ср.: турец. *ör* 'искусственная преграда', 'возвышенность', 'холм'; см. еще: Исхаков Ф. Г. Наблюдения по лексике в области прилагательных в тюркских языках. — В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков, с. 230—231.

bašad-u 'во главе' (bašad- 'быть во главе') — quṭ seṇṭün bašadu tört tümän sü keṭti (M Xa 8) 'Во главе с Күг-сенгюном пришло войско [в составе] четырех тюменей (= 40 000 человек)';

ud-u 'вслед', 'следом'²⁰⁶ (ud- 'следовать за кем-л.') — ben se-lāṇā keṭšā udu jorīdīm (Mč 16) 'Переправившись через [р.] Селенгу, я шел следом [за врагом]';

udiš[i]r-u 'вслед', 'один за другим' (udušīr- 'заставить идти вместе один за другим') — iki ęrig udišru sančdi (Ktb 36) 'Двух воинов, одного за другим, он заколол [копьем]';

ula-j-u 'вслед', 'следом', 'за' (ula- 'связывать', 'присоединять') — ulaju tört teḡin keṭip (Kč 24) 'Следом пришли четыре тегина';

utr-u — наречие и послелог 'напротив', 'навстречу' (utur- 'противостоять (?)'; ср.: utrun- 'противиться', 'наталкиваться на что-л.' — ДТС 618) — beṇ utru jorīd[im] (Mč 27) 'Я пошел [им] навстречу';

taq-i 'еще' (taq- 'прикреплять').

§ 260. Деепр. на -in, -in:

keḏ-in ~ keḏ-in > keṭ-in (>keṇ ~ kin) 'назад', 'сзади' (ke- + -d / -t- 'уходить'; *ke- ~ *ki-, см. § 253).

§ 261. К наречиям — изолированным глагольным формам относится также наречие üküš 'много' (< ük- 'собирать', 'накапливать' — ДТС 623):

oṭuziṭ üküš ök ölürti (T 7) 'Огузов он всех ведь уничтожил'.

К этому же разряду наречий относятся: ančīr ~ inčīr, köp, top, tolp (см. ДТС).

§ 262. Сложные наречия, образованные способом словосложения, представлены в ТРП единичными примерами:

kün ortu[sī] 'полдень', 'в полдень'; 'юг', 'в южном направлении'; tün ortu[sī] 'полночь', 'в полночь'; 'север', 'в северном направлении' — birgärü kün ortusiṇaru... jirṭaru tün ortusiṇaru... (Ktm 2) 'Справа, в сторону полуденного солнца... слева, в сторону полуночную...'.

Адвербиализация

§ 263. Адвербиализация реализуется двумя способами.

1) Лексико-синтаксический способ, при котором имена существительные (в основном п.), обозначающие отрезок времени, в определенном контексте приобретают наречное значение, сохраняя в другом контексте свое субстантивное значение (контекстуальная адвербиализация): türk bodun üçün tün uḏimadīm küntüz olurmadīm (Ktb 27) 'Ради [блага] тюркского народа я не спал по ночам, не сидел [без дела] днем'; ol oṭ tün bodunın saju i[t]-

²⁰⁶ Наречие и союз (§ 387, 4).

timiz (Г 42) 'В ту же ночь мы послали [послов] ко всем [этим] народам'.

2) Морфологический способ, при котором имя существительное (обозначающее, как правило, отрезок времени) превращается в наречие; при этом имя существительное дополняется афф. принадлежности 3 л. (-s)i: jazīna (< jaz-in-γa) (Ktb 48) 'той же весной'.

Этот способ адвербиализации широко представлен в современных тюркских языках, например в узбекском языке: *кеча-си* 'ночью'; *бир кун-и* 'однажды'.²⁰⁷

²⁰⁷ Подробнее см.: Кононов. Гр. узбекск. яз., с. 293.

X

МОРФОЛОГИЯ

§ 264. Словарный состав ТРП делится на части речи, которые представлены двумя разрядами.

Самостоятельные слова: 1) имя существительное; 2) имя прилагательное; 3) имя числительное; 4) местоимение; 5) глагол; 6) наречие; 7) звуко-образо-подражательные слова (имитативы).

Имитативы в ТРП представлены единичными примерами (что объясняется, по-видимому, жанровой спецификой текстов): *opla-* (Ktb 32, 45) 'бросаться в атаку';¹ *öbkä + -lä- ~ öpkä + -lä- ~ övkä + -lä- ~ öfkä + -lä-* (İB 90) 'сердиться' < *öpkä ~ öfkä* 'гнев' (ДТС 378) < *öf ~ ör* — имитатив, выражающий недовольство и т. п.; *mül + -gü-* (İB 93) 'мычать', 'реветь'; ср. еще *qar-* 'хватать зубами', *gür-lä-* 'греметь (о громе)' и т. п.

Служебные слова: 1) послелоги; 2) союзы; 3) частицы; 4) междометия; 5) предикативы.

Грамматические категории имени существительного: 1) категория числа; 2) категория принадлежности; 3) категория падежа; 4) категория определенности-неопределенности. Обозначение пола стоит за пределами категорий имени существительного.

Грамматические категории местоимения: 1) разряды местоимений; 2) склонение местоимений.

Грамматические категории глагола: 1) категория лица, числа; 2) категория отрицания; 3) модальность возможности-невозможности совершения действия; 4) категория наклонения и времени; 5) модальные формы глагола; 6) перифрастические формы глагола; 7) категория способа действия, формы глагола, выражающие характер протекания действия; 8) категория залога.

Имена прилагательные и числительные в тюркских языках своих особых грамматических категорий не имеют: выражаемые ими качественные и количественные понятия составляют их лексическое значение. Эти две части речи в определительной группе

¹ H a m i l t o n J. *Opla-/yopla-, uf-/yuf- et autres forme semblables en turc ancien.* — АОН, т. XXVIII/1, p. 111—117.

не согласуются со своим определяемым ни в числе, ни в падеже; грамматической категории рода в тюркских языках нет.

Грамматическая категория имен прилагательных — компаратив — выражается синтаксическим способом; диминутив — способом аффиксации (§ 102).

Наречие — часть речи, обозначающая признак действия предмета, качества, — не имеет своих особых грамматических категорий; эта часть речи в тюркских языках слабо развита, так как обстоятельственные функции выполняются именами прилагательными, числительными, деепричастными и причастными формами глагола.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Категория числа

§ 265. В ТРП имя существительное называет только предмет (лицо) как таковой, ничего не сообщая о его количественной характеристике, что предполагает два типа ее толкования.

1. Предмет предстает в виде обобщенного множества, т. е. как некая совокупность предметов данного класса в целом, не поддающаяся членению на отдельных ее представителей (собирательность):

kejik jiju tabışan jiju olurur ertimiz (Т 8) 'Мы жили [там], питаюсь оленями, питаюсь зайцами'; ...qız quduz kелürti (Т 48) '... [в качестве военной добычи] они приводили [из походов] девиц и женщин'; q[adır] jaıda jaıçı ben tezig kejikdä alp ben (Е 44, 6 — ДТС 294) 'Среди жестоких врагов я мужественный воин, среди бегущих зверей я храбрец'; buıusuz erdä ben erdim (Е 6, 3) 'Среди беспечальных мужей я был'; türkima bodunıma jegin anča qazıanu birtim (М Ха 10) 'Для моих тюрков, для моего народа я столько приобрел добра!'; bodunıma oıluma jotuzuma adırıtım (Е 43, 1—2) 'Я расстался с моим народом ~ моими народами, с моим сыном ~ с моими сынами, с моей женой ~ моими женами'.

Рассуждая строго формально, можно с равным основанием принять оба варианта перевода последнего предложения, и только общий контекст заставляет высказаться в пользу второго варианта.

Этнонимы в ТРП никогда не противопоставляются по числу; они всегда выступают в обобщенно-собирательном значении: oıuz tara sülädım (М 32) 'Я пошел войною на огузов'; tabıaçıaru bardı (М 35) 'Он пошел [войною] на табгачей'.

2. Предмет рассматривается в качестве отдельного представителя вида в целом; в этом случае название предмета (лица) уточняется особыми словами:

а) числительным bir 'один', 'некто' (неопределенный член) — bir er 'один воин', 'некий воин'; ср. iki er 'два воина';

- б) указательным местоимением — ol ęr '(э) тот воин';
 в) афф. сказуемости — ęen/meę ęr meę 'Я воин';
 г) превосходной степенью прилагательного — ęę qadір ęr 'самый суровый воин'.

§ 266. Множественность—собирательность в ТРП выражается двумя способами: морфологическим и синтаксическим.

§ 267. Морфологический способ обозначения раздельной, членимой множественности реализуется с помощью афф. -lar, -lär,² который в ТРП в подавляющем числе примеров сочетается с именами существительными — названиями лиц, как правило, «высокого» происхождения:³

beęlări bodunı tüzsiz ücün (Ktb 6) 'По причине неверности их беков и народа...'; öęim qatun ulaju öęlärим eęälärим keļinünim qunçularım ... küę boltaçı erti (Ktb 49) 'Моя мать-катун, следующие [за нею] мои [сводные] матери, мои старшие сестры (~ тетки), мои невестки, мои ханши-девицы... стали бы рабынями'; ęr küdägülärим qız keļinlärим⁴ bökmädим (E 3, 6) 'Я не наслаждался [жизнью] с моими воинами, моими зятями, с моими дочерьми, с моими женами'; ср.: quјda qunçuјm sizdä... adırıl-tim künim qadaşım jüta adırıl-tim (E 3, 1) 'Я расстался с вами, мои ханши-девицы, [живущие в ханских] покоях, увы, я расстался с [вами], моими друзьями-родственниками'.

§ 268. Кроме афф. -lar, -lär, собирательность—множественность обозначалась рядом аффиксов, давно утративших свою продуктивность и сохранившихся в составе отдельных слов и форм.⁵

1) -z обнаруживается в составе

а) личных местоимений ~ личных аффиксов: bi-z, -m°z, -b°z 'мы'; -g°z, -ę°z, -ę°z, si-z 'вы'; афф. принадлежности: -m°z, -ę°z;

б) этнонимов: oę-uz 'огузы'⁶ (oę < oq (~ uq) 'родовое подразделение'; ср. on oq bodun 'народ десяти родовых подразделений'; ср. еще: oqsız kök türk (Ktb 3) 'восточные турки, лишённые внутриродовой организации'; qırq-ız (Ktb 4) 'кыркызы' (< qırq 'сорок'⁷); iki-z (E 29, 2) 'двойня', 'близнецы'.

2) -s (общеалтайский афф. собирательности—множественности), -ş — глухая (свистящая и шипящая) разновидность звонкого афф. -z — предположительно обнаруживается в составе

² О составе и происхождении этого аффикса см.: Кононов. Показатели.

³ Исключения крайне редки: tonlarım (E 41, 2) 'мои лагеря'.

⁴ Не исключено, что ęr и qız в данном случае являются определениями к следующим за ними именам существительным.

⁵ Подробнее о всех указанных ниже аффиксах см.: Кононов. Показатели, с. 5—26; Щербак. Очерки, с. 82—95.

⁶ Кононов А. Н. Родословная туркмен. М.—Л., 1958, с. 82, прим. 31; Golden P. B. The migration of the oęuz. — Archivum Ottomanicum, IV. The Naage, 1972; ср.: Hamilton J. Toęuz-oęuz et on-uyur. — JA, t. 250, 1962, p. 23—25 (по мнению автора этой статьи, oęuz < oęuş, что принять невозможно).

⁷ См.: Кононов А. Н. Родословная туркмен, с. 82, прим. 31; литературу об этимологии этого этнонима см.: Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 19.

а) афф. принадлежности 3 л.: -sī, -si (< *s + i);

б) этнонимов: tölis (Mč 19), tardus(š) (Kč 14; Mč 19), tür-gäs(š) ~ türgis(š) (M 27; T 21) (этноним türgäs(š) ~ türgis(š), по гипотезе О. Прицака, связан с термином türk: «Da im Namen Türk (Tür-k < Tür + kü + t) -k ein Kollektiv—Suff. ist, wird wohl auch -giš (< -gi + š) ein Suffix sein»;⁸ türgäs(š) ~ türgis(š), по-моему, < türk + -s(š) — показатель собирательности—совместности;⁹ -giš — афф. диминутива?!);

в) в отдельных словах: oγuš 'клан', 'род', 'племя' (< oγ 'родовое подразделение', см. выше);¹⁰ ödüs (M X II) 'время', 'сутки' (< öd 'время').

Слово-титул isbara (< санскр. isvara) в форме isbaraš (мн. ч. на -š)¹¹ встречается в следующем предложении: isbaraš tarqat (монгольское или согдийское мн. ч. от tarqan) anda ančulad[im] (Mč 26) 'Я пожаловал тогда [народу чиков] ышбаров и тарханов'.

Этот аффикс (в шипящей разновидности), по всей вероятности, генетически связан со взаимно-совместным залогом.

3) -n, -in, -un (< монг.; ср. тунгус. -na): bod-un¹² 'племена', 'народ' (bod ~ bođ ~ boj 'племя') — türk sir bodun jerintä (T 60) 'на земле народа тюрков-сиров'.

При числительных этот аффикс имеет собирательное значение: eki-n 'двое', 'оба' — ekin ara kisi oγlı qılınmis (Ktb 1) 'Между ними обоими (т. е. между небом и землею) были сотворены сыны человеческие' (см. еще § 177, 2).

4) -an, -än (< иран.): eγ-än 'муж ~ мужи'; oγl-an 'сын ~ сыновья'.¹³ В ТРП (как и в современных тюркских языках) эти слова воспринимались как обычная словоформа, нейтральная в от-

⁸ Pritsak O. Stammesnamen und Titulaturen der Altaischen Völker. — UAJ, 1952, 24. Bd, N 1—2, S. 76; ср.: Bazin. Les calendriers, p. 108.

⁹ Кононов. Показатели, с. 6—7.

¹⁰ Ср.: Hamilton J. Toquz-ozuz et on-uyur, p. 24—25: «Oγuš 'clan', dont la lecture en -š est maintenant assurée, notamment par Kāšgari, est selon toute apparence dérivé au moyen du suffixe formant des substantifs -š, d'une racine *oγ- ou *oγu- ('procréer'), laquelle aurait aussi donné oγul 'descendant', à l'aide du suffixe -l». С глагольным происхождением слова oγuš невозможно согласиться; о слове oγul см.: Кононов А. Н. К этимологии слова oγul 'сын'. — В кн.: Филология и история монгольских народов. М., 1958, с. 175—176.

¹¹ См.: Clark L. V. Mongol Elements in Old Turkic? — JSFOu, 1977, 75, p. 118.

¹² По Прицаку (Das Alttürkische, S. 39), budan; по Дёрфферу (II, S. 485), bodān; по Рамстеду, budun < *bud-, kop. mod- 'sammeln', modun 'gesammelt' (Ramstedt G. J. Alte türkische und mongolische Titel. — JSFOu, 1951, 55, S. 79); Ramstedt. SKE, 11: bud- 'to collect'; ср. еще: bodu- ~ bodi- 'прикреплять', 'прилеплять' (ДТС 107). Чтение bodun вместо budun впервые предложил, кажется, Л. Базен (Bazin L. L'inscription d'Uyug — Tarliq (Jénissè). — Acta Orientalia, 1955, v. 22, Leyden, p. 2), аргументируя свое предположение несомненной связью bodun со словом bod 'племя'; ср.: Thomsen. Turcica, p. 90. Ср. еще: «The Turkish word for 'clan' was bo : d and for a 'tribe' bodun, an archaic plural of bo : d» (Clayson G. Turkish and Mongolian Studies. London, 1962, p. 11).

¹³ Кононов. Показатели, с. 15—16.

ношении грамматического числа: *sabimîn tükäti eşidgil ulaju ini jегünim oylanım* (Ktm 1) 'Слушайте полностью мою речь, идущие [за мною] мои младшие родичи, мои сыновья(-потомки)'; *jüz eğan* (E 10, 2) 'сто воинов'.

5) -^ot (< согдийского или, что менее вероятно, из монгольских языков¹⁴ или из тунгусского афф. -ta) зарегистрирован в ТРП в ограниченном числе случаев. *oyl-ıt* 'потомки': *oyliti qaγan bolmıs erinč* (Tekin, KtE 5; ср.: Малов. Ktb 5) 'Его потомки стали, как передают, каганами'; *tarqa-t* (ед. ч. *tarkan*) 'тарханы' (см. еще: Малов ПДТП, с. 50—51).

6) -γun, -gün (< -^oγ + ^on):¹⁵ *keliñünim* (Ktb 49) < *kəlin* + -gün + -im 'мои невестки', 'мои жены'; ср.: числительные собирательные: *üč-ä-gün* 'трое' (§ 177, 1).

7) -γıl, -gil (< -γ/-g + -l) с известной долей вероятности в составе этнонимов *iz-gil*, *či-gil* и некоторых других может быть отнесен к показателям собирательности—множественности.

§ 269. Синтаксический способ обозначения собирательности—множественности реализуется

1) сочетанием числительного количественного или неопределенного ('много' и т. п.), а также обобщающего местоимения ('всякий', 'любой') с именем существительным: *toquz er ölürtim* (E 44, 3) 'Я убил девять воинов'; *mən toγuz jегirmi jıl şad olurtım* (M Ха 9) 'Девятнадцать лет я сидел шадом'; *altı bin jontım* (E 3, 5) 'мои шесть тысяч коней'; *üküş er* (E 3, 6) 'много воинов'; *qor jaγı ermis* (Ktb 14) 'Много врагов [у них] было';

2) повторением существительных: *eğüm apam* (Ktb 1) 'мои предки'; *eγ barq* (M 32) 'жилище-постройки'; *eγ tavar* (ДТС 162) 'вещи-имущество'.

§ 270. Существительное, определяемое числительным, принимает афф. -lar, -lär, если оно обозначает совокупность выделяемых из общего числа предметов или выражает приблизительное исчисление предметов: *tört bin atlarım jılqım* (E 46, 3) 'приблизительно четыре тысячи моих коней-лошадей'; *qırq jıl(a)r el tutuq(?) bodunım başladım* (E 45, 4) 'Примерно сорок лет я, как эль-ту-тук, управлял моим народом'.

Категория принадлежности

§ 271. Категория принадлежности — грамматическая категория, устанавливающая отношение принадлежности между лицом обладателя и предметом обладания.

Отношение принадлежности выражается тремя способами:

- 1) морфологическим, т. е. с помощью афф. принадлежности;
- 2) морфолого-синтаксическим, т. е. с помощью формы родительного п. личных местоимений, слов *kentü*, *öz* и афф. принадлежности;

¹⁴ Ср.: Doerfer, IV, S. 553.

¹⁵ Кононов. Показатели, с. 21—24.

3) синтаксическим, т. е. с помощью одних личных местоимений в форме родительного п.

§ 272. Морфологический способ реализуется через присоединение афф. принадлежности к названию предмета обладания.

Аффиксы принадлежности

Ед. ч.	Мн. ч.
1. - ^o m	- ^o miz, - ^o miz
2. - ^o η/- ^o γ, - ^o g	- ^o ηiz, - ^o ηiz
3. -ī, -i, -sī, -si. ¹⁶	

Примеры: eš-im qadaš-im (E 18, 4) 'мои товарищи, мои родственники'; eḡgü-g (Ktb 24) 'твое добро'; neḡ buḡ-uḡ joḡ (Ktm 8) 'Нет у тебя никаких тягот'; eḡ-in in törü-ḡ-in kem artatı (Ktb 22) 'Кто [мог] погубить твой эль, твоё тёрю?'; il-iniz (E 26, 4) 'ваш эль'; sab-ī (T 33) 'его слово'.

Для усиления значения принадлежности перед словом с афф. принадлежности ставятся слова *kentü*,¹⁷ *öz* (§ 300) 'свой', 'собственный': *kentü bodunim* (Mč 14) 'мой собственный народ'.

§ 273. Морфолого-синтаксический способ выражения принадлежности: *t[oquz oḡu]z menin bodunim erti* (M 29) 'Токуз-огузы были моим народом'; *menin sabim-in simadi* (Ktb 11) 'Они [резчики] мою речь не исказили'; *özim(özüm) az jirim*¹⁸ (T 24) 'моя азская земля'.

§ 274. Синтаксический способ выражения принадлежности: *si-zin er at* (E 26, 13) 'ваше геройское имя'; *bizin sü atı* (Ktb 39) 'кони нашего войска'; *jelmäsin menin er anta basmıs* (Mč 24) 'Тогда/там мои воины напали на его летучие отряды'.

Категория падежа

§ 275. Падеж — форма имени, местоимения или любой субстантивированной части речи, возникающая в зависимости от отношения этих слов к другим словам в предложении.

В ТРП представлены следующие падежи:

¹⁶ Предположения о составе и происхождении этих аффиксов см.: Кононов. Гр. узбекск. яз., § 89; А к б а е в Ш. Х. К вопросу о происхождении посессивных аффиксов в тюркских языках. — В кн.: Тюркологические исследования. М., 1976, с. 3—11. — О происхождении афф. -i/-si см.: R ä s ä n e n M. Beiträge zur Frage der türkischen Vokalharmonie. — JSFOu, 1932, 45, S. 1—10.

¹⁷ О составе этого слова см.: Кононов. Гр. турецк. яз., § 315; И с л а м о в М. И. О местоимении *кэнди/кенди* и его этимологии. — Изв. АН АзССР. Сер. лит.-ры, языка, искусства, 1971, № 2, с. 24—30 (на азерб. яз.); И л л и ч - С в и т ы ч В. М. Опыт сравнения постративических языков, I. М., 1971, § 79 (с. 226—227).

¹⁸ См.: Giraud. L'inscription, p. 93.

1. Основной	—	—
2. Винительный	-iγ, -ig, -uγ, -üg -in, -in; -nī, -ni	-γ, -g; -n ¹⁹ -nī, -ni (Tekin, 130)
3. Дательный-мест- ный	-qa, -kā; -a, -ä ¹⁹	-qa, -kā
4. Местный-исход- ный	-ta, -tä; -da, -dä ²⁰	-da, -dä
5. Исходный	-tan, -tän; -dīn, -din	-dīn, -din
6. Инструменталь- ный	-in, -in	-n
7. Родительный	-iŋ/-iγ, -iŋ/-ig	-nīŋ, -niŋ
8. Направительный	-rī, -rī, -ru, -rū	
9. Местный-напра- вительный	-ra, -rā	
10. Дательный-напра- вительный	-γaru, -gārū; -γar, -gār	
11. Дательный-пре- дельный	-ja, -jä	

К числу падежных форм нередко причисляют также форму на -ča, -čä (экватив, квантитатив),²¹ которая образует наречия (обстоятельственные слова) со значением одинаковой меры, степени качества (§ 246) или приблизительного исчисления предметов (§ 175), что не дает оснований для причисления ее к показателям падежа.²²

§ 276. Основной падеж, имеющий нулевой показатель, синтаксически используется как форма подлежащего, дополнения (прямого и косвенного), определения, обстоятельства, присвязочной части именного сказуемого, т. е. функционально соответствует всем прочим падежам: родительному, винительному, реже датель-

¹⁹ После основ с афф. принадлежности.

²⁰ После основ на i, n, r.

²¹ Radloff. ATIM, NF, S. 65.

²² Основную литературу о происхождении падежных аффиксов см.: Кононов. 1) Гр. турецк. яз., § 127; 2) Гр. узбекск. яз., § 94; Дульзон А. П. Происхождение падежных аффиксов алтайских языков. — ВЯ, 1973, № 1, с. 56—63; К и е к б а е в Дж. О происхождении некоторых падежных форм в урало-алтайских языках в свете теории определенности и неопределенности. — Учен. зап. Тартуского ГУ. Труды по востоковедению, I, 1968, с. 94—112; Б л а г о в а Г. Ф. 1) Тенденции к усложнению тюркского падежного склонения. (Опыт сравнительно-типологического изучения). — ВЯ, 1970, № 1, с. 66—81; 2) О типах и структурных разновидностях падежного склонения в тюркских языках. — ВЯ, 1975, № 1, с. 65—80; И с л я м о в А. Употребление падежей в языке древнетюркских памятников. — Учен. зап. Семипалатинского пед. ин-та им. Н. К. Крупской, 1957, вып. II, с. 240—297; П с я н ч и н В. Ш. История развития форм грамматических категорий именных частей речи башкирского и татарского языков. — В кн.: Вопросы башкирского языкознания. Уфа, 1975, с. 5—42; Р о р р е N. On some Altaic case forms. — САУ, 1977, vol. 21/1, p. 55—74; Grönbech, S. 84—108, 149—171.

ному, местному, исходному. Приведем примеры на каждую из этих функций.

1. Подлежащее:

ben anča tir mən (Т 37) 'Я так говорю'; kü! tigin kargäk bolti (Ktb 50 (10)) 'Кюль-тегин скончался'; qaḡanı alp ərmiş, ajučisi bilgä ərmiş (Т 29) 'Каган у них храбрый, советники у него мудрые, так рассказывают'.

2. Присвяточная часть именного сказуемого при глаголах ег- 'быть', bol- 'стать', olur- 'сидеть', 'стать':

čik bodun qırqız birlä jaḡı boltı (М 26) 'Народ чиков вместе с кыргызами стал [мне] врагами'; biz šeg ertimiz (Т 8) 'Мы были [для них] падалью'; qaḡım türk bilgä qaḡan olurtuḡınta (М Ха 13) 'Когда мой отец стал (сел) тюркским правящим каганом'; toquz jeginmi jil šad olurtım (М Ха 9) 'Девятнадцать лет я был (сидел) шадом'; ben täḡri²³ elimkä elčisi ertim altı baḡ bodunqa beḡ ertim (Е 1, 2) 'Я был его правителем в моем [данном] небе эле, я был беком у шестипородового народа'.

3. Прямое дополнение (ср.: винительный п., § 277)²⁴ в тех случаях, когда

а) объект, на который распространяется действие переходного глагола, не выделен из однородных ему предметов или упоминается впервые:

sariḡ altun ürün kümüş qız qudız (qoduz) eḡri teḡä²⁵ aḡı bun-sız keḡürti (Т 48) 'Он [народ] доставлял без труда желтое золото, белое серебро, девиц и женщин, одnogорбых верблюдов и [другие] ценные вещи'; keḡik jiju tabısḡan jiju olurur ertimiz (Т 8) 'Мы жили [там], питаюсь оленями, питаюсь зайцами'; üč otuz ba-lıq sidi (Т 19) 'Они разрушили двадцать три города';

б) объект, содержание которого включено в содержание глагола, образует с ним единое лексическое целое (ср. русск. *думать*): sünüş sünüş- 'сражаться', 'давать сражение' — aḡuda iki uluḡ sünüş sünüşdim (М 34) 'При Агу я дал два больших сражения'; el ~ il²⁶ tut- 'править элем' — qırq jil el tutdım bodun baš-

²³ Täḡri «обозначает небо в материальном смысле и небо как божество» (Бартольд. Соч., т. V, 1968, с. 26); см.: П о т а п о в Л. П. Древнетюркские черты почитания неба у саяно-алтайских народов. — В кн.: Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978, с. 50—64.

²⁴ См.: К о н д р а т ь е в В. Г. Конструкция изафета и прямое дополнение в языке памятников тюркской рунической письменности. — Учен. зап. ЛГУ. Сер. филолог. наук, 1962, вып. 16, с. 68—79.

²⁵ См.: ДТС 166; Giraud. L'inscription, p. 64, 112—13; Tekin. Grammar, p. 252, 289.

²⁶ «äl — эта группа кочевых племен, сплоченных в одно политическое целое» (Сборник трудов Орхонской экспедиции, IV. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. СПб., 1897, с. 16); см. еще: Р а д л о в В. В. К вопросу об уйгурах. — Зап. АН, 1893, т. 72, прилож. № 2, с. 65—75; Кляшторный, с. 23; М о г и М. On «il ~ el» in Jenisei Turkic. — Memoires of the Research Department of the Toyo Bunko, 1967, 20, Tokyo, p. 111—148; Севортян. ЭСТЯ, I, 339—343; Р о у х J.-P. L'el des Kirghiz et des turcophones de l'actuel Tuva. — RO, 1979, t. 41/1, p. 95—98.

ladīm (E 45, 4) 'Сорок лет я правил элем, возглавлял народ'; anī ücün ɛlig anča tutmīš ɛrinč (Ktb 3) 'Поэтому они, должно быть, так [долго] правили элем' (при дистантном расположении прямого дополнения, как в последнем примере, оно получает оформление винительным п., хотя это правило далеко не всегда строго выдерживается);

в) объекты выступают при переходном глаголе со значением 'кого, что — кем, чем делать, считать, назначать и т. п.', он управляет одновременно винительным (кого?) и основным (кем? чем?) падежами, прямое дополнение в основном п. (соответствующее русскому творительному п.) ставится непосредственно перед сказуемым: qırqız qağanı balbal tikdim (Ktb 25) '[Изображение] кыргызского кагана я поставил балбалом [перед погребением моего дяди-кагана]';

То же при глаголах движения, которые управляют основным, винительным, местным-исходным п.: түпүт qanqa jalabač bardım (E 29, 8) 'Я ходил послом к тибетскому хану'.

4. Определение в конструкции изафета I и II:

türk bodun (T 1) 'тюркский народ'; ɛr at (Ktb 31) 'геройское имя'; turgis qağan süsi (Ktb 37) 'войско тюркешского кагана' (подробнее см. § 399—406).

5. обстоятельство времени, указывающее на момент совершения действия (когда?) и на количество времени (сколько времени?):

tün udimadım (Ktb 27) 'Ночью ~ ночами я не спал'; sekiz jetmiş jašım öltim (E 41, 9) 'Я умер шестидесяти восемью лет'; ɛlig jıl isig küñig birmis (Ktb 48) 'Пятьдесят лет они отдавали [ему свои] труд и силу'. Ср. дательный и местный-исходный п.

6. обстоятельственное дополнение места, — в этом случае основной п. является формой прямого объекта при глаголах проживания, обитания и движения, в значении которых не содержится указания на направление движения (от говорящего, к говорящему):

ötükän jir olurup (Ktb 8) 'Обитая / живя в Отыкенской земле...'; türk qağan ötükän jış olursar (Ktb 3) 'Когда тюркский каган обитает в Отыкенской черни...'; maγī (amγī) qurγan qışlap (Ktb 48) 'Перезимовав в крепости Магы (Амгы)...'; qara qum ašmīs (Mč 8) 'Перешли Кара-кумы'; kögmän aša (Ktb 17) 'Перевалив Көгмен'; tün jazı qonajın (Ktm 7) 'Я поселюсь на Тюнской равнине'; ср. винительный-пространственный п. (§ 277, 2) — beñ özim ... ötükän jerig qonmīs... (T 7) 'Я сам поселился в Отыкенской земле'; ср. местный-пространственный п. (§ 285, 2) — altun jışda olurtımız (T 32) 'Мы жили в Алтунской черни'; boluçuda süñüşdimiz (M 28) 'Мы сразились на [р.] Болучу'.

§ 277. Винительный падеж — с афф. $^{-\circ}\gamma$, $^{-\circ}g$, очень редко $-nī$, $-nī$; после основ с афф. принадлежности — $^{-\circ}n$; все три варианта этого аффикса восходят к афф. $-nī\gamma$, $-nig$ < $-n$ — афф. принадлежности («местоименный» афф. $-n$) + $^{-\circ}\gamma$, $^{-\circ}g$ — афф. винительного п. (общий для тюркских и монгольских языков).

Винительный п. оформляет прямое дополнение, как правило, в следующих случаях.

1. Объект индивидуализируется, выделяется из массы однородных предметов:

az eltebäriḡ tutdı (Ktb 43) 'Он захватил эльтебера азов'; kültigin ögsiz aqın binip toquz erin sančdı orduḡ birmädi (Ktb 48—49) 'Кюль-тегин, сев на белого [коня] Огсиз'а,²⁷ заколол девять воинов, [но] ставки [своей] не отдал' (строкой выше речь идет о нападении огузов на его ставку); см. еще ниже п. 3.

2. Объект — имя существительное — составной топоним, с которым связано совершение действия; винительный пространственный п. при переходных глаголах; ср. основной п. в пространственном значении (§ 276):

ertis ügüzig kečä keltimiz (T 37—38) 'Мы пришли, перейдя реку Иртыш'; altun jisiḡ aša keltimiz (T 37) 'Мы пришли, перейдя через Алтунскую чернь'; čuaj (čuaj) quzın qara qumıḡ olurur ertimiz (T 7) 'Мы [тогда] обитали в Чогай-кузы и в Каракумах';²⁸ ötükän (j)irin qışladım (Orkun, I, 170) 'Я зимовал в Отюкенской земле'; anı subıḡ baralıḡ (T 27) 'Да отправимся мы по реке Аны!'.²⁹

3. Объект — имя существительное собственное (при переходных глаголах):

kültiginig az erin irtürü itimiz (Ktb 40) 'Кюль-тегина мы отослали с малым числом воинов'.

Имена-клички или масти коней (обычно субстантивированные имена прилагательные), на которых сражался Кюль-тегин, в позиции прямого дополнения, как правило, стоят в форме винительного п.: Ktb 33, 42, 45, 48.

4. Объект — этноним:

qırqızıḡ uqa basdıḡ (T 27) 'Кыркызов мы разгромили во сне (т. е. когда они спали)'; qarluqıḡ ölürtimiz (Ktb 42) 'Мы уничтожили карлуков'; berijä tabıaçıḡ öñrä qıtaııḡ jıraja oquziḡ üktis ök ölürti (T 7) 'На юге табачей, на востоке киданей, на севере огузов — всех ведь они уничтожили'.

5. Объект снабжен афф. принадлежности или представлен изафетом II, III:

²⁷ По мнению И. А. Ключкина (Новые данные о племени тардушей и толисов. — Вест. Дальневосточного отд. АН СССР, 1932, № 1—2, с. 93), здесь имеются в виду не кони, а «собственные имена отдельных лиц, вернее — звания вождей тех родов, которые были врагами Кюль-тегина, или, наконец, прозвание самих родов и поколений». Ср.: Сафероглу А. Türk onomastiginde «At» kültü. — ТМ, 1951—1953, с. X, s. 204—205; Alto P. Zu den Pferdnamen der Orchon-Inschriften. — FUF, 1946, 29. Bd/1—3. S. 127—133.

²⁸ Ср.: Giraud. L'inscription, p. 60, 74—77; Czeglédy K. Čuaj-quzi, Qara-qum, Kök-öng. — АОН, 1962, т. XV/1—2, p. 55—69.

²⁹ «В современной топонимике Саянских гор сохранилось наименование р. Аны» (Потанов Л. П. Новые материалы о древних этногенетических связях народностей Саяно-Алтайского нагорья. М., 1960, с. 8); Кляшторный, с. 139; ср.: Giraud. L'inscription, p. 93—94.

qayanın tutdımız (T 41) 'Мы захватили их кагана'; tañut bodunıy buzdım, oylın jotuzın jılqısın barımın anta altım (M 24) 'Народ тангутов я разбил, их юношей и их девиц, их скот и их имущество я тогда захватил'; qayanının sabın almatın (Ktm 9) 'Не вняв словам своего [твоего] кагана...'; aylın qazantım (O 4) 'Я приобрел твое добро' (ср.: Tekin. Grammar, p. 256).

6. Объект определен указательным местоимением:

bu süg elt (T 32) 'Веди это войско!'; ol süg anta joq qışdım (M 25) 'То войско я там уничтожил'.

7. Объект выражен местоимением:

bunı eşidin (Ktm 10) 'Слушайте это!'; anı joqlatajın (T 31) 'Я хочу справить тризну по ней'.

При некоторых глаголах (напр., көр- 'видеть') объект может иметь форму винительного или дательного п.: bunı көрү билін (Ktm 12; M Xb 15) 'Смотря на него (на памятник), поучайтесь'; ср.: añar көрү билін (Ktm 11).

8. Объект определен локативным прилагательным (афф. -daqı, -däki):

tört bulundaqı bodunıy qor almıs (Ktb 2) 'Находящиеся по четырем сторонам [света] народы, всех они захватили'.

9. Объект обозначен субстантивированной частью речи:

illigig ilsiratmıs qayanlıy qayansiratmıs jaıy baz qılmıs tizligig sökürmıs başlıy jüküntürmıs (Ktb 15) 'Имеющих эли он лишил элей, имеющих каганов он лишил каганов, врагов принудил к миру, имеющих колени он заставил преклонить колени, имеющих головы он заставил склонить [головы]'.

10. Объект снабжен афф. винительного п. в целях защиты смысла:

tiliy keltirti sabı antay (T 36) 'Привели «языка», речь его такова...'; bir erig oqın urtı eki erig udişru sančdı (Ktb 36) 'Одного воина он поразил стрелой, двух воинов, одного за другим, заколол [копьем]'. Прямые дополнения bir erig, eki erig без показателя винительного п. приобрели бы в этом примере функции подлежащего.

§ 278. Дательный-местный падеж после согласных и гласных основ имеет -qa, -kä (<-q/-k + -a/-ä — два аффикса дательного-направительного п.);³⁰ звонкая разновидность -ya используется (крайне редко!) в енисейских надписях; -ya, -gä обнаруживается в составе сложного афф. дательного-направительного п. -yagu, -gärü (§ 290); после основ с афф. принадлежности 1 и 2 л. используется -a, -ä, с которым в енисейских памятниках чередуется -qa, -ya, -kä/-gä; после основ с афф. принадлежности 3 л., имеющим в косвенных падежах форму -°n/-s°n, возникает -ıja, -ıjā: jazıja

³⁰ Ср.: «Ich glaube, dass die Endung "-ja", aus dem Substantivum jak 'Seite' entstanden ist, denn es ist nicht anzunehmen, dass in so früher Zeit eine Schwächung des Dativ-Affixes -ka, -kä in -ja, -jä möglich war» (Radloff. ATIM, NF, S. 85).

‘[той же] весною’, *ilijä* ‘в его эль’ / ‘в его эле’, т. е. совпадает по форме с 2 л. ед. ч. ‘в твой эль’ / ‘в твоём эле’.

В енисейских памятниках, как сказано выше, показатель дательного-местного п. после основ с афф. принадлежности имеет две формы — -а, -ä ~ -қа, -kä, — что объясняется недостаточно строгим нормированием языка эпитафий, в отличие от орхонских — «царских» — надписей, язык которых представляет собою великолепно обработанный письменно-литературный язык.

°m + -қа (~ -γα): *jašimqa* (E 3, 4; E 5, 2), *jašimqa* (E 45, 2, 5), *qunčujimqa* (E 6, 4; E 8, 2), *jerimkā* (E 3, 4), *oylimqa* (E 7, 4; E 14, 2), *elimkā* ~ *ilimkā* (E 8, 1; E 16, 3; E 27, 5; E 28, 7), *belimkā* (E 10, 5), *erimkā* (E 14, 3), *begimkā* (E 16, 2; E 17, 3; E 19, 4; E 22, 2), *qadašimqa* (E 17, 3; E 21, 1; E 22, 2; E 23, 4), *ičimkā* (E 23, 4), *bodunimqa* (E 27, 7) и др.;

°m + -а, -ä: *oylimā* (E 11, 2), *subimā* (E 11, 4), *bodunimā* (E 11, 5; E 19, 2), *künimā* (E 11, 5), *qadašimā* (E 11, 5; E 29, 5; E 49, 1), *qadašarimā* (E 16, 2), *ečimā* (E 32, 1), *ičimā* (E 32, 16), *elimā* (11, 6), *qanimā* (E 11, 6), *kišimā* (E 18, 3), *ikizimā* (E 29, 2) и др. — *elimā qunčujimā oylanimā bodunimā sizimā*³¹ *altmīš jašimda* [*adīrlitīm*] (E 1, 1) ‘Со [всеми] вами, [т. е.] с моим элем, с моими ханшами-девицами, с моими сыновьями, с моим народом я расстался в возрасте шестидесяти лет’; ср. там же: *bən tāngri elimkā ełčisi ertim* (E 1, 2) ‘Я был его правителем в моем [данном] Небом эле’.

Основы с афф. принадлежности 2 л. ед. ч.: *ebijä* (M Xb 14) < *eb* + -ij + -(g)ä ‘в твоё жилище’; *qağanija* (Ktb 23) < *qağan* + -ij + -(γ)a ‘(к) твоёму кагану’.

§ 279. При однородных членах предложения общий морфологический показатель (в данном случае афф. дательного п.) может быть «вынесен за скобки», т. е. присоединяется к последнему из повторяющихся членов предложения:

... *bodunim ič oylimā bōkmādim* (E 32, 6) ‘Я не наслаждался [жизнью] с моим народом, с моими тремя сыновьями’; *soɣdaq tab-γačqa sēlānādā baj balıq japiti berdim* (Mč 44) ‘Я отдал приказ согдакам и табгачам построить на [берегу] Селенги [город] Бай-балык’; ср. еще: *qujda qunčujimā sizim* (= *sizimā*) *oylimqa bōkmādim* (E 14, 2) ‘Я не наслаждался [жизнью] с моими ханшами-девицами, что [живут] в ханских покоях, со [всеми] вами [и] с моими сыновьями’.

§ 280. Некоторые глаголы имеют параллельное управление: дательный п. ~ основной п. — ... *qanim elimkā tapdim bilgā ögüm tapdim*, *qadašim tapdim* (E 13, 2) ‘Я [преданно] служил моему хану, моему элю, я служил моему правителю-оге, я служил моим родичам’.

§ 281. Дательный-местный падеж является формой косвенного дополнения и обстоятельственного дополнения цели (направленность > цель), причины, места, времени.

³¹ См.: Малов. ЕПТ, с. 13.

Дательный-местный п. выражает объект, который имеет следующие значения.

1. Направленность, назначение действия (в прямом и переносном значении):

er abqa barmis (İb 17) 'Муж пошел на охоту'; baliq[qa] barmadi (Ktb 48) 'На город он не пошел'; anta ötrü qağanıma ötüntüm (T 12) 'После этого я обратился с просьбой к моему кагану'; ne qağanqa isig küçig birür men tir ermis (Ktb 9) '«Какому кагану я отдаю [свои] труд и силу?» — сказал, говорят, он'; tabıaç qağanqa jaıı bolmıs (Ktb 9) 'Он стал врагом табгачскому кагану'.

Семантика направленности действия на объект имеет чрезвычайно большой набор вариантов, определяемый семантикой глагола: türk bodun tabıaçqa körür erti (T 1) 'Тюркский народ подчинился табгачам'; tabıaçqa jana içikdi (T 2) 'Он снова вошел [в подчинение] табгачам'. Направленность действия в зависимости от семантики управляющего слова может реализоваться как действие, направленное против объекта:

iltëris qağan ... tabıaçqa jeıi jegirmi süñüşdi qıtañqa jeıi süñüşdi oğuzqa bes süñüşdi (T 48—49) 'Эльтеригш-каган ... семнадцать раз ходил войною на (против) табгачей, семь раз ходил войною на (против) киданей, пять раз ходил войною на (против) огузов'.

2. Направленность действия, связанная с непосредственным достижением объекта:

ëki oğlıma jabıu şad at birtim (Më 19) 'Двум моим сыновьям я дал звание ябгу и шада'; küm soruım kün toqsuq(q)a batsıq(q)a tegdi (E 47, 4—5) 'Моя слава, [добрая] молва обо мне достигла до восхода и до захода солнца'; boluçuqa tañ üntürü (ön-türtü) tegdimiz (T 35) 'На рассвете мы достигли [р.] Болучу'; jüziñä başıñ bir t[egürmädi] (Ktb 33) 'В лицо ему, в голову ему ни разу [стрела] не попала'.

Непосредственное достижение объекта ('вплоть до...') нередко подкрепляется сочетанием дательного п. с послелогом tegi (§ 379): temir qarıqqa tegi sülädim (Ktm 4) 'Я водил войско вплоть до Темир-капыга'.

3. Цель, причина, непосредственно вытекающие из основной функции этого падежа — направленности действия в целях приближения к объекту или достижения объекта, а также действие, осуществляемое в пользу другого лица или для другого лица:

nekä tezär biz üküs tijin nekä qorqur biz az tijin ... tidim (T 38—39) '«Чего ради бежать нам, дескать [их] много, чего ради нам бояться [их], дескать [нас] мало», ... сказал я'; kemkä ilig qazıanur men tir ermis (Ktb 9) '«Кому/для кого я добываю эль?» — сказал, говорят, он'; türk bilgä qağan ilinä bititdim ben bilgä toñuquq (T 58) 'Я, правитель Тоньюкук, приказал написать [эту надпись] для эля тюркского правящего кагана'; türkimä bodunıma jegin ança qazıanu birtim (M Xa 10) 'Для моих тюрков, для моего народа я приобрел добра так [много]!'.

4. Место протекания действия (где? — ср. местный-исходный п.):
bilgä toñuquq bən özüñ tabıaç ilinä qılınım (Т 1) 'Я, сам
правитель Тоньюкук, родился в табгачском эле' (см. § 319, 5);
neñ jerdäki qağanlıq bodunqa büntügi bar ęrsar ... (Т 56—57)
'Если бы в какой-либо земле у народа, имеющего кагана, оказался
[какой-нибудь] бездельник...'

5. Время протекания действия (когда? сколько? — ср. местный-
исходный п.):

kül tigin qoñ jılqa jiti jęgirmikä uędi toqızınč aj jiti otuzqa joq
ęrtürtimiz (Ktb 53(13)) 'Кюль-тегин умер ([душа его] отлетела)
в год овцы, семнадцатого дня; в девятый месяц в двадцать седь-
мой день мы устроили тризну' (Кюль-тегин умер 27 февраля 731 г.,
тризна состоялась 1 ноября 731 г. — Bazin. Les calendriers, p. 244);
bu ödka olurtım (Ktm 1) 'В это время я сел [на ханство]'; bir
jılqa biş joli süñşdimiz (Ktb 44(4)) 'В течение одного года мы
сражались пять раз'; jiti ödüškä subsız keçdim (М X II) 'В тече-
ние семи суток я совершил переход по безводной [пустыне?]' ;³²
kül tigin [altı otuz] jaşıña qırqız tapa sülädimiz (Ktb 34—35)
'Когда Кюль-тегину было [двадцать шесть] лет, мы пошли войною
на кыркызов'; ср.: beş jaşımta qansız qalıp toquz jęgirmi jaşımq
ögsüz boltım (Е 45, 2—3) 'Когда мне было пять лет, я остался
без отца, в девятнадцать лет я лишился матери'; üç jętmis jaşımq
adırlıtım ęgük qatun jęrimkä adırlıtım (Е 3, 4) 'Когда мне было
шестьдесят три года, я расстался [с этим миром], я расстался
с моей землей «Эгюк-катун»'.³³

В последнем примере дательный-местный п. выступает в двух
функциях: обстоятельственное дополнение времени ('когда мне было
шестьдесят три года') и косвенное дополнение—объект ('расстался
с моей землей').

Глаголы adırl-, olur-, bök- управляют тремя падежами — да-
тельным-местным, местным-исходным, основным: qadaşım adırlıdım
... qunčuım adrıldım, şekiz oylım adırlıdım (Е 13, 1) 'Я расстался
с моими товарищами... я расстался с моими ханшами-девицами,
я расстался с моими сыновьями'; ęrimkä adırlıdım (Е 14, 3) 'Я
расстался с моими воинами' (подробнее см. в разделе «Категория
переходности и непереходности», § 326).

§ 282. В енисейских надписях дательному-местному п. при
обозначении времени протекания действия (когда?) чаще соответ-
ствует местный п.:

altı jaşımta qar adırdım (Е 32, 16) 'Когда мне было шесть лет,
я лишился отца'; ...sizimä altmis jaşımda [adırlıtım] (Е 1, 1)
'...я разлучился с вами в возрасте шестидесяти лет'; ср.: qırqızıq
uda basdıñız (Т 27) 'Кыркызов мы разбили во сне (во время сна)';
qırqız bodunıq uda basdıñız (Ktb 35); türgis bodunıq uda basdı-
mız (Ktb 37).³⁴

³² Ср.: Bang. Turcica, S. 285—286.

³³ См.: Малов. ЕПТ, с. 19—20.

³⁴ См.: Thomsen. Turcica, p. 85—87, 89.

§ 283. Местный-исходный падеж после гласных и согласных (кроме основ на l, n, r) основ — -da, -dä; после согласных основ на l, n, r (за крайне редкими исключениями) — -ta, -tä (< -t/d + -a/ä — местный + направительный ~ дательный п.).³⁵

Форма исходного п. -ta/-da зарегистрирована в древнеуйгурском, якутском, халаджском (в отдельных случаях) языках, а также в азербайджанских диалектах.

§ 284. Местный-исходный п. оформляет косвенное дополнение, которое имеет следующие значения.

1) Объект — пункт приложения действия:

jaraqınta (jarıqınta) jalmasınta jüz artuq oqun urtı (Ktb 33) 'В его оружие, в его плащ попало более ста стрел'; oylı ögıntä qaınta öbkälärän (İB 90) 'Сын, рассердившись на свою мать, на своего отца...'.
2) Объект — лицо / предмет, от которого отделяются, удаляются, избавляются, отходят, от которого что-нибудь отбирается, берется, отчуждается, получается:

tabıaçda adıriltı (T 2) 'Он [тюркский народ] отложился от табгачей'; küclüg alp qaıanımda adırılı bardıñız (Oa 4) 'Вы покинули моего сильного, храброго кагана' (Гл. adırıl- в значении 'расставаться', 'покидать' управляет также основным и дательным-местным падежами — § 276; 281, 5); mən... [tabıa]ç qaıanta bədzıci kəlırtım (Ktm 11) 'От табгачского кагана я привез резчиков [по камню]'; ölümtä ozmıš (İB 75) 'Он избавился от смерти'.

3) Объект — предмет сравнения, сопоставления:

bızıntä eki uçı sıñarça artuq ertı (T 40) 'По сравнению с нами их два крыла [войска] были вдвое многочисленнее'; ıñar oylanıñızda tajıunıñızda jəgdi igidür ertigiz (Kt (Tekin, 237)) 'You used to nourish (the people) better than your beloved children and descendants'; ср.: Малов, Ktb 29.

§ 285. Местный-исходный п. оформляет также обстоятельство-ное дополнение места, времени, причины, образа, способа, орудия действия. В ТРП отмечены следующие значения обстоятельств.

1) Место (где?): qara költä süñüşdimiz (Ktb 42) 'Мы сразились у Кара-көля'; ıda taşda qalmıšı qobranıp jeti jüz boltı (T 4) 'Те из них, которые находились в лесах и на горах, объединились, и стало [их] семьсот'; altun jışda olurtımız (T 32) 'Мы жили [тогда] в Алтунской черни'; jarış jazıda tirilälim timis (T 33) '«Давайте соберемся на Ярышской равнине (= северная часть Семиречья)!» — сказал он' (ср. основной и винительный п., § 276, 6).

2) Место (откуда?): qırqızda jantımız (T 29) 'Мы вернулись [из страны] кыркызов'; türgäs qaıanta körüg keltı (T 29) 'От тюркешского кагана пришел лазутчик'; ujıur jirintä jaylaqar qan ata

³⁵ Räsänen. Morphologie, S. 61—62; S i n o r D. The *-t ~ *-d local suffix in Uralic and Altaic. — In: Hungaro-Turcica. Studies in honour of Julius Németh. Budapest, 1976, p. 121—124.

keltim (E 47, 1) 'Я изгнал Яглакар-хана / Яглакарских ханов из уйгурской земли'.

ДТС 65 — at- 'отгонять', 'прогонять'; турец. *evden atmak* 'выгнать из дома'; *okuldan atmak* 'исключить из школы' (Турецко-русский словарь. М., 1977, с. 76). О сочетании деепр. *ata + keltim*. § 363, 5; Bazin. *Les calendriers*, p. 114: «Du pays des Uygur, je suis parvenu à rejeter le Khan Yaglakar»; Малов. ПДТП, с. 77: «Я, Яглакар-хан-ата, пришел из уйгурской земли (*или* ... из уйгурской земли называемый Яглакар-хан; *или* ... из уйгурской земли от Яглакар-хана; по Г. Рамстедту: 'Я пришелец в земле уйгурской')». Ср. также: «Убив [стрелой] в Уйгурской земле Яглакар-хана, я [сюда] пришел»; ³⁶ «Я, Яглакар-хан-ата родился в уйгурской земле» (Тенишев Э. Р. Глаголы движения в тюркских языках. — В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, с. 245); «Uygur yerinde [ben] Yaglakar kan Ata geldim» (Orkun, I, 156). Ср. еще: Mori M. An interpretation of the first three lines of the Sudži inscription. — Comparative studies of Altaic Languages. The VIth International Symposium. Sept. 4—10, 1978. National Academy of Sciences. Republic of Korea, p. 25—28.

3) Время (когда?): *ol küntä tēgti türk bodun tēmir qapıqqa* (T 46) 'В те дни тюркский народ достиг Темир-капыға'; *qarım qağan uēduqda inim kül tigin jilti jašta qaltı* (Ktb 30) 'Когда скончался мой отец-каган, Кюль-тегин остался в возрасте семи лет'; *qırqız bodunı ūda basdımız* (Ktb 35) 'Мы разгромили кыркызский народ во время сна' (ср. дательный-местный п., § 282).

4) Причина: ... *tāngri qutinta...* *qor eşän tükäl körüşmiş* (İB 21—22) 'По причине / из-за благодати неба... все здоровы и невредимы [снова] увиделись друг с другом'.

5) Образ, способ, орудие действия: *toqlada oğuz kelti* (T 15) 'По / через [р.] Тогла (Гола) пришли огузы'.

§ 286. И с х о д н ы й падеж после гласных и согласных (кроме основ на l, r, n) основ — *-dan, -dän; -dın, -dın*; после основ на l, r, n — *-tan, tän; -tın, -tın* (< *-ta / -da ~ -tī / -dī + -n* < *jan ~ d'an ~ ħan* 'сторона'; ³⁷ существует также, по-моему, более вероятное предположение, возводящее конечное -n к афф. направительного п., сохранившемуся в местоимениях *mağan* 'мне', *sağan* 'тебе', *oğan* 'ему', ³⁸ что не противоречит реально существующему сочетанию исходного п. с послелогом *jan* 'сторона'). ³⁹

В форме *-tın* исходный п. используется в ТРП крайне редко, к тому же далеко не всегда удается точно определить качество

³⁶ К л я ш т о р н ы й С. Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи. — ПВ, 1959, № 5, с. 163.

³⁷ Рамстедт. Введение, с. 43; ср.: Коконов. Гр. турецк. яз., § 127; Räsänen. Morphologie, S. 62—63.

³⁸ Г а д ж и е в а Н. З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. М., 1975, с. 273—274.

³⁹ Ср. турецк.: *benden yana* 'в мою сторону', 'ко мне'.

серединного гласного: -tīn ~ -tan; наличие этих двух форм огласовки, по-видимому, связано с их принадлежностью к а-языку и i-языку.

Афф. исходного п. -dan, -dīn, как форма мало используемая (по-видимому, в результате ее узкой диалектальной принадлежности), нередко сочетается с послелогом-аффиксом -jan, -jān ~ -tan, tān (< *d'an 'сторона'); в единичных примерах за афф. исходного п. следует усилительно-выделительная частица ta — dan / -tan + ta + jan (Т 12):

oγuzdantan (так у Малова; Tekin: oγuzduntan; Giraud: oγuzdīn-tīn) körüg kēlti (Т 8) 'От огузов пришел лазутчик'; tabγač beridānjān (так у Малова; Tekin: biridin jān; Giraud: beridiniyin; Orkun: beridenyen) teg qītañ öndānjān teg bēn jirdantajan tegājın tir mēn (Т 11—12) 'Я сказал (я говорю): «Табгачи, нападайте с юга, кидане, нападайте с востока, я нападу с севера»'.

1) Исходный п. оформляет обстоятельственное дополнение места (откуда?):

jaraqlıγ qantan (qantīn) kelip jaña eltdi, sūnjūglig qantan (qantīn) kelipān sürä eltdi (Ktb 23) 'Откуда пришли вооруженные [люди] и рассеяли [твой народ]? Откуда пришли копьеносцы и увлекли [твой народ]?'; öndān qaγanγaru sū jorilim timis (Т 29) 'Он сказал: «Пойдем-ка с войском на кагана с востока»'. Не исключено, что исходный п. здесь использован в обстоятельно-определятельной функции: 'восточный каган' / 'каган с востока'.

2) Исходный п. выступает в обстоятельно-определятельной функции: berdin sīnar (Мč 15) 'сторона с юга' = 'южная сторона'; tašdīntan üç qarluq (Мč 28) 'три карлука из внешних [врагов]'.

§ 287. Инструментальный падеж на -n, -īn, -in в ТРП обозначает

1) орудие действия (ср. послелог birlä);

sūnjūgin ačdīmiz (Т 28) 'Мы проложили [дорогу] копьями'; közin körmädik qulqaqın eşidmädik bodunīmın (М Хb 11) 'моего народа, не видевшего глазами, не слышавшего ушами...'; sücig sabīn jīmšaγ aγın arıp... (Ktb 5) 'Прельщая сладкими словами, роскошными дарами...';

2) совместность, сопроводительность, комитативность:

qaγanīmın sülätдимиз (Т 53) 'Мы вместе с моим каганом повели войско'; qaγım qaγan jiti jegirmi erin tašiqmıs (Ktb 11) 'Мой отец-каган выступил с семнадцатью воинами'; uluγ irkin azqīña erin tezip bardı (Ktb 34) 'Великий эркин бежал с малым числом воинов';

3) время совершения действия (обстоятельство времени = наречие): qīšīn qītañ tapa sülädīm... jazın tatabı tapa sū[lädīm] (М Ха 2) 'Зимою я пошел войною на киданей... весною пошел войною на татабийцев';

4) образ, способ совершения действия (обстоятельство образа, способа действия = наречие, — § 257, 2):

... qızın ertänü uluq törün oyluma alı bərtim (M Xb 10) '... дочь его я взял с очень большими почестями [в жены] моему сыну'; jalrusın jorijur (İB 59) 'Он кочует в одиночестве'; altun jisiy jolsuzın asdim[iz] ertis ügüzig keçigsizin keçdimiz (T 35) 'Мы без дороги // мы по бездорожью перевалили Алтунскую чернь, мы переправились без брода через реку Иртыш';

5) место, где совершается действие (ср. винительный ~ основной пространственный, — § 277, 2):

bu jolın jorisar... (T 23) 'Если пойти по этой дороге / этой дорожкой...'; anın⁴⁰ barmis (T 24) 'Он пошел по [р.] Аны';⁴¹

6) соединительные отношения (выступает в функции соединительного союза, — ср. тур. ilä < общетюрк. bilä < birlä(n)): tab-yaç bodun tēblig-in kürliğ üçün... (Ktb 6) 'Вследствие лживости и хитрости табгачского народа...'

§ 288. Н а п р а в и т е л ь н ы й падеж на -rī, -rī, -ru, -rū оформляет косвенное дополнение-объект, на который или к которому направлено действие:

ēbimrū (Tekin, p. 135: ābim ārū) bardī (Mč 28) 'Они пошли к моему стойбищу'; ср.: ēbimā tūsmis (Mč 29) 'Он привез [добычу] в мое стойбище'; qalın[in?]. . . ēbrū (Tekin: ābirū) kēlūrtim (M 25) 'Военную добычу... я доставил в стойбище'; ōltāci bodunīy tirigrū (Tekin: tirgūrū) igit[t]im (Ktb 29) 'Я поднял к жизни готовый погибнуть народ'.

Изолированные формы этого падежа используются в функции наречий (§ 249).

§ 289. М е с т н ы й - н а п р а в и т е л ь н ы й падеж на -га, -gā⁴² обозначает косвенное дополнение:

1) объект, к которому, на который направлено действие;

2) объект, в котором, на котором совершается действие, — tašra jorijur (Ktb 11—12) 'Он кочует за пределами [своего юрта]'. Этот падеж в ТРП используется для образования наречий (§ 250).

§ 290. Д а т е л ь н ы й - н а п р а в и т е л ь н ы й падеж на -yaḡu, -gārū (< -ya + -ru) является формой объекта, выражающего следующие значения.

1) Направленность, назначение, достижение цели действия: tabyaçyaḡu bardī (M 35) 'Он пошел [войною] на табгачей'; ēbi-ḡārū kēlmis (İB 8—9) 'Он пришел в свое стойбище'; bōḡ[ū] qa-ḡan baḡaru anča ajīdmis (T 34) 'Бēḡ[ю]-каган приказал так сказать мне'.

⁴⁰ Thomsen. Turcica, p. 88, n. 1.

⁴¹ См. § 277, 2.

⁴² Наличие параллельных по своим функциям двух направительных падежей -rī/-га объясняется принадлежностью первого к і-языку, второго — к а-языку. обстоятельный разбор этимологии этого аффикса см.: А ш н и н Ф. Д. Об этимологии азербайджанских, гагаузских, крымско-татарских и турецких имен типа buḡa (бура) 'это место'. — В кн.: Тюркологические исследования. М.—Л., 1963, с. 95—105.

Наряду с формой *baŋaru* используются формы *baŋa* (Т 31) ~ *maŋa* (Ктб 30, М 28).

Дательный-направительный п. от местоимения *ol* 'он / тот' также используется в двух формах: *aŋaru* (Т 20) ~ *aŋar* (Ктб 11—12; Т 24) 'ему' (< **an* 'тот').

2) Место, где совершается действие:

jeriŋärü subŋaru qontī (М 40) 'Он поселился на их земле-воде'⁴³ (т. е. на их родовых кочевьях); *ilgärü kün toŋsiŋ[q]a bir-gärü* (Tekin: *birigärü*) *kün ortusiŋaru quriŋari kün batsiŋiŋa jir-ŋaru* (Tekin: *jiriŋaru*) *tün ortusiŋaru anta ičräki bodun qor m[ar]a körür*] (Ктм 2) 'Впереди, там, где солнце восходит, направо, там, где солнце в зените, сзади, там, где солнце заходит, налево, там, где ночь, обитающие там народы все мне подчиняются'.

§ 291. Д а т е л ь н ы й - п р е д е л ь н ы й падеж оформляет наречие места (§ 252).

§ 292. Р о д и т е л ь н ы й падеж — *-iŋ* ~ *-iŋ*, *-iŋ* ~ *-ig* после согласных основ, *-niŋ*, *-niŋ* после гласных основ — обозначает принадлежность, которая реализуется как приименное определение в определительной группе имен существительных: *изафет III* (§ 407).

Афф. *-iŋ* ~ *-iŋ*, *-iŋ* ~ *-ig* совпадают с афф. принадлежности 2 л. ед. ч., что дает основание считать эти формы общими для выражения принадлежности.

Афф. *-niŋ*, *-niŋ* < *-n + -°ŋ*, где *-n*, в соответствии с гипотезой В. В. Радлова, «местоименного» (посессивного) происхождения.⁴⁴

Форму родительного п. принимают в ТРП только имена существительные, обозначающие лицо или совокупность лиц (например, *bodun* 'народ').

Афф. *-iŋ*, *-iŋ*: *bilgä qaŋan-iŋ bodunī* (Оа 3) 'Народ правящего кагана'; *olurupan türk bodunīŋ ilin törüsün tuta birmis iti birmis* (Ктб 1) 'Сев [на ханство], они правили и устраивали эль и тёрю'⁴⁵ тюркского народа'.

Афф. *-iŋ*, *ig*: *türk bodunīŋ atī küsi joŋ bolmazun tijin...* (Ктб 25) 'Чтобы не исчезло [доброе] имя и слава тюркского народа...' (ср. на этой же строке: *türk bodun atī küsi joŋ bol[ma-zun tijin]...*); ...*aŋ adŋiriŋ udliŋin siŋu urti* (Ктб 36) 'Он сломал бедро белого жеребца...'.

Афф. *-in*, *-in* (ср. винительный п. после основ с афф. принадлежности): *qaŋanīŋ-in sab-in almatin...* (Ктм 9) 'Не вняв словам своего (твоего) кагана...'.

⁴³ *Jer sub* «имеется в виду земля и вода как единое божество, а не как собрание духов земли» (Бартольд. Соч., т. V, с. 27); Потапов Л. П. «Йер-Суб» в орхонских надписях. — СТ, 1979, № 6, с. 71—77.

⁴⁴ Подробнее см.: Кононов. Гр. турецк. яз., § 127; см. еще: Grönbech, S. 105—108.

⁴⁵ «*Törü* — совокупность заветов старины и правовых понятий, словом, то, что мы называем „обычным правом“» (Сборник трудов Орхонской экспедиции, IV. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме, с. 16); подробнее см.: Doerfer, I, § 134.

Использование винительного п. в функции родительного, а также функционирование родительного п. в качестве винительного широко представлено в «Бабур-наме» и ряде современных узбекских диалектов.⁴⁶

Категория определенности—неопределенности

§ 293. В ТРП, как и в современных тюркских языках, имя существительное может выступать в трех состояниях: нейтральном, определенном и неопределенном.

Н е й т р а л ь н о е состояние имени существительного характеризуется отсутствием показателей категории определенности—неопределенности (см. ниже):

kejik jiju tabışan jiju olugur ertimiz (Т 8) 'Мы жили [там], питаюсь оленями, питаюсь зайцами'; sarıq altun ürün kümüs qız qudız (qoduz) egri tebā aṛı bunsız keliṛti (Т 48) 'Он [народ] доставлял без труда желтое золото, белое серебро, девиц и женщин, одnogорбых верблюдов и [другие] ценные вещи'.

Н е о п р е д е л е н н о е состояние имени существительного обозначается с помощью слова bir 1) 'один', 2) 'некий', 'какой-то': bir kisi janılsar... (Ktm 6) 'Если один ~ некий ~ какой-либо человек может совершать ошибки...'.⁴⁷

О п р е д е л е н н о е состояние имени существительного обозначается с помощью грамматических средств,

1) выражающих категорию принадлежности: toquz oṛuṛz mēnin bodunım erti (М 29) 'Токуз-огузы были моим народом'; neṛ bunıṛ joq (Ktm 8) 'Нет у тебя никакого горя';

2) обозначающих прямое дополнение в винительном п. (§ 277) или приименное определение в родительном п. (§ 292).

Обозначение пола при именах существительных одушевленных

§ 294. В ТРП, как и в современных тюркских языках, представлены следующие способы различения имен существительных одушевленных по признаку пола: лексический, синтаксический, морфологический, фонетический.

1) Л е к с и ч е с к и й способ: понятие пола заключено в самом значении слова (ср. русск. отец, мать, петух, курица). Такой способ обозначения пола используется

а) в терминах родства, свойства и в названиях людей: qan 'отец', ög 'мать', ini 'младший брат', eṣi 'старший брат' ('дядя'), eṛ 'муж', 'мужчина', qatun (< согд.) 'госпожа', kelin 'невестка', qunṣıj (< кит.) 'ханша-девица', qul 'раб', küṇ 'рабыня', ıṛı 'маль-

⁴⁶ Подробнее см.: Мелиоранский. КТ, с. 92; Б л а г о в а Г. Ф. Значение данных современной узбекской диалектологии для изучения староузбекского письменного языка. — ВЯ, 1965, № 1, с. 99.

чик', 'сын', qiz 'девушка', 'дочь', quduz 'женщина', ɛrkäk 'самец', 'мужчина';

б) в названиях животных, имеющих хозяйственную ценность: qisraq 'кобылица', adɣɪɣ 'жеребец'.

У тюркских народов животноводческая терминология чрезвычайно развита, но в ТРП в силу специфичности текстов этих названий (за несколькими исключениями) нет. Животные, не имеющие хозяйственного значения, как правило, объединяются под общеродовым названием (ср. русск. *собака, шакал*) — buzuɣu / bozaɣu 'теленок', taj 'жеребенок', böri 'волк'.

2) Синтаксический способ реализуется с помощью особых слов, точно обозначающих принадлежность к определенному полу (ср. русск. *женщина врач*): irkäk (~ ɛrkäk) bozaɣu (buzɣu) 'бычок'; ıɣı oɣul (Ktb 7) 'сын', 'мужское потомство'; qiz oɣul (Ktb 7) 'дочь', 'женское потомство'; ɛɣ oɣlan (E 3, 6) 'мужчины', 'мужское потомство'.

3) Морфологический способ обозначения пола реализуется с помощью аффиксов уменьшительности⁴⁷ и используется главным образом для наименования женщин (титуты феодальной иерархии, термины родства, свойства и некоторые другие): han ~ qan 'хан' — hanım 'госпожа' (< 'жена хана' < *'малый хан'); -ım — афф. диминутива.

4) Фонетический способ (аблаут) реализуется с помощью так называемой «флексии основ», или «внутренней флексии»; явление редкое, пока недостаточно четко объясненное, однако известное во всех алтайских языках: ⁴⁸ eçi 'старший брат', eçä 'старшая сестра' (ДТС 162); ср.: aça, açı, eçü (ДТС 4, 162); aba, ара (ДТС 1, 47, 645); см. еще §§ 149—150.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ МЕСТОИМЕНИЙ

§ 295. Местоимения по своему происхождению и значению делятся на два разряда.

I. Местоимения (личные, указательные, вопросительные).

II. Местоименные слова (выделительные, неопределенные, обобщающие, отрицательные).

Использование других частей речи в функции местоимений — прономинализация — в ТРП представлено ограниченным числом случаев (§ 306).

⁴⁷ Кононов А. Н. 1) Уменьшительные формы имен и словообразование (на материале тюркских языков). — В кн.: Вопросы тюркологии. Баку, 1971, с. 94—101; 2) Гр. узбекск. яз., с. 70—72.

⁴⁸ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, с. 130—131; ср.: Севортян. Афф. глаголообразования, с. 432—436; Черкаский М. А. К вопросу о генезисе сингармонических вариантов и параллелизмов в тюркских языках. — ВЯ, 1960, № 4, с. 53—61; Ганиев Ф. А. Фонетическое словообразование в татарском языке. Казань, 1973.

§ 296. Л и ч н ы е местоимения служат для обозначения первых двух лиц 'я' — 'мы', 'ты' — 'вы'; третье лицо 'он' — 'они' представлено у к а з а т е л ь н ы м местоимением ol 'тот', которое используется как в субстантивной, так и атрибутивной функциях, а личные местоимения первого и второго лица используются только субстантивно.

Ед. ч.	Мн. ч.
1. ben (Т, Е, Кč, Мč) men ⁴⁹ (М, Кtm, Мč, Е, ЫВ) } 'я'	1. biz 'мы'
2. sen (Кtm, Мč, М) } 'ты'	2. siz 'вы'
sin (Т)	
3. ol 'тот' / 'он', 'они'	

В косвенных падежах ben в М и Мč имеет формы menі, menіŋ.

Личные местоимения ben/men и sen состоят из двух морфем: коренные морфемы b°, s°(t°) — общеалтайское достояние, -n — показатель посессивности (n-pronominal), который сопоставляется с монгольским афф. принадлежности 3 л. -ni < -ini;⁵⁰ личные местоимения biz, siz — формы мн. ч. на -z от указанных выше коренных морфем b°, s°.

Личные местоимения генетически и семантически находятся в непосредственной связи с указательными местоимениями,⁵¹ в значении которых четко определена степень удаленности от говорящего лица. Коренная морфема личного местоимения 1 л. b° сопоставляется с указательным местоимением bu ~ bo 'этот' ('ближний'), исходная форма звучала как *be ~ *bi; ср.: berі (< be + -ri, § 288) 'в эту, ближайшую сторону', 'сюда'. Коренная морфема 2 л. s° сопоставляется с дейктической частицей oš(s) ~ uš(s) ~ iš(s) ~ š(s)u ~ š(s)o (ср.: istä 'вот', где tä, ta/da — усилительно-подтвердительная частица (ДТС 525); ošbu, išbu 'этот самый, сей'; oš/uš + im-di > šimdi 'теперь') и постпозиционной побудительной частицей šu, šü/čü, čü (ДТС 524). Чередование š ~ č ~ s — обычное явление в тюркских языках.⁵²

⁴⁹ Вторичная форма, возникшая в результате регрессивной назализации: ben > men.

⁵⁰ Ср.: «Wie ich einer früheren Arbeit (Die Pronomina im Alttürkischen. — ZDMG, 1950, 100. Bd, Heft 2, S. 581—591) schon vorgeschlagen habe, wurde der Nominativ der Personal- und der Demonstrativpronomina gebildet, indem der vokal *i und *u zu ä und o geöffnet und gelegentlich auch noch ein d e i k t i s c h e s Element -n oder -l angefügt wurde: (Die 3. Person *ä + n wurde nicht gebildet), bä + n ~ män 'ich'; sä + n 'du'; o ~ o + l, bo, šo 'jener, dieser, jener dort', o und šo sind nur in relativ späten Texten des Atü. belegt» (Gabaïn A. V. Primäre und sekundäre Kasus im Alttürkischen. — In: Studies in General and Oriental Linguistics. Presented to Shirō Hattori on the Occasion of his Sixtieth Birthday. Tokyo, 1970, S. 132).

⁵¹ Kotwicz. Les pronoms, p. 46—53; Севортян. ЭСТЯ, II, 123—126, 225—228; ср.: Щербак. Очерки, с. 125—127.

⁵² Ср.: Поцелуевский А. П. Происхождение личных и указательных местоимений (Материалы к истории туркменского языка). — Избр. труды. Ашхабад, 1975, с. 130—146; Котвич. Исследование, с. 139—158.

Элемент $-^{\circ}l/^{\circ}$ входит в состав

1) усилительных — вторичных — форм указательных местоимений: ol ($< o + l$); bol/bul ($< bo/bu + l$); oš(s)ol/uš(s)ul ($< oš(s)/uš(s) + -^{\circ}l$) $> š(s)ol/š(s)ul$;

2) модальной утвердительной частицы ($>$ указательное местоимение ol), функционально соответствующей связке turur $>$ -tur/-dur: bu butaq ol (= bu butaq-tür, — А. К.) eşilgän (МК—БА I, 159) 'Именно эта ветка всегда гнется'; ol eşgä barmış ol (= barmış turur/-tur, — А. К.) (МК—БА I, 38) 'Он действительно пошел домой'; см. еще § 308;

3) усилительно-подтвердительной частицы la: ol bardı la (МК—БА III, 213) 'Он действительно ушел' (ср.: ДТС 332).

Из изложенного выше следует, что личные местоимения 1 и 2 л. ед. ч. возникли из дейктических частиц b° (p°), s° (s°); единственным анафорическим и дейктическим местоимением является слово o, которое в современных тюркских языках выступает в основном падеже в двух видах: $o \sim ol$ ($< o + l$, см. § 298).⁵³

Местоимение ben/men в функции подлежащего для усиления значения сочетается со словом öz в притяжательной форме: öz-im(-üm) — bilgä toñuquq ben özim qazğanmasar... (Т 55) 'Если бы я сам, правитель Тоньюкук, не приобретал...'; см. еще: Т 1, 52; men özim qağan olurtuqım üçün... (М 36) 'Так как я сам стал каганом...'

§ 297. Склонение личных местоимений:

Основной п.	ben/men	sen	biz	siz
Винительный п.	beni, bini (Т 10) meni (М Xb 14)	seni sini (Т 10)	bizni	—
Дательный- местный п.	bağa, ⁵⁴ mağa	sağa säğä (Tekin)	biziñä bizkä (Е 36, 2)	sizimä (Е) sizä (Е 42, 1, 8; 44, 4; 51, 1, 2, 3)
Местный- исходный п.	—	—	bizintä	sizdä (Е) ⁵⁵

⁵³ Личные местоимения, по мнению А. Габен (указ. соч., с. 132), имели следующие корни: *i, *bi, *si 'Ег, jener Ег'; корни указательных местоимений: *u, *bu, *šu 'Jener, dieser Jener, jener dort'.

⁵⁴ По поводу происхождения этой формы Г. Дерффер предложил смелую, но неприемлемую гипотезу: «a) Das Dativsuffix geht zurück auf ein Wort *qa: 'Nahe'. b) Dieses Faktum macht sich noch bemerkbar in der Form des Personalpronomens im Dativ: *bağa, *sağa. c) Alle Unregelmässigkeiten bei der Deklination der Personalpronomina lassen sich als Assimilationen erklären (es liegt also kein genetischer Ablaut vor)» (Doerffer G. Zu türk. bana 'mir', sana 'dir'. — CAJ, 1977, vol. 21, 3—4, S. 214). Об этимологии дательного п. см. § 278.

⁵⁵ См. Малов. ЕПТ, с. 13.

Дательный- направитель- ный п.	baḡaru (Т 34)	—	—	—
Родительный п.	bəniŋ, mənīŋ	—	biziŋ	siziŋ (Gabain, S. 92) sizim (E 41, 3; 14, 2)

Склонение указательного-личного местоимения *ol* см. § 298.

§ 298. Указательные местоимения в ТРП представлены двумя разновидностями: *bu* (~ *bo*⁵⁶) 'этот' (близкий), *ol* 'тот' (отдаленный).

Склонение указательных местоимений:

Винительный п.	bunī	anī
Дательный-местный п.	—	—
Местный-исходный п.	bunta	anta
Дательный-направительный п.	—	aḡar, aḡaru (< *an + ḡaru)
Инструментальный п.	—	—
Родительный п.	—	anīŋ

Указательное местоимение *ol* (< *o* ~ *u* ~ *i* ~ *ü* — дейктическое местоимение + *-l* — дейктическая частица⁵⁷) в косвенных падежах образуется от синкретичной основы **on* ~ *an* ~ *in* ~ *in* 'тот'.

§ 299. В ТРП представлены следующие вопросительные местоимения.

1) *kim* ~ *kem* 'кто' (чуваш. *кӓм*, тувин. *кым*, татар., башкир., казах., ногай. *кӓм*, алтай., хакас., шор. *кем*; монг. *хэн* 'кто'; тунг.-маньчж. *haj* 'что', 'какой').

Это местоимение состоит из двух морфем: *k°/q°* + *-m*. Первая из них сопоставляется с вопросительным словом **qa* ~ **ha* 'что', 'который', 'какой' (ср. чуваш. *қи*, *қо* 'этот'), известным в формах *qai* (РСл. II, 2), *qai* (смягченное *н*), *qan* (ср.: *qantan* ~ *qantīn* (Ktb 23) 'откуда').⁵⁸ Вторая морфема — *-m* < *m°* — вопросительная частица.⁵⁹

türk bodun ilinjin törünjin kem artatı (Ktb 22) 'Тюркский народ, кто погубил твой эль, твоё тёрю?'; *kemkä ilig qazḡanur mən tir*

⁵⁶ PhTF, I, S. 34.

⁵⁷ См.: Kotwicz. Les pronoms, p. 16—19; Котвич. Исследование, с. 143—145; Рамстедт. Введение, с. 69—71; G a b a i n A. v. Primäre und sekundäre Kasus im Altürkischen, S. 132.

⁵⁸ О производных формах от **qa* см.: Kotwicz. Les pronoms, p. 35; T e m i r A. Die Konjunktionen und Satzeinleitungen im Alt-Türkischen. — Oriens, 1956, vol. 9, S. 263—269.

⁵⁹ О составе этой морфемы см.: Кононов. Гр. узбекск. яз., § 227; Gabain. Altürk. Gr., § 352; ср. еще: *ma*, *me* — усиительно-выделительная и присоединительная частица (ДТС 334).

ermis (Ktb 11) «Для кого я приобретал эль?» — сказал, говорят, он'.

2) *ne* (< **je-nin*⁶⁰):

а) 'что' (о предмете, явлении, действии) — *ne basinalim tegälim tidim* (T 39) «Что (зачем) нам быть побежденными? Давайте нападём [сами]!» — сказал я';

б) 'что за?', 'какой?', 'каков?' (о качестве, признаке) — *ne qaŋaŋa isig küčig birür men tir ermis* (Ktb 9) «Какому (что за) кагану я отдаю [свой] труд и силу?» — сказал, говорят, он' (см. еще § 281, 3).

3) *qanī* (< *qa-n + -ī* — афф. принадлежности (?) 3 л.) 'где?': *ilim amtī qanī ... qaŋanīm qanī ... tir ermis* (Ktb 9) «Где теперь мой эль... где мой каган?» ... сказал, говорят, он'.

§ 300. Выделительные (усилительные) местоименные слова в ТРП следующие.

öz (< **ōg*⁶¹) 'внутренность', 'сердцевина', 'сущность'; 'сердце', 'мозг' (Будагов. Сл. I, 129) в сочетании с афф. принадлежности (в ТРП зарегистрировано только в трех лицах ед. ч.) *öz-im* (~ *öz-üm*) 'мое существо' = 'я сам', *öz + in* (~ *öz-ün*) 'твое существо' = 'ты сам' (M Xb 14), *öz-i* 'его существо' = 'он сам':

ečim qaŋan olurtuqda özim tarduŝ bodun üzä šad ertim (Ktb 17) 'Когда мой дядя-каган сидел [ханом], я сам был шадом над тардушским народом'; *özüm qarī boltım* (T 56) 'Сам я состарился'; *özi jaŋiltı* (Ktb 20) 'Он сам заблуждался'; *eltebär özi kełti* (Mč 21) 'Эльтебер сам пришел'. Единственный пример с *özün*: *türk bodun özün eđgü körtäčī sen* (M Xb 14) 'О тюркский народ, ты сам будешь жить счастливо'.

Слово *öz* в сочетании с афф. принадлежности склоняется по общему правилу и используется во всех функциях, свойственных именам существительным: *özimin öŋrä bīŋa baŝı i[d]ti* (Mč 6) 'Он послал меня самого вперед (на восток) начальником тысячи'.

§ 301. *kentü* (о составе этого слова см. § 272) восходит к имени существительному **ken + -tū*; в ТРП используется как субститут личного местоимения любого числа — 'сам'; указание на действующее лицо содержится в глагольном сказуемом: *kentü jaŋiltı* (Ktb 23) 'Ты сам совершил ошибку'.

О сочетании *kentü* на правах определения со словом с афф. принадлежности см. § 272.

⁶⁰ Ряснен. Фонетика, с. 176; Räsänen. Morphologie, S. 41—43.

⁶¹ Räsänen. Morphologie, S. 38; С у н и к О. П. 1) К вопросу о возвратных местоимениях в алтайских языках. — В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., 1974, с. 269—271; 2) Местоимения «сам»/«свой» и их морфологические дериваты в алтайских языках. — В кн.: Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978, с. 232—268; Д е р ф е р Г. Можно ли проблему родства алтайских языков разрешить с позиций индоевропеистики? — ВЯ, 1972, № 3, с. 65—66. — по В. Бангу, *öz* < *ō- 'denken' + -z* (B a n g W. Das negative Verbum der Türksprachen. — SBAW, 1923, XVII, S. 115); по К. Броккельману, *öz* 'Wesen'; 'selbst' < *ōz- 'verstehen'* (Brockelmann, Osttürk. Gr. § 120, b). Оба последние предположения не могут быть приняты.

§ 302. Функции отсутствующих в тюркских языках возвратных местоимений замещаются описательно с помощью слов *öz* и *kentü* (*kendü* ~ *kendi*), которые выступают в предложении в форме прямого дополнения (вин. п.) к сказуемому, выраженному переходным глаголом:

öz kentünün bek tutıl (ДТС 394) 'Держись ('держи самого тебя ~ себя') крепко'; ср. турец. *kendisini pencereden attı* 'Он выбросился ('сам себя выбросил') из окна'; *sen kendini doktora göster* 'Ты покажись ('себя самого покажи') доктору'.⁶²

§ 303. Неопределенные местоименные слова по своему происхождению связаны с вопросительными местоимениями; этот разряд местоименных слов в ТРП представлен используемым в Кт и Т одним словом *neң* (§ 299, 2) 'вещь' > 'нечто' > 'какой-нибудь', 'любой':⁶³ *neң jerdäki qağan...* (Т 56) 'каган, находящийся в какой-либо земле...'; *qaç neң ęrsär* (Т 20, 21, 29) 'что бы то ни было'.

При удвоении значение этого слова усиливается: *neң neң sa-bım ęrsär beңgü taşqa urtım* (Ктм 11) 'Все-все слова, что у меня были, я выбил на вечном камне'.

При отрицательном сказуемом — значение 'никакой'; 'какой бы то ни было'; 'совсем':

arqış terkış isar neң buñuñ joq (Ктм 8) 'Когда же [ты] посылаешь обозы [в соседние страны], у тебя нет никакого горя'; *neң jılsıñ bodunqa olurmadıñ* (Ктб 26) 'Я совсем не сел [на ханство] над народом богатым [скотом]'.

§ 304. Обобщающие местоименные слова в ТРП представлены среднеперсидским словом *qamaγ* ~ *qamuγ* ~ *qamıγ*, а также тюркскими словами *barça*, *barı* (*baru*), *üküş*, *qor*⁶⁴ 'все', 'всё', 'весь'; в субстантивной функции эти слова, как правило, располагаются непосредственно перед сказуемым:

qırqız qurıqan otuz tatar qıtañ tatabı qor jayı ęrmis (Ктб 14) 'Кыркызы, курыкане, отуз-татары, кидане, татабийцы — все были [нам] врагами'; *jıraja oγuzıñ üküş ök ölürti* (Т 7) 'На севере огузов он всех ведь перебил'; *qamuq balıqqa teğdim* (Оа 1) 'Я напал на все города'; *türk qara qamuγ bodun ança timis* (Ктб 8—9) 'Тюркский народ, весь народ так сказал...'; *barça tüküp tezä* (Мč 38) 'Все разбежались'; ...*[qar]luq tirigi barı türgiskä kelti* (Мč 40) 'Оставшиеся в живых карлуки все пришли к тюрешам'; *kisi oγlı qor ölgäli törümis* (Ктб 50) 'Сыны человеческие, все, родятся, чтобы умереть'.

Слово *qamuγ*, сочетаясь с афф. принадлежности, субстантивируется и приобретает собирательное значение:

⁶² Кононов. Гр. турецк. яз., § 376.

⁶³ См.: Thomsen. *Turcica*, p. 57—58.

⁶⁴ «qo + p von *qo-, der Wurzel des Intensivums qo + d 'hinlegen'» (Gabain. *Altürk. Gr.*, § 302).

[qa]muγī (qamaγī) jēti ər bolmīs (Ktb 12—13) 'Всех их стало семьсот воинов'; qamuγī biš otuz sülādimiz (Ktb 18) 'Всего мы ходили в поход двадцать пять раз'.

§ 305. Отрицательные местоименные слова — в строгом значении этого термина — в тюркских языках отсутствуют, в качестве таковых выступают неопределенные местоименные слова при отрицательных формах сказуемого (§ 303).

§ 306. Прониминализация, т. е. лексическое или функционально-грамматическое сближение некоторых частей речи с местоименными словами, осуществляется двумя способами: лексическим и морфолого-семантическим.

Лексический способ: слово приобретает местоименную семантику в результате ослабления реального значения, присущего данному слову, — bir kisi 'один человек' > 'некий человек' > 'некто', 'кто-то'; bir kisi janılsar (Ktm 6) 'Если один человек // некто // кто-то и ошибается. . . '.

Морфолого-семантический способ реализуется с помощью афф. принадлежности 3 л. и афф. -ča: bar 'есть', 'имеется' > bar-ı 'все', 'всё'; bar-ča 'все', 'всё'.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА

КАТЕГОРИЯ ЛИЦА

§ 307. Категория лица в тюркских языках — грамматическая категория, с помощью которой происходит спряжение, т. е. изменение по лицам и числам глагольных и именных форм.

Спряжение осуществляется с помощью личных аффиксов трех модификаций.

§ 308. Полные личные местоимения, или личные аффиксы 1-й разновидности (в дальнейшем — личные аффиксы I), следующие.

Ед. ч.	Мн. ч.
1. ben, ⁶⁵ men ⁶⁶	1. biz, miz
2. sen	2. siz
3. —	

Примеры: beg ben (E 37, 8) 'Я бек'; ben anča tir men (T 37) 'Я так сказал (говорю)'; qırqız oγlı men (E 47, 2) 'Я потомок кыркызов'; biz az biz (O 8) 'Нас мало'; öltäci sen (Ktb 8) 'Ты погибнешь'; keltäci miz (T 14) 'Мы придем'.

3-е лицо, как исходная форма в парадигме тюркского спряжения, не нуждается в оформлении; синтаксические функции этих форм определяются их позицией в предложении.

⁶⁵ Встречается в енисейских памятниках, а также в Т.

⁶⁶ Встречается в орхонских и енисейских памятниках.

Усилительно-подтвердительная частица *ol*, выступающая также в функции указательного местоимения (§ 296, 298), равно как и связка *-tîr, -dîr < turgur*, осложняет значение исходной формы модальными оттенками утвердительности, достоверности:

bilgä toñuquq añîr ol üz (так: Tekin, 141; Малов: *öz*) *ol* (Т 34) 'Правитель Тоньюкук — плохой [и] злобный'; *türk bodun jëmä bul-yanč [ol tim]is oğuzi jëmä tarqanč ol timis* (Т 22) «'Тюркский же народ в смятении, — сказал он, — а из [их числа] огузы же в состоянии распада», — сказал он'. Ср.: *ol ər ol evgä barğan* (МК — БА II, 53) 'Тот самый мужчина, по-видимому, пошел домой'.

Частица *ol* при *Verba finita* осложняет значение временных форм оттенками категоричности, обязательности:

könäki nêlik tonçaj ol künäškä olugur ol (İB 88) 'Как может замерзнуть канал, ведь он находится на солнце?!'; ср.: *ol evgä barmış ol* (МК — БА, I, 38) 'Он действительно пошел домой'; *ol anı satıysaq ol* (МК — БА, II, 297) 'Он действительно собирается его продать'; ср.: *ol mêninç oğlum ol* (МК — БА, I, 37) 'Он действительно мой сын'.

§ 309. При формах на *-duq* и *-sar* личные аффиксы отсутствуют: действующее лицо обозначается личным местоимением («неличное спряжение») или (при форме на *-duq*) афф. принадлежности:

... *mên qazıantıq üçün bodun qazıanmıs ərinc* (М 33) '... так как я приобретал, то, следовательно, народ [тоже] приобретал'; ... *mên qazıanmasar türk bodun öltäci erti* (М 33) 'Если бы я не приобретал, то тюркский народ мог бы погибнуть'; *mên özım qağan olurtuqım üçün ...* (М 36) 'Так как я сам стал каганом...'

§ 310. Усеченные личные местоимения, или личные аффиксы 2-ой разновидности (далее — личные аффиксы II), следующие.

Ед. ч.

Мн. ч.

1. -m

1. -miz, -miz

2. -ŋ⁶⁷// -γ, -g⁶⁸

2. -ŋiz, -ŋiz// -γiz, -giz

3. —

Афф. 1 л. мн. ч. *-miz, -miz* легко сопоставляется с личным местоимением *biz*, которое в функции личного аффикса часто имеет форму *-bız ~ -miz*; что же касается афф. 2 л. мн. ч. *-ŋiz/-γiz*, то он является формой мн. ч. на *-z* от основы ед. ч. *-ŋ-γ, -g*.

Афф. *-γ, -g; -γiz, -giz* возникли в результате разложения афф. *-ŋ; -ŋiz, -ŋiz* на составляющие: *-ŋ < n + γ; -n + g*; ср. турец. *var-dı-n* 'ты пришел'; татар., кумык., карач.-балкар., алтай. *bar-dıγiz* 'вы пришли'.⁶⁹

⁶⁷ Встречается в Т, О.

⁶⁸ Встречается в Кт.

⁶⁹ См. еще: Садыхов Б. П. О личных окончаниях *-г//q(ң)* и *-гыз(-һыз)*.

[По материалам кедабекско-айрумского говора (азербайджанского языка)]. — Изв. АН АзССР. Сер. лит.-ры, языка и искусства, 1966, № 2, с. 68—71 (на азерб. яз.).

Личные аффиксы II используются при спряжении основ прошедшего категорического вр. и будущего-прошедшего вр.

§ 311. Личные аффиксы третьей разновидности, используемые в желательном наклонении в 1 л. ед. ч., восходят к личному местоимению $b\acute{e}n \sim m\acute{e}n > -in$, $-in$ (как например в азербайджанском и туркменском языках); 1 л. мн. ч. образуется с помощью афф. $-(a)l\acute{i}m$, $-(\ddot{a})l\acute{i}m < -a (< *γaj) + -l + -m (< b\acute{e}n, m\acute{e}n 'я')$; $-l$ — афф. собирательности \sim комитатива⁷⁰ в сочетании с личным аффиксом $-m$ (1 л. ед. ч.) выражает действие, осуществляемое побуждающим лицом совместно с побуждаемыми: $al-a-l\acute{i}m$ 'возьмем-ка' = 'я вместе с другими'.

КАТЕГОРИЯ ОТРИЦАНИЯ

§ 312. Каждая глагольная форма может быть представлена в одном из двух состояний: а) выражающее положительное суждение; б) выражающее отрицательное суждение.

Положительное суждение — положительная форма глагола — всегда совпадает с основой глагола, лишенной показателя отрицания: al 'бери', $k\acute{e}l$ 'приходи'.

Отрицательное суждение — отрицательная форма глагола — образуется путем присоединения к основе глагола афф. $-ma$, $-m\ddot{a}$: $alma$ 'не бери', $k\acute{e}lm\ddot{a}$ 'не приходи'; $ilimk\ddot{a} b\ddot{o}km\ddot{a}dim$ (E 27, 5) 'Я не наслаждался [жизнью] в моем эле'; $\ddot{u}\ddot{c} \acute{e}rig almadi\acute{n}$ (E 28, 3) 'Трех воинов ты не пленил'; $jalaba\acute{c}\acute{i} \dots k\acute{e}lm\ddot{a}\ddot{z} tijin \dots$ (M 39) 'Так как посол не прибыл...'

§ 313. Попытке реконструировать афф. глагольного отрицания $-ra$, $-r\ddot{a} \sim -ba$, $-b\ddot{a} \sim -ma$, $-m\ddot{a}$ я посвятил статью в сборнике «Историко-филологические исследования» (К 75-летию академика Н. И. Конрада. М., 1967, с. 106—108). В этой статье, с учетом опыта предшественников (главным из них следует назвать Г. И. Рамstedта⁷¹), устанавливается, что в тунгусо-маньчжурских языках существовал глагол $\ddot{a} \sim a$ 'не быть', который сохранился в основе отрицательных (запретительных) частиц монг. $\ddot{a}s\ddot{a}$ ($\sim \ddot{a}s$), буи ($< *abu$), чуваш. an ,⁷² маньчж. aq , используемых позиционно.

В тюркских языках названным частицам этимологически соответствуют: an 'yok', 'değil' ($oğuzca$ — МК—БА I, 40); $anna$ 'hayır' (*Derleme Sözlüğü*, I. Ankara, 1963, s. 275); ap bu ap ol 'bu değil,

⁷⁰ См.: Котвич. Исследование, с. 264—265; Kotwicz. Les pronoms, p. 29—30; Кононов. Показатели, с. 11; Б л а г о в а Г. Ф. Структура форм желательного наклонения в тюркских языках. — СТ, 1973, № 1, с. 12—17; ср.: Рамstedт. Введение, с. 111—112.

⁷¹ R a m s t e d t G. J. Die Verneinung in der altaischen Sprachen. Eine semasiologische Studie. — MSFOu, 1924, S. 196—215; см. еще: И л л и ч С в и т ы ч В. М. Опыт сравнения ностратических языков, I. М., 1971, с. 264—265; Räsänen. Morphologie, S. 232—234.

⁷² Ср.: Е г о р о в В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, с. 26—27.

о deǵil'; 'ne bu, ne o' (МК—БА I, 34); ср.: av (МК—БА, 40); сюда же следует присоединить запретительную частицу aba (ср.: ДТС 1), условно-ограничительные частицы abam, abau (ДТС 1, 2); ср. еще турец. (диалект) ab+a- 'отвергать', 'отклонять', 'не признавать'. Во всех этих словах выделяется коренная морфема a- 'не быть' + аффиксальные морфемы -ŋ, -n(a) ~ -m, -p (~-b ~-ban), представляющие собою аффиксы деепричастия.

В непосредственной этимологической связи с приведенными выше тюркскими частицами находится нанайское приименное отрицание aba 'нет' (< *a+-ba, где -ba — показатель претерита); ср. еще другое нанайское отрицательное слово ana (< *a+-na, где -na — показатель презенса).

Нанайская отрицательная частица äm — этимологически безусловно общая с частицами aba, ana, — по весьма обоснованному предположению В. А. Аврорина, «была формой одновременного деепричастия от этой основы (т. е. от основы гл. ä- 'не быть', — А. К.), звучала как ämi и значила 'не будучи', 'не являясь'». ⁷³

Этимологический состав тунгусо-маньчжурских отрицательных частиц aba, ana, äm, aqi (< *a-, *ä- 'не быть' + -ba ~ -na, -m, -qi — показатели причастия, деепричастия, имени результата действия), а равно тюркских и монгольских отрицательных (запретительных) частиц (см. выше) дает основание с достаточной достоверностью считать, что тюркский аффикс приглагольного отрицания -pa, -pä, -ba, -bä, -ma, -mä ⁷⁴ восходит к деепричастию на -pa(n) ~ -ba(n) ~ -ma(n) от глагола a-(ä) 'не быть': *ара ~ *аба ~ *ама; ср. якутский аффикс приглагольного отрицания -iä, -imä, -uma, -ümä. Это деепричастие выступало в качестве второго компонента сложновербальной формы и могло сочетаться только с деепр. на -(j)i... или -(j)a, -(j)ä.

Гипотеза Г. И. Рамштедта о происхождении тюркского аффикса приглагольного отрицания -ma, -mä < -m — афф. отглагольного имени + ä- 'не быть' — находится в очевидном противоречии с этим неизбывным правилом. ⁷⁵

Следовательно, образование отрицательной формы глагола могло происходить по модели: *al-i ~ al-a + *ара (~ *аба ~ *ама) 'беря + не будучи' = 'не беря'; ср. образование модальности невозможности: al-i ~ al-a + u + ma- (u- 'мочь', 'быть в состоянии') 'не мочь брать'.

Устранение сочетания двух гласных (конечного гласного первого компонента и начального гласного второго) -i + a- произошло за счет обычного в такой позиции падения узкого гласного -i: ⁷⁶

⁷³ Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка, т. II. М.—Л., 1961, с. 146; см. еще: С у н и к О. П. Об отрицательных формах тунгусо-маньчжурского глагола. — В кн.: Проблемы сравнительной филологии. (К 70-летию В. М. Жирмунского). М.—Л., 1964, с. 126—138.

⁷⁴ Фонетические варианты см.: К а т а н о в Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903, с. 687—690.

⁷⁵ R a m s t e d t G. J. Die Verneinung. . . , S. 197.

⁷⁶ Ряснянен. Фонетика, с. 52.

alī-apa > *alapa (~ *alaba ~ *alama). Трехсложное слово, как правило, в силу особенностей тюркской акцентуации стремится к двухсложному состоянию: *ālapá- > alpa- ~ alba- ~ alma- 'не брать'.

КАТЕГОРИЯ ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕРШЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ

§ 314. Категория возможности совершения действия (модальность возможности), выражающая, как правило, субъективную возможность совершения действия, образуется сочетанием знаменательного глагола в форме деепр. на -ī, -i (-u, -ü)

1) с глаголом u- 'мочь': *kem urtatı [udaçı erti]* (Ktb 22) 'Кто смог бы погубить [тебя]?';

2) с глаголом al- 'брать' (влияние кыпчакских языков): *toquz oğuz bodunimın tirü qobratı altım* (Mč 51) 'Я смог собрать и умножить мой народ токуз-огузов'.

§ 315. Категория невозможности совершения действия (модальность невозможности), выражающая, как правило, субъективную невозможность совершения действия, образуется сочетанием знаменательного глагола в форме деепр. на -u, -ü (-ī, -i) + гл. uma- 'не мочь' (u- 'мочь') в нужной по смыслу форме:

jaıı bolup itinü jaratunu umadıq jana ičikmis (Ktb 10) 'Став врагами [табгачам], не будучи [что-либо] сделать, создать сами для себя, они снова подчинились [табгачам]'; *üç oğlanımın ulıa[d]-turu umadı-m-a* (E 59, 1 (ДТС 603)) 'Я не смог вырастить трех моих сыновей'.

КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА

§ 316. Категория залога является, с одной стороны, определенной словообразовательной моделью, а с другой — по своим грамматическим функциям — относится к одному из типов формообразования, отчетливо обнаруживаемому в различных отношениях, проявляющихся между действующим лицом и самим действием.

Тесное взаимодействие грамматического и лексического начал в сфере образования залогов проявляется в том, что аффиксы залогов иногда придают (в зависимости от лексического значения) исходной основе не залоговое, а новое лексическое значение, т. е. служат не формообразованию, а словообразованию:

öl- 'умирать' — понуд. залог öl- + ür- 'убивать' — *süsın anta ölür-tim* (M 26) 'Его войско я там уничтожил'; qıl- 'делать', 'создавать' — возвр. залог qıl- + -ın- 'делаться', 'образоваться'; 'родиться', 'появиться на свет' (§ 319, 5); seḃ- 'любить' — возвр. залог seḃ- + -ın- 'радоваться' (M 2); ög- 'хвалить' — понуд. залог ög- + ir- 'радоваться' (İB 45).

В ТРП представлены следующие разряды залогов: основной (прямой), взаимный, возвратный, страдательный, понудительный.

§ 317. Основной (прямой) залог характеризуется нулевым показателем залога; в зависимости от лексического значения основы

различаются переходные и непереходные глаголы, а иногда одна и та же основа имеет и переходное, и непереходное значение.⁷⁷

Понятие переходности и непереходности глагола в тюркских (resp. алтайских) языках приобрело отличное, например, от русского языка значение; так, если под переходным глаголом понимать слово, управляющее винительным или местно-исходным падежами, то в тюркских языках (в том числе и в ТРП) к числу переходных глаголов следует причислить глаголы движения, глаголы, обозначающие положение в пространстве, глаголы, обозначающие состояние, процесс и т. п., которые в тюркских языках сильно управляют основным, винительным, исходным и местным падежами. Форма падежа объекта действия уточняет и, более того, определяет семантику глагола.

Переходные глаголы по своим связям с формой падежа объекта делятся на глаголы прямо-переходные и глаголы косвенно-переходные.

§ 318. Афф. взаимного залога $^{-\circ}\check{s} \sim ^{-\circ}s$ (этимологически связан с афф. двойственности-множественности $-z \sim -s$,⁷⁸ — см. § 268, 2) сообщает исходной основе

1) взаимно-возвратное значение, т. е. обозначает действие, при котором субъект является действующим лицом и объектом того же действия:

*sünj + -üş- 'биться', 'сражаться' — bolučuda sünjüşdimiz (М 28) 'Мы сразились на [р.] Болучу';

2) совместное значение, т. е. обозначает совместное действие двух или нескольких субъектов без возврата действия на них:

öglä + -š(-s)- 'совещаться' (ög 'разум' < ö- 'думать'); *qab-iš(-is)- 'соединяться' (qab- ~ qav- < *qa- 'класть', 'складывать')⁷⁹ — ol üç qağan ögläšip altun jış üzä qabışalım temis (Т 20) 'Те три кагана, посоветовавшись, решили (сказали): «Соберемся в Алтунской черни»'; qač + -iš(-is)- 'разбегаться' (qa + -č- 'убегать') — ol qaп joq boltuqda... el qačışmıs (О 1) 'Когда того хана не стало... его эль разбежался'.

§ 319. Афф. возвратного залога $^{-\circ}n$, по-видимому восходящий к «местоименному -n» (= афф. посессива),⁸⁰ сообщает исходной основе

1) собственно-возвратное значение, выражающее действие, исходящее от субъекта и возвращающееся на него:

⁷⁷ Севортян. Афф. глаголообразования, с. 456—467.

⁷⁸ См. еще: Кононов. Гр. узбекск. яз., § 235.

⁷⁹ К о р м у ш и н И. В. Лексико-семантическое развитие корня *qa в алтайских языках. — В кн.: Тюркская лексикология и лексикография. М., 1971, с. 13.

⁸⁰ Подробнее см.: Кононов. Гр. узбекск. яз., § 236. — Л. Н. Харитонов (Залоговые формы глагола в якутском языке. М.—Л., 1963, § 186—188) возражает против этого предположения; см. еще: С е р е б р е н н и к о в Б. А. К проблеме происхождения аффиксов страдательного залога -l... -п... в тюркских языках. — СТ, 1976, № 2, с. 29—34.

alq + -in- 'изнурять себя', 'доводить себя до гибели, смерти' (alq- 'губить', 'уничтожить') — türk bodun ... alqıntı (Т 3) 'Тюркский народ изнурил себя';

2) общевозвратное значение, выражающее душевные переживания:

seḅ + -in- 'радоваться' (seḅ- 'любить') — türk beḡlār bod[un] öḡirip seḅinip... (М 2) 'Тюркские беки и народ ликуют и радуются...'; saqı + -n- 'беспокоиться', 'становиться грустным', 'скорбеть', 'заботиться', 'присматривать за кем-л.' (ДТС 486) — inim kül teḡin keḡgāk boltı özim saqıntım (Ktb 50) 'Мой младший брат Кюльтегин скончался, сам я заскорбел';

3) пассивно-возвратное значение, выражающее а) действие, которому подвергается субъект, б) действие, которое может мыслиться возвращающимся на действующее лицо:

boḡuz-la + -n- 'перерезать горло (кому-л.)', 'быть задушенным, зарезанным' — jirči... boḡuzlantı (Т 26) 'Проводник... был задушен (зарезан)'; teḡzin- (< *teḡ + -iz + -in-) 'вращаться', 'возвращаться' — elimdä tört teḡzindim (Е 29, 6) 'Из моего эля я [уходил и] возвращался четыре раза'; teḡ + -in- 'разверзаться', 'давать трещину' (teḡ- 'продырявить') — ... jir teḡlinmäsär (Ktb 22) '...если земля не разверзнется'; tut + -un- 'держаться' (tut- 'держать') — iḡaç tutunu aḡturtım (Т 25) 'Я приказал [воинам] подняться [на гору], держась (цепляясь) за деревья';

4) активно-возвратное значение, выражающее действие, совершаемое самим субъектом в своих интересах, для себя, в свою пользу:

... it + -in-i jara-t-un-u umaduq... (Ktb 10) 'Не будучи в состоянии [что-либо] сделать для себя, создать для себя...'; altunlıḡ keḡşig beḡimkä ba-n-tım (Е 10, 5) 'Я повязал золотой колчан себе на поясицу'; türk bodun... qanla-n-tı (Т 2) 'Тюркский народ... обзавелся ханом'; altı jaşımta qan adırdım bil-in-mädım (Е 32, 16) 'В шесть лет я лишился отца; я не сознавал [того]'; ... üç eḡimä adır-in-dım (Е 32, 13—14) 'Я расстался с тремя моими дядями';

5) медио-пассивное значение при переходных глаголах:

qıl + -in- 'делаться', 'образовываться', 'быть сделанным', 'быть созданным', 'родиться'⁸¹ (qıl- 'делать') — bilḡä toḡnuq beḡ özim taḡaç ilinä qılıntım (Т 1) 'Я сам, правитель Тоньюкук, родился в табгачском эле' (или, возможно: 'во время правления табгачей').

⁸¹ «Burada dikkatimizi çeken *kılınmak* deyimidir. Büyük Türk imparatoru Babur-şah da kendesinden bahsederken *kılınmış* olduğunu söyler. Doğdum, yaratıldım, dünyaya yükseldim, geldim gibi açık ve alçak gönüllükle ifade edilmesi gereken bu kelimeler bir mana taşımıştır» (Сафериоглу А. «Er-kişi» ve «Hatun-kişi» niyetine. — In: Necati Lugal Armağanı. Ankara, 1969, s. 161). И. В. Кормушин обратил мое внимание на следующее предложение из Хуастуанифта, где синонимом глагола toḡ- 'рождаться' выступает глагол qılın-: *kentü toḡmış qılınmış meḡigü tärḡi jerin unıtu itdi* (Chuast В 14) 'Они забыли вечную обитель богов, где они сами родились и появились [на свет]' (ДТС 443). См. еще: Sertkaya O. The first line of the Tonymukuk monument. — CAJ, 1979, v. 33, N 3—4, p. 288—292.

Ср. другие толкования данного примера. Thomsen. Turcica, p. 99: 'J'étais destiné par la naissance (littéralement: fait, créé) à (appartenir à) l'empire chinois'; Малов. ПДТП, с. 64: 'Я сам, мудрый Тоньюкук, получил образование под влиянием культуры народа табгач'; ДТС 168: 'Я сам, мудрый Тоньюкук, получил воспитание [на манер] китайского народа'; Giraud. L'inscription, p. 59: 'Moi-même, le Sage Tonyouqouq, je suis né à l'époque de l'administration chinoise'; Orkun, I, 100: 'Bilge Tonyukuk ben kendim Çin ülkesinde vucüt buldum'; Clauson G. (The Ongin Inscription. — JRAS, October, 1957, p. 184—185): 'I myself, the wise Toñukuk, grew up (i. e. as a subject of) the realm of China'; Tekin. Grammar, p. 283: 'I myself, Bilgä Tonyukuk was born in China'; Bazin. Les calendriers, p. 196: «tabğaç elinā kilintim signifie 'je suis venu au monde sous l'Empire Chinois', c'est-à-dire sous le protectorat chinois qui, de 630 à 682 environ, domina les Turcs. Or, nous avons vu (plus haut, 46) que Tonyukuk était né vers 647. On sait même qu'il avait reçu une éducation chinoise et occupé un poste administratif chinois».

Второй пример: qarɣan⁸² (Малов, Orkun: qarayan) elteriš qarayan elinā qilintim (0 4) 'Я родился во время правления Эльтериш-кагана Завоевателя' (ср.: Бернштам, с. 39).

Ср. еще другие переводы. Bazin. Les calendriers, p. 196: 'Je suis venu au monde sous l'Empire d'El-teriš qarayan le Conquérant'; Tekin. Grammar, p. 291: 'I was born in the reign of Qarayan İlteriš Kagan'; Малов. ПДТП МК, с. 10, строка 4: 'Я, Капаган, был воспитан в преданности государству Эльтэрэс-кагана'; Orkun, I, 128: 'Kapagan Elteriš hakan ülkesine tayin olundum'; G. Clauson (The Ongin Inscription, p. 188): 'I grew up for (i. e. as a subject of) the realm of Kapgan and Elteriš'.

Мне представляется правильным перевод и толкование (см. ниже) Л. Базена (и близкий к нему перевод Т. Текина); перевод Л. Базена достаточно аргументирован: «C'était oublier que Kapgan, dérivé de kap- 'saisir brusquement, ravir' n'était pas seulement un nom de règne, mais aussi un adjectif laudatif signifiant 'le ravisseur, le conquérant'. S'il s'agissait dans le texte de l'Ongin des deux Kagan, le titre de kagan devrait être répété, et figurer déjà une première fois après kapgan; de plus, conformément aux habitudes de rédaction de ces inscriptions, l'ordre chronologique devrait être suivi, et El-teriš nommé avant Kapgan. Mais il n'y a rien de cela, et le sens est tout simplement: 'Je suis venu au monde sous l'Empire d'El-teriš kagan le Conquérant'». В переводе Л. Базена вызывает возражение лишь слишком расширительное толкование термина el ~ il, которому сообщается значение 'l'empire', что яв-

⁸² Этимологию этого слова см. в § 112, а также: S i n o r D. Qarɣan. — JRAS, 1954, pt. 3—4, p. 174—184; Clauson G. A note on qarɣan. — JRAS, 1956, pt. 1—2, p. 73—77; ср. еще: Ramstedt. SKE, p. 95; Р а д ж а б о в А. Об Онгинском памятнике и слове «капаган». — Вест. АзГУ. Сер. языка и лит-ры, 1966, № 6, с. 79—85; Кляшторный, с. 35.

ляется чрезмерной модернизацией (ср.: Мелиоранский. КТ, с. 82—83; Кляшторный, с. 23).

Слово қаруан (қарауан) в значении почетного прозвища — тронного имени — используется в надписи Тоньюкука в контексте с именем Эльтериш-кагана: қаруан қауан түрк сир бодун жірiнтä (жірiнтä) бод жәмä бодун жәмä кiсi жәмä иди жоқ ертäңi ерти (Т 60) 'На Земле кагана-завоевателя (т. е. Эльтериш-кагана, отца Кюль-тегина и Могилян-хана, правившего с 681 по 691 г.) и народа тюрков-сиров совсем не было бы ни племен, ни народов, ни людей'. Интересны другие варианты. Малов. ПДТП, с. 70: 'В земле Капаган-кагана и народа тюрков-сиров...'; Giraud, p. 64: 'Sur la terre de Qarqhan et du peuple Türik...'; Tekin. Grammar, p. 290: 'in the land of Qarqan Kagan and of Turkish sir people...'; ср.: Бернштам, с. 45.

В предпоследней строке надписи Тоньюкука (Т 61) читаем: ilteris qarqan bilgä toñuquq qazıantıuq üčün qarqan (qaraqan) qarqan türk sir bodun jorıduqı bu...⁸³ 'Так как Эльтериш-каган и правитель Тоньюкук приобретали [земли и народы], возможно было [благополучное] существование (кочевание) народа тюрков-сиров [во главе] с каганом-завоевателем' или '...возможно было [благополучное] существование (кочевание) кагана-завоевателя (т. е. Эльтериш-кагана) и тюрков-сиров'. Вот варианты переводов. Малов. ПДТП, с. 70, стк. 61; Бернштам, с. 45; Tekin. Grammar, p. 290: 'Since Ilteriş Kagan and Bilgä Tonyukuk have won, the Turkish Sir people of Qarqan Kagan have flourished this much'; Giraud. L'inscription, p. 64: 'Parce qu' Elterich Qaghan et le Sage Tonyouquq ont vaincu, l'histoire de Qarqhan Qaghan est telle'; Orkun, I, 120: 'Elteriş hakan (ve) bilge Tonyukuk kazandığımız için Kapagan hakan, türk müttahit (?) milleti iñişar etti'.

Следует принять во внимание еще одно важное обстоятельство: словосочетание қаруан ~ қарауан қауан в качестве почетного прозвища — тронного имени — было присвоено также хану Мочжо (китайская транскрипция тюркского Мочор < Бек ~ Бюг-чор), брату Эльтериш-кагана, правившему с 691 г. по день своей гибели — 22 июля 716 г.

§ 320. Афф. -^оn при основах переходных глаголов, как правило, имеет и возвратное, и страдательное значение:

jir qılınuqda... kisi oğlı qılınmıs (Ktb 1) 'Когда была сотворена земля... были созданы сыны человеческие'.

§ 321. Страдательный залог образуется с помощью афф. -^оl, -^оn как от переходных, так и глаголов движения, глаголов, обозначающих положение в пространстве или состояние, процесс и т. п.; афф. -^оn употребляется после гласных основ и основ

⁸³ Ср.: Giraud. L'inscription, p. 121 («La fin de la ligne porte bien *bu*. C'est un démonstratif en fonction de prédicat, comme *ol* à la ligne (34); jorıduqı: Nom verbal de jorı- au sens de „vivre“, „se comporter“. Ici, „manière d'être, histoire“»). С. Е. Малов (ПДТП, 61) это слово поставил в скобки; Оркун его опустил, а слово jorıduqı прочитал как jorıduq (Orkun, I, 120).

на -l. Употребление афф. -^on вместо афф. -^ol при основах с конечным -l обычно объясняется тем, что афф. -^on в этой позиции является фонетическим субститутотом афф. -l: *alil- > alin- 'быть взятым'⁸⁴ — *ben beş jęgirmi jaşda alinmişim* (E 11, 1) 'В возрасте пятнадцати лет я был взят [на воспитание к табгачам]'.

В енисейских памятниках нередко параллельно используются глаголы с афф. -^on/-^ol с одинаковым падежным управлением: *ata-çamqa* (Малов: *taçamqa*) *adırıldım* (E 32, 4) 'Я расстался с моими любимыми родичами'; *qujdaqı qunçuįma adırıldım* (E 6, 4) 'Я расстался с моими девицами-ханшами, живущими в [ханских] по-коях'.

Возможность параллельного употребления возвратно-страдательного залога с формантами -^on/-^ol объясняется, по-видимому, наличием в обеих формах среднезалогового значения; в медиальном значении возвратный и страдательный залогов сближаются и выступают в составе предложения в функции однородных членов при одном и том же подлежащем:⁸⁵ *jer saju bardı qor anta alq-in-tiğ ar-il-tiğ* (Ktm 9) 'Ты кочевал по [многим] землям, ты совсем там изнемог и изнурился'.

Афф. -^ol сообщает основе два значения.

1) Пассивно-возвратное значение:

ter- + -il- а) 'собираться'; б) 'быть собранным' (*ter- ~ tir-* 'собирать') — *jarış jazıda on tümän sü terilti* (T 36) 'На Ярышской равнине⁸⁶ собралось десять тюменов войска';

adır- + -il- (> *adrıl-*) а) 'отделяться', 'расставаться', 'разлучаться'; б) 'быть отделенным' — *türk bodun... tabğaçda adıriltı* (T 2) 'Тюркский народ ... отложился от табгачей'.

В енисейских памятниках *adırıl- ~ adrıl- // adırin-* управляет, как правило, дательным п.: *bodunıma künimä qadaşıma adırıldım* (E 11, 5) 'Я расстался с моим народом, с моими людьми, с моими родичами'.

2) Безлично-пассивное значение (от непереходных глаголов), при котором субъект мыслится как неопределенно-личный деятель: *tirilip jitmis er bolmıs* (Ktb 12) 'Когда они собрались / собравшись, [их] стало семьдесят воинов'.

§ 322. Понудительный залог выражает действие переходное; по характеру участия субъекта в осуществлении действия этот залог представлен двумя разновидностями.

1) Субъект — реальный производитель действия выступает в предложении в качестве подлежащего; в этом случае понудительный залог образуется от основ непереходных глаголов, превращая их в переходные: *udı-* 'спать' — *udı + -t-* 'усыплять', 'да-

⁸⁴ См.: Благова Г. Ф. Формы пассива, представленные в «Бабурнаме», и особенности их синтактико-стилевого использования. — In: *Asian and African Studies*, I. Bratislava, 1965, с. 21—48.

⁸⁵ См.: Шервашидзе И. Н. Формы глагола в языке орхоно-енисейских надписей. АКД. Тбилиси, 1977, с. 10.

⁸⁶ Северная часть Семиречья (?) (Бартольд. Соч., т. V, с. 317).

вать спать'; ud- 'следовать', 'идти вслед за кем.-л.' — ud- + -iz- 'заставить идти вслед за кем.-л.', 'вести'; öl- 'умирать' — öl- + -ür- 'убивать'.

2) Субъект — реальный производитель действия выступает в предложении как дополнение в дательном п.; он осуществляет действие не по своей воле, а по приказу, по желанию другого лица, по разрешению другого субъекта, который может быть и не выражен отдельным словом в предложении, но обязательно показан в глаголе аффиксом понудительного залога; последний в этих случаях образуется от переходных глаголов, превращая их во вдвойне переходные, т. е. управляющие двумя объектами — в дательном и винительном (или основном) падежах.

Волеизъявление субъекта действия приобретает (в зависимости от общего смысла предложения) различные формы — от категорического приказа до безвольного разрешения, а потому обычно русский перевод таких глаголов состоит из сочетания глаголов *заставить, приказать, принудить, велеть, дать, позволить, допустить* + значение основы глагола: aj + °t- 'заставить, приказать, принудить, велеть, дать, позволить, допустить говорить'.

Реальных производителей действия может быть несколько: jara- 'подходить', 'годиться' — jara- + -t- 'создавать', 'творить', jara- + -t + °t- 'заставить создавать, творить' — belgümin bitigimin anta jaratitdim (Mč 20) 'Я там приказал создать [выбить на камне] мой знак [тамгу] и мою надпись'. Ср. еще: jara-t-ur- ~ jarat-it- — aṇar adinčir barq jaraturtim (Ktm 12) 'Я приказал им построить особое [надгробное] сооружение'.

Сказуемое в форме понудительного залога от переходных глаголов — в зависимости от семантики предложения в целом — может указывать, что субъект, выраженный личным окончанием глагола, сам подвергается действию, обозначенному исходной основой: ekisin özi al-tiz-di (Ktb 38) 'Двоих из них он сам позволил взять'; ср.: ol tavar alduzdi (МК-БА, II, 87) 'У него разграбили имущество'.

Понудительный залог образуется с помощью ряда аффиксов, одна часть которых является первообразными (они состоят из соединительного гласного + согласный), вторая часть — второобразными (они состоят из согласного + гласный + согласный, причем согласные те же самые, что и в первообразных аффиксах).⁸⁷

§ 323. Первообразные аффиксы понудительного залога следующие.

1) -°t употребляется после односложных основ, после гласных основ и после двусложных основ на -r.

örgin anta it-it-dim čit anta toqit-dim (Mč 20) 'Я приказал соорудить там дворец, я приказал возвести там [крепостные] стены'; sü jori-t-dim atla-t tidim (T 25) 'Я сказал: «Я поведу войско,

⁸⁷ Основную литературу о происхождении аффиксов понудительного залога см.: Кононов. Гр. узбекск. яз., § 239; Gabain. Alttürk. Gr., § 165—166.

сидись на коней!»; joq čīyāñ bodunīy qor qobra-t-dīm⁸⁸ (Ktm 10) 'Бедный-неимущий народ я собрал воедино'; [özümün ol tārī] qağan olur-t-dī erinč (Ktb 25—26) 'Меня самого то Небо, надо полагать, соизволило посадить [на ханство]'; ... qağaŋuŋ ul̄yar-t-dīm⁸⁹ (Т 53) 'Я приказал увеличить число дозорных'.

2) Звонкая разновидность афф. -t — °d глагольной основе сообщает понудительное значение: *ī + -d- 'посылать'; *qo + -d- 'класть', *to + -d- 'насыщаться' (?); ig + -id- 'поддерживать', 'поднимать' (*ig- ~ aŋ- 'подниматься', 'восходить'); aŋ + -īd- (Т 34) 'приказать сказать'; jaŋī + -d- (Т 39) 'заставить рассеиваться'; ср. еще jarat-id(d)-īm (М 14), bit-id(d)-īm (М 15).

Следует иметь в виду, что существует еще омоформа, которая именной основе сообщает непереходное (среднее) значение; в этом случае афф. -°d имеет независимое от указанного выше аффикса происхождение: jaŋī + -d- 'стать врагом', qul + -ad- 'стать рабом' (см. § 187).

3) -°r образует понудительный залог от односложных согласных основ и от основ с аффиксом понудительного залога на -°t.

tūs + -ūr- 'приказать спешиться' (tūs- 'спешиваться') — ... sanaŋalī tūsürtimiz (Т 27) 'Чтобы пересчитать [войско], мы приказали [воинам] спешиться'; [tabŋ]ač qaŋanta bēdizči kēl-ūr-tim (Ktm 11) 'От табгачского кагана я пригласил прибыть резчиков [по камню]'; aŋar... barq jarat-ur-tīm (Ktm 11) 'Я приказал им построить [надгробное] сооружение';

... sūladim... ičgirtim (ič-ik / g + -ir + -tim < ičik- 'подчиниться' + -°r — афф. понудительного залога) (М 25) 'Я пошел [на него] войною ... покорил [его]'; ср.: ... ičigirip jana joridīm (Мѣ 7) 'Покорив [врагов], я снова пошел [в поход]';

taš + -īq + -īr- / taš + -īq + -ar- 'удалять', 'устранять'; tašīŋr- (Мѣ 22) / tašŋur- / tašŋar- / tašŋar- id. (ДТС 540) (tašīq- 'выходить', 'выступать').

Глагол bošŋur- 'учить', 'наставлять' (Ktm 7, 13) < ? *boš- -uŋ (~ -uŋ) + -uŋ, где, может быть, *boš — окаяющий вариант слова baš 'голова', 'начало'; ср. еще: bošŋun- 'учиться', 'обучаться'.

4) -°z (~ -°r) отмечен в примере: ötükān jīšŋaru ud-iz-tīm (Т 15) 'Я повел войско к Отыкенской черни' (ud- 'следовать').

5) В определении функций и значения афф. -°ŋ, -°q; -°g, -°k тюркологи расходятся; одни считают его аффиксом интенсификации, другие — аффиксом пассива, третьи — аффиксом медиопассива.⁹⁰

⁸⁸ qobra- (< qor ~ qob 'весь', 'все', 'совсем') < qob + -īr + -a; ср.: ДТС 462 — qubrat-.

⁸⁹ ul̄yar-t- < uluŋ-a-r-t- 'заставить сделаться большим'.

⁹⁰ K o w a l s k i T. De la nature du causatif et du passif dans les langues turques. — RO, 1949, t. 15, p. 430—438; см.: Кононов. Гр. узбекск. яз., § 237; см. еще: Räsänen M. Die Reflexiva u < *bu im Türkischen. — MSFOu, 1962, 125, S. 441—442; M e n g e s K. H. Zum ural-altäischen -u/-w des medio-passiven Aspekts im Türkischen. — UAJ, 1963, 35. Bd, fasc. D, S. 422—424; Ç a ğ a t a y S. Pekistiren fiiller. — TDAYB, 1966. 1967, s. 39—44.

По мнению автора этой книги, названный аффикс сообщает глагольной основе понудительно-пассивное значение: al- 'брать' — alq- 'захватывать', 'губить', 'уничтожить'; bas- 'давить', 'нападать' — basıq- 'дать напасть (на себя)', 'подвергаться нападению'; ср.: bassıq-, bastıq- id. (ДТС 86).

Указанный аффикс входит в состав второобразных аффиксов понудительного залога: -γın, -γur, -γar (§ 324, 3, 4, 5).

§ 324. Второобразные аффиксы понудительного залога следующие.

1) -tur, -tür состоит из двух первообразных аффиксов — t/-d + -°r. Ср.: öl + -ür- // öl + -tür- // öl + -dür- 'убивать'.

bodunıy anča qon-tur-tımız (Ktb 21) 'Народ мы так расселили'; at üzä bin-tür-ä... (T 25) 'Приказав сесть на коней...'; başlıγıy jük-ün-tür-mis (Ktb 2, 15) 'Имеющих головы он заставил [их] преклонить'.

2) -tiz, -tuz, -tiz, -tüz (< -t + °z ~ °r — два аффикса понудительного залога). В ТРП встречаются в единичных случаях:

... ekisin özi al-tüz-dı (Ktb 38) 'Двоих из них он сам позволил взять (~ отпустил = не сумел взять!)

3) В афф. -γ°n, -q°n, -g°n, -k°n < -γ, -g; -q, -k + -n первый согласный — понудительно-пассивный аффикс, второй — аффикс возвратно-страдательного залога:

ıçγın- ~ ıçγun- (< *ıç + -ıγ + -°n) 'выпускать (из рук)', 'лишаться', 'терять', 'утрачивать'; 'скрываться', 'исчезать' (ДТС 216) — ... ilin ıçγınu idmis (Ktb 6) 'тюркский народ] привел в расстройство свой эль'; qaγanladuq qaγanıñ ıçγını idmis (O 2) 'Он [тюркский народ] лишился своего каганствующего кагана'; uzuntunluγ küzünüsün kölkä ıçγınmis (İB, 33—34) 'Женщина уронила свое зеркало в озеро';

elimdä biş qata tezgintim (Малов, ПДТП МК, с. 72) 'Пять раз я заставлял себя бежать из моего эля' (< *tez + -ig + -in- 'заставлять себя бежать', 'убегать'; tez- 'бежать', 'убегать').

4) -γur, -gür; -qur, -kür состоит из двух аффиксов понудительного залога — -°γ + -r:

jablaq ki-gür-tig (Ktb 23) 'Ты поступил дурно' // 'Ты причинил зло' (kiğür- 'вводить', 'вносить', 'доставлять' (ДТС 306) < *k° — корень, входящий в состав ряда глаголов движения: ke + l- 'приходить', ke- ~ ki- + t- 'уходить', ki + -r- 'входить' и др.); ... tur + -γur + -u qo[d]tım (Mě 14) '... я оставил [их] жить [на старых местах]'; qanıñ subča jü-gür-ti (Ktb 24) 'Кровь твою [враги] заставили течь словно воду'; kök öñüg ju-γur-u (T 15) 'Приказав [войску] переправиться через [р.] Кёк-ёнг...' (< *jü- ~ jö- ~ ju- ~ jo- + -r — аффикс понудительного залога — 'ходить', 'идти').

5) -γar, -gär; -qar, -kär (< -γ + -°r) — тот же аффикс с огласовкой широким гласным.

6) -sıq, -suq, -sik, -sük состоит из двух аффиксов понудительного залога — s(~ °z) + -°q; используется крайне редко; сообщает

исходной основе косвенно-пассивное значение (одно из значений понудительного залога):⁹¹

ol tavarin al-siq-ti (МК, I, 243) 'У него украли скот' (ДТС 39).

7) -tiq, -tuq; -tik, -tük (< -t + -q — два аффикса понудительного залога), являющийся фонетической разновидностью афф. -sîq,⁹² имеет медиопассивное значение.

§ 325. Залоговые аффиксы, как видно из приведенных выше примеров, часто дополняются вторым показателем залога (см. выше); ср. еще: joñaşur- > joñşur- (трехсложное слово превращается в двухсложное < joña- 'клеветать', joña + -ş- 'клеветать вместе или друг на друга', joña + -ş + -ur- 'заставить клеветать вместе или друг на друга'; keñaşür- (~ kiñaşür-) > keñşür- (~ kiñşür-) 'ссорить', 'вызывать вражду' < kek (? < keñ) 'вражда', 'ненависть', 'злоба' (ДТС 295); ср.: kæg 'вражда' (Малов. ПДТП, 392), keksür- 'ссорить', 'вызывать вражду', kikčür- id. (Clouston. Etymolog. Dict., 714, 734) — inili eçili kiñşürtükün üçün beqli bodunlıy joñşurtuqın üçün... (Ktb 6) 'Из-за того что они [табгачи] ссорили младших братьев со старшими, из-за того, что они [табгачи] клеветали и на беков и на народ...'.
..

КАТЕГОРИЯ ПЕРЕХОДНОСТИ/НЕПЕРЕХОДНОСТИ

§ 326. Категория переходности непосредственно связана с категорией залога.

Глаголы по своим связям с падежными формами объекта делятся на три группы: глаголы прямо-переходные, глаголы косвенно-переходные, глаголы непереходные.

Глаголы прямо-переходные выражают действие, непосредственно переходящее на предмет во всем его объеме; формой объекта при прямо-переходном глаголе является основной или винительный падеж.

Прямо-переходные глаголы по морфологическим признакам делятся на 1) собственно-прямо-переходные глаголы, значение переходности которых обусловлено лексическим значением глагольных основ (al- 'брать', beğ- 'давать'), и 2) каузативно-прямо-переходные глаголы, образующиеся от переходных и непереходных основ с помощью аффиксов понудительного залога, причем непереходные основы становятся переходными, а переходные — вдвойне переходными.

Глаголы движения в тюркских языках относятся к собственно-переходным глаголам, которые сильно управляют основным, винительным и местным-исходным падежами; форма падежа объекта уточняет и часто определяет лексическое значение глагола.

olur- (< oltur- > otur-) 'сидеть', 'властвовать' ('царствовать', 'ханствовать'); 'садиться', 'поселяться'; 'обитать', 'обживать' (ос-

⁹¹ Подробнее см.: Севортян. Афф. глаголообразования, с. 511—512.

⁹² K o w a l s k i T. Op. cit., p. 431; Севортян. Афф. глаголообразования, с. 512.

новной, дательный, местный-исходный п.) — türk qağan ötükän jïs olursar... (Ktm 3) 'Когда тюркский каган сидит в Отукенской черни...'; neñ jïlsïŷ bodunqa olurmadım... jabız jablaq bodunta jüzä olurtım (Ktb 26) 'Я сел [каганом] совсем не над богатым [скотом] народом..., я сел над народом жалким и ничтожным' (в этом примере дательный п. — в первом случае — заменен местным-исходным п. под влиянием послелога üzä).

adïrıl- 'быть отделенным'; 'отделяться'; 'расставаться', 'разлучаться' (основной, дательный, местный-исходный п.) — qadaşım adïrıldım... qunçuŷım adïrıldım şekiz oŷlım adïrıldım (E 13, 1) 'Я расстался с моими родственниками... моими ханшами-девицами, с восемью моими сыновьями'; bodunuma oŷluma jotuzuma adïrıldım (E 43, 1—2) 'Я расстался с моим народом, с моими сынами, с моими женами'; türk bodun... tabŷaçda adïrıldı (T 2) 'Тюркский народ... отложился от табгачей'.

Ср. еще: bök- 'наедаться', 'удовлетворяться', 'быть довольным', 'наслаждаться'; 'пресыщаться' (дательный, местный-исходный п.) — täŷridäki künkä jerdäki elimkä bökmädım (E 7, 3) 'Я не наслаждался солнцем, что на небе, моим элем, что на земле'; eŷ eŷrdäimindä bökmädım (E 44, 6) 'Я не наслаждался моей геройской доблестью'.

tap- 'служить' (основной, дательный п.) — qanım elimkä tapdım bilgä ögäm tapdım qadaşım tapdım (E 13, 2) 'Я [преданно] служил моему хану, моему элю, я служил моему правящему оге (§ 110, 1), я служил моим сотоварищам'.

КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ И ВРЕМЕНИ

§ 327. Категория наклонения выражает отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим. Каждое наклонение, за исключением повелительного, имеет формы, фиксирующие осуществления действия во времени.

Наклонений в ТРП три: повелительное, изъявительное, желательное.

Условное наклонение как таковое в ТРП заменяется функционально условным деепричастием (§ 231).

Категория времени выражается тремя временными планами — настоящим, прошедшим, будущим, — которые в свою очередь имеют внутри себя более дробные деления.

Повелительное наклонение

§ 328. Повелительное наклонение, выражающее повеление, приказание, побуждение к действию, в современных тюркских языках сопровождается побудительной интонацией, смещающей ударение на основу.

Повелительное наклонение вместо трехчленной схемы (основа глагола + показатель наклонения // времени + показатель лица) имеет двухчленную схему: основа глагола + показатель лица; кроме того,

1 л. ед. и мн. числа отсутствует, так как в соответствии с планом своего содержания оно включается в состав желательного наклонения (§ 350).

2 л. ед. ч. имеет две формы.

1) Форма категорического императива, имеющая нулевой показатель наклонения, совпадает с основой глагола:

bu süg elt tidi (T 32) 'Он сказал: «Веди это войско!»'; ... marimınča bol (E 47, 9) 'Будь подобен моему духовному наставнику!'; ... basıtma timis (T 34) '«... не дай себя одолеть!» — сказал он'.

2) Форма почтительного приказания—просьбы образуется с помощью афф. -γıl, -gil < -γı + -l, где -γı, -gi — афф. будущего вр.,⁹³ -l — дейктическая частица, входящая в состав указательного местоимения ol, или, может быть, это аффикс собирательности—множественности.⁹⁴ Во многих языках формы будущего вр. функционально используются в качестве формы почтительного приказания—просьбы. В пользу предположения, что формант -l является показателем собирательности—множественности, служат также разновидности этого аффикса -γıg, -γın < -γı + -g ~ -n — показатели собирательности—множественности.⁹⁵ Наличие в составе этого аффикса показателя собирательности—множественности служит двум целям — подчеркивает, с одной стороны, почтительность волеизъявления и, с другой стороны, возможность обратиться просьбу ко многим лицам:

sabımın tükäti esidgil (Ktm 1) 'Речь мою полностью выслушайте!'; qaraγu eđgüti urγıl... timis (T 34) '«Караулы хорошо расставь(те)», — сказал он'; jıčä isig küçig birgil tidim (Mč 17) '«Снова отдавай(те) [мне свой] труд и силу», — сказал я'.

§ 329. 3 л. ед. и мн. ч., обозначающее пожелание, просьбу, образуется в ТРП с помощью афф. -zu, -zü, -zun, -zün; последнему в большинстве современных тюркских языков соответствуют афф. -sın, -sun, -sin, -sün,⁹⁶ в старых текстах (например, в «Кутадгу билиг») этот аффикс встречается также в виде -sunu, -zunu, -sünü, -zünü.

По мнению О. Прицака,⁹⁷ конечные -u, -ü в составе названной формы — афф. принадлежности 3 л.; с этим невозможно согласиться, так как присоединение афф. принадлежности к любой неизменной форме субстантивирует ее.

По предложению В. В. Радлова,⁹⁸ формант -zu является сокращенной, а формант -zunu распространенной формой от -zun, что также не соответствует истинному положению (см. выше).

⁹³ См.: Рамстедт. Введение, § 50.

⁹⁴ Ср.: Баскаков Н. А. Происхождение форм повелительно-желательного наклонения в тюркских языках. — ВЯ, 1975, № 1, с. 98—99.

⁹⁵ Кононов. Гр. узбекск. яз., § 254.

⁹⁶ Ср. еще: -sun > -suγ > -suv (Рясянен. Фонетика, с. 177).

⁹⁷ Pritsak. Bolgaro-Tschuwaschica, S. 285—286.

⁹⁸ Radloff. ATIM, NF, S. 91.

Исходной основой этого аффикса (во всех его модификациях) является -zu(-su) — показатель общеалтайского желательного наклонения,⁹⁹ получивший дальнейшее морфологическое развитие через присоединение форманта -n, -nu < *in-i, *an-u (дейктическая частица), но, конечно, это не аффикс пассивного причастия.¹⁰⁰

По Прицаку (указ. соч.), -n в форме -sun есть показатель единичности — «-n Individualis», — что не может быть подтверждено какими-либо реальными фактами.

Афф. -zu, встречающийся в ТРП два раза в совершенно аналогичных примерах, по наблюдениям В. В. Радлова,¹⁰¹ использовался только при положительных основах, а афф. -zun — при отрицательных основах:

tānri jarlīq[qa]-zu (Ktb 29; T 53) 'Да будет Небо [ко мне] благосклонно!'; kögmān jir sub idisiz qalmazun tijin... (Ktb 20) 'Чтобы Кёгменская земля — вода не остались без хозяина...'; türk bodun jitmāzūn tejin joluq ɛrmāzūn tejin üzä tānri tər ɛrmis (O 3) 'Небо, что наверху, должно быть, так сказало: «Чтобы не пропал тюркский народ, чтобы не стал он жертвой [врагов]...».

§ 330. В единственном случае¹⁰² встречается формант повелительного наклонения 3 л. -čun, который можно предположительно рассматривать как фонетический вариант афф. -zun ~ -sun ~ якут. -tīn¹⁰³ (t ~ č):

türk bodun joq bolmazun tijin bodun bolčun tijin... (Ktb 11) 'Чтобы не пропал тюркский народ, чтобы существовал тюркский народ...'

По предположению И. Н. Шервашидзе, -čun — «частица, привносящая оттенок просительности или усиления значения, и при нулевой морфеме лица обслуживает 2 л. этого же наклонения; ср. восточно-туркестанское barma-ču 'Не ходи же!'. Если это так, то известная фраза с bol-čun переводится следующим образом: 'Да не погибнет тюркский народ... [ты, тюркский народ] будь же народом!' Что же касается неустойчивости конечного n, то таковая наблюдается и в показателях -zun / -zu; -matīn / -matī. С другой стороны, возможно, он является формой множественного числа форманта -zun; ср. в чувашском языке. В таком случае bodun bolčun следовало бы переводить как '[тюрки] народом пусть будут!'. Чередование z ~ č можно бы также объяснить диалектными различиями». ¹⁰⁴

⁹⁹ Рамстедт. Введение, § 51.

¹⁰⁰ Б а с к а к о в Н. А. Указ. соч., с. 102.

¹⁰¹ Radloff. ATİM, NF, S. 91.

¹⁰² Tekin (Grammar, p. 187) ошибочно указывает на второй случай (M E 10).

¹⁰³ P r i t s a k O. 1) Bolgaro-Tschuwaschica, S. 285; 2) Tschuwaschische Pluralsuffixe. — In: Studia Altaica. Wiesbaden, 1957, S. 145.

¹⁰⁴ Ш е р в а ш и д з е И. Н. Формы глагола в языке орхон-енисейских надписей. АНД. Тбилиси, 1977, с. 18—19; ср.: T h o m s e n V. Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées. — MSFOu, 1896, 5, p. 145 («Le changement en č de s qui suit l se retrouve peut-être en bolča... pour bolsa? Quant à ma traduction

Соображения И. Н. Шервашидзе не могут быть приняты, так как параллельные конструкции *bolmazun // bolšun* указывают на равенство функций и значений *-zun // -šun*.

§ 331. 2 л. мн. ч. глагола, выражающее почтительную просьбу, вежливое пожелание, обращенное как к членимому, так и нечленимому множеству, образуется с помощью афф. *-ŋ, -iŋ, -iŋ < ? -iŋ* — афф. возвратного залога (действие в свою пользу, для себя) + *-γi/-gi* — афф. будущего вр.:

sü barin tidi altun jısa olurun tidi (T 31) '«Воины, выступайте [в поход]!» — сказал [каган]. «Располагайтесь в Алтунской черни!» — сказал [каган]'; *jemä igidin emgätmän tolγatman olurtım* (M Xb 13) 'А еще [так как] я стал [ханом], возвышайте [народ], не притесняйте [его], не заставляйте [его] страдать!'

При логическом акценте на действующее лицо оно выражается личным местоимением *siz* 'вы':

siz taşıqın çikig taşıyırın timis (Mč 22) '«Вы [сами] выступайте [в поход] и чиков принудьте выступить!» — сказал он'.

§ 332. В «Гадательной книге» (İB) указанный аффикс сочетается с показателем множественного числа, передавая, по-видимому, членимое множество:

anča bilinlär (İB 1) 'Знайте, все вы, так!'; ср.: *anča bilin* (İB 3).

Изъявительное наклонение

§ 333. Изъявительное наклонение представлено тремя временными планами: настоящим, прошедшим, будущим; каждый из временных планов выражается простыми и сложными формами.

Простые формы изъявительного наклонения состоят из причастия соответствующего времени и личного аффикса.

Простые формы

§ 334. Настоящее-будущее I время образуется от причастия на *-γ, -°γ, -j°γ* ($< \gamma^{\circ}\gamma$)¹⁰⁵ + личные аффиксы I.

Настоящее I время с показателем *-γ* (после гласных основ), зарегистрированным в двух случаях (*jaša-γ, te- ~ ti + -γ*), с показателями *-aγ, -äγ* (после согласных односложных основ) и *-iγ, -uγ, -iγ, -üγ* (после согласных многосложных основ)¹⁰⁶ обозначает

1) действие регулярно повторяющееся, естественное по своей природе, т. е. действие, не связанное с определенным отрезком времени:

'pour qu'il redevînt un peuple', comp. *budun boldy. . . ils redevinrent un peuple*»).

¹⁰⁵ О различии в значениях этих показателей см.: Бартольд. Соч., т. V, с. 287—288, сн. 25.

¹⁰⁶ Формы с широким гласным противопоставлены формам с узким гласным точно так же, как противопоставляются афф. прошедшего категорического вр. *-dım* и *-dam*; таким образом, речь, по-видимому, идет о первоначальной принадлежности форм, огласованных узким гласным, к *ĩ*-языку, огласованных широким гласным, — к *a*-языку.

öd täñri jasa-r¹⁰⁷ (Ktb 50) 'Время [жизни человека] устанавливает Небо'; бөп аңча ти-г мен... (Т 37) 'Я так говорю...'; tapladuqımın tut-ar мен (ІВ 4) 'Я ловлю то, что мне нравится'; jarın kičä eş-ür мен (ІВ 2) 'Утром и вечером я езжу на коне';

2) действие, которое мыслится как возможное в будущем, а также как действие, которое должно совершиться в будущем:

türgäs qağan aңча timis бөнің bodunım anta ęr-ür timis (Т 21) 'Тюрешский каган так сказал: «Мой народ будет там!» — сказал он'; keļ-ir ęrsär kü ęr ükül-ür (Т 32) 'Если они придут, число славных воинов увеличится'; nekā teẓ-är biz üküš tijin nekā qorq-ur biz az tijin ... tidim (Т 38—39) 'Почему нам следует бежать, дескать [их] много, почему мы должны бояться [их], дескать [нас] мало», — говорил я';

3) действие одновременное с моментом речи:

kemkä ilig qazğan-ur-men tir ęrmis ne qağanqa isig küčig bir-ür мен tir ęrmis (Ktb 9) '«Для кого я добываю эль?» — говорил, так передают, он. «Какому кагану я отдаю [свой] труд и силу?» — говорил он'.

§ 335. Настоящее-будущее I время с показателем -jur, -jür (после гласных основ в положительной форме) наиболее часто обозначает действие одновременное с моментом речи:

tašra jorı-jur tijin kü ęsidip ... (Ktb 11—12) 'Услышав весть о том, что он [Эльтериш-каган] кочует за пределами [своего юрта]...'; altın örgin üzä olurupan meñilä-jür мен (ІВ 1) 'Сидя на золотом троне, я радуюсь'.

§ 336. Отрицательная форма настоящего-будущего I времени (§ 312):

ačsıq tosiq ö-mäz şen bir todsar ačsıq ö-mäz şen (Ktm 8) 'Ты не думаешь о голоде и сытости, стоит [тебе] один раз насытиться, ты не думаешь о голоде'; ср.: ДТС 375, под словом ö- 'думать'.

§ 337. Настоящее-будущее II время образуется с помощью афф. -а, -ä, -j (после гласных основ) < -γaj, -gäj¹⁰⁸ + личные окончания I. Эта форма обозначает, как правило, действие, возможное в настоящем и предположительно возможное в будущем.

Настоящее-будущее II время используется только в енисейских памятниках, в которых встречается наряду с настоящим-будущим I временем:

öz quj jıta¹⁰⁹ siz (Е 26, 4) 'Вы оплакиваете свое жилище'; böri uça (Е 28, 2) 'Волк подыхает (досл. улетает)'; bars adırılmaј (Е 28, 2) 'Барс не уходит'.

¹⁰⁷ Этот пример настоящего-будущего I времени на -г ставится под сомнение; Doerfer, IV, S. 72—73: üd täñri aysar; Clauson (Etymolog. Dict., p. 974): öd teñri aysar (not yasar). — При таком чтении не получается осмысленного перевода!

¹⁰⁸ Предположения о составе этого аффикса см.: Кононов. Гр. узбекск. яз., § 256.

¹⁰⁹ jıta < *jı + -t — афф. понудит. залога + -а < -γaj; ср.: jı- + γ + -la- 'плакать', 'оплакивать'.

§ 338. Прошедшее категорическое время образуется с помощью афф. -tī (-tu), -ti(-tū); -dī(-du), -di(-dū)¹¹⁰ + личные аффиксы II.

Это время служит для передачи прошедшего однократного и многократного действия, достоверность которого не подлежит сомнению (ср. с формой на -mīš):

sūsin buz-dīm ɛlin anta al-tīm (M 34) 'Войско его я разбил, эль его там/тогда захватил'; mēn oylīmqa... bodunīmqa bōk-mā-dīm (E 29, 3) 'Я не наслаждался [жизнью] с моими сынами... с моим народом'; [qanīn] qodur ičik-dīn (T 3) 'Покинув своего (твоего) хана, ты подчинился [табгачам]'; tärrikänkä isig bē-tīn (O 6) 'Ты отдавал [свой] труд [своему] божественному [владыке]'; türgäš qaɣanta körüg kēl-tī (Ktb 29) 'От тюргешского кагана прибыл лазутчик'; sūnūs-dimiz sanč-dīmiz qanīn ölür-tümüz (Ktb 28) 'Мы сразились, бились копьями, хана их убили'; atsar alp ər-tīniz utsar küč ər-tīniz (E 28, 2) 'Вы были стрелком-героем, вы были силой, способной побеждать'.

В памятнике в честь Кюль-тегина (Ktm 9, Ktb 6, 7, 23, 24) и в одном случае в Онгинской надписи (O 7) 2 л. ед. ч. этого времени имеет форму -tīγ, -tig, -dīγ, -dig (< -tīn/-dīn); 2 л. мн. ч. — -tīγiz, -tigiz, -dīγiz, -digiz (очень редко, только в Kt):

jir saji bar-dīγ qor anta alqīn-tīγ arīl-tīγ (Ktm 9) 'Ты скитался по [разным] землям, ты там совершенно изнемог и изнурился'; uša bar-dīγiz (Tekin, Grammar, p. 237) 'Вы улетели (вы умерли)'.

§ 339. Прошедшее неочевидное время, или форма на -mīš(s), в ТРП, как и в более поздних памятниках и в современных языках, обозначает действие (однократное и многократное), имевшее место в прошлом, однако это действие не приурочивается к какому-нибудь определенному моменту в прошлом и не имеет отношения к законченности или незаконченности действия. Прошедшее вр. на -mīš(s) устанавливает только самый факт совершения действия в прошлом, причем говорящий не был свидетелем совершения действия, или оно проходило без сознательного участия говорящего, или он знает и судит о нем со слов другого лица.

По тонкому и точному наблюдению П. М. Мелиоранского, «формы на -мыш, между прочим, выражают иногда действия, предшествовавшие и даже одновременные по отношению к действию, выраженному прошедшим категорическим, но составляющие как бы обстановку, рисующую те обстоятельства

¹¹⁰ Предположения о составе этого аффикса см.: Кононов. Гр. узбекск. яз., § 262; Кузнецов П. И. Происхождение прошедшего времени на -di и имен действия в тюркских языках. — В кн.: Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М., 1960, с. 40—74; Киббаев Дж. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972, с. 82—86; Илич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков, I, с. 218.

при которых оно совершилось» (разрядка моя, — А. К.),¹¹¹ т. е. выступают в обстоятельственной функции.¹¹²

Форма на -mīš(s) в функции Verba finita в ТРП используется только в 3 л. ед. ч.; единственное исключение: *bēn beš jēgirmi jašna alinmīšim* (E 11, 1) 'В возрасте пятнадцати лет я был взят [на воспитание к табгачам]'.

В ТРП все исторические факты, свидетелями которых составители надписей не могли быть и которые освещаются на основании преданий, легенд и изустной традиции, обозначаются формой на -mīš(s):

āčūmiz apamiz bumīn qaγan tört bulunīγ qismis (Clauson: *et-mis*)¹¹³ *jīymis jajmis basmis ol qan joq boltuqda kisrā (kešrā) el jitmis ičγīnmis [qačīšmis]* (O 1) 'Наш старший родич — предок Бумын-каган [все] четыре стороны [света], как передают, сдвигал, нарушил, [народы] рассеял, победил. Затем, когда [э]того хана не стало, [наш] эль исчез, пропал, [разбежался]'; *türk törüsün ičγīnmis bodunīγ ečūm aram törüsünčā jaratmis bošγurmis* (Ktb 13) 'Он, как передают, привел в порядок и устроил в соответствии с тёрю моих старших родичей-предков народ, утративший тюрское тёрю'.

Об отрицательной форме см. § 210.

§ 340. Если суждение о заглавно-результативном действии выносится на основе умозаключения, то оно нередко подкрепляется модальным словом *erinc* 'оказывается', 'кажется', 'по-видимому':

bilgā qaγan ermis alp qaγan ermis, bujuruqī jemā bilgā ermis erinc alp ermis erinc beγlāri jemā bodunī jemā tüz ermis anī üčün ilig anča tutmis erinc (Ktb 3) '[Это] были, как рассказывают, мудрые каганы, [это] были, как рассказывают, храбрые каганы и буюруки,¹¹⁴ по-видимому, у них тоже были мудрые и, надо полагать, были храбрые, народ у них и беки их тоже были верны [своим каганам], как передают, а потому, по-видимому, они столь [долго] правили элем'; *anta kisrā (kešrā) inisi qaγan bolmis erinc... biligsiz qaγan olurmīs erinc jablaq qaγan olurmīs erinc, bujuruqī jemā biligsiz erinc jablaq ermis erinc* (Ktb 4—5) 'Затем каганом, по-видимому, стали их младшие родственники... сели [на царство], надо полагать, невежественные каганы, надо думать, плохие каганы, буюруки у них тоже, надо полагать, были невежественные, плохие, по-видимому'.

¹¹¹ Мелиоранский. КТ, с. 86.

¹¹² См.: Кононов. Гр. тюрецк. яз., § 842; ср. еще пример: тюр. *Aspirin almağa gönderdi. Aspirin almış geliyordum* (O. Kemal. Baba evi) 'Он послал [меня] купить аспирина. Купив аспирин, я (при)шел [домой]'.

¹¹³ Clauson G. The Ongin inscription. — JRAS, 1957, October, p. 177—192.

¹¹⁴ Györffy G. Die Rolle des buyruq in der alttürkischen Gesellschaft. — АОН, 1960, т. XI/1—3, S. 169—179.

§ 341. Будущее категорическое I время образуется с помощью афф. -tačī, -täčī, -dačī, -däčī¹¹⁵ + личные аффиксы I; это время обозначает действие, осуществление которого в будущем не вызывает сомнений.

Это время особенно часто используется в качестве сказуемого главного предложения при реальном случае условного периода:¹¹⁶

ol jirgärü barsar türk bodun öltäči şen (Ktm 8) 'Если пойдешь в те земли, о тюркский народ, ты погибнешь'; ...bu qağanında... adırılmasar türk bodun özüñ edgü körtäči şen ebiñä kirtäči şen bunsız boltačī şen (M Xb 13—14) 'Если ты, тюркский народ, не отложишься от этого своего (твоего) кагана ... ты будешь жить счастливо, будешь обитать в своих (твоих) стойбищах, будешь жить беспечально'.

§ 342. Будущее категорическое II время образуется с помощью афф. -čī, -či + личные аффиксы I, исходной основой для которого в орхонских и енисейских памятниках служит отрицательная форма (исключение см. § 343):

...beg jačī bolmīs teg-mä-čī mēñ tejin saqıntım (Oa 2) '...бек стал [нам] врагом; я [сначала] подумал, что я не буду/я не должен нападать [на него]'; ...qara bodunım öltin, jidin... öl-mä-čī jīt-mä-čī şen tidim (Mč 17) '...ты, мой многочисленный¹¹⁷ народ, погиб, исчез... Я сказал: «Ты не должен погибнуть, не должен исчезнуть!»'.

§ 343. Будущее время на -čī от положительной основы зарегистрировано в ТРП только в одном случае:

ingäk bozaçula-čī bolmīs (İB 60—61) 'Корова должна была отелиться'; ср.: qulna- + -čī (ДТС 465) '(Кобылица), которая должна ожеребиться = жеребая кобыла' (qulna- 'ожеребиться' < qulun 'жеребенок').

§ 344. Будущее возможное время образуется с помощью афф. -qaj, -gäj (-qaj, -käj) + личные аффиксы I. Это время обозначает действие, которое мыслится как возможное либо как необходимое; это время используется только в İB, в чем усматривается влияние древнеуйгурского языка:

qut bir-gäj mēñ timiš (İB 3) '«Я дам [тебе] счастье», — сказал он'; ingäk bozaçulačī bolmīs öl-gäj mēñ timiš (İB 60—61) 'Собравшаяся отелиться корова сказала: «Я, возможно, умру?!»'.

Сложные формы

§ 345. Сложные формы изъявительного наклонения образуются от соответствующих простых форм + erti ('он был') в нужном

¹¹⁵ О составе этого аффикса см.: Рамстедт. Введение, § 60; Баскаков. К.-к. язык, с. 435—436; см. еще здесь § 97. Ср.: Абдурахманов Г. А. Исследование по старотюркскому синтаксису (XI век). М., 1967, с. 55.

¹¹⁶ Mansuroğlu M. Türkçede -taçı ekinin fonksionları. — İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi, 1956, Cilt 7, s. 105—108.

¹¹⁷ См. § 139.

по смыслу лице.¹¹⁸ К числу сложных форм изъявительного наклонения относятся неопределенный имперфект, давнопрошедшее вр., будущее-прошедшее вр.

§ 346. Неопределенный имперфект образуется от основы настоящего-будущего вр. + *erti*; эта форма выражает то же действие, что и его исходная основа, но перенесенное в плоскость прошедшего времени:

türk bodun tabğaçqa körür¹¹⁹ erti (Т 1) 'Тюркский народ [в ту пору] подчинялся табгачам'; çoğaj (çuğaj) quzın qara qımıç olugur ertimiz (Т 7) 'Мы обитали [тогда] в Чугайской степи и в Каракумах'; süñüs bolsar çerig itär erti (Кč 9) 'Когда случалась война, он [сам] руководил войском'; atıç ıqa bajur ertimiz (Т 27) 'Лошадей мы [тогда] привязали к деревьям'.

§ 347. Давнопрошедшее время образуется от основы прошедшего неочевидного вр. (§ 339) + *erti*; эта форма выражает действие, имевшее место в давнем прошлом, чаще без уточнения момента совершения действия, или действие, предшествовавшее другому действию:

ol ödkä qul qulluğ bolmıš erti kün künlig bolmıš erti (Ktb 21) 'В то время рабы сделались рабовладельцами, рабыни [сами] обзавелись рабынями'; qatun joq bolmıš erti anı joğlatajın tidi (Т 31) '«[Моя] жена умерла, я хочу устроить тризну по ней», — сказал он'; ilki sü taşıqmıš erti ekin sü ebdä erti (М 32) 'Первое войско выступило [в поход], второе войско было в [своем] стойбище'.

§ 348. Будущее-прошедшее время образуется от основы будущего категорического вр. (§ 341) + *erti*; это время обозначает

1) действие, которое говорящий намеревался совершить в ближайшем будущем, но не смог его осуществить, т. е. это время обозначает неосуществленное намерение в прошлом;

2) действие, которое говорящий считал возможным или желательным (= русск. сослагательному и предположительному наклонению):

...tirigi kün boltaçı erti ölügi jurtда¹²⁰ jolta qaltaçı ertigiz (Ktb 49) '...те из вас, кто остался в живых, стали бы рабынями, те из вас, кто умер, оставались бы лежать по кочевьям, на дорогах'; türk bodun adaq qamaştı jablaq boltaçı erti (Ktb 47) 'Тюркский народ довел [себя переходами] до изнеможения, так что [дело] могло быть скверным' (ДТС 414); kül tigin joq ęrsär qor öltäçı ertigiz (Ktb 50) 'Если бы не было Кюль-тегина, вы все

¹¹⁸ Ciopiński J. Les formes composées du verbe dans les inscriptions en honneur de Kül-tägin et de Toñ-yuquq. — Folia Orientalia, 1965, t. VI, p. 73—87; Н а с и л о в Д. М. 1) О некоторых сложных глагольных формах в древнетюркских языках. — Тр. Самарканд. гос. ун-та. Новая сер., 1961, № 102; 2) Аналитические формы глагола с *ärür* и *ärmiş* в древнетюркских языках. — Там же, 1963, № 129.

¹¹⁹ Giraud. L'inscription, p. 65: körär.

¹²⁰ Jurt 'место для кочевания'; см. § 71, сн. 25.

погибли бы'; мөн... qazğanmasar türk bodun öltäci erti joq boltaçı erti (М 33) 'Если бы я не приобретал [= не завоевывал чужие эли]... то тюркский народ мог бы погибнуть, мог бы [совсем] сойти на нет'.

§ 349. Все рассмотренные выше простые и сложные временные формы изъявительного наклонения представлены в таблице.

Временные формы и их показатели	Положительная форма	Отрицательная форма
1. Настоящее-будущее I вр. -r, - ^o r, -j ^o r	jasar, teŷ-är qazğan-ur, jorï-jur uça	ö-mäz-sen id-ma-z adırıl-ma-j
2. Настоящее-будущее II вр. -a, -ä, -j		
3. Прошедшее категорическое вр. -ti/-di	buz-dim al-tim	bök-mä-dim
4. Прошедшее неочевидное вр. -mîş(s)	jarat-mîş(s)	tegmis joq ermis (T 18)
5. Будущее категорическое I вр. -taçı/-daçı	öl-täci sen	—
6. Будущее категорическое II вр. -çi, -ci	bozaŷula-çı	teŷ-mä-çi
7. Будущее возможное вр. -ŷaj, -gäj	bir-gäj	—
8. Неопределенный имперфект -r, - ^o r, -j ^o r + erti	körür erti olurur erti jasajur erti	—
9. Давнопрошедшее вр. -mîş(s) + erti	joq bolmîs erti	—
10. Будущее-прошедшее вр. -taçı + erti	qaltaçı erti	—

Желательное наклонение

§ 350. Основа желательного наклонения образуется от основы глагола (= 2 л. ед. ч. повелительного накл.) с помощью афф. -aj, -äj после согласных, -j — после гласных основ (< -ŷaj, -gäj, — § 344).¹²¹

В ТРП желательное наклонение используется в 1 л. ед. и мн. ч.; личный афф. 1 л. ед. ч. — -in, -in (< b/m ~ w + -^on); 1 л. мн. ч. — -alim, -älim после согласных, -lim, -lim после гласных

¹²¹ См.: Г р у н и н а Э. А. Формы времени на -a/-e по памятникам тюркского языка. — В кн.: Тюркологический сборник. М., 1966, с. 28—35; Б е л о г о в а Г. Ф. Строение форм желательного наклонения в тюркских языках и тенденция к сверхнормальному их усложнению. — СТ, 1973, № 1, с. 10—25.

основ (<-l + -m, где -l — показатель собирательности — множественности, °m — афф. 1 л. ед. ч.)¹²² (см. § 311).

Желательное наклонение служит для обозначения исполнимого желания, реже — предположения, нереальности:

jüz jaš-a-j-in (E 56, 1) 'Жить бы мне сто лет!'; türk bodun ölür-ä-j-in uruṣirat-a-j-in tir ərmiş (Ktb 10) 'Тюркский народ сказал, как передают, [так]: «Пусть я [сам себя] погублю, пусть я [сам] искореню [свое] потомство»'; bən saṇa (Tekin: sāṇä) ne aj-a-j-in tidi (T 32) '«Что я тебе могу сказать», — говорил он'; mən tašiq-a-j-in timis... İda qabış-a-l-im timis (Mč 22—23) '«Я хочу выступить [в поход]», — сказал он; ... «давайте соединимся в лесу», — сказал он'; tängri bilgä qaṇanta adırıl-ma-lim az-ma-lim tejin anča ötlädim (Oa 3) '«Да не отложимся мы от Небом [данного] правящего кагана, да не сокрушимся [с пути верности]», — так поучал я'.

Модальные формы глагола

§ 351. В ТРП используются три формы модальности, признаками которых являются ərmiş(s), ərinc, ərşär.

§ 352. Модальность на ərmiş(s) [< ər- 'быть' + -miş(s)], модальность неочевидного действия осложняет значение форм изъявительного наклонения оттенками сомнения, предположительности и т. п.

§ 353. Приведем примеры модальности на ərmiş(s) от настоящего-будущего I вр.:

...İraq bodunıṭ anča jaṭutır ərmiş (Ktm 5) '...они [табгачи] таким, по всей вероятности, путем [подношения подарков] привлекали [к себе] далеко [от них живущие] народы'; ...añıṭ bilig anta öjür ərmiş ędgü bilgä kisig ędgü alp kisig jorıtmaz ərmiş (Ktm 5—6) '...они, как передают, усваивали там [в табгачском эле] ложные знания; [однако] хороших и храбрых людей они [табгачи] не могли, как рассказывают, заставить идти [по ложному пути]'.

§ 354. Модальность на ərmiş(s) от прошедшего неочевидного вр. обозначает давнепрошедшее действие, осложненное оттенками, присущими форме на -miş(s):

adılı toṇuzlı art üzä soquşmış ərmiş adıṭın qarnı jarılmış, toṇuzıñ aṣıṭı sınımış tir (İB 10—11) 'Медведь и кабан встретились, как рассказывают, на горном перевале [и рассорились]. Брюхо у медведя оказалось разодранным, клыки у кабана — сломанными'.

§ 355. Примеры модальности на ərmiş(s) от будущего категорического вр.:

neñ jerdäki qaṇanlıṭ bodunqa büntügi bar ərşär ne bunı bar ertäci ərmiş (T 56—57) 'Если бы в какой-либо земле у народа, имеющего кагана, предположим, оказался бы [у власти какой-нибудь] бездельник, то что за горе было бы у него [у этого народа]?'.

¹²² Благова Г. Ф. Указ. соч., с. 12—16.

В этом примере *ermiş* выполняет две функции: 1) привносит в значение сказуемого присущие форме на *-miş(s)* оттенки неочевидности, заглазости; 2) сочетается с формой будущего вр. (*-taçî*), превращает ее в будущее-прошедшее вр. с определенным модальным значением ирреального условия.

§ 356. Модальность на *erinc* (< *er-in-ç* 'le fait d'être, l'existence, la réalité, das Sein'; ¹²³ ср.: *qıl-in-ç* 'действие', 'действие', *qorq-un-ç* 'страх' и т. п.) осложняет лексическое значение сказуемого оттенками, свойственными русским модальным словам: *возможно, может быть, вероятно, пожалуй*. ¹²⁴ Махмуд Кашгарский (I, 118; III, 330) *erinc* переводит арабским словом *لَعَلَّ* 'возможно', 'может быть', 'вероятно'; ДТС 178: *erinc* 'оказывается', 'возможно'; Bang. Turcica, S. 278: «*ärinc* = in der Tat, tatsächlich, wahrlich; aber»; Clauson. Etymolog. Dict., 234: *erinc* 'presumably', 'supposedly'; Tekin. Grammar, p. 328: *ärinc* 'lakely', 'probably'; Gabain. Alttürk. Gr., S. 324: *ärinc* 'offenlar', 'wohl'; ср., однако, у А. Сафероглу (Eski Uygur Türkçesi sözlüğü. Istanbul, 1968, s. 74): *ärinc* 'şüphesiz', 'kesin olarak', 'tamamiyle'.

Слово *erinc* сочетается только с 3 л. ед. ч. прошедшего неочевидного вр., прошедшего категорического вр., с формой на *-duq* (в предикативной функции), с именным сказуемым (очень редко!).

Слово *erinc* в сочетании с прошедшим неочевидным вр. усиливает, подтверждает основное значение этого времени: неочевидность, заглазость, предположительность, а также умозаключение, сделанное на основании косвенных или позднее выявившихся фактов, ¹²⁵ что нередко может соответствовать русским модальным словам *конечно, несомненно, действительно, в самом деле* (см.: Thomsen. Turcica, p. 44).

Форма на *-miş + erinc*:

bilgä qağan ermiş alp qağan ermiş, bujuruqı jemä bilgä ermiş erinc alp ermiş erinc beqläri jemä bodunı jemä tüz ermiş anı ücün ilig ança tutmış erinc ilig tutıp törüg itmiş (Ktb 3) '[Это] были, как рассказывают, мудрые каганы, [это] были, как рассказывают, храбрые каганы, и буюруки у них, должно быть ~ надо полагать, как передают, были тоже мудрые, должно быть, как передают, были храбрые. И беки их, и народ

¹²³ Thomsen. Turcica, p. 42.

¹²⁴ Малов. ПДТП, с. 365.

¹²⁵ В. М. Насилов (Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960, с. 69) и Д. М. Насилов (К вопросу о модальных словах *ärinc*, *ärki* и *ärkän* в древнетюркских языках. — Тр. Самарканд. гос. ун-та. Новая сер., 1961, № 102, с. 127—130) полагают, что «модальной функцией *ärinc* в предложении было не выражение отношения говорящего к достоверности события и передача предположительности, как это понимают некоторые тюркологи (*ärinc* 'пожалуй, возможно, надо думать'), а указание на то, что в сказуемом выражаются имманентные свойства или душевные проявления субъекта» (Д. М. Насилов. Указ. соч., с. 129); см. еще: Н а с и л о в Д. М. Несколько замечаний о модальных частицах *ирги* и *иргин*. — Учен. зап. Тувинского НИИЯЛИ, 1964, вып. XI, с. 318—324; А х м е т о в М. А. Глагол в языке орхоно-енисейских памятников. Саратов, 1978, с. 87—93.

их были, как передают, верны [своим каганам]. Поэтому-то, по всей вероятности, они столь [долго] правили элем, а правя элем, они поступали [в соответствии с] тёрю' (ср. перевод этой фразы: Thomsen. *Turcica*, p. 44).

Весь этот довольно длинный период выдержан в духе заглазного, неочевидного действия, что вполне естественно для исторического повествования, так как Йолуг-тегин, автор надписи, не мог быть непосредственным свидетелем описываемых давних событий. Если он для характеристики душевных качеств каганов пользуется формой на -mīš(s), то для описания моральных качеств буюруков он пользуется той же формой в сочетании с модальным словом *erīnč*, подчеркивая тем самым предположительность, недостаточность уверенности, убежденности, что именно таковыми они были на самом деле.

Далее *à priori* устанавливается, что беки и народ были верны своему кагану: сомнения в этом неуместны и неприличны. Все сказанное дает автору надписи основание сделать заключение (осторожное предположение!): 'Поэтому-то [на основании всего вышеизложенного], по всей вероятности, они столь [долго] правили элем'. И далее, в заключительной части, уже неуместны сугубо осторожные предположения, а посему используется только форма на -mīš(s), подчеркивающая заглазность действия, т. е. такого действия, очевидцем которого говорящий или пишущий не был или не мог быть.

Ср. еще: ... *tabγačqa jana ičikdi tānri anča temis erīnč qan bərtim [qanīn] qodup ičikdi ičikdük üčün tānri öl temis erīnč* (T 3; так: Giraud; Radloff, Thomsen, Мелиоранский, Малов, Tekin: *ölütmis erīnč*) '... он [тюркский народ] опять подчинился табгачам. Небо, по-видимому, так сказало: «Я даровало [тебе] хана, ты покинул своего (твоего) хана; так как ты подчинился [табгачам], — Небо, конечно, сказало, — Погибай!»; [i]sig küčig bərsäğim bar ərmiş erīnč (Oa 2) 'У меня, конечно, было желание отдавать [ему все мои] труды и силы!'

§ 357. Примеры формы на -tī / -dī + *erīnč*:

tānri umaj iduq jər sub basa bərti erīnč (T 38) 'Конечно, [именно] Небо, Умай,¹²⁶ [наша] священная земля-вода даровали [нам] победу'; *üzä tānri iduq jər sub [eçim qa]γan qutī taplamadī erīnč toquz oγuz bodun jerin subīn idip tabγačγaru bardī* (M 35) 'Несомненно, ни Небо, что вверху, ни священная земля-вода, ни его блаженство¹²⁷ мой дядя-каган не одобрили [их намерения, и потому] народ токуз-огузов, оставив свою землю-воду, пошел к табгачам'.

¹²⁶ Потапов Л. П. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных. — В кн.: Тюркологический сборник. 1972. М., 1973, с. 265—286.

¹²⁷ Qut: 'la majesté' (Thomsen. *Turcica*, p. 37); «Слово *кут* 'счастье' часто употреблялось... в смысле современного 'величества', для обозначения царского звания» (Бартольд. Соч., т. V, с. 113, 367); см. еще § 391, 1.

Слово *erinc* в сочетании с формами прошедшего категорического вр. передает достоверный факт, осуществляемый по воле не контролируемых человеком сил. То же значение имеет *erinc* в сочетании с формой на *-duq*.

§ 358. Примеры формы на *-duq + erinc*:

anta kisträ inisi eşisin tēg qılınmaduq erinc oylı qayın tēg qılınmaduq erinc (Ktb 5) 'После этого [т. е. после смены каганов] их младшие братья совсем не поступали так, как [поступали] их старшие братья, сыновья решительно не поступали так, как их отцы'.¹²⁸

§ 359. Слово *erinc* при именном сказуемом (очень редко!) имеет то же значение, что и при прошедшем категорическом вр. и при форме на *-duq*:

barduq jirdä eđgüg ol erinc qanın subça jügürti söñükün tağça jatdı (Ktb 24) 'В землях, в которых [ты] ходил, вот что, как видно, было у тебя хорошего: твоя кровь рекой текла, твои кости горой лежали'; *bēn jēg ərđüküm ol erinc qara señirig jērlädim* (E 24, 5) '[Самое] хорошее, пожалуй,¹²⁹ из того, что я сделал, это [то, что] я обжил Кара-сенгир'.¹³⁰

§ 360. Модальность на *ersär* осложняет значение форм изъявительного наклонения оттенками, свойственными условному наклонению, которое в своем первородном виде в ТПИ отсутствует и заменяется условным деепричастием (§ 231), не содержащим указания на время совершения действия:

ilteris qaγan qazγanmasar joq erti ersär bēn özüñ bilgä toñuquq qazγanmasar bēn joq ertim ersär qaraγan (qarγan) qaγan türk sir bodun jirintä bod jēmä bodun jēmä kisi jēmä idi joq ertäci erti (T 59—60) 'Если бы Эльтериш-каган не совершал завоеваний, если бы его не было, если бы я сам, правитель Тоньюкук, не совершал завоеваний, если бы меня не было, то в землях кагана-завоевателя (§ 319, 5) и тюрков-сиров совсем не было бы ни племен, ни народов, ни людей'; *kelir ersär kü er ükülür kelmäz ersär tilīγ sabīγ alı olur* (T 32) 'Если [кто-нибудь] пожелает прийти, [число] знатных воинов увеличится, если [никто] не захочет прийти, бери «языков», [собирай] сведения [о врагах]'.

Перифрастические формы глагола

§ 361. Перифрастические формы глагола — сложные глагольные формы, состоящие из двух компонентов: основа временной формы + *bol-* 'быть', 'делаться', 'становиться', осложняющий значение первого компонента признаками особенностей протекания действия.¹³¹

¹²⁸ Thomsen. *Turcica*, p. 34.

¹²⁹ Так: Малов. ЕПТ, с. 45, 5.

¹³⁰ Местность вблизи Барсгана (ДТС 424); *señir* 'укрепленный лагерь' (Бартольд. Соч., т. III, с. 184); см.: Räsänen. *Versuch*, S. 410; РСл. IV, 448.

¹³¹ Подробнее см.: Михайлов М. С. Исследования по грамматике турецкого языка. Перифрастические формы турецкого глагола. М., 1965;

Это широко развитое в большинстве современных тюркских языков и памятниках тюркской письменности (начиная с древне-уйгурских) морфологическое явление совершенно чуждо ТРП; только в Онгинском памятнике в одном случае встречается подобное сочетание:

šad atıγ anta bērmis boltuqta toquz oγuz bēγ jaγı ęrmis (Малов: О 6; Tekin. Grammar, F 6) 'В то время, когда он [каган] собирался даровать [моему отцу] звание пада [в знак признания его заслуг], токуз-огузы стали нам врагами'.

Ни С. Е. Малов, ни Т. Текин в своих переводах этого отрывка не отражают особого значения формы *bērmis boltuqta*; более того, в издании С. Е. Малова стоит (если, конечно, это не опечатка!) между словами запятая, расчленяющая единую форму на две независимые.

В «Гадательной книге» (как отражение влияния древнеуйгурского языка) такая форма встречается только один раз:

... *ingāk bozaγulačı bolmıs ölgāj mēn timis* (ІВ 60—61) 'Собравшаяся отелиться корова сказала: «Я, вероятно, умру»'.

Сочетание будущего вр. на *-čı + bolmıs* обозначает намерение совершить действие, названное исходной основой.

КАТЕГОРИЯ СПОСОБА ДЕЙСТВИЯ

§ 362. Категория способа действия — лексико-грамматическая категория, реализуемая в виде ряда сложных глагольных форм, основной идеей которых является обозначение и выражение характера протекания действия.

Формы глагола, выражающие характер протекания действия, образуются двумя способами.¹³²

1) Способ словосложения: деепр. на *-a*, *-ä*; *-ī*, *-i*; *-°p* + модифицирующий глагол, который сообщает лексическому значению первого элемента оттенки мгновенности, динамичности, длительности, начинательности, повторяемости, многократности, целеустремленности (действие для субъекта, для объекта), способа, образа действия.

2) Способ аффиксации: основа глагола + модифицирующий аффикс.

§ 363. Способ словосложения реализуется сочетанием названных выше деепричастных форм с глаголом-модификатором; в качестве таковых в ТРП выступают следующие глаголы.¹³³

Насилов Д. М. К вопросу о перифрастических формах глагола в древнетюркских языках. — ВЯ, 1960, № 3, с. 93—97.

¹³² В современных тюркских языках, например в узбекском языке, существует третий способ выражения характера протекания действия — повторение деепричастных или финитных форм глагола: *бора бора*, *ўқий ўқий*, *ўқир ўқимаз* и т. п.

¹³³ См.: Ciopiński J. Les formes composées du verbe dans les inscriptions en honneur de Kül-tägin et de Toñ-yuquq, p. 55—73; Наси-

1) *bir- ~ ber-* 'давать' в сочетании с деепричастием выражает действие, осуществляемое в пользу, в интересах другого лица: ... *olurupan türk bodunın ilin törüsün tuta birmis iti birmis* (Ktb 1) '... сев [на ханство], они поддерживали и устраивали свой эль, свое тёрю' (т. е. осуществляли действия в интересах эля); ¹³⁴ *ilgärü kün toysıqda bökli qağanqa teği süläjü birmis qırıqaru temir qapıqqa teği süläjü birmis tabıaç qağanqa ilin törüsün ali birmis* (Ktb 8) 'Вперед, там, где восходит солнце, они ходили войною вплоть до [владений] Бёклийского кагана,¹³⁵ назад (на запад) они ходили войною вплоть до Темир-капыга и завоевали для табгачского кагана [то, что на самом деле должно принадлежать] своему элю, своему тёрю' (таким образом, все описываемые в этой цитате действия осуществлялись тюрками в интересах табгачей); *er irdäm atım bar üçün beñkü tikä bertim jiti urı oğul üçün tikä bertimiz* (E 48, 9) 'Ради моего геройского доблестного имени я поставил [этот] вечный [камень]. Ради [познания] сыновей мы поставили [тот памятник]'; *qağanım. . . ötün-çümin eşidü berti* (T 15) 'Мой каган... соизволил (действие в интересах вопрошающего) выслушать мою просьбу'.

2) *bar-* 'идти', 'отправляться' выражает

а) действие нарастающее, развивающееся или обозначающее начальный, исходный момент:

türk bodun atı joq bola barmıs erti (O 3) 'Слава тюркского народа начала тогда клониться к упадку' (досл. начала сходиться на нет); ... *türk bodun. . . joqadu barır ırmsı* (Ktb 10) '... тюркский народ... как передают, шел [тогда] к [своей] гибели';

б) действие, направленное в сторону от говорящего (только при глаголах движения!):

... *qağım qağan it jıl onuncı aj altı otuzqa uça bardı* (M Xa 10) '... мой отец [Эльтерिश]-каган скончался («отлетел») в год собаки (734 г.), в десятый месяц, двадцать шестого [числа]'; ... *küçlüg alp qağanımda adırılı bardınız* (Oa 4) 'Вы отложились от моего сильного и храброго кагана'; ... *qadaşlarıma adırılı bardım* (E 16, 2) 'Я расстался с моими родичами'.

В единичных случаях первым компонентом этой сложной формы выступает деепр. на -^op:

лов Д. М. Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках (в связи с проблемой глагольного вида). — В кн.: Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978, с. 88—177; Шервашидзе И. Н. Аналитические формы глагола в языке тюркских рунических надписей. — СТ, 1978, № 1, с. 64—67.

¹³⁴ Оркун сочетание деепр. + *bir-* всюду переводит внешне сходной, но отличной по содержанию и функциям турецкой конструкцией -(y)ı + *vermek* (см.: Кононов. Гр. турецк. яз., § 417); приведенное выше предложение он переводит так: «*oturarak Türk milletinin ülkesini türesini idare e d i v e r m i ş t a n z i m e d i v e r m i ş*» (Orkun, I, 29); ср. еще: *jırlaju bertim* (Малов. ПДТП МК, 46, 2) = *ağlayı verdim* (Orkun, II, 123).

¹³⁵ См.: Кляшторный, с. 23.

uluγ irkin azqıñā (az-qıja) erin tēzip bardı (Ktb 34) 'Великий эркин бежал [с поля брани] с немногими воинами'.

3) olur- 'сидеть', 'садиться' выражает длительно или постепенно осуществляемое действие:

türk bilgä qaγan türk sir bodunıγ oγuz bodunıγ igidü olurur (T 62) 'Тюркский правящий каган всегда возвышает народ тюрков-сиров и огузский народ'; ötükan jıs olursar beγgü il tuta olurtaçı sen (Ktm 8) 'Пока ты [тюркский каган] обитаешь в Отюкенской черни, ты можешь править вечным элем'.

4) jorı- 'идти', 'ходить' в сочетании с глаголами движения в форме деепр. на -a, -ā выражает длительное или постепенно осуществляемое действие:

kögmän jışıγ toγa jorıp qırqız bodunıγ uda basdıñız (Ktb 35) '[Медленно из-за обильного снега] поднявшись на Кёгменскую чернь, мы разбили кыргызский народ, когда он спал (во время сна)'; altun jışıγ aša [er]tis ögüzig (ügüzig) kečā jorı[dım] (M 27) 'Перевалив Алтунскую чернь, я переправился через реку Иртыш'.

Глагол jor(-i)- через ступень формы аориста jor-ur превратился в турецком языке в афф. настоящего вр. данного момента -jor (см.: Кононов. Гр. турецк. яз., § 455).

5) keł- 'приходить' в сочетании с деепричастной формой глаголов движения выражает завершенность действия с оттенком внезапности:

üč oγuz süsi basa kełti (M 32) 'Войско уч-огузов неожиданно напало [на нас]'; altun jışıγ asa kełtimiz ertis ögüzig (ügüzig) kečā kełtimiz (T 37—38) 'Мы перевалили Алтунскую чернь, мы перешли реку Иртыш'; čik bodunıγ biñim sürä kełti (Mč 26) 'Народ чиков был пригнан моим тысячным отрядом'.

6) qal- 'оставаться' в сочетании с деепричастием выражает законченность, завершенность действия, переходящего в длительное, продолжительное состояние:

tirigi küñ boltaçı erti ölügi jurtda jolta jatu qaltaçı ertigiz (Ktb 49) 'Те [из вас], которые остались бы в живых, стали бы рабынями, а мертвые оставались бы лежать по кочевьям, на дорогах'.

7) ełt- 'вести', 'тащить' в сочетании с деепричастием выражает действие, направленное от субъекта к объекту, т. е. центробежное интенсивное действие:

jaraqlıγ qantan (qantın) kełip jaña ełtdi süñüglig qantan (qantın) kełipän sürä ełtdi (Ktb 23) 'Откуда пришли вооруженные люди и победили [тебя]? Откуда пришли копьеносцы и прогнали тебя?'.

8) id- 'посылать' в сочетании с деепричастием выражает интенсивно законченное, завершенное действие, направленное в противоположную сторону от говорящего:

kül tiginig az erin irtürü i[d]tımız (Ktb 40) 'Кюль-тегина с малым числом воинов мы отослали [в нашу ставку]'; türk bodun illädük ilin ičyinu idmıs qaγanladuq qaγanın jütürü idmıs (Ktb

6—7) 'Тюркский народ утратил свой эль, имевший племенную организацию, он лишился своего каганствующего кагана'.

9) көг- 'видеть' в сочетании с деепричастием выражает попытку совершить действие:

... қаған jeltü көг timis (Т 26) '... каган сказал [обращаясь к войску]: «Попытайтесь мчаться быстрее!»'.

§ 364. Способ аффиксации состоит в сочетании глагольной основы с глаголообразующими аффиксами, которые сообщают исходной основе 1) интенсифицирующее значение; 2) ослабляющее значение.¹³⁶ В ТРП последнее значение достоверными примерами подтвердить не удалось.

Аффиксы, интенсифицирующие значение исходной основы, следующие.

1) -a, -ä: art- 'рубить(?)'¹³⁷ — art + -a- 'портиться', 'разрушаться', 'погибать' — еlinin törünün kim arta-t-[t]i (Ктб 22) 'Кто разрушил твой эль и твоё тёрю?'.

2) -i, -i, -u, -ü: jor- 'идти' (< jo- ~ jö- ~ ju- ~ jü- + -г — афф. понудительного залога) — jor + i- 'идти' — bu jolın jor-i-sar (Т 23) 'Если идти этим путем...'. Афф. понудительного залога (-г) и интенсифицирующий афф. (-i), присутствующие в составе глагола jo + г + i-, давно утратили своё значение.

ög- 'хвалить', 'прославлять' — ög + ü- 'мочь хвалить' (Малов. ПДТП, 406); не лучше ли: 'часто много хвалить', 'захвалить(?)'. Наличие широких и узких гласных формантов одинакового значения, по-видимому, связано с принадлежностью первого форманта к а-языку, второго — к i-языку.

3) -la, -lä: öt + -lä- 'щебетать', 'петь'; öt- 'петь' (РСл. I, 1273).

НАРЕЧИЕ

См. § 243—263.

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

§ 365. Специфической особенностью основных разрядов служебных слов (послелогов, союзов, частиц, модальных слов и отчасти междометий), используемых в ТРП, является их деепричастное происхождение. Позднее, начиная с караханидского периода, под воздействием арабского и персидского языков и литературы на этих языках собственно тюркские союзы, модальные слова и частицы были почти полностью вытеснены арабскими и персидскими заимствованиями.

ПОСЛЕЛОГИ

§ 366. Послелог — определенный разряд слов (часть речи), выражающих синтаксические отношения между именем и глаголом, между именем и именем.

¹³⁶ См.: Кононов. Гр. узбекск. яз., § 237, 320, 346—348; Севортян. Афф. глаголообразования, с. 89—93, 323—326, 436—447.

¹³⁷ Малов. ПДТП, с. 360.

Послелогии функционально тесно связаны с системой склонения: они уточняют и дополняют значение падежей, а также обозначают не выраженные формами склонения синтаксические отношения, функционально сближаясь в этом случае с падежами, становясь по сути своей послеложными падежами.

В ТРП послелогии выполняют преимущественно вторую из названных функций: обозначают пространственные, временные, количественные, комитативные, уподобительные, целевые, причинные отношения.

Подавляющее большинство послелогов в ТРП (как, впрочем, и в современных языках) отглагольного происхождения — изолированные формы деепричастий; меньшая их часть (*jan*, *ičintä* и некоторые другие) — отыменного происхождения.

Послелогии управляют основным, винительным, дательным, местным-исходным падежами.

Некоторые послелогии (*birlä*, *tæg*, *üčün*) управляют основным и винительным падежами, другие (*üzä*) — основным и местным-исходным падежами; это явление — свидетельство того, что они в ТРП еще отчетливо сохраняли свою связь с глаголами, а потому природа их отношений (имя+послелог) такова же, как и природа отношений прямого дополнения со своим сказуемым; прямое дополнение в ТРП имеет две формы: в основном п. и в винительном п.

§ 367. Основным п. управляют послелогии, служащие для выражения главным образом местно-пространственных, пространственно-направительных, уподобительных, комитативных, целевых, причинных отношений.

Дательным п. управляют послелогии, связанные своим лексическим значением с выражением предела во времени и пространстве.

Винительным п. и основным п. управляют (характерная особенность ТРП!) послелогии, выражающие уподобительные (*tæg*), причинные (*üčün*), комитативные (*birlä*) отношения.

Местным-исходным п. управляют послелогии, лексическое значение которых связано с выражением пространственных или временных отношений.

Послелогии, управляющие основным ~ винительным падежом

§ 368. *ara* (< деепр. на -а от гл. *ar-* 'отделять' — ДТС 50)¹³⁸ обозначает действие, происходящее в однородной среде или между двумя или несколькими предметами: *eł ara* (Е 32, 10) 'Среди эля'; *...oγuz ara jeṭi eṛän jaṭi bolmīs* (О 5) 'Среди огузов семь мужей стали [нам] врагами'; *üzä kök täjri asra jaṭiz jeṛ qılıntıqda ekin ara kiši oγlı qılınmīs* (Ктб 1) 'Когда вверху было сотворено голу-

¹³⁸ Ср.: Севортян. ЭСТЯ, I, 162—164; Ramstedt. SKE, p. 14; Tekin. Grammar, p. 110, 112; Brockelmann. Osttürk. Grammatik, S. 167.

бое небо, а внизу — бурая земля, между ними обоими были, так рассказывают, сотворены сыны человеческие’.

§ 369. *birlä* (< деепр. *bir* + *-lä* + *-n* ‘сообща’, ‘вместе’¹³⁹) используется в следующих основных значениях.

1) Комитативное значение, т. е. передается сопровождение, совместимость, соучастие:

eçim qağan birlä ilgärü jaşıl ögüz (ügüz) şantun jazıqqa tēgi sülādimiz (Ktb 17) ‘Вместе с моим дядей-каганом мы ходили войною вперед (на восток) вплоть до Шаньдунской равнины, [где протекает] река Хуанхэ’;¹⁴⁰ *inim küł tigin birlä eki şad birlä ölü jiti qazantim* (Ktb 27) ‘Вместе с моим младшим братом Кюльтегином, вместе с двумя шадами я, не жалея своих сил, завоевывал [новые земли]’.

2) Общее комитативное значение, в зависимости от реального значения управляемого послелогом имени, приобретает дополнительные оттенки — участие предмета, обозначенного этим существительным, в качестве субъекта или объекта действия:

čaça seŋün sekiz tümän [bir]lä süñüşdim... altı otuz jaşıma çik bodun qırqız birlä jaŋı boltı (M 26) ‘Я сразился с восьмьютенным [войском] Чача-сенгюна... когда мне было двадцать шесть лет, народ чиков вместе с кыргызами стали [нам] врагами’; *inim küł tigin birlä sözläşdimiz* (Ktb 26) ‘Мы переговаривали [о делах] с моим младшим братом Кюльтегином’.

Послелог *birlä* в сочетании с именем, снабженным афф. принадлежности 3 л., управляет винительным п.:

qağanın birlä suŋa (soŋa) jışda süñüşdimiz (Ktb 35) ‘С их каганом мы сразились в Сунганской черни’; см. еще: M 27.

§ 370. *qodı* (< деепр. на *-i* от гл. *qod-* ‘класть’) обозначает пространственные отношения ‘вниз’, ‘внизу’:

ol sub qodı bardımız (T 27) ‘Мы шли вниз [по течению] той реки’; *selänä qodı jorıpan...* (M 37) ‘Следуя вниз [по течению] р. Селенги...’.

Этот послелог управляет также исходным п.:

toŋan quş täŋridin qodı tabıŋan tipän qarmış (İB 66) ‘Сокол [устремаясь] вниз с неба схватил зайца’.

§ 371. *sajı* ~ *saju* (< деепр. на *-(j)i* от гл. *sa-* ‘считать’) обозначает действие, распространяющееся на весь предмет целиком; управляет основным и винительным п.:

jir sajı bardıŋ (Ktm 9) ‘Ты ходил по всей земле // по всем землям’; *ol oq tün bodunın sajı i[t]timiz* (T 42) ‘В ту же ночь мы отправили [послов] ко всем этим (афф. принадлежности 3 л.) народам’.

§ 372. *tapa* (< деепр. на *-a* от гл. *tap-* 1) ‘служить’, 2) ‘находить’?; ср. ДТС 525: *taba*; ДТС 526: *tabaru* ~ *taparu*; татар.

¹³⁹ О других предположениях см.: Кононов. Гр. узбекск. яз., § 388; Левитская Л. С. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976, с. 119.

¹⁴⁰ Хуанхэ, Желтая (*jaşıl*) река; см. § 153.

таба[н], кумык. *таба*, киргиз. *таман*) обозначает действие, направленное в сторону («против») лица, предмета, названных в предшествующем послелогоу слове:

jazīṇa oγuz tapa sülādim (M 31—32) 'Той же весною я пошел с войском против огузов // пошел войною на огузов'; jīrγaru oγuz bodun tapa ilgārū qītañ tatabī bodun tapa birgārū tabγas tapa uluγ sü eki jēgir[mi sünjūšdim] (Ktb 28) 'Я с большим войском дал двенадцать сражений: налево (на севере) против огузского народа, впереди (на востоке) против киданского и татабийского народов, направо (на юге) против табгачей'.

§ 373. *tēg* обозначает подобие, сходство, он управляет

1) основным п. (в этом случае *tēg* < *tēj* ~ *dej* 'количество', 'мера'; 'одинаковый', 'равный', 'подобный'): ¹⁴¹

qarīm qarān süsi bōri tēg ərmiş jayīsī qoñ tēg ərmiş (Ktb 12) 'Войско отца моего кагана было подобно волку, враги его были подобны овцам';

2) винительным п. (в этом случае *tēg* < **tēgi* ~ *tēgü* ~ **tēgin* — деепр. от гл. *tēg*- 'достигать', 'касаться', 'иметь отношение'):

qara sačīn tēg (E 26, 6) 'подобно его черным волосам'; inisi ečisin tēg qīlīnmaduq ərīnč oγlī qarīn tēg qīlīnmaduq ərīnč (Ktb 5) 'Его младшие родичи, должно быть, не поступали так, как [поступали] их старшие родичи, их потомки, должно быть, не поступали так, как [поступали] их отцы'.

Послелог *tēg*, подобно турецкому послелогоу *gibi*, ¹⁴² сообщает значение сходства, подобия также и спрягаемым формам глагола:

biz öz içi ¹⁴³ tasīn tutmīs tēg biz (Г 13) 'Мы, кажется /как будто бы/ должно быть, узнали их тайные замыслы'; ¹⁴⁴ ср. «Кутадгу билиг» (бейт 4266): içiṇni tašiṇni adašiṇ bilir 'Твой друг знает тайны твои'.

§ 374. *üčün* (уэ 'Ziel', **učū* > *üčü*- 'anzielen?') ¹⁴⁵ > деепр. на -^on от названного глагола, что соответствует общей тенденции образования большей части послелогов от изолированных форм деепричастий) управляет основным и винительным п. (при афф. принадлежности 3 л., при личном местоимении 3 л.). Этот послелог служит для обозначения

1) целевых отношений:

основной п. — qarīm üčün (E 13, 3) 'ради моего отца';

винительный п. — qarīn üčün alpīn üčün ərđāmin üčün (E 31,

2) 'Ради их хана, ради его геройства, ради его доблестей';

¹⁴¹ См. еще: Кононов. Гр. узбекск. яз., § 367.

¹⁴² Кононов. Гр. турецк. яз., § 670.

¹⁴³ Giraud. L'inscription, p. 82: izči.

¹⁴⁴ Ср.: Малов. ПДТП, с. 66; Tekin. Grammar, p. 284; Giraud, L'inscription, p. 60; Orkun, I, 13.

¹⁴⁵ Gabain. Alttürk. Gr., § 301; Gabain A. v. Die Verbform auf ^on im Uigurischen. — Annali. Nuovo Serie, 1940, vol. I, Roma, S. 301—302; см. еще: Кононов. Гр. узбекск. яз., § 391; Korkmaz Z. Zur Ableitung der türkischen Postposition *üçün* ~ *üčün* ~ *için*. — UAJ, 1961, 33. Bd, N 1—2, S. 98—100; Ergin M. Dede Korkut kitabı. Ankara, 1963, s. 475.

2) причинных отношений:

основной п. — *mən özim qağan olurtuqım üçün...* (М 36) 'Так как я сам стал /сел каганом...'; *tānri jarlıqaduq üçün mən qazantıq üçün türk bodun qazıanmış erinç* (М 33) 'По причине того, что Небо благоволило [ко мне], по причине того, что я завоевал [много чужих земель], тюркский народ, надо полагать, тоже приобрел [многое]';

винительный п. — *beş balıq anı üçün ozdī* (М 28) 'Поэтому Бешбалык спасся [от разрушения]'; *beqləri bodunı tüzsis üçün tabçaç bodun tēbligin kürlig üçün armaqčısın üçün inili eçili kiñşürtükün üçün beqli bodunlıq joñşurtuqın*¹⁴⁶ *üçün...* (Ktb 6) 'Вследствие неверности их беков и их народа, вследствие лживости и хитрости табгачского народа, вследствие их прельщающих действий, вследствие того, что они ссорили младших братьев со старшими, вследствие того, что они настраивали беков и народ друг на друга'.

§ 375. *üzä* (деепр. на -ä от гл. **üz-* 'расти', 'увеличиваться') обозначает действие, которое осуществляется над предметом (в прямом и переносном смысле); управляет основным и местным-исходным п.:

основной п. — *özim tarduś bodun üzä šad ertim* (Ktb 17) 'Сам я был шадом над тардушским народом'; *on uñur toquz oğuz üzä jüz jil olugup* (Мѣ 3) 'Властвуя (царствуя) сто лет над он-уйгурами и токуз-огузами...';

местный-исходный п. — *kisi oylınta üzä ... olurmıs* (Ktb 1) 'Они сели (воцарились), так передают, ... над сынами человеческими'; *jabız jablaq bodunta üzä olurtım* (Ktb 26) 'Я сел [ханом] над ничтожным и жалким народом'.

Послелог *üzä* выражает также отношения соответствия или сообразности:

ol törü üzä eçim qağan olurtı (Ktb 16) 'В соответствии с төрю, мой дядя сел каганом'.

üzä используется также в значении наречия места: *üzä kök tānri ...* (Ktb 1) 'Вверху голубое небо ...'; *üzä tānri as[ra] jēr* (М Хb 10) 'Вверху небо, внизу земля'.

§ 376. *ögrä* (< *öj* 'перед' + -га — афф. дательного-направительного п.) в ТРП используется крайне редко; служит для обозначения временных, пространственных отношений ('до, раньше, прежде'):

ebi on kün ögrä ürküp barmıs (Мѣ 31) 'Его семейство за десять дней [до вторжения вражеского войска] в страхе покинуло [родные места]'.

О наречии *ögrä* см. § 250.

§ 377. *içrä* (< *iç* 'внутренность' + -гä — афф. дательного-направительного п.) в ТРП встречается крайне редко, обозначает пространственные отношения ('в, во'):

sağır içrä ęlik kijik kirmis (İB 97) 'В загон вошли самки серны'.

¹⁴⁶ ДТС 272: *joñaşur-*.

О наречии *içrâ* см. § 250.

§ 378. *içintâ* (< *iç* 'внутренность' -i + -n + -tâ — афф. местного-исходного п.) в ТРП встречается крайне редко, обозначает пространственные отношения ('в'):

ben öltim türğiş el içintâ (E 37, 3) 'Я умер в тюркешском эле'; *qırqız qanı kögmân içintâ* (Mç 23) 'Кыркызский хан [кочует] в Кёгменской черни'.

Послелог, управляющие дательным-местным падежом

§ 379. *tegi* (< деепр. на -i от гл. *teğ-* 'доходить', 'достигать', — см. § 373, 2) обозначает предел во времени и пространстве ('до, вплоть до'):

temir qarıqqa tegi irtimiz (T 45) 'Мы преследовали [врагов] до самого Темир-капыга'; *ilgärü qadırqan jışqa tegi kirü temir qarıqqa tegi qonturmıs* (Ktb 2) 'Впереди (на востоке) они рассели [свой народ] вплоть до Кадырканской черни, назад (на западе) — вплоть до Темир-капыга'.

§ 380. *teğ* (< ? *tegi*, § 379) — дублет послелогов *tegi*, *teğü*, *tegin* (см. § 373, 2), обозначающих предел во времени и пространстве:

tabısan jıl beşinç ajqa teğ ... (Mç 20—21) 'В год зайца (751 г.) до пятого месяца...'

Послелог, управляющие местным-исходным падежом

§ 381. *ötrü* (< деепр. на -ü от гл. *ötür-* 'проводить' (понудительный залог от гл. *öt-* 'проходить') > **ötürü* > *ötrü*) служит для обозначения следования одного события, факта, действия после другого ('потом, затем, после'):

anta ötrü qağanıma ötüntüm (T 12) 'После этого я обратился с просьбой к моему кагану'.

§ 382. *keşrä ~ kisrä* (< *keş ~ kis ~ keđ//keť//kič ~ keč* 'зад' + -га, -гä — афф. дательного-направительного п.) обозначает следование одного действия вслед за другим ('после, затем'):

ol qan joq boltuqta keşrä ... (O 1) 'После того как того хана не стало...'; *anta kisrä inisi qağan bolmıs erinç* (Ktb 4—5) 'После них их младшие родственники стали каганами, так гласит легенда'.

О наречии *keşrä ~ kisrä* см. § 250.

§ 383. *ınıaru* (< **in ~ *an* 'тот (дальний)' + -га + -гу; ср. *ınaru* (ДТС 219)) означает 'туда, по ту сторону, дальше' > 'затем, после':¹⁴⁷

türk bodun anta ınıaru joq boltı (Mç 10) 'Тюркский народ после этого погиб'.

§ 384. *öni* (< **ön-* 'anders werden')¹⁴⁸ имеет значение 'другой', 'иной':

idişimtâ ajaqımta öni qa[n]ça barır men tir (İB 63) '«Кроме как со своей (моей) посудой и своей (моей) чашей, как же я пойду», — говорит она'.

¹⁴⁷ Ашнин Ф. Д. Указательные частицы в тюркских языках. — ИОЛЯ, 1958, т. 17, вып. 5, с. 421.

¹⁴⁸ Gabain. Altürk. Gr., § 279.

§ 385. *jan* (*jen*) 'сторона', 'бок' служит для уточнения значения исходного п.:

tabıač beriden jen teg qıtañ öndän jen teg ben jirdanta jan teğäjin ... tir men (Т 11—12) 'Я говорю: «Табгачи нападайте справа (с юга), кидане нападайте спереди (с востока), я нападу слева (с севера)»'.

СОЮЗЫ

§ 386. Эта часть речи в ТРП представлена двумя разрядами: союзами и союзными словами (речениями).

Союзы используются только для соединения членов предложения; по происхождению своему они являются изолированными формами деепричастий (за исключением *ta* и *artuqı*).

Сочинение членов предложения обеспечивается следующими союзами: *azu*, *jemä*, *ta*, *taqı*, *artuqı*.

Союзные слова — *tejin* ~ *tijin*, *tip*, союзное речение — *anı üčün*; они служат для подчинения предложений; см. §§ 432—438.

§ 387. Союзы обозначают

а) соединительные отношения: *jemä*, *ta*, *taqı*, *udu*, *artuqı*;

б) разделительные: *azu*.

1) *jemä* (< **jem-* 'hinzufügen', ¹⁴⁹ 'to add, attach' ¹⁵⁰) 'и', 'также', 'еще':

biz jemä sülädimiz (Т 44) 'Мы тоже выступили в поход', *kün jemä tün jemä jülü bardımız* (Т 27) 'Мы мчались [на конях] и днем и ночью'.

При отрицательном сказуемом — 'ни ... ни': *il jemä bodun jemä joq ertäči erti* (Т 55) 'Ни эля, ни народа не было бы'.

2) *ta* 'и', 'также' (очень редко):

oqlı ta ¹⁵¹ *qağan bolmıs erinč* (Ktb 5) 'И потомки их стали, должно быть, каганами'.

3) *taqı* (< *taq-* 'прикреплять', 'присоединять') 'еще', 'и', 'также'; *taqı* (Е 40) 'еще'. Нет примеров, за исключением двух весьма сомнительных; см.: Tekin. Grammar, p. 160, 169.

4) *udu* (< *ud-* 'следовать за кем-л.') 'вслед', 'также': ¹⁵²

ilteris qağan qazğanmasar udu ben özüм qazğanmasar (Т 54—55) 'Если бы Эльтериш-каган не приобретал [земель] и я также не приобретал бы...'

5) *artuqı* (< *artuq* 'большой', 'больше' + *-ı* — афф. принадлежности 3 л.) 'еще', 'кроме того':

qırq artuqı jeți jölı sülämis (Ktb 15) 'Сорок да еще семь раз ходили они в поход' (см. еще § 174).

6) *azu* (< ? *az-* 'сбиваться с пути', 'заблуждаться'; ¹⁵³ по О. При-

¹⁴⁹ Pritsak. Das Alttürkische, § 48.

¹⁵⁰ Tekin. Grammar, p. 170; Räsänen. Morphologie, S. 235.

¹⁵¹ Ср.: Tekin. Grammar, p. 233: *oqlıti* 'их потомки'.

¹⁵² Союз и наречие (§ 259).

¹⁵³ Thomsen. Turcica, p. 45—46.

цаку, azu < *a- 'sein'¹⁵⁴) 'или', 'лишь', 'разве'; ср. тувин. *азы* 'или', 'либо', 'то есть', 'иначе':

azu bu sabımda igid bar γu (Ktm 10) 'Разве есть что ли ложь в этих моих словах?!'.

ЧАСТИЦЫ

§ 388. Этот разряд служебных слов также весьма малочислен; в ТРП используются следующие частицы.

1) *mu* — вопросительная частица,¹⁵⁵ используется крайне редко: *bar mu ne* (Т 14) 'Может ли это быть?'; *qağan mu qısañın tēdim* (Т 5) «Не пожелать ли мне [его] каганом», — сказал я';

2) γu , *gü* — усиительно-выделительная частица:¹⁵⁶

azu bu sabımda igid bar γu (Ktm 10) 'Разве есть что ли ложь в этих моих словах?!'; *bödkä körügmä beğlär gü janıltaçı siz* (Ktm 11) 'Ведь вы, подчиняющиеся престолу беки, склонны впадать в ошибки!'.

Обе названные выше частицы — *mu*, $\gamma u/gü$ — общеалтайского происхождения,¹⁵⁷ причем вторая из них в дальнейшем развитии приобрела значение и функции подчинительного союза *ki*.¹⁵⁸ В. Л. Котвич полагал, что «можно поставить вопрос, разумеется, с оговорками, нет ли какой-либо генетической связи между γu и *-mu*? Ведь чередование согласных γ (*g*)/*m*//*b* в алтайских языках не чуждо». ¹⁵⁹ Полагаю, что предположение В. Л. Котвича заманчивое, но трудно доказуемое.

Усиительно-выделительная частица γu , *gü* непосредственно связана с чувашским указательным местоимением *qu/qo* 'этот', а также с уйгурским *qol/γol* (< *q*⁺ + *-l*) 'тот' (далекий); ср. еще кумык. (хасавюртовский диалект) *gəna* 'вон там (отдельно)' ~ кумык. (хасавюрт.) *gəl* (< *g*⁺ + *-l*) 'тот'; ¹⁶⁰ якут. *күни* 'он' < *кү* + *үни* — эмоционально-экспрессивная частица.

3) *oq*, *ök* (Ramstedt. SKE, 175: < *tü. ök* ~ *öküş*, *ökli* 'mehr')¹⁶¹ — утвердительно-выделительная частица; генетически, по всей вероятности, связана с частицей γu , *gü*:

¹⁵⁴ Pritsak. Das Alttürkische, § 48.

¹⁵⁵ Räsänen. Morphologie, S. 250.

¹⁵⁶ Thomsen. Turica, p. 47—48; Räsänen. Morphologie, S. 250—251.

¹⁵⁷ Котвич. Исследование, с. 332; Рясänen. Фонетика, с. 19; здесь частица γu сопоставляется с местоимением *qaj* (см. § 299, 1).

¹⁵⁸ Гаджиева Н. З. 1) Происхождение союза *ки* в тюркских языках. — В кн.: Вопросы тюркологии. Баку, 1971, с. 216—223; 2) О двух источниках развития союзных сложных предложений в тюркских языках. — СТ, 1973, № 2, с. 30—39; 3) Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, с. 370—372; см. еще: Benzing J. Tschuwassische Forschungen, IV. — ZDMG, 1954, 96. Bd, H. 3, S. 80; Çağatay S. Türkçede *ki* < *erki*. — TDAYB, 1963, s. 245—250.

¹⁵⁹ Котвич. Исследование, с. 333.

¹⁶⁰ Подробнее см.: Ашнин Ф. Д. Указательные частицы в тюркских языках, с. 424—425; Суюнчев Х. И. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. Черкесск, 1977, с. 114—116.

¹⁶¹ Ср. еще: Räsänen. Morphologie, S. 248.

ol oq tün... (T 42) 'В ту же ночь...'; anta ajuči jemä ben ök ertim... (T 49—50) 'Тогда я же и советником был...'.¹⁶²

При однородных предложениях на основе усилительно-выделительной функции у этой частицы возникло соединительное значение:¹⁶²

isig küçig bərtim ök ben özüm uzun jelmäg jemä it[d]im oq (T 52) 'Я отдавал [народу свой] труд и силу, и я сам посылал [войско] в дальние набеги!'.¹⁶³

4) kük ~ kök (Tekin. Grammar, p. 172—173) < kü ~ gü + ük ~ ök? (ДТС 325) вопросительно-усилительная частица:

... bizni ölürtäçi kük timis (T 30) '«... он нас, пожалуй, истребит», — сказал он'; см. еще: T 11, 16, 21.

5) idi ~ ɛdi (<*i ~ *e — древнее указательное местоимение + di — дейктическая частица; ср. якут. i-ti 'вот этот', 'тот', 'там (недалеко)'¹⁶³) в ТРП использовалась как усилительно-утвердительная частица 'очень', 'совсем' (*при отрицании*):

... bod jemä bodun jemä kisi jemä idi joq ertäçi erti (T 60) '... и ни племен, и ни народов, и ни людей совсем [никого] не было бы' (см. еще: Tekin. Grammar, p. 160, § 15).

6) añıŷ ~ anıŷ 'очень':

añıŷ ɛdɡü (İB) 'Очень хорошо'.

7) neŷ a) 'нечто'; б) 'никак', 'никакой' (*при отрицании*):

arqış tərkiş isar neŷ buruŷ joq (Ktm 8) 'Когда ты посылаешь [торговые] обозы [в соседние страны], у тебя никакого горя нет' (см. еще: ДТС 358).

8) na, ne — указательно-усилительная частица:¹⁶⁴ na jazı (Малов ПДТП — МК, с. 64) 'вот — равнина'.

О частицах ɛrinč, ɛrsär см. § 356, 360.

МЕЖДОМЕТИЯ

§ 389. jıta (<*ji + -t + -a < *ji- 'плакать' (ср.: ji-ŷ-la-) + -t — афф. понудительного залога + -a — афф. деепричастия) 'увы!', 'о горе!' используется только (?) в енисейских надписях (E 3, 10, 17—19, 26—28, 32, 43, 44, 48):

sizimä jıta bökmädım (E 3, 1) '[Жизнью] с вами я, увy, не наслаждался'.

ПРЕДИКАТИВЫ

§ 390. По семантико-грамматическим особенностям предикативы¹⁶⁵ — слова, не укладывающиеся в рамки традиционного де-

¹⁶² Г а д ж и е в а Н. З. О двух источниках развития союзных сложных предложений в тюркских языках, с. 31.

¹⁶³ См.: А ш н и н Ф. Д. Указательные частицы в тюркских языках, с. 419—420.

¹⁶⁴ См.: Ç a ğ a t a y S. Nā, qanī ve ārnā pekiştirme edatları üzerine. — In: Hungaro-Turcica, s. 129—133.

¹⁶⁵ См.: А х м е д о в Дж. С. Предикативы в современном азербайджанском языке. АКД. Л., 1970.

ления на части речи, — представлены в ТРП в функции сказуемого двусоставного предложения и устанавливают наличие, бытие (bar) или отсутствие, небытие (joq).

§ 391. *bār* > *bar* 'есть', 'имеется' < *bajir* / *bajur* ~ < *barir* / *barur*; ¹⁶⁶ в обоих случаях вычленяется глагольный корень **bā-* с предположительным значением 'иметь', 'обладать'. Этот глагольный корень морфологически развивался как 1) вторичный глагол — *ba* + -г (показатель понудительного залога) > *barir* — аористная форма; 2) глагольное имя — *ba* + -j ~ *ba* + -г (имеет синонимичное значение):

baj bar ertim (E 47, 5) 'Я был богатым-имущим'; *ol iki kisi bar ersär* (T 10) 'Пока существуют эти два человека'; *tabıaç süsi bar ermis* (T 30) '[Среди них] есть, должно быть, войско табгачей'.

Bar — аористное по своему происхождению слово — часто (особенно в енисейских надписях) выступает

1) в субстантивном использовании:

tört oylum bar ücün... (E 20, 1) 'Так как у меня было четыре сына...'; *jerdäki bar ertigimä...* *bökmädım* (E 28, 1) 'Я не наслаждался тем, что я имел на земле'; ... *özım qutım bar ücün qaıan olurtım* (Ktm 9) 'Я сел каганом, так как сам я был ханского рода...' (в этом примере слово *qut* употребляется «для обозначения ханского достоинства»: Бартольд. Соч., т. V, с. 367; см. § 357);

2) в атрибутивной функции: *i bar bas asdıımız* (T 26) 'Мы перевалили вершину, (имеющую) покрытую растительностью'.

§ 392. *joq* 'нет' (< **jo-* 'не быть в наличии'; 'не существовать' (ср.: *joj-* 'уничтожать', 'губить' — РСл. III, 397; *jod-* ~ *jođ-* 'уничтожать' — ДТС 269) + *q-* — афф. отглагольного прилагательного) ¹⁶⁷ выступает как сказуемое: ... *iltä bun joq* (Ktm 3) 'У эля трудностей нет...'.

joq, как отглагольное прилагательное, используется в атрибутивной функции: *ol amtı añır joq türk qaıan ötükän iş olursar...*

¹⁶⁶ См.: Корш Ф. Е. Слово «балдак» и долгота гласных в турецких языках. — Живая старина, 1909, вып. II—III, с. 158, 161. — А. П. Понделуевский (устное сообщение) производил туркмен. *bār* < *барыр*; аналогичное мнение см.: Рясänen. Фонетика, с. 46; Gabain. Alttürk. Gr., § 16, 40. Однако ср.: Räsänen M. Türkische Miscellen. — Studia Orientalia, 1950, t. 25/1, S. 6, 9 (*bar* 'есть' < *ba-* 'связывать'); сюда ср. еще: Зайончковский А. К вопросу о структуре корня в тюркских языках. — ВЯ, 1961, № 2, с. 30. См. также: Tekin. Grammar, p. 117 (*bar* < **ba-*г (cf. Mong. *bayı-* 'to be', 'exist', 'have')); Севортян. ЭСТЯ, II, с. 63. Ср. последнее по времени предположение М. Рясänen (Räsänen. Versuch, S. 62): *bar* < ? *b(o)*, *b(u)* + *är* 'sein'; это, конечно, неприемлемо.

¹⁶⁷ Первым за родство слова *joq* и глагола *joj-*//*jod-*//*jođ-* высказался Г. Вамбери (1831/1832—1913); см.: Vámbéry H. Etymologisches Wörterbuch der türko-tatarischen Sprachen. Leipzig, 1878, S. 132, § 143; см. еще: Rasmstedt G. J. Die Verneinung in den altaischen Sprachen. — MSFOu, 1924, 52, S. 213, § 22.

(Ktm 3) 'Если в Отыюкенской черни сидит [на ханстве] тюркский каган, не имеющий [присущих нынешним правителям] недостатков...';

joq употребляется как именная часть сложного глагола: joq ęg- 'отсутствовать', 'не существовать' — ... azuqı joq ęrti (Ktb 39) 'Корма для них (для лошадей) не было'; ... buñım joq ęrdim (E 10, 10) 'Не было у меня печали'; joq bol- 'исчезать', 'погибать' — türk bodun... joq boltı (T 3) 'Тюркский народ... погиб'.

joq, как любое глагольное имя, легко субстантивируется (енисейские памятники): ... ęg atım joq üčün (E 41, 2) 'Так как не было у меня [тогда] героического имени...'. .

СИНТАКСИС

ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЕ СВЯЗИ СЛОВ И СЛОВСОЧЕТАНИЯ

ПОДЧИНИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ СЛОВ

§ 393. Подчинительная связь слов¹ — грамматическая зависимость одного слова от другого, при которой наличие зависимого слова или слов в определенной форме ~ формах предопределяется категориальными свойствами главенствующего слова.

Грамматически главенствующее слово представляет собою слово, которое своими категориальными свойствами предопределяет характер связи и форму зависимого слова.

Грамматически зависимое слово сочетается с грамматически главенствующим словом, приобретая форму, предопределяемую категориальными свойствами главенствующего слова.

Подчинительные связи, в зависимости от лексико-семантического фактора, представлены следующими разрядами: лексически неограниченными, лексически ограниченными, лексически закрытыми.

Лексическая ограниченность ~ неограниченность обуславливается семантикой главенствующего и зависимого слова.

Лексически неограниченная связь охватывает все слова данной категории. Лексически ограниченная связь предполагает объединение слов с определенной семантикой. Лексически закрытые связи охватывают непополняемые (считаемые) ряды слов.

Между грамматически главенствующим и грамматически зависимым словом, соответственно выявленным в процессе их связи

¹ Весь этот раздел излагается по главе «Подчинительные связи слов» (Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 486 сл.). Из работ по синтаксису ТРП отметим: Аманжолов А. С. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. М., 1969. — Для сравнения данных ТРП с таковыми в «Кутадгу билиг» и в «Диване» Махмуда Кашгарского полезно привлечь кн.: Абдурахманов Г. А. Исследование по старотюркскому синтаксису (XI век). М., 1967. — Важные теоретические проблемы синтаксиса в историческом аспекте рассматриваются в кн.: Гаджиева Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973; Баскаков Н. А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. Словосочетание и предложение. М., 1975.

формальным отношениям, возникают смысловые отношения, лежащие в области грамматической семантики.

Существует четыре основных вида смысловых отношений: определительные, объектные, субъектные, комплективные (восполняющие).

О п р е д е л и т е л ь н ы е отношения бывают двух родов: 1) собственно-характеризующими, определяющими предмет и лицо — *çıyāñ bodun* 'бедный народ'; 2) обстоятельно-характеризующими, определяющими действие — ... *talujqa kiçig tēgmādim* (Ktm 3) '... до моря я немного не дошел' (подробнее см. § 394).

О б ъ е к т н ы е отношения: грамматически зависимое слово обозначает предмет приложения признака (активного или пассивного), обозначаемого грамматически главенствующим словом, — *türk beğlār türk atın it(t)i* (Ktb 7) 'Тюркские беки сложили [с себя] свои тюркские имена' (подробнее см. § 394).

С у б ъ е к т н ы е отношения: зависимое слово обозначает производителя действия или носителя состояния, обозначаемого главенствующим словом, — *bilgä qağanıñ bodunı* (Oa 3) 'народ правящего кагана' (подробнее см. § 407).

К о м п л е к т и в н ы е (восполняющие) отношения: зависимое слово служит необходимым смысловым добавлением, восполняющим информативную недостаточность главенствующего слова, — *tört bulun* (Ktb 2) 'четыре стороны [света]'; *ikinti kün* (T 39) 'второй день'; *edgü bilgä kisig edgü alp kisig joritmaz ərmiş* (Ktm 6) 'Людей истинных знаний, людей истинной храбрости [табгачи] не [могли] сбить [с истинного пути]'.

Подчинительные связи, в зависимости от характера связи и формальных средств выражения зависимости, представлены тремя разновидностями: примыканием, управлением, согласованием.

§ 394. П р и м ы к а н и е — тип подчинительной связи, не имеющий грамматически обусловленного морфологического оформления; взаимозависимость между компонентами примыкающего типа подчинительной связи слов определяется порядком слов на основе внешней соположенности словоформ, а также объединяющей интонации.

Особо следует отметить, что в ТРП примыкание как тип подчинительной связи в определительных группах используется значительно шире, чем в большинстве памятников последующих веков и в современных тюркских языках.

Цепь примыкающих определений может быть достаточно длинной, и определение и определяемое может состоять из группы слов:

jašıl ügüz šandun jazı(qa) (Ktb 17) 'Шандунская равнина, [по которой протекает] Желтая река' // 'Желтореченская Шандунская равнина'; *baz qağan toquz oğuz bodun* (Ktb 14) 'Базкагановский народ токуз-огузов'; *tab[ɣač] oñ tutuq beş tümän sü* (M 25) 'Пятитюменное войско табгачского онг-тутука'; *tabɣač atlıq süsi bir tümän artuqı jeñi biñ süg...* (M Xa 1) 'табгачскую конницу,

отряд [численностью] в один тюмень да еще в семь тысяч [человек]'.²

Примыкание как тип синтаксической связи реализуется в сочетании определения с определяемым и дополнения с дополняемым. Определение может быть приименным и приглагольным.

Примыкающее определение выражается

1) именем прилагательным, которое в тюркских языках служит определением как предметов, так и действия:

... *čīṭaŋ bodunıŋ baŋ qılṭım az bodunıŋ üküš qılṭım* (Ktm 10) '... бедный народ я сделал богатым, мало[численный] народ я сделал много[численным]'; *üzä kök täŋri asra jaŋız jir qılın-tuqda...* (Ktb 1) 'Когда наверху было сотворено голубое небо, а внизу бурая земля...'; *üč qarluq jablaq saŋınır tezä bardı* (Mč 11) 'Уч-карлуки, задумав дурное / дурно, бежали';

2) именем числительным (количественным, порядковым), которое, как и имя прилагательное, служит определением как предмета, так и действия:

tört bulun qor jaŋı ęrmis (Ktb 2) 'Четыре стороны (т. е. народы, жившие по четырем сторонам света), все были [им] врагами'; *jitinč ęrig qılıčladı* (Ktb 45) 'Седьмого воина он зарубил мечом'; *tabŋačqa jeŋi jeŋirmi süñüşdi qıtaŋqa jeŋi süñüşdi oŋuzqa beš süñüşdi* (T 49) 'На табгачей он ходил войною семнадцать раз, на киданей он ходил войною семь раз, на огузов он ходил войною пять раз'.

Числительные порядковые в обстоятельственной функции в ТРП располагаются дистантно, как правило, в начале предложения:

ęn ilki toŋu balıqda süñüşdim... ękinti antarŋuda süñüşdim... üčinič [čuš bašında] süñüşdim... törtinič ęzgänti qadazda süñüşdim (M 30—31) 'Самый первый раз я сразился при [городе] Тогубалык... Во второй раз я сразился при Антаргу... Третий раз... я сразился на вершине Чуш... В четвертый раз я сразился при Эзгенти-Кадазе';

3) указательным местоимением: *ol qan* (O 1) 'тот хан'; *bu ödkä* (Ktm 1) 'в то время'; *bu jirdä* (Ktm 4) 'в этой земле';

4) наречием: *ańça bodun* (Ktm 4) 'сколько народу'; *ańça birür* (Ktm 5) 'столько дают'; *qor jaŋı* (Ktb 2) 'много врагов';

5) именем существительным; в этом случае примыкающее определение может стоять в препозиции и постпозиции.

Препозиционное определение — имя существительное, обозначающее название этноса, название года по животному циклу, имя собственное-географическое название (определяемое — географическая номенклатура):

türk bodun (Ktm 3) 'тюркский народ'; *bičin jıl* (E 53, 1) 'год обезьяны'; *šantun jazı* (Ktm 3) 'Шаньдунская равнина' (подробнее см. § 402).

² Подробнее см.: Radloff. ATİM, NF, S. 127—129.

Препозиционно примыкающее определение — имя существительное, обозначающее родственные или социальные отношения, с афф. принадлежности; в ТРП подобные примеры оформлены афф. принадлежности 1 л. ед. ч. и только в двух случаях — 3 л. ед. ч. (atı-sı):

ögim ilbilgä qatun (Ktb 11) 'моя мать Эльбильге-катун'; qa-ñım ilteris qağan (Ktb 11) 'мой отец Эльтериш-каган'; inım kültigin (Ktb 27) 'мой младший брат Кюль-тегин'; eşüm aram bumın qağan istemi qağan (Ktb 1) 'мои родичи Бумын-каган, Истемикаган'; sinlim qunčujuγ birtimiz (Ktb 20) 'Мы дали [ему в жены] мою младшую сестру-ханшу'; qulım küñim bodunıγ tärri yer aju birti (Më 13—14) 'Народом, [состоящим из] моих рабов и рабынь, [сама] Небом [данная] земля соизволила командовать' (ср. Orkun, I, 168: 'Esirim, cariyem [olan] halkı gök yer emretti'); bu bitig bitigmä atısı jol[l]ıγ tigin (Ktm 13) 'Сделавший эту надпись — племянник его (т. е. Кюль-тегина) Йолыг-тегин'; bilgä qağan atısı jol[l]ıγ tigin (M X 1) 'внук (~ племянник?) правящего кагана Йолыг-тегин'.

В турецком языке подобная конструкция используется довольно часто:

güzelim ağacı kestiler, ne yazık (TS 34) 'Красавицу-мою дерево срубили, как жаль!'; balım kız, dalım oğul 'Медок-мой доченька, отросток-мой сынок' (сказочный зачин); bir tanem Osman-sığım 'мой единственный, мой Османушка'.

§ 395. Постпозиционное определение — имя существительное, обозначающее титул, звание, определяемое — имя существительное собственное:

kül tigin (Kt) 'Кюль-тегин'; qunı señün (T 9) 'Куны-сенгюн'; bumın qağan (O 1) 'Бумын-каган'; on oq oylım türgis qağanta maqraç tamğači, oγuz bilgä tamğači kelti qırqız qağanta tarduś inanču çur kelti (Ktb 53) 'От моих потомков — [народа] десяти родов, от тюркешского кагана пришли Макрач-тамгачи («хранитель печати»), Огуз-бильге-тамгачи, от кыргызского кагана тардуш Ынанчу-чур'.

§ 396. В зависимости от количества членов с подчинительной связью слов определения делятся на простые (см. выше) и сложные.

Сложный тип состоит из двух или более знаменательных членов, в силу чего как препозиционное, так и постпозиционное определение может быть выражено определительной группой:

(türk bilgä)³ qağan (Ktm 1) 'тюркский правящий каган'; (bilgä qağan atısı) jolıγ tegin (M X 1) 'внук (~ племянник?) правящего кагана Йолыг-тегин'; (yer bajırqu) uluγ irkin (Ktb 34) 'великий эркин [племени] Йер-Байырку'; (baz qağan toquz oγuz

³ Группа слов, взятая в скобки, — определительная группа, состоящая из двух-трех и более членов.

bodun) jaγī ɛrmis (Ktb 14) 'народ токуз-огузов [во главе с] Баз-каганом был врагом [Эльтериш-кагана]'.
Слово baz известно в значениях: 1) 'чужестранец', 'посторонний' (ДТС 89; МГ—БА, III, 148, 159), — это значение подтверждается синонимичным парным словом jat baz 'чужой' (ДТС 247); 2) 'мир', 'согласие', 'спокойствие'; 'мирный'; 3) собственно имя (с примером из Ktb 14 (РСл. IV, 1541)). В ТРП значение 'мир', 'мирный' отмечено в составе сложного глагола, встречающегося три раза: baz qıl- 'усмирять', 'замирять' (Ktb 2, 15, 30) (см. еще: Clauson. Etymolog. Dict., 388). Слово baz в приведенном выше предложении используется кланом Эльтериш-кагана и автором надписей, по-видимому, как *уничжительное* прозвище — 'чужак' — враждебного им кагана, балбал которого был поставлен перед заупокойным храмом Эльтериш-кагана (Ktb 16).

barq itgüci bediz jaratıyma bitig taş itgüci tabyaç qaγan cī-qanı⁴ ɕaη seηün kełti (Ktb 53) 'Прибыли строители заупокойного храма, каменотесы, изготовляющие изваяния и камни с надписями; [во главе их прибыл] Чанг-сенгюн, племянник табгачского кагана'.

§ 397. В функции примыкающих определений используются все разряды глагольных имен (причастий):

bilig bilmāz kisi ol sabıy alıp (Ktm 7) 'Люди, не обладавшие [истинными] знаниями, поверили тем словам'; tānridā bolmīs il ɛtmis bilgā qaγan... (Mč 1) 'на Небе рожденный, эль устроивший правящий каган...'; qaγım qaγanım ögim qatunıy kötürmīs tānri il birigmā tānri... (Ktb 25) 'Небо, возвысившее моего отца-кагана, мою мать-катун, Небо, дарующее эль...'; ... illādük ilin ičüinu idmīs qaγanladuq qaγanın jütürü idmīs (Ktb 6—7) '[Тюркский народ] привел в расстройство свой эль, имевший [до того] свое племенное устройство, он навлек гибель на своего каганствовавшего кагана'; il tutsıq jir ötükan jış ɛrmis (Ktm 4) 'Отюкенская чернь была [той] землей, на которой можно было создать эль'; öltäci bodun tirigrü igit[t]im (Ktb 29) 'Я поднял к жизни готовый погибнуть народ'.

О формах дополнения см. § 276 и сл.

О формах обстоятельств, выраженных причастными и деепричастными формами, см. § 209, 212, 5, 6, 7, 8; 219—242.

§ 398. У п р а в л е н и е — односторонне выраженная связь, при которой только один из членов словосочетания получает синтаксически обусловленное морфологическое оформление.

Управление может быть

1) падежным, при котором управление осуществляется только падежным аффиксом;

2) послеложным, при котором управление осуществляется падежным аффиксом + послелог: türk bodun üčün 'для тюркского

⁴ Čıqan 'племянник по женской линии' (ДТС 150; Bazin. Les calendriers. p. 167; Tekin. Grammar, p. 272), ср.: Мелиоранский. КТ, с. 136; Малов. ПДТП, с. 43, стк. 53. — seηün ~ saηun < кит. tsiang-kün 'генерал'.

народа'; tabʁaʃ tapa 'на табгачей'; šantun jazıqa tegi 'вплоть до Шаньдунской равнины'; подробнее см. § 365—385.

При падежном управлении падеж объекта // дополнения зависит от семантики глагола, при послеложном управлении глаголом определяется послелог, а послелогом — падеж.

При падежном и послеложном управлении различается сильное и слабое управление.

Под **сильным** управлением понимается такая зависимость падежа существительного или существительного + послелог от глагола, при которой между падежом или падежом + послелог, с одной стороны, и семантическим или грамматическим значением глагола, с другой стороны, устанавливается необходимая связь.

Под **слабым** управлением глагола понимается такая зависимость падежа существительного или существительного + послелог, которая обуславливается не их внутренней лексико-семантической связью, а вызывается необходимостью некоторого уточнения, дополнения, сопровождения содержания действия.

§ 399. Прием управления используется в следующих случаях.

1) В оформлении определяемого в изафете II: tabʁaʃ süsi (Т 30) 'табгачское войско'; подробнее см. § 403.

2) В оформлении объекта действия: прямое дополнение в винительном п., косвенное дополнение в дательном-направительном п., в местном-исходном п., инструментальном п.; косвенное дополнение с послелогам.

Падежная форма определяется и обуславливается лексико-семантическим значением управляющего слова в виде глагола, глагольного имени, отглагольного имени, послелога; примеры см. § 275 сл.

Особый случай управления усматривается в примерах типа biziñ sü atı (Ктб 39) 'кони нашего войска', где определительная группа имен существительных sü at + -ı 'кони войска', 'войсковые кони', организованная приемом управления, сочетается с определением в форме родительного п. biziñ, что могло быть выражено приемом согласования: biziñ sü atımız. Ср. еще: sizin ır at (Е 26, 13) 'ваше геройское имя'; ır at (Ктб 31) 'геройское имя'.

3) В оформлении обстоятельственного определения, которое в дательном, местном-исходном п., а также в сочетании с послелогам определяет как предмет, так и действие, т. е. синтаксически используется в атрибутивной и обстоятельной функциях.

Обстоятельственное определение в дательном п.:

bən tənri elimkä elčisi ertim altı baɣ⁵ bodunqa beg ertim (Е 1, 2) 'Я был (его) правителем в моем [данном] Небом эле, я был беком у шестипородового народа'.

Обстоятельственное определение в местном-исходном п.:

⁵ См.: Бернштам, с. 15.

qujda kişimä jita adırılı bardımız (E 18, 3) 'Со своими женами [живущими] в покоех, увы, мы разлучились'; ср.: qujdaqı qunçu-jımğa adırıldım (E 6, 4) 'Я расстался с моими ханшами-девицами, которые живут в [ханских] покоех'; kök tǎnridä kün aj azıdım (E 10, 3; 45, 5) 'Я перестал ощущать солнце и луну, что на голубом небе'.

Обстоятельное определение с послелогом:

umaj tēg ögim qatun... (Ktb 31) 'моя мать-катун, подобная Умай...'; tǎnri tēg... türk bilgä qağan (Ktm 1) 'небоподобный... тюркский правящий каган...'.

§ 400. **Согласование** — синтаксический прием, при котором синтаксические отношения между членами подчинительной связи обозначаются двусторонне выраженной связью.

Этот синтаксический прием реализуется только в определительной группе имен существительных (или субстантивированных глагольных имен), носящей название *изафет* (< ар. 'связь', 'соединение') (см. § 407).

В конструкциях типа *bēniŋ ~ meŋiŋ bodun-ım* (T 4; M 29) 'мой народ' или в предложении *bēn ~ meŋ altım* 'Я взял', где личные местоимения согласованы в лице и числе с личным аффиксом, не следует усматривать приема согласования, поскольку ни *bēniŋ ~ meŋiŋ*, ни *bēn ~ meŋ* не являются обязательным элементом этих словосочетаний; в ТРП, — как, впрочем, и в современных тюркских языках, — достаточно сказать: *bodunım, altım*. Ср. еще: *bilgä toñuquq bēn özüŋ tabğaç ilinä qılınım* (T 1) 'Я сам, правитель Тоньюкук, родился в табгачском эле' (см. § 319, 5). В этом примере по стилистическим соображениям подлежащее выражено группой из первых четырех слов, но согласовано в числе по сочетанию *bēn özüŋ*.

В ТРП согласование подлежащего и сказуемого в числе, как правило, не проводится: *türk beglär türk atın it(t)i* (Ktb 7) 'Тюркские беки сложили [с себя] свои тюркские имена'; см. еще Ktb 49.

Определительная группа имен существительных (изафет)

§ 401. Тюркское имя существительное в основном или родительном п. в составе *изафетной* конструкции, не меняя своей формы, передает свойство, качество предмета и одновременно является носителем этого свойства, качества, т. е. сочетает в себе **качественность и предметность**.⁶

⁶ См.: Кондратьев В. Г. Конструкция *изафета* и прямое дополнение в языке памятников тюркской рунической письменности. — Учен. зап. ЛГУ. Сер. востоковед. наук, 1962, вып. 14, с. 68—75; Аракин В. Д. К истории *изафета* в тюркских языках. — В кн.: Тюркологические исследования. М., 1976, с. 12—23.

По характеру связи между определением и определяемым намечается три типа изафета, организуемые примыканием (изафет I), управлением (изафет II), согласованием (изафет III).

Как наглядно видно из приведенных ниже примеров, использование приемов примыкания и управления в ряде случаев не поддается точному нормированию.

Прием согласования (изафет III) применяется сравнительно редко.

§ 402. Изафет I организуется способом примыкания; определение — имя существительное лексически ограниченное, здесь отмечены существительные следующей семантики.

1) Обозначающие вещество или материал, из которого сделан предмет — определяемое; в ТРП встречается крайне редко:

altın örgin (İB 1) 'золотой трон'. Сюда можно с известными оговорками отнести также: *temir qarīḡ* (Ktm 4; T 45) 'Железные ворота (горный проход)'; *taş bal[balı]* (E 34) 'его каменный бал-бал'; *taş barqın* (M Xb 15) 'его каменный [заупокойный] храм' ~ 'его [могильный] камень и [заупокойный] храм'. Второй вариант перевода находит подтверждение в следующем примере: *aḡar adin-čir taşir barqir jarattim* (M Xb 14) 'Я приказал для них соорудить отдельные [могильные] камни и [заупокойные] храмы'; *altın şuḡa* (E 28, 6) 'золотая утка' (это сомнительный пример; см.: Малов. ЕПТ, с. 54).

2) Обозначающие название народа, племени, рода, название года по животному циклу, имена собственные исторические:

tarduş bodun (Ktb 17), *qarluq bodun* (Ktb 41), *az bodun* (Ktb 43), *izgil bodun* (Ktb 43); *baz qaḡan toquz oḡuz bodun jaḡi ərmiş* (Ktb 14) 'Народ токуз-огузов [во главе] с Баз-каганом // Баз-кагановский токуз-огузский народ был [Эльтериш-кагану] врагом' (см. еще § 396).

3) Обозначающие титул, звание (стоит в постпозиции), определяемое — имя существительное личное (см. § 395).

4) Обозначающие название гор, рек, степей и т. п.:

ötükän jīs (Ktm 3—4) 'Отюкенская чернь'; *ötükän jir* (T 17) 'Отюкенская земля'; *ertis ügüz* (T 35) 'река Иртыш'; ср.: *kögmän jolı bir ərmiş* (T 23) 'Дорога на Кёгмен — одна'.

§ 403. Изафет II организуется способом управления, т. е. односторонне выраженной связью: определение в основном п., определяемое связывается с определением афф. принадлежности; в ТРП отмечены следующие случаи.

1) Определение — имя существительное собственное личное, реже этническое название, определяемое — имя существительное, лексически неограниченное:

toḡa tigin joḡınta (Ktb 47) 'на тризне Тонга-тегина'; *üzä türk tänrısı türk iduq jiri subı anča timis* (Ktb 10—11) 'Тюркское небо, что наверху, тюркская священная земля-вода так, должно быть, сказали'.

2) Определение — имя существительное, обозначающее лицо, звание, титул, а определяемое — существительное, обозначающее степень родства:

jabγu oγlī sabra tamγan čur (O 4) 'Сабра-тамган-чур, сын ябгу'.

Если определением выступает этническое название, а определяемым — наименование, звание, титул и т. п., то, как правило, используется прием примыкания, т. е. изафет I (§ 402):

türk beğlar bodun bunī eşidin (Ktb 10) 'Тюркские беки [и] народ, слушайте эту [речь]!'; ср., однако: türk oγuz beğlāri bodun eşidin (Ktb 22) 'Тюркские [и] огузские беки [и] народ, слушайте!'; toquz oγuz beğlāri bodunī bu sabīmīn eşdūtī eşid (Ktm 2) 'Токуз-огузские беки [и] народ, хорошо слушайте эту мою речь'; türgis qaγanī tašiqmīs (T 30) 'Тюркешский каган выступил [в поход]'.

3) Определение — имя существительное, лексически неограниченное (кроме указанных выше!), определяемое — имя существительное; их объединение по способу изафета II диктуется необходимостью защиты смысла:

oγuzdantan körüg kelti körüg sabī antaγ (T 8—9) 'От огузов пришел лазутчик. Речь лазутчика такова...'; bilig eşi çab eşi ben körtüm (T 7) 'Я был его товарищем по управлению [элем], его товарищем по славе'; kisi oγlīnta üzä... (Ktb 1) 'над сынами человеческими...'.
4) Определение — имя числительное количественное, определяемое — имя существительное jaš 'возраст':

altī jēgirmi jašīna... (Ktb 31) 'в шестнадцать лет...; bir jēt-mis jašīmγa... (E 45, 5) 'в возрасте шестидесяти одного года...'; ...şekiz qırq jašīma... (E 29, 4) 'В тридцать восемь лет [я скончался]' (то же: E 37, 2; 42, 3; 48, 7; M 24, 25, 26, 29, 31); üç jašīmda qaγsız boldım (E 6, 1) 'В возрасте трех лет я остался без отца...'; altī jašīmta qaγ adirdım (E 32, 16) 'В шесть лет я лишился отца' (то же: E 45, 2); ben beş jēgirmi jaşda alınmīsım (E 11, 1); 'В пятнадцать лет я был взят [на учение к табгачам]' (то же: E 44, 6; 48, 3; 49, 2); üç eļig jašīm adiril[dīm] b[en] (E 22, 3) 'В сорок три года расстался я [с этим миром]' (то же: E 41, 9); b[en] beş qırq eγ jaş ert[im] (E 25, 4) 'Я был тридцатипятилетним воином.'

В [приведенных (и им подобных) примерах обращает на себя внимание падежное оформление — вариантное управление — слова jaš: дательный п. (в двух вариантах), местный п., основной п.; все формы в данных примерах служат для обозначения обстоятельства времени.

§ 404. Определение нередко само является определительной группой: (qaγīm qaγan) süsi (Ktb 12) 'войско моего отца кагана'; (türk sir bodun) jērintä (T 3) 'в земле народа тюрков-сиров'; (türk bilgä qaγan) ilinā bititdim (T 58) 'Я приказал написать [эту надпись] для эля тюркского правящего кагана'.

§ 405. Определение может быть снабжено нужным по смыслу афф. принадлежности; в современных языках в подобных случаях чаще используется изафет III:

oγlī atī (E 26, 2) 'имя его сына', ögüm ötin alajın qanīm sabīn tinlajın tip (İB 90) 'Говоря: «Да получу я наставления [от] моей матери, да услышу я речи моего отца...»'; ...bodunıγ ečüm aram törüsinčä jaratmīs bošγurmīs (Ktb 13) 'В соответствии с тёрю моих предков он устроил и направил [на верный путь] народ...'; eki šad ulaju iniγigünim oγlanīm beγlärīm bodunīm közi qašī jablaq boltači tip saqıntım (Ktb 51) 'Я горевал из-за того, что оба шادا, а за ними мои младшие родичи, мои потомки, мои беки, мой народ окажутся в беде'.

§ 406. Признаком изафетной связи при определении может быть афф. принадлежности любого лица:

tärri el-im (E 14, 3) 'мой Небом [данный] эль'; ...türk bilgä qaγan sab-im (M 1) '[Вот] речь моя тюркского правящего кагана'; eγ at-im (E 2, 5; 15, 1) 'мое геройское имя'; eγ eγdäm-im (E 2, 3) 'моя доблесть'; ср.: eγ eγdäm-i (E 5, 1) 'геройская доблесть'; üč jełmīs jaš-im-qa adiriltım (E 3, 4) 'Я расстался [с этим миром] в возрасте шестидесяти трех [лет]'.

§ 407. Изафет III организуется приемом согласования: определение стоит в форме родительного п., определяемое принимает афф. принадлежности 3 л. (исключения см. § 408).

1) Изафет III используется для выражения непосредственного обладания, принадлежности и качественного определения:

bilgä qaγanın bodunı (Oa 3) 'народ правящего кагана'; qaγanın sabın almatın... (Ktm 9) 'не вняв словам твоего кагана...'; ol qanım elimin beγgüsi (E 24, 2) 'Это памятник моего хана [и] моего эля'.

Формант родительного п. — °γ, °g (§ 292):

türk bodunıγ atī küsi joq bolmazun tijin... (Ktb 25) 'чтобы не погибла честь и слава тюркского народа...'; ср. türk bodun atī küsi joq bol[mazun tijin] (Ktb 25).

2) Изафет III используется для выражения отношения части к целому:

adiγın qarnı jarılmış tonuzun aziγı sīnmış (İB 10—11) 'Брюхо медведя было разодрано, клыки кабана были сломаны'.

§ 408. В отдельных случаях в ТРП в конструкции изафета III определяемое не имеет афф. принадлежности (ср. аналогичную конструкцию в монгольском языке):

tabγač qaγanın ičräki beγizög it[t]i (Ktm 12) 'Табгачи при-
слали придворных резчиков [своего] кагана'; üčünč jegin silig be-
gin keđimlig torıγ at binip tegdi (Ktb 33) 'В третий раз он сел
на снаряженного гнедого коня Йегин-Силиг-бека и бросился
в атаку'; см. еще примеры: Ktb 32, 33, 35.

§ 409. Словосочетанием называется синтаксически организованное и семантически цельное соединение — на основе подчинительной связи (примыкание, управление, согласование) — двух или нескольких знаменательных слов.

Синтаксические связи компонентов тюркского словосочетания представлены двумя способами.

1) Синтаксический способ реализуется с помощью категорий склонения, принадлежности, сказуемости.

2) При аналитическом способе связь между компонентами словосочетания реализуется с помощью порядка слов, интонации и служебных слов: *türk bodun* 'тюркский народ'; *ol qaγan* 'тот каган' и т. п.

Словосочетания представлены двумя типами.

1) Свободное словосочетание — все входящие в него знаменательные слова сохраняют свое лексическое значение: *taş balbal* 'каменный балбал'; *baz qaγan* 'Баз-каган'; *kögmän jolı* 'Кёгменская дорога/дорога на Кёгмен'; *biziñ sü at(ımız)* 'кони нашего войска'.

2) Несвободное словосочетание — лексическое значение одного из его составляющих ослаблено или утрачено, в силу чего такое словосочетание выражает единое понятие, нередко превращаясь в сложное слово: *emgäk körti* 'Он испытывал трудности' (досл. 'он видел трудности'); *balbal qılu bertim* (М Ха 7) 'Я соорудил [в их честь] балбалы'; *qılu ber-* — см. § 363, 1.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ВИДЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

§ 410. Предложения по цели высказывания представлены следующими разрядами: повествовательные, вопросительные, модальные (восклицательные, вокативные и др.) предложения.

Повествовательные предложения бывают положительные, отрицательные, выражающие возможность или невозможность совершения действия; в силу специфичности жанра этот вид предложений в ТРП является преобладающим:

qaγanı ölti bodunı küñ qul boltı (Ktb 20) 'Их каган погиб, [а] его народ стал рабынями и рабами'; *mëniñ sabımın simadı* (Ktm 11) 'Моя речь они [резчики] не исказили'; *inisi eçisin bilmäz erti oγlı qaγın bilmäz erti* (Ktb 21) 'Младшие родичи не признавали своих старших родичей, сыновья не признавали своих отцов'; *jaγı bolıp itini jaratunı umadıq jana içikmis* (Ktb 10) 'Срав врагами [табгачей] и не будучи в состоянии [что-либо] сделать и создать самим для себя, он [тюркский народ] снова подчинился [табгачам]'; *tabγaç bodun sabı süçig aγıśı jımşaq ęrmis* (Ktb 5)

‘Речи табгачского народа были, как рассказывают, сладкими, а дары их — прелестительными’; *azuqı joq erti* (Ktb 29) ‘Корма для них не было’.

§ 411. Вопросительные предложения бывают собственно-вопросительные и вопросительно-побудительные:

qağan mı qısañın tidim (T 5) ‘«Не пожелать ли мне [его] каганом?» — сказал я’; *türk qara qamuı bodun anca timis illig bodun ertim ilim amtı qanı kemkä ilig qazıanur men tir ermis qağanlıq bodun ertim qağanım qanı ne qağanqa isig küçig birür men tir ermis* (Ktb 9) ‘Тюркский народ, весь народ так, должно быть, сказал: «Я был народом, имевшим эль, где теперь мой эль? Для кого я добывал эли? Я был народом, имеющим кагана, где мой каган? Какому кагану я стану [теперь] отдавать [свои] труд и силу?!» — [так], по-видимому, сказал [народ]’.

§ 412. Модальные предложения бывают побудительные, желательные, условные.

1) Побудительные предложения выражают различные оттенки волеизъявления:

jañıl⁷ tidi (T 5) ‘«Присоединяйтесь [ко мне]!» — сказал он’; *sü barıñ tidi* (T 31) ‘«Воины, выступайте [в поход]!» — сказал он’; *ıda qabışalım temis* (Mě B 11) ‘«Давайте соединимся в лесу!» — сказал он’.

2) Желательные предложения выражают различного рода пожелания, устремления:

ben ebgärü tüşäjin tidi qatun joq bolmus erti anı joñlatañın tidi (T 30—31) ‘«Я хочу отправиться домой», — сказал он. «Жена скончалась, я хочу устроить тризну [по ней]», — сказал он’.

3) Условное предложение — см. § 231:

ol jırgärü barsar türk bodun öltäçi sen (Ktm 8) ‘Если пойдешь в те земли, о тюркский народ, ты погибнешь!’.

4) Восклицательные предложения в ТРП — в силу природы жанра — используются крайне редко:

anı subuı baralım (T 27) ‘«Давайте отправимся по реке Аны!»; *añar körü bilin* (Ktm 11) ‘«На него [на памятник] глядя, поучайтесь!»’.

5) Вокативные предложения выражают обращение, сожаление, укор, негодование и т. п.:

türk bodun toq arıq oq sen aśsıq tosıq ömüz sen (Ktm 9) ‘О тюркский народ, сыт ты или голоден, ты не разумеешь [что такое] голод, [что такое] сытость’.

§ 413. Виды предложений по структурному составу представлены следующими разрядами:

1) простое предложение (нераспространенное, распространенное):

⁷ S. Tezcan (Tonyukuk yazıtında birkaç düzeltme. — TDAYB, 1975—1976. 1976, s. 174—175) читает это слово *ajñıl*, переводит ‘akıl ver’ и поясняет: ‘Burada akıl vermek yerine biraz anlam farkı ile ‘yol göster’, ‘tavsiyede bulun’, ‘ne yapacağını söyle’ karşılıkları da alınabilir’.

2) сложное предложение (сложносочиненное, сложноподчиненное).

Простые предложения в зависимости от способа выражения подлежащего и сказуемого делятся на двусоставные и односоставные.

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 414. Двусоставные предложения организуются двумя главными членами — подлежащим (все именные и субстантивированные части речи; редко личные местоимения) и сказуемым (спрягаемые формы глагола, имя в основном или косвенном падежах + личные аффиксы, которые нередко эллиптируются):

süsi kelti (Oa 1) 'Его войско пришло'; biz az ertimiz (M 32) 'Нас было мало'; baj bar ertim (S 5) 'Я был богатым-имущим'; qızım üç erti (S 6) 'Дочерей у меня было три'; özüm tarduş bodun üzä şad ertim (Ktb 17) 'Я сам был шадом над тардушским народом'.

§ 415. В одном предложении может быть два подлежащих (но не однородных!), образующих особый тип предложения, — двуподлежащее предложение, — в котором одно подлежащее выражено именем существительным, другое — местоимением; согласование такого подлежащего в числе со сказуемым осуществляется по местоимению: ben ança tir mən ben bilgä toñuquq altun jışı asa keltimiz... (T 37—38) 'Я так сказал, я, правитель Тоньюкук: «Мы перешли [через] Алтунскую чернь...»'; ср.: ben özüm bilgä toñuquq ötükän jerig qonmıs tejin eşidip (T 17) 'Прослышав, что я сам, правитель Тоньюкук, поселился в Отюкенской земле...'; см. еще T 17, 47, 58, 59.

§ 416. В ТРП используются также подлежащно-субъектные предложения, в этом случае деятель обозначается именем существительным (подлежащее) и личным аффиксом при сказуемом (субъект действия):

bilgä qağan atısı jolıñ tigin mən aj artuqı tört kün olurıp bitidim bədzidim (M X I) 'Я, Йолуг-тегин, родственник правящего кагана, написал [эту надпись] и украсил [заупокойный храм], проведя [за работой] месяц и четыре дня'; ...türk bilgä qağan bu ödkä olurtım (Ktm 1) 'Я, тюркский правящий каган, в это время сел [на ханство]'; [bilgä] qağan b[itigin] jolıñ tigin bitidim (M X I) 'Надпись [в честь] правящего кагана, написал я, Йолуг-тегин'.

§ 417. Односоставное предложение организуется одним главным членом, который не является ни подлежащим, ни сказуемым. В отличие от неполных предложений, в односоставных предложениях «недостающий» главный член предложения не поддается ни контекстом, ни обстановкой высказывания.

Односоставные предложения обычно представлены следующими видами: 1) модально-безличные, 2) неопределенно-личные, 3) обобщенно-личные, 4) номинативные (назывные), 5) вокативные.

В силу специфики текстов в ТРП односоставные предложения представлены в единичных случаях.

§ 418. Простое распространенное предложение состоит из главных и второстепенных членов предложения.

Члены предложения — главные и второстепенные — бывают двух видов: 1) простые члены предложения, 2) развернутые члены предложения.

Простые члены предложения выражаются одним словом или группой слов, состоящих из определения и определяемого.

Развернутые члены предложения выражаются группой слов, представляющих собой словосочетание, организующим ядром которого выступают глагольные имена на *-duq*, *-siq*, *-miš(s)*, *-tači*, *-oγta*, — см. по указателю аффиксов.

§ 419. Второстепенные члены предложения — определение, дополнение, обстоятельство.

Определение занимает место перед определяемым и выражается всеми именными частями речи.

Дополнение — по характеру связи между действием и объектом — представлено прямым дополнением, косвенным дополнением, относительным (послеложным) дополнением.

Обстоятельство уточняет характер (образ) действия, обстановку, условие, место, время, цель, причину, меру, степень совершения.

Имя прилагательное и имя числительное — количественное и порядковое — в тюркских языках, не меняя своей формы, функционируют как приименное определение и как приглагольное определение.

§ 420. Неполное предложение — предложение, лишенное одного или нескольких необходимых для данного высказывания членов предложения, которые восстанавливаются из общего контекста или общей обстановки речи.

Неполное предложение без подлежащего — наиболее распространенный в ТРП тип подобных предложений. Этот тип неполного предложения наиболее часто используется при сказуемом, выраженном

1) формами повелительного наклонения:

altun j̄sda oluruŋ tidi sũ baŋi ināl qaγan tardus šad barzun tidi (Т 31) '«Располагайтесь в Алтунской черни», — сказал он. «Во главе войска пусть идут Инель-каган и тардушский шад», — сказал он';

2) формами изъявительного и желательного наклонений — в тех случаях, когда подлежащее не несет на себе логического ударения:

altun j̄sda olurtim̄iz (Т 32) 'Мы расположились в Алтунской черни'.

§ 421. В ТРП подлежащее, выражаемое личными местоимениями, встречается крайне редко, буквально в единичных случаях:

biz az ertimiz (М 32) 'Нас было мало'.

При глагольной форме на -sar действующее лицо — подлежащее обозначается соответствующим местоимением или существительным; при форме на -duq — афф. принадлежности, личным местоимением или соответствующим существительным:

mən... qazğanmasar türk bodun öltäci erti (M 33) 'Если бы я не приобрел, тюркский народ погиб бы'; mən qazğanıq üçün türk bodun qazğanmış ertinç (M 33) 'Так как я приобретал [земли], и тюркский народ тем самым [тоже] приобретал [их]'; mən özim qağan olurtıqım üçün (M 36) 'Так как я сам стал каганом...'

§ 422. Неполные предложения без второстепенных членов предложения характерны для диалогической речи, которая в памятниках не представлена.

§ 423. Порядок слов в предложении в ТРП, как и в современных тюркских языках в их письменно-литературной форме, — за исключением достаточно твердого правила о месте сказуемого в конце предложения (впрочем, это правило тоже нуждается в оговорках!) — можно с достаточным основанием назвать относительно свободным.

Сказуемое, в соответствии со структурой предиката — глагол/имя + афф. сказуемости (= личные аффиксы), — ставится в конце предложения.

Подлежащее, в зависимости от силы логического ударения, падающего на него, располагается в любом месте перед сказуемым или за ним.

Определение, как приименное, так и приглагольное, предшествует своему определяемому.

Распределение второстепенных членов предложения регулируется прежде всего указанным выше местоположением определения: все определители подлежащего располагаются перед ним, все определители сказуемого, дополнения, обстоятельства — перед сказуемым.

В распространенном предложении в повествовательной, эпически спокойной речи, присущей ТРП, составленным Йолуг-тегином (Kt, M), а также памятникам O, Kç, Mç и др., более или менее строго выдерживается следующий порядок слов: подлежащее — обстоятельство (~ обстоятельство — подлежащее) — дополнение — сказуемое.

eşümüz aramız bumın qağan tört bulunıy qısmıs (O 1) 'Наш родич Бумын-каган четыре страны [света] притеснил...'; mən toquz jęgirmi jıl şad olurtım (M Xa 9) 'Я девятнадцать лет был шадом'; qağan at bunta biz birtimiz (Ktb 20) 'Титул кагана тогда мы [ему] дали'.

Обстоятельство места и времени при логическом на нем ударе выдвигается перед подлежащим:

bükägükdä sekiz oğuz toquz tatar qalmaduq (Mç 13) 'В Бюкягюке не осталось ни секиз-огузов, ни токуз-татар'; jazıña oğuz tара sülädım (M 31—32) 'Той же весною я пошел войною на огу-

зов'; *İda taşda qalmısı qobranır* (Т 4) 'Те из них, которые находились в лесах и на горах, собрались...'.⁸

§ 424. Обособленное подлежащее — продукт живой разговорной речи — встречается только в Т, поскольку автор этой надписи широко пользуется приемами разговорной речи: *türk bilgä qağan ilinjä bititdim bən bilgä toñuquq* (Т 58) 'Для эля тюркского правящего кагана приказал написать [эту надпись] я, правитель Тоньюкук'.

§ 425. Обособленными бывают также второстепенные члены предложения.

1) Обособление прямого дополнения:

ol eki kisi bar ęrsär sini tabıacığ ۆlürtäci tir męn... bini oğuzığ ۆlürtäci ök tir męn (Т 10—11) 'Пока существуют эти два человека, они тебя (= вас) табгачей уничтожат', — говорил я... 'Меня (= нас) огузов тоже уничтожат', — говорил я'.

2) Обособление косвенного дополнения:

bilgä toñuquq[qa] baға ajdı... (Т 31) 'Он приказал мне, правителю Тоньюкуку...'.⁹

§ 426. Инверсия главных и второстепенных членов связана с перенесением наибольшего логического акцента на инверсируемый член предложения:

ötükän jış olursar bęngü il tuta olurtaçı şen türk bodun (Ktm 8) 'Пока [ты] обитаешь в Отюкенской черни, будешь жить, правя [своим] вечным элем, о тюркский народ!'.¹⁰

§ 427. Приведем примеры на однородные члены предложения.

1) Однородное сказуемое:

qamuğ balıqqa teğdim qunladım altım (O Oa 1) 'На многие города я делал набеги, грабил, захватывал [пленных]'.¹¹

2) Однородное дополнение:

jılqısın barımın qızın quduzın kелirtim (Mč 15) 'Их скот, их имущество, их девиц и женщин я привозил к себе'; *türkimä bodunıma jęgin anča qazğanu birtim* (M Xa 10) 'Для моих тюрков, для моего народа⁸ я добра так много приобрел'.

3) Однородное обстоятельство:

taj bilgä tutuq jablağın üçün bir eki atlığ jablağın üçün qara bodunım öltin jıtdın (Mč 17) 'Из-за подлости Тай Бильге-тутука, из-за подлости одного-двух знатных людей ты, мой народ, сгиб-погиб!'.¹²

4) Однородное определение:

közın körmädük qulqağın eşidmädük bodunımın... (M Xb 11) 'мой народ глазами, которые не видят, ушами, которые не слышат...'.¹³

⁸ Малов (ПДТП МК, с. 23—24): «Для моего тюркского народа»; Tekin (Grammar, p. 279, 281): «For the benefit of my Turks and my people». Два однородных дополнения одинаково оформлены, что свидетельствует о их семантической равнозначности.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 428. Сложное предложение — выражение единого высказывания, которое распадается на два и более относительно самостоятельных предложения; следовательно, оно состоит из двух или нескольких компонентов, обладающих свойствами простых предложений.

Обязательным и единственным конституирующим признаком компонентов сложного предложения является их формально-грамматическая и смысловая законченность.

Сложное предложение в ТРП представлено двумя типами: сложносочиненное и сложноподчиненное.

Сложносочиненное предложение

§ 429. Сложносочиненное предложение состоит из двух или нескольких простых предложений, которые могут быть нераспространенными и распространенными, с простыми членами предложения или с развернутыми членами предложения, полными или неполными, двусоставными или односоставными.

Соединение предложений в единое сложное целое в современных тюркских языках осуществляется при помощи союза или союзной паузы.

В ТРП сложносочиненное предложение союзного типа не зарегистрировано; союзы используются только для соединения членов предложения (§ 386).

§ 430. Сложносочиненное предложение с союзной паузой выражает последовательность действий во времени и одновременность, а также противительные, уподобительные отношения и перечислительно-объяснительные отношения и т. п.:

teğdimiz jaǵıdımız (T 39) 'Мы напали [на врага] и рассеяли [его]'; qorqma timiş qut birğaj mən timiş (İB 3) '«Не бойся», — сказал он. «Я приношу счастье», — сказал он'.

Действие союзной паузы особенно отчетливо проявляется при формах повелительного наклонения, сама природа которого требует повышенной интонации:

anča bilin edğü ol (İB 3) 'Знайте так: [это] — хорошо!'; anča bilinlär edğü ol (İB 1) 'Знайте (все) вы так: [это] хорошо!'.

Сложноподчиненное предложение

§ 431. Сложноподчиненное предложение состоит из двух или более частей, оформленных как самостоятельные предложения. С точки зрения структурной организации, части сложноподчиненного предложения — придаточное и главное предложение — соединяются в единое сложное целое с помощью 1) союзных слов; 2) союзной паузы; 3) особого морфологического оформления сказуемого придаточного предложения (-duq, -sar).

§ 432. Сложноподчиненное предложение с союзными словами *tejin ~ tijin*, *tip*, с союзным речением *anl̄ üñin* довольно часто встречается в языке ТРП.

Следует отметить важное для понимания развития сложноподчиненных предложений союзного типа в истории тюркских языков обстоятельство, а именно отсутствие в ТРП вопросительного местоимения *kim ~ кем* 'кто' в функции союза.

§ 433. *tejin ~ tijin* < деепр. от гл. *tē- ~ ti-* 'говорить';⁹ нормативная схема сложноподчиненного предложения, в котором подчинение выражается с помощью этого союзного слова, представляется в следующем виде: придаточное предложение + *tejin ~ tijin* + сказуемое главного предложения.

Союзное слово *tejin ~ tijin* в зависимости от формы выражения сказуемого придаточного предложения передает различные синтаксические связи и отношения.

1. *tejin ~ tijin* после глагольного сказуемого, выраженного формами изъявительного наклонения, и после именного сказуемого передает

1) изъяснительную связь:

taşra jorijur tijin kü eşidip (Ktb 11—12) 'Прослышав весть [о том], что он кочует за пределами [своего юрта]...'; *tegmäçi men tejin saqintim* (O Oa 2) 'Я подумал: «Я не буду нападать [на него]»...'; *neka tezär biz üküş tijin neka qorqur biz az tijin... tidim* (T 38—39) 'Я сказал: «Почему мы должны бежать, дескать, [врагов] много!» — «Почему мы должны [их] бояться, дескать, [нас] мало!»';

2) причинную связь:

arqış idmaz tejin sülädim (M 25) 'Я пошел [на него] войною, так как он не посылал [нам] обозы [с данью]'; *jalabaçi... kelmäz tijin jajın sülädim* (M 39) 'Ввиду того что посланник [от них] не прибыл, летом я выступил в поход [на них]'; *tänprikänkä isig bertiñ tejin jarlıq[q]amış (~ jarılqamış)* (O 6) 'Он был милостив [к тебе], потому что ты отдавал [свой] труд [своему] господину'.

2. *tejin ~ tijin* после форм желательного и повелительного наклонений передает целевую связь:

bodunıñ igidäjin tijin... [sünüşdim] (Ktb 28) 'Чтобы я мог поднять [свой] народ... я [решил] дать сражение'; *soɣdaq bodun itäjin tijin... temir qarıŋqa teği sülädimiz* (Ktb 39) 'Чтобы я мог устроить согдакский народ, мы ходили походом вплоть до Темир-капыга'; *tänpri bilgä qaŋanta adırılmalım azmalım tejin ança ötlädim* (O Oa 3) 'Я наставлял [их] так, чтобы мы [все] не отложились от Небом [данного] правящего кагана, не погрешили [против него]'; *türk bodun jitmäzün tejin joluq ərmezün tejin üzä tänpri*

⁹ К о н о н о в А. Н. 1) О союзном слове *diye* в турецком языке. — В кн.: Академику В. А. Гордлевскому к его 75-летию. М., 1953, с. 137—144; 2) О слове *diye*. — Гр. турецк. яз., § 1081—1088; 3) О синтаксических функциях формы *täyin ~ тийин*. — В кн.: Белек С. Е. Малову. Фрунзе, 1946, с. 44—46.

teğ ərmiş (М 3) '«Чтобы не погиб тюркский народ, чтобы не стал жертвой [козней врагов]», — Небо, что наверху, [так] по-видимому, сказало...'; ...türk iduq jiri subî anča timis türk bodun joq bolmazun tijin bodun bolčun tijin qañım elteris qağanıñ ögüm il bilgä qatunuñ täñri... kötürmiş erinč (Ktb 10—11) 'Тюркская священная земля-вода так сказала: «Чтобы не погиб тюркский народ, чтобы был народ»; [ради этого] она, должно быть, возвысила [над народом] отца моего Эльтериш-кагана и мою мать Эльбияльге-катун'.

3. teğin ~ tijin выражает также различного рода обстоятельственные отношения:

qañım bağa täñrikän [teğjin anta jorimis isig küčin bərmis (O 5) 'В то время они, признавая моего отца Бага-тэнгрикеном, кочевали [в его владениях] и отдавали [ему] свои силы и свой труд'.

§ 434. tip (деепр. от ti- 'говорить') — дублет союзного слова teğin ~ tijin — после форм изъявительного наклонения передает

1) изъяснительную связь:

...jañuq ərşär eđgü ağı birür tip anča boşurur ərmiş (Ktm 7) 'Так, по-видимому, они наставляли: [тем, кто живет] вблизи [табгачей] они дают ценные дары...';

2) причинную связь:

...jadağ jabız boltı tip ağıalı kelti (M 32) 'Войско уч-огузов] пришло, чтобы [нас] пленить, полагая, что [мы] в пешем строю и слабые'.

§ 435. tip после форм желательного и повелительного наклонений передает целевую связь:

anı añıtağın tip sülädim (M 41) 'Я выступил в поход, чтобы я мог наказать его / с целью наказать его'; birijä qarluq bodun tара sülä tip tudun jamtarıñ it[t]im (M 40) 'Я отправил Тудун-Ямтара, чтобы он пошел войною направо [на юг] на карлукский народ'.

§ 436. tip служит также для отделения авторской речи от слов ее передатчика:

...beglärim bodunım közi qaşı jablaq boltaçı tip sağıntım (Ktb 51) 'Я предавался печали: [вот скоро] беда настигнет моих беков, мой народ'.

§ 437. В зависимости от общего состава предложения слово tip наряду со служебным значением сохраняет до известной степени свое первоначальное лексическое значение:

...kemkä ilig qazğanur mən tir ərmiş... ne qağanqa isig kü-
çig birür mən ərmiş anča tip tabğaç qağanqa jağı bolmış (Ktb 9)
'«...для кого я добываю эль?» — так, как передают, говорил он.
«Какому кагану я отдаю [свой] труд, [свою] силу?» — так, как передают, говорил он; говоря так, он стал врагом табгачскому кагану'.

§ 438. Союзное речение anı üçün выражает причинную связь:

...kisi balıq[da mağa] uqğalı kelti beş balıq anı üçün ozdı (M 28) '...[ко мне] вышли люди из города, чтобы покориться мне; Бешбалык поэтому спасся'; ...begläri jämä bodunı jämä tüz ərmiş anı üçün ilig anča tutmış erinč (Ktb 3) '...и их беки и их

народ были, как передают, верны [кагану], поэтому-то, должно быть, они столь [долго] правили элем'.

§ 439. Сложноподчиненное предложение с союзной паузой обуславливается, как правило, определенным лексическим значением сказуемого подчиняющей части единого сложного целого, т. е. главного предложения. Сказуемым подчиняющей части этого типа сложноподчиненного предложения являются глаголы речи — *tē ~ ti-, aj-* 'говорить'; глаголы чувственного восприятия — *saqin-* 1) 'думать', 'размышлять', 2) 'сожалеть', 'грустить'; *ögläš(s)-* 'судить', 'рассуждать'; *ötün-* 'обращаться с просьбой', 'просить'; *ötlä-* 'наставлять', 'советовать', 'уверять'.

Характерной особенностью сложноподчиненных предложений, сказуемое подчиняющей (главной) части которых выражается названными выше глаголами, является свободный порядок размещения главной и подчиненной частей сложного целого: наиболее высоко акцентированная часть сложного предложения выдвигается на первое место.¹⁰

§ 440. Сказуемое — глаголы речи *tē ~ ti-*:

... *sülälīm tidim* (Т 23) 'Я сказал: «Пойдем [на него] войною»'; *türk sir bodun jērintā idi jorīmazun usar idi joq qisālīm tīr mēn* (Т 11—12) 'Я сказал: «Пусть они [враги] совсем не ходят по земле тюрков-сиров; если удастся, давайте уничтожим [их] совсем!»'.

Для прямой передачи чужой или авторской речи в ТРП, как и в современных тюркских языках, широко использовалась «рамочная» конструкция или прием «замыкания» (термин И. И. Мещанинова) — чужая речь заключается между подлежащим и сказуемым главного предложения (здесь союзная пауза):

ol sabī ēsidip qaḡanīm bēn ēbgārū tūsājin tidi (Т 30) 'Услышав эти слова, мой каган сказал: «Отправляюсь-ка я домой», — сказал он'; *üč körüg kisi kelti sabī bir qaḡanī sū tasīqtī on oq süsi qalīsiz tasīqtī tīr* (Т 33) 'Пришли три соглядатая, слово их едино: «Их каган выступил с войском, войско десятиродового [народа] все целиком выступило», — говорят они'.

Подчиняющая часть сложного предложения, если на нее падает логический акцент, выдвигается на первое место, вторая подчиненная часть произносится с угасающей интонацией. «Рамочную» конструкцию, или «замыкание», образуют две формы глагола *tē ~ ti-*, открывающие и замыкающие прямую речь в ее косвенной передаче. В целях усиления интонации используется широко применяемое в ТРП соотносительно-пояснительное слово *anča* 'так', 'таким образом' (используется для указания на то, о чем пойдет речь ниже):

türk qara qamuḡ bodun anča timis illig bodun ertim... tīr ertmis (Ктб 9) 'Тюркский народ, весь народ так, должно быть,

¹⁰ К о н о н о в. 1) Гр. узбекск. яз., § 542; 2) Из наблюдений над синтаксисом надписи Тоньюкука (VIII в.). — В кн.: *Philologica*. Памяти академика В. М. Жирмунского. Л., 1973, с. 89—97.

сказал: «Я был народом, имеющим эль...» — сказал, как передают, он'; *türgäs qağan anča timis beñin bodunım anta ırır timis* (Т 21) 'Тюркешский каган так сказал: «Мой народ будет там!» — сказал он'; *beñ anča tir men beñ bilgä toñuquq altun jısıy asa keltimiz...* *tidi* (Т 37—38) 'Я так сказал, я, правитель Тоньюкук, сказал: «Мы перешли [через] Алтунскую чернь...»'.

Слово *antaγ* (< *an + *taγ* — послелог уподобления 'такой', 'так', 'таким образом') используется для ввода чужой или авторской речи, которая замыкается глаголом *tē* ~ *ti*:

türgäs qağanta körüg kelti sabı antäg(!) öndän qağanıaru sü jorilim timis (Т 29) 'От тюркешского кагана прибыл соглядатай, речь его такова: «Пойдем-ка спереди (с востока) с войском на кагана»'; *körüg sabı antay toquz oγuz bodun üzä qağan olurtı tir* (Т 9) 'Слово соглядатай таково: «Над народом токуз-огузов воссел каган»'; *tılıy keltürti sabı antay jarıs jazıda on tümän sü tirilti tir* (Т 36) 'Привели языка, речь его такова: «На Ярышской равнине собрались десять тюменей войска», — говорит он'.

Дадим пример на глагол *aj* 'говорить' + *ti*- (*aj*- используется только в Т три раза): *bilgä toñuquq[q]a baγa ajdı bu sü elt tidi* (Т 31) 'Мне, правителю Тоньюкуку, он сказал: «Веди это войско!» — сказал он'.

§ 441. Глаголы чувственного восприятия также выступают как сказуемое, образуя часто рамочную конструкцию.

1) *saqın*- а) 'думать', 'размышлять', б) 'сожалеть', 'беспокоить-ся': рамочная конструкция — *saqıntım... saqıntım — saqıntım* *turuq buqalı semiz buqalı arqada bilsär semiz buqa turuq buqa tijin bilmäz ırmis tijin anča saqıntım* (Т 5—6) 'Я думал, дескать, если он [будущий хан Эльтериш] издали может распознать, [какой] бык тощий, [какой] бык жирный, то он не отличит [в отдельности] жирного быка от тощего быка, — так думал я'; ¹¹ рамка *anča saqıntım... saqıntım — anča saqıntım köz jaş kelsär etidä* (Tekin. Grammar, p. 237: *tıda*) *könültä sıyıt kelsär janturu saqıntım qatıydı saqıntım eki şad ulaju ini jigünim oylanım beğlärim bodunım közi qaşı jablaq boltaçı tip saqıntım* (Ktb 50—51) 'Я так с грустью размышлял, в то время как из глаз [моих] лились слезы, из тела (?), из сердца [моего] исторгались вопли, я снова [и снова] скорбел; крепко я предавался печали, полагая, что оба пада и мои младшие родичи, мои [прямые] потомки, мои беки, мой народ лишатся лучшего [что у них есть].'¹²

В первом предложении подчинение поддерживается союзным словом *tijin*, во втором — союзным словом *tip*.

Глагол *saqın*- в составе сложносочиненного предложения:

¹¹ Тоньюкук для характеристики будущего хана пользуется пословицей, смысл которой не совсем ясен; см.: Бартольд. Соч., т. V, с. 315; Giraud. L'inscription, p. 72; Tekin. Grammar, p. 283.

¹² Об идиоме *közi qaşı* см.: Мелиоранский. КТ, 134; ср. перевод этого предложения: Малов. ПДТП, с. 43, строка 51 (11); ДТС 431 (под словом *qaş*); Tekin. Grammar, p. 271.

inim kül tigin kergäk boltı *özim sağıntım* körür közim körmäz teg bilir biligim bilmäz teg boltı *özim sağıntım* (Ktb 50) 'Мой младший брат Кюль-тегин скончался, а я сам предавался печали. Мои зрячие глаза словно ослепли, вещей разум мой словно перестал разуметь, и я сам предавался печали'.

2) *ötün-* 'просить', 'обращаться с просьбой':

anta ötrü qağanıma *ötüntüm anča ötüntüm* tabğač oğuz qıtañ bu üçägü qabisir qaltaçı biz öz içi tasın tutmıs teg biz... *anča ötüntüm* (T 12—14) 'После этого я обратился с просьбой к моему кагану, я так обратился: «Табгачи, огузы, кидане — эти [племена] втроем намерены объединиться; мы, кажется, узнали их тайные замыслы...» — так обратился я [к кагану]' (см. § 373, 2).

Заключительное *anča* имеет в данном контексте обобщающее значение. Приведенный пример является образцом рамочной конструкции, глагольное сказуемое *ötüntüm* открывает и закрывает предложение.

3) *ögläs(s)-* 'обсуждать', 'судить', 'рассуждать':

ol üç qağan *ögläsip* altun jıs üzä qabısalım timis *anča ögläsmis* öñrä türk qağanıaru sülälim *timis* (T 20) 'Те три кагана, рассудив, сказали: «Соберемся на Алтунской черни!» Они рассудили так: «Пойдем походом вперед (на восток), на тюркского кагана», — сказали они'.

В приведенном примере *ögläs-* вводит чужую речь в ее прямой передаче, глагол *tı-* ее заключает.

4) *ötlä-* 'наставлять', 'уведещать', 'советовать':

... *inimä oğlıma anča ötlädım* qañ jorıp elteris qağanta adrılnımaduq janılnımaduq tññri bilgä qağanta adrılnalım azmalım teñin *anča ötlädım* (O a 3) 'Моих младших братьев и сыновей я так увещевал: «Рассердившись, [мы] не отложились от Эльтериш-кагана и не погрешили [против него]». Я так увещевал, чтобы мы не отлагались от Небом [данного] правящего кагана и не погрешили [против него]'.

Этот и приведенные выше примеры являются убедительным свидетельством того, что рамочная конструкция при прямой передаче чужой речи является нормой, от которой возможны отклонения только за счет устранения первого компонента конструкции.

§ 442. Глаголы чувственного восприятия образуют рамочную конструкцию и в сочетании с глаголами речи:

ol jolın jorısar unč tidim *sağıntım qağanıma ötüntüm* sü joritdım atlat *tidim* (T 24—25) 'Я сказал: «Если пойти той дорогой, можно [достичь цели]». Я поразмыслил, я обратился [за разрешением] к моему кагану; [затем] я приказал войску выступать [в поход]. «Садись на коней!» — сказал я'.

§ 443. В живой эмоциональной речи (именно в этом стиле составлена надпись Тоньюкука) порядок следования главной и придаточной частей предложения находится в прямой зависимости от интонации, которая выполняет функции подчинительного союза (союзная пауза).

Союзная пауза сигнализирует лишь о том, что содержание первого члена, т. е. главного предложения, уточняется вторым членом, т. е. придаточным предложением, которое в соответствии со своей семантикой выражает самые разнообразные отношения — определительные, изъяснительные, причинные и т. п.:

tabğaçğaru qunı seǵünüg idmīs qıtaǵıǵaru tonra seǵig idmīs sab ança idmīs azqıña türk bodun jorıǵur ǵermis (T 9—10) 'К табгачам он послал Куни-сенгюня, к киданям послал Тонгра-Семи; известие так(ое) послал: «Тюркский народ, говорят, в малом числе кочует»'.

В этом примере подчинение первой части второй (наряду с союзной паузой) поддерживается соотносительно-пояснительным словом ança (§ 440).

Ср. еще: ara tarqanğaru iǵrā sab idmīs bilgā toǵuquq aııǵ ol üz ol (T 34) 'Апа-таркану он послал тайное известие: «Правитель Тоньюкук — хитрый и злобный»'.

§ 444. Гибкая синтаксическая структура тюркского сложно-подчиненного предложения, которая опирается на развитой морфологический строй тюркских языков, позволяет составлять такие типы сложноподчиненных предложений, в которых подчиненные предложения включаются в состав главного предложения; члены главного предложения обрамляют придаточные предложения:

qaǵanıǵ [ben özim bilgā toǵuquq ötüntük] ötünçümin eǵidü beṛti (T 15) 'Мой каган выслушал мою просьбу, с которой я сам, правитель Тоньюкук, обратился [к нему]'.

Словосочетание, для наглядности взятое в скобки, вполне удовлетворяет требованиям, предъявляемым к предложениям.

Ср. еще: . . . aǵaru sülämäsar qaç neǵ ǵersär ol bizni — qaǵanı alp ǵermis aǵuçıǵı bilgā ǵermis — qaç neǵ ǵersär ölürtäçi kük. . . timis (T 20—21) 'Если мы не пойдем [войною] на них, сколько бы [нас] ни было, они нас конечно уничтожат, [так как] сколько бы [нас] ни было, у них каган — храбрый, говорят, советники у него мудрые, говорят'; . . . jorımasar bizni — qaǵanı alp ǵermis aǵuçıǵı bilgā ǵermis — qaç neǵ ǵersär bizni ölürtäçi kük timis (T 29—30) ' . . . «если не пойдем [войною на них], нас — [так как] каган у них храбрый, советники у него мудрые, — сколько бы [нас] ни было — они нас, конечно, уничтожат», — сказал он'.

§ 445. Придаточные предложения бывают мотивированы особым морфологическим оформлением сказуемого придаточного предложения.

Подчинение, как правило, первой части сложноподчиненного предложения определяется и обуславливается: 1) формой на -sar, -sär, которая при наличии своего подлежащего становится сказуемым придаточного условного предложения; без подлежащего эта форма образует центр оборота (примеры см. § 231—238); 2) причастиями на -ǵr, -mıš, -duǵ, -taçı с подлежащим или без него (см. по оглавлению).

§ 446. К числу придаточных предложений, сказуемое которых выражено причастными формами, относятся и подчиненные предложения с *bar* 'есть', 'имеется' и *joq* 'нет', 'не имеется':

i bar bas asdimiz (Т 26) 'Мы перевалили вершину, покрытую растительностью'; *ol amti aifi joq türk qağan ötükan jış olursar iltä buj joq* (Ktm 3) 'Если в Отюкенской черни обитает тюркский каган, у которого нет теперешней порчи, то и у эля нет забот'.

ПРЯМАЯ И КОСВЕННАЯ РЕЧЬ

§ 447. Прямая речь — чужая речь в ее прямой передаче — увязывается с авторской речью двумя способами: 1) с помощью союзных слов *tejin* ~ *tijin* (§ 433), *tip* (§ 434); 2) асиндетически (т. е. без союзного слова). Асиндетическое соединение чужой и авторской речи используется

а) при сказуемом авторской речи, выраженном глаголом *te* ~ *ti* 'говорить': *...ne qağanqa isig küčig birür men tir ərmiş* (Ktb 9) '«... какому кагану я отдаю (свои) труд и силу?» — сказал, как передают, он';

б) при постановке авторской речи перед чужой; авторская речь образует рамочную конструкцию, замыкающую чужую речь в ее прямой передаче (см. § 440).

§ 448. Косвенная речь в своем построении ничем не отличается от подобных конструкций в современных тюркских языках (см., например: Кононов. Гр. узбекск. яз., § 561; Grönbech, S. 175—179).

ADDENDA

§ 80. Корнем слова $a\dot{y}la- \sim i\dot{y}la- \sim j\dot{i}y\dot{y}la-$ 'плакать' является $(j)^{\circ}\dot{y}$, который в свою очередь распадается на две морфемы: корневую $(j)^{\circ}$ - и служебную морфему $-y$, образующую имена существительные от глагольных корней (ср.: $ba\dot{y}la- < ba\dot{y}-la- < ba\dot{y} < ba-$ 'связывать', 'завязывать'). К этому же корню принадлежит часто встречающееся в ТРП слово $ju\dot{y} \sim jo\dot{y}$ 'оплакивание умершего', 'плач', 'тризна', а также производный глагол $ju\dot{y}la- \sim jo\dot{y}la-$ 'оплакивать умершего', 'устраивать тризну'; см. § 337.

Что касается анлаутного $j-$ в этих словах, то пока не удастся определить его природу: протеза ли это или органический элемент корня.

§ 218. Первый памятник Алтын-кёля (Е 28) плохо сохранился, что предопределило неточности чтения текста, зафиксированного в известных изданиях. С. Г. Кляшторному удалось при обследовании памятника устранить многочисленные неясности и предложить новое чтение и перевод надписи, см.: Стелы Золотого озера (К датировке енисейских рунических памятников). — В кн.: *Turcologica*, с. 258—267.

Вторую строку он читает по-новому: (5) (2) $atas\ddot{i}z\ al\dot{p}\ ert\dot{i}n\dot{i}z\ it\ utsar\ k\ddot{o}\check{s}\ ert(t)\dot{i}n\dot{i}z$ 'Без отца Вы героем были! Когда псы преследовали (дичь), Вы пронеслись мимо кочевий!'. В тексте вместо $atsar$ — причастия на $-sar$ читается $atas\ddot{i}z$ 'без отца'; см. также § 212, 4; 337; 338; 402, 1, где цитируется этот памятник.

Следует вообще заметить, что енисейские памятники в силу их плохой сохранности и лапидарности не всегда дают надежный языковой материал.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

В Указатель включены и снабжены характеризующими пометами все рассматриваемые в Грамматике аффиксы, местоимения, служебные имена и глаголы, послелог, модальные слова и частицы, союзы и союзные слова.

Аффиксы и другие грамматические элементы приводятся в порядке русского и латинского алфавитов. Буквы с диакритическими знаками следуют в общем порядке букв без этих знаков.

Аффиксы, которые указываются в Грамматике в нескольких фонетических модификациях и вариантах, приведены преимущественно по твердоярному варианту гласного и глухому варианту согласного; рядом даются мягкорядные варианты (с гласными негубными и губными) или варианты со звонким началом. На соответствующих местах обычно имеются взаимные отсылки. Взаимными отсылками снабжены также аффиксы, рассматриваемые как фонетические варианты.

«Восстанавливаемый» в анлауте аффикса согласный или гласный звук дается в круглых скобках. Аффикс, имеющий в начале гласный любого качества (^o), занимает свое алфавитное место.

Цифры указывают на параграфы Грамматики.

ан отрицат. частица 313

-*ɣ* ~ -*ɣ̣* уменьш. 130

-*ɣa/-gä* дат. п. 4.5

-*ɣaly/-gäli* супин 8

-*ɣap* прич. 204

-*ɣary/-gäry* направ. п. 4.5

-*ɣly/-gli* имя действия 5

-*ɣma/-gmä* имя действия 4.8.9

-*ɣyr/-gır* прич. 204

-*da/-dä* местн. п. 5.8

-*da/-dä* местн.-исх. п. 4.8

-*dan/-dän* ~ -*dyn/-dın* исх. п. 4.5. 8.9

-*dy/-di* прош. вр. 3 л. 4

-*dyɣ/-diɣ* прош. вр. 2 л. ед. ч. 4

-*dyɣyz/-diɣız* прош. вр. 2 л. мн. ч. 4

-*dyn/-dın* прош. вр. 1 л. ед. ч. 4

-*dynyz/-dınız* прош. вр. 1 л. мн. ч. 4

-*dyn/-dın* исх. п. см. -*dan/-dän*

-*dyu/-diu* прош. вр. 2 л. ед. ч. 4.5

-*dyuɣyz/-diuɣız* прош. вр. 2 л. мн. ч. 4.5

-*y/-i* ~ -*y/-ÿ* деесп. 186. 228

-*yk/-ik* вин. п. 5

-*yḳ* ~ -*aɣ* отглагол. имя 186

-*yn/-in* вин. п. 5

-*yu/-iy* род. п. 4.5

-*ynan/-inän* деесп. 4

jan/jän послелог 4

-*ka/-kä* ~ -*ɣa/-gä* дат. п. 4.5. 94

-*ka/-kä* отглагол. имя 186

-*karu/-käry* ~ -*ɣary/-gäry* направ. п. 4.5

käm вопр. местоим. 299

-*kan/-kän* отглагол. имя 186

kem/kēm вопр. местоим. 299

ki союз 388

-*ky/-ki* отглагол. имя 186

kym вопр. местоим. 299

-*kyn/-kın* отглагол. имя 186

-*kly/-kli* ~ -*ɣly/-gli* имя действия 5

-*la/-lä* глаголообраз. афф. 155

-*lax* отымен. прил. 155

-лѣк прил./сущ. 4.5
 -лы/-лѣ прил. свойства 97
 -лыг/-лѣг прил./сущ. 4.5
 -лур/-лѣг прил./сущ. 4
 -мадын/-мăдін ~ -матын/-мăтин
 деепр. 4.5.8.9
 -мак/-мăк имя действия 5.8.9.94.120
 -мажын/-мăжин деепр. 5

-н афф. уменьш. 130
 -ны/-нѣ вин. п. 5
 -ны/-нѣ род. п. 5
 -нѣн/-нѣн ~ -нѣн/-нѣн род. п. 5.9
 -ѣа/-ѣа дат. п. с принадл. 4
 -ѣару/-ѣăрѣ направ. п. с принадл. 5

-оn деепр. 4.5.8.9.219
 -пан/-пăн ~ -ыпан/-ipăн деепр. 4.5

-са/-сă условное накл. 213
 -сык/-сѣк ~ -сук/-сѣк имя действия
 5.8

-та/-тă местн.-исх. п. 4.8.18
 -тан/-тăн ~ -дан/-дăн ~ -тын/-тін
 исх. п. 4.8.9
 -таш ~ -даш афф. совм. 104
 -тачы/-тăчи прич. буд. вр. 4.5.99
 -турук/-тѣрѣк ~ -дурук отглагол. имя
 104
 -тыг/-тіг прош. вр. 2 л. ед. ч. 4
 -тыгыз/-тігіз прош. вр. 2 л. мн. ч.
 4
 -тым/-тїм прош. вр. 1 л. ед. ч. 4
 -тымыз/-тїміз прош. вр. 1 л. мн. ч.
 4

хэн вопр. местоим. 299

а/-ă отрицат. гл. 313
 -а/-ă дат.-местн. п. 4.255.275.278.283
 -а вин. п. 22
 -а/-ă афф. уменьш. 131.149
 -а/-ă отглагол. имя 119
 -а/-ă деепр. 22.186.203.219.228.244.
 250.258.362.368.375.389
 -а/-ă наст.-буд. вр. II 311.337.349
 -а/-ă афф. учащ. 22
 -а/-ă афф. интенсива 364
 -а дейктическая часть 329
 -а/-ă отымен. гл. 181.184—186.189.
 191

аба запретительная часть 313
 -ад/-ăд отымен. гл. 187
 -аг/-ăг вин. п. 18.22
 -агун/-ăгүн < -агун / -ăгүн собир. чи-
 слит. 177

-агун/-ăгүн собир. числит. 177
 -аж/-ăж желательное накл. 350
 ал- служ. гл. 314
 -ал ~ -іл глаголообраз. афф. 22.182
 -алам/-ălām личн. показ. 18
 -алім/-ălīm личн. показ. 311.350
 -ам/-ăm афф. принадл. 1 л. ед. ч.
 22
 -ам/-ăm личн. показ. 22
 ам отрицат. часть 313
 -amaz/-ămăz афф. принадл. 1 л.
 мн. ч. 18
 -ан инстр. п. 18
 -ан деепр. 22
 -ан < -ған прич. 113
 *an ~ ol указ. местоим. 290.298.440
 anı ūçın союзное предложение 386.432.
 438
 anna отрицат. часть 313
 anıŋ ~ anıŋ 'очень' 388
 -аң/-ăң афф. принадл. 2 л. ед. ч. 22
 аң отрицат. часть 313
 -аңаз афф. принадл. 2 л. мн. ч. 18
 ар... ар отрицат. часть 313
 -ар деепр. 18.22
 -ақ < -ғақ отглагол. имя 113
 -ақ/-ăк афф. уменьш. 131
 ақ отрицат. часть 313
 -ар/-ăр ~ -ір/-ir глаголообраз. афф.
 22
 -ар/-ăр прич. буд. вр. 205.334
 ара послелог 368
 artuq 'свыше' 174
 artuqı союз 386.387
 -aş ~ iş афф. зал. 22
 -at ~ -it афф. зал. 22
 azu союз 386.387
 -ăн род. п. 22
 âr ~ eġ- служ. гл. 'быть' 9
 âsä ~ âs отрицат. часть 313

*b° местоим. 296
 -°b деепр. 219.313
 -ba/-bă гл. отрицание 313
 *-ba прош. вр. 207.313
 -°ban/-°băn деепр. 220.313
 bar ~ bâr предикатив 390.446
 bar- служ. гл. 363
 barġa местоим. слово 304
 barı/baru местоим. слово 304
 *be ~ *bi указ. местоим. 296
 beñ местоим. 1 л. ед. ч. 296.311
 -beñ личн. показ. 307
 *-bi прош. вр. 207
 bilä послелог 287
 bir 'один', показ. неопределенности
 293.306
 bir-/ber- служ. гл. 363
 birlä послелог 287.366.367.369
 -bit/-bit прош. вр. 207

biz местоим. 1 л. мн. ч. 296.310
-biz личн. показ. 307
bol- служ. гл. 9.361
bu указ. местоим. 298
buu отрицат. част. 313

-č афф. зал. 89
-°с афф. уменьш. 101.102.130.131
-°с отглагол. имя 122.140
-č° афф. уменьш. 131
-ča/-čā экватив 68.69.72.102.175.241.
246.275.306.440

-ča/-čā афф. уменьш. 101.130
-ča числит. приблизительно 175
-ča/-čā буд. вр. 99.100.240
-čaγ ~ -čaγ афф. прил. 98
-čaп афф. прил. 98.99
-čaп афф. уменьш. 101.130
-čaп/-čāп прич. буд. вр. 99.100
-čaп/-čāп афф. уменьш. 101
-čāп/-čāп прич. буд. вр. 98.99.100
-čaγ ~ -čīγ афф. уменьш. 22.101
-čaγ/-čāk экватив 103
-čaγ/-čāk ~ -čaγ/-čāγ прич. буд. вр.
99.100.122
-čī/-čī имя деятеля 62.68.69.72.97.98.
122.130

-čī афф. наречия 76
-čī/-čī прич. буд. вр. 62.99.100.114.
216.240.342.343.349.361
-čīγ/-čīg экватив 162
-čīγaz/-čāγiz афф. уменьш. 22
-čīл афф. прил. 98.130
-čīл афф. уменьш. 102.130
-čīп/-čīп афф. прил. 98
-čīп афф. уменьш. 102.130
-čīп/-čīп афф. прил. и прич. 99
-čīγ/-čīγ буд. вр. 99.100.101
-čīγ ~ -čīγ афф. уменьш. 101.130
-čīγ афф. прил. 98
-čīt афф. прил. 98

ču усилит. част. 330
čun усилит. част. 330
-čun повел. накл. 3 л. 330

-d ~ -t местн. п. 255.256.283
-d ~ -t мн. ч. 32
-d ~ -t побуд. зал. 323.324
-da/-dā местн.-исх. п. 20.275.283.286
-da/-dā местн. п. 159.255
-da/-dā отглагол. наречие 244
-da/-dā ~ -ta/-tā дезидератив 216
-dačī/-dāčī прич. буд. вр. 20.114.202.
216.217.341
-daj/-dāj афф. сравнения 247
-dam ~ -tam прош. вр. 1 л. ед. ч. 22
-damaz ~ -tamaz прош. вр. 1 л.
мн. ч. 22
-dan/-dān исх. п. 18.22.256.286
-d'an ~ -jan послелог — афф. 286

-daqī/-dāki отымен. прил. 159.277
-dar ~ -dīr афф. зал. 22
-daš ~ -taš афф. совм. 104.139
-d°γ прош. вр. 2 л. ед. ч. 20
-d°γ°z прош. вр. 2 л. мн. ч. 20
-dī дейктическая част. 388
-dī/-dī прош. вр. 67.338.357
-dī/-d'ī афф. наречия 76
-dīγ/-dig прош. вр. 2 л. ед. ч. 338
-dīγiz/-digiz прош. вр. 2 л. мн. ч.
338
-dīn/-din ~ -tīn/-tin исх. п. 20.22.
159.256.275.286
-dīn/-dīn прош. вр. 2 л. ед. ч. 338
-dīγiz/-dīγiz прош. вр. 2 л. мн. ч.
338
-dīq/-dik отглагол. прил./прич. 113.
202.210.211.214
-d°η прош. вр. 2 л. ед. ч. 20
-d°η°z прош. вр. 2 л. мн. ч. 20
-doq ~ -duq прош. вр. 22
-du/-dū прош. вр. 338
-dum/-dūm прош. вр. 1 л. ед. ч. 20.
22
-duq/-dūk прич. 62.113.211—213.309.
356—359.418.421.445

elt- служ. гл. 363
er ~ ār- служ. гл. 'быть' 352.356
erikli ~ erkli прич. 239
erinc модальное слово 212.339.351.
356—359
ermiş модальное слово 351—355
ersār модальное слово 233.235.351.
360
erti служ. гл. прош. вр., 'был'
345—349

gibi послелог 373
-giš афф. уменьш. 268

-γ/-g ~ -q/-k побуд. зал. 112.113.164.
323
-γ/-g афф. уменьш. 134
-γ/-g ~ -q/-k отглагол. прил. 113.155.
161.166.215
-γ ~ -q отымен. гл. 191
-°γ/-°g вин. п. 18.20.119.275.277
-°γ/-°g род. п. 20.275.292.407
-°γ/-°g афф. принадл. 2 л. ед. ч.
20.272.292.310
-°γ/-°g отглагол. имя еущ. 87.92.106.
109.123
-°γ/-°g афф. собир. — множественно-
сти 177.268
-γa/-gā дат. п. 254.278.290
-γa/-gā ~ -qa/-kā отымен. гл. 191.192
-γa/-gā прич. буд. вр. 68.99.109.110.
116.204.216.229.240
-γač/-gāč прич. буд. вр. 99.114

-yač/-gäč деепр. 240
 -yadaq ~ -yadıq глаголообраз. афф. 22
 -yaj/-gāj прич. буд. вр. 20.22.109. 110.311.337.344.349.350
 -yalaq ~ -yuluq глаголообраз. афф. 22
 -yalı/-gäli деепр. 230
 -yalır/-gälir отглаг. имя/прич. 116
 -yan/-gän прич. прош. вр. 22.94.112. 211
 -yaq/-gäk афф. уменьш. 132.151
 -yaq/-gäk отглаг. сущ. 113
 -yar дат.-направ. п. 78.275
 -yar/-gär побуд. зал. 323.324
 -yar прич. буд. вр. 204
 -yar прич. наст. вр. 22.334
 -yaru/-gärü дат.-направ. п. 67.254. 275.278.290.383
 -yi/-gi ~ -qı/-ki отглаг. имя/прич. буд. вр. 111.328.331
 -yi/-gi ~ -qı/-ki отымен. прил. 159
 -yi/-gi ~ -qı/-ki отымен. гл. 191
 -yic/-giç прич. буд. вр. 99
 -yil/-gil афф. собир. — множественности 268
 -yil/-gil повел. накл. 2 л. 328
 -yın/-gın ~ -qın/-kın прич. прош. вр. 22.112
 -yın/-gın повел. накл. 2 л. 328.329
 -yın побуд. зал. 323
 -yına/-gına афф. уменьш. 134
 -yınaq ~ -qınaq афф. уменьш. 134
 -yınja ~ -qınja афф. уменьш. 134
 -yıña ~ -qıña афф. уменьш. 134
 -yır прич. наст. вр. 22
 -yır повел. накл. 2 л. 328
 -yız/-giz личн. показ. 310
 -yılı/-gli отглаг. прил./прич. 20. 62.67.113.166.239
 -yıta/-gıtā имя действия 20.164. 418
 -yın/-gın побуд. зал. 324
 -yın/-gın прич. 112
 -yu/-gü усиительно-выделительная частица 159.388
 -yu/-gü отглаг. имя/прич. 62.67.98. 99.105.109.111.114.115.123.155.159. 204.205
 -yu < -yup собир. числит. 177.268
 -yuç/-güç прич. буд. вр. 114
 -yuçı/-güçı отглаг. имя/прич. 62.99. 114.168.169
 -yu(j) прич. буд. вр. 22
 -yuluq/-gölük прич. буд. вр. 20.115. 167.169
 -yup/-gün ~ -qun/-kün отглаг. имя/прич. 112
 -yup/-gün афф. собир. — множественности 78.177.268

-yuc/-gük отглаг. сущ. 113
 -yur прич. буд. вр. 204
 -yur/-gür побуд. зал. 62.88.92.323.324
 *ha ~ *-qa основа вопр. местоим. 299
 ha вопр. местоим. 299
 *i ~ *e основа указ.-личн. местоим. 298.388
 -i/-i афф. принадл. 3 л. 3.272.299. 306.399
 -i/-i отглаг. имя 123
 -i/-i отымен. гл. 186.189.191
 -i/-i деепр. 22.228.244.259.313.314. 362.370.379
 -i/-i афф. учащ. 22.88.364
 içintā послелог 366.378
 içrā послелог 377
 id- служ. гл. 363
 idi ~ edi усилит. част. 388
 -iy/-ig вин. п. 20.22.275
 -il/-il глаголообраз. афф. 22.182
 ilā послелог 287
 -im/-im отглаг. сущ. 118
 -im/-im афф. принадл. 1 л. ед. ч. 22
 -im/-im личн. показ. 22
 -ima/-imā гл. отрицание 313
 -in/-in род. п. 22.292
 -in/-in вин. п. 275.292
 -in/-in деепр. 249.259
 -in/-in инстр. п. 257.275.287
 -in/-in личн. показ. желат. накл. 1 л. ед. ч. 311.350
 ināru послелог 383
 ināru послелог 383
 -ini > -ni афф. принадл. 3 л. 296
 -in/-in род. п. 22.275.292
 -in/-in афф. принадл. 2 л. 22.292
 -inā/-inā дат.-направ. п. 278
 -ir/-ir деепр. 22.219.228.244.259.313. 314.362.370.379
 -iq/-ik отымен. гл. 188
 -ir/-ir ~ -ar глаголообраз. афф. 22
 -ir/-ir прич. буд. вр. 205.334
 -ış/-ış отглаг. имя 117
 -ış/-ış афф. зал. 22
 -it/-it афф. зал. 22
 -j наст.-буд. вр. II 337.349
 -j желат. накл. 350
 -j деепр. 203.313
 -ja/-jā дат.-направ. п. 159.252.253. 275
 -(j)a/-(j)ā деепр. 226.227.313
 -jan/-jān послелог—афф. 256.286. 366.385
 -(j)ağaq/-(j)ağāk прич. буд. вр. 99
 -jaq/-jāk отглаг. прил. 113
 jēmā союз 386.387

-(j)in/-(j)in деепр. 22.62.229
jīta междометие 389
joq предикатив 210.339.392.446
-joг наст.-буд. вр. 363
jogī- служ. гл. 363
-(j)u/-(j)ū деепр. 62.204.227.259.363.
371

-juq/-jūk отглагол. прил./прич. 20.113
-(j)ur/-(j)ūr прич. буд. вр. 62.204.
205.334.335.349

-k афф. собир. 268
-k°/-q° основа вопр. местоим. 299
kel- служ. гл. 363
kēm ~ kīm вопр. местоим. 238.299.
432
kēntū местоим. 271.272.301.302
kēsra ~ kisra послелог 382
-ki афф. числит. 176
-kin ~ -kün отглагол. имя/прич. 112
-kli деепр. 363
-kōk ~ -kūk вопр.-усилит. част. 388

-l комитатив 181.182
-l страд.-возвр. зал. 89.90.196.198.
321

-l действительная част. 296.298.328
-l афф. отрицат. 158
-°l афф. уменьш. 102.130.135
-°l афф. собир.—множественности
130.155.268.311.328.350
-°l отглагол. имя 124.268
la усилит. част. 296
-la/-lā отымен. гл. 22.80.104.108.124.
126.155.181—183.189.194.369

-la/-lā отымен. прил. 155
-la/-lā интенсиф. гл. 364
-la афф. собир.—множественности 94
-la(γ) отымен. прил. 18.22
-laah отымен. прил. 155

-lan/-lān отымен. гл. 183
-laq/-lāk отымен. суц. 108.124
-laq/-lāk афф. собир. 22
-lar/-lār афф. мн. ч. 22.94.155.
181.267.268.270

-las/-lās совм. зал. 104
*li локатив 230
-lī/-lī ~ -lu/-lū отымен. прил. 155.
166.239

-lī/-lī отымен. гл. 22.182
-lī ... -lī соединит. афф. 156
-līγ/-lig отымен. прил. 155—158
-līj афф. собир. 22
-līm/-līm личн. показ. желат. накл.
1 л. мн. ч. 350

-līq/-lik отымен. суц. 105.108.155
-līq/-lik отымен. прил. 157
-līq/-lik афф. собир. 22
-līr/-lir афф. мн. ч. 22
-līr в составе -γalīr 116

-lor афф. мн. ч. 22
-luq/-lūk отымен. суц. 105.108.155
-luu отымен. прил. 155

-m прич. 313
-m ~ -n деепр. 313
-m° имя действия 94.118.120.128.164
-m° вопр. част. 299
-m- анлаут парных слов 142
-m отглагол. суц. 118.313
-°m афф. уменьш. 128.131.294
-°m афф. принадл. 1 л. ед. ч. 272.
278.300

-°m личн. показ. 310.311.349.350
-ma/-mā отглагол. суц./прил. 119.163
-ma/-mā гл. отрицание 20.210.216.
224.225.312—314.349
-mači/-māči < -maγači/-māγači афф.
отрицания буд. вр. 216
-maduq/-mādūk прич. прош. вр. 20.
212

-majuq/-mājūk прич. прош. вр. 20
-man/-mān афф. субъективной оцен-
ки 128.170

-man/-mān ~ -pan/-pān деепр. 313
-mačī/-mākī прич. буд. вр. 120
-matī/-māti отрицат. деепр. 224.330
-matīn/-mātin отрицат. деепр. 225.
330

-maz/-māz отрицат. прич. буд. вр.
205.336.349

meп личн. местоим. 1 л. ед. ч. 296. 311
-mīs/-mīs ~ -mis/-mis прич. прош.
вр. 20.62.202.207.209.211.212.338.
339.349.356.418.445

-mīt ~ -bīt прош. вр. 207
-miz/-miz личн. показ. 310
-°miz/-°miz афф. принадл. 1 л.
мн. ч. 272

-mu вопр. част. 388

-n вин. п. 275.277
-n инструктив 225.226
-n инстр. п. 257.275.287
-n действительная част. 329
-n напраб. п. 286
-n н-местоим. 277.278.292.296.298.319
-n афф. собир.—множественности
177.268.328.329

-n афф. единичности 32.329
-n отымен. гл. 183
-n страд.-возвр. зал. 89.90.92.122.
316.319—321.324.331

-n повел. накл. 2 л. мн. ч. 331
-n < -jaп исх. п. 286
-n деепр. 313.369.374
-°n род. п. 20

-°n отглагол. имя 92.94.112.121.128.
242.329
-°n афф. уменьш. 102.128.130

-па вин. п. 22
 па ~ пе указ.-усилит. част. 388
 -па афф. собир.—множественности 268
 -па афф. презенса 313
 -nān род. п. 22
 -nč отглагол. имя 122.176
 -°nč афф. порядковых числит. 176
 пе вopr. местоим. 299
 пеу неопредел. местоим. 238.299.303
 пеу усилит. част. 388
 -nī/-nī вин. п. 20.22.275.277
 -nī < -inī афф. принадл. 296
 -nīγ/-nig вин. п. 277
 -nīn род. п. 22
 -nīγ род. п. 22.275.292
 -°nt/-°nd отглагол. прил. 176
 -°ntī афф. порядковых числит. 176

-γ афф. уменьш. 101
 -γ личн. показ. 310
 -γ деепр. 313
 -°γ род. п. 20.275.292
 -°γ афф. принадл. 2 л. ед. ч. 20. 272.278.300.310
 -γīz/-γīz афф. принадл. 2 л. мн. ч. 272
 -γīz/-γīz личн. показ. 310

о ~ и дейктическое местоим. 296.298
 ol местоим. 3 л. 296.298.304
 -ol личн. показ. 304
 olur- служ. гл. 363
 on- ~ an- ~ in- основа указ. местоим. 298
 -oq/-ōk утвердительная част. 388
 oš ~ uš дейктическое местоим. 296
 ōjī послелог 383
 ōjā послелог 376
 ōtrū послелог 381
 ōz местоим. 271.272.296.300.302

-°p деепр. 20.219—221.223—225.313. 362
 -pa/-pā ~ -ba ~ -ma гл. отрицание 313
 -°pan/-°pā деепр. 20.220.222—225
 -pīt прош. вр. 207

-q/-k дат. п. 94.278
 -q/-k интенсив гл. 112
 -q/-k ~ -γ/-g побуд.-пассивный зал. 90.92.94.112.113.140.242.323.324
 -°q/-°k ~ -°γ афф. уменьш. 90.101. 127.130—133.149
 -°q/-°k отглагол. имя 92.107.109.113. 120.155.161.211.213.239.392
 *qa ~ *ha основа вopr. местоим. 299
 -qa/-kā отымен. гл. 191.192

-qa/-kā дат.-местн. п. 67.94.251.252. 275.278
 -qa/-kā ~ -γa/-gā отглагол. имя/прич. 110
 -qaj/-kāj ~ γaj/-gāj прич. буд. вр. 109.110.344
 -qaj афф. уменьш. 131
 qal- служ. гл. 363
 -qala афф. учащ. 22
 -qalī/-kālī деепр. 230
 -qalīr/-kālīr прич. буд. вр. 116
 -qalu ~ -qīlu глаголообраз. афф. 22
 qamaγ ~ qamūγ ~ qamīγ местоим. слово 304
 -qan/-kān афф. уменьш. 133
 -qan/-kān прич. прош. вр. 22.112
 -qan/-kān афф. вр. отношений 242
 -qanča ~ -qīnča деепр. 22
 qanī вopr. местоим. 299
 -qaq/-kāk афф. уменьш. 133
 -qaq/-kāk отглагол. имя 113
 -qar/-kār ~ -qīr/-kir побуд. зал. 22. 324
 -qaz ~ -qīz побуд. зал. 22
 -qī/-ki отглагол. имя 11
 -qīja/-kījā афф. уменьш. 134
 -qīla афф. учащ. 22
 -qīn прич. прош. вр. 22.112
 -qīna/-kīnā афф. уменьш. 134
 -qīnaq/-kīnāk афф. уменьш. 134
 -qīnā/-kīnā афф. уменьш. 134
 -qīr/-kir прич. прош. вр. 22
 -qli/-kli ~ -γli/-gli отглагол. имя 166
 -q°n/-k°n побуд. зал. 324
 qodī послелог 370
 qor местоим. слово 304
 -qu деепр. 67
 -qu прич. 313
 -qu ~ -quj отглагол. имя 110
 -quluq/-kūlūk прич. буд. вр. 115
 -qun отглагол. имя 241
 -qunča ~ -γunča деепр. 241
 -qur/-kūr побуд. зал. 324

-r афф. собир.—множественности 94. 328
 -r афф. уменьш. 170
 -r побуд. зал., интенсив 88.89.192. 197.316.322—325.364.391
 -r > -z (~ -s) афф. отрицания 158
 -°r отымен. гл. 127.189.190.192.249
 -°r прич. буд. вр. 202—205.218.231. 334.349.445.
 -ra/-gā местн.-направ. п. 22.159.250. 254.275.289.376.377
 -ra/-gā отымен. гл. 189
 -ra/-gā местн. п. 159
 -rī ~ -ru/-rū дат.-направ. п. 20.159. 249.253.275.288.290
 -°rqa/-°rkā отымен. гл. 192

-s ~ -z афф. отрицания 158
 -s ~ -š афф. собир. — множественности 80.207.268.318
 -s ~ -z побуд. зал. 324
 *s° местоим. 296
 -sa/-sä ~ -sī афф. дезидеративных гл. 22.193.213.215.216.218.231
 saji ~ saju послелог 371
 -saŋ ~ -šaŋ буд. вр. 99
 -sar ~ -sīz абессив-приватив 22.158
 -sar/-sār прич./деепр. 218.231—238.309.421.445
 seŋ ~ sin личн. местоим. 2 л. ед. ч. 296
 -sen личн. показ. 308
 -sī/-si афф. принадл. 3 л. 22.268.272.394
 -si афф. уменьш. 170
 siz личн. местоим. 2 л. мн. ч. 296
 -siz личн. показ. 308
 -sīŋ/-sig афф. уподобления 75.162
 -sīŋ/-sig ~ -sīq/-sik отглагол. прил./прич. 113.202.213—215.418
 -sīn/-sin ~ -sun/-sūn повел. накл. 3 л. 329.330
 -sīq/-sik ~ -suq/-sūk побуд. зал. 324
 -sīr/-sir абессив-приватив 22.158.185
 -sīra/-sirā отымен. гл. 63
 -sīraq афф. субъективной оценки 170
 -sīt/-sit прил. 98
 -s°n афф. принадл. 278
 -s°q прич. 20.62.202.213.214
 -s° желат. накл. 329
 -sul приватив 158
 -sunu/-sūnū повел. накл. 3 л. 329
 -š ~ -s совм. зал. 89.92.104.318.325
 -š афф. уменьш. 130.131
 -š ~ -s афф. собир. — множественности см.-s
 -°š имя действия 92.104.117.140.268
 -°š отымен. гл. 193
 -ša ~ -sī глаголообраз. афф. 22.193.213
 -šaŋ ~ -saŋ буд. вр. 99
 -šaŋ/šāk прич./ирил. 100.215
 -šīl афф. уменьш. 102
 -šīn афф. уменьш. 102
 šu указ. местоим. 296

-t ~ -d побуд. зал. 75.89.92.180.200.210.244.322—324.389
 -t ~ -d местн. п. 283
 -°t афф. мн. ч. 32.268
 -°t отглагол. имя 125.180.187
 ta союз 386.387
 -ta афф. принадл. 22
 -ta афф. собир. — множественности 268

-ta/-tā ~ -da/-dā местн.-исх. п. 18.275.283.286.378
 -ta ~ -da отымен. гл. 104.126.194
 tabaru послелог 372
 -tači/-tāči прич. буд. вр. 99.216.217.240.341.349.418.445
 -taŋ/-tāŋ афф. уподобления 247.366.367.373
 -taŋ/-tāŋ ~ -tīŋ глаголообраз. афф. 22
 -taj/-tāj афф. уподобления 247.366.367.373.380
 -tam/-tām отглагол. сущ. 126
 -tam/-tām прош. вр. 1 л. ед. ч. 18.22
 -tamaz/-tāmāz прош. вр. 1 л. мн. ч. 20.22
 -tan/-tān ~ -tīn исх. п. 18.275.286
 tapa послелог 372
 taqi союз 386.387
 -tar деепр. 231
 -taš/-tāš ~ -daš/-dāš афф. совместно-сти 104
 tāŋ послелог 440
 *tegi ~ tegü ~ tāŋ послелог 281.373.377.379.380
 tegin послелог 380
 tejin ~ tijin союзное слово 229.386.431—434.441.447
 ter ~ tip союзное слово 386.432.434—437.441.447
 -tī/-ti ~ -dī/-di прош. вр. 338.349
 -tī ~ dī отглагол. наречие 244
 -tī/-ti деепр. 67.76.224.225.244
 -tīŋ/-tig прош. вр. 2 л. ед. ч. 338
 -tīŋiz/-tigiz прош. вр. 2 л. мн. ч. 338
 -tīm/-tim прош. вр. 1 л. ед. ч. 22
 -tīmiz/-timiz прош. вр. 1 л. мн. ч. 20.22
 -tīn повел. накл. 3 л. 330
 -tīn/-tīn ~ -tan исх. п. 286
 -tīŋ/-tiŋ прош. вр. 2 л. ед. ч. 338
 -tīŋiz/-tiŋiz прош. вр. 2 л. мн. ч. 338
 -tīq/-tik ~ -tuq/-tūk побуд. зал. 324
 -tiz/-tiz ~ -tuz/-tūz побуд. зал. 322.324
 -tuq/-tūk ~ -tīq побуд. зал. 324
 -tuq/-tūk прич. 62.211
 -tur/-tūr побуд. зал. 62.324

u- служ. гл. 'мочь' 314
 -u/-ū дейктическая част. 329
 -u/-ū ~ -i/-i афф. принадл. 3 л. 329
 -u/-ū ~ -v < -vi < -⁶un собир. чи-слит. 177
 -u/-ū ~ -ī/-i интенсив гл. 364
 -u/-ū ~ -i/-i деепр. 62.228.249.259.314.381
 -u/-ū ~ -i/-i отымен. гл. 186
 udu союз 387
 -uŋ/-üg ~ -īŋ вин. п. 275

-uma/-ümä гл. отрицание 313
 -uq/-ük отглаг. прил. 62
 -ur/-ür отымен. гл. 187
 -ur/-ür прич. буд. вр. 62.204.205.334
 -ur/-ür побуд. зал. 62.322
 -ut афф. мн. ч. 32
 üčün послелог 212.366.367.374
 üküš местоим. слово 304
 üzä послелог 366.375

-°v < -°vi < -°γun собир. числит. 177
 -°vi < -°γun собир. числит. 177

-z отглаг. сущ./прил. 127
 -z афф. мн. ч. 127.268.296.310.318
 -z (в -та-z) гл. отрицание 205
 -z ~ -г побуд. зал. 89.323.324
 -zu/-zü желат. накл. 329
 -zu/-zü повел. накл. 329
 -zun/-zün повел. накл. 3 л. 329.330
 -zun/-zün повел. накл. 3 л. 329

-ži инстр. п. 76
 -žik буд. вр. 99

СПИСОК АНТРОПОНИМОВ, ТОПОНИМОВ, ЭТНОНИМОВ, ТЕРМИНОВ И НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ

Ссылки даются на параграфы и в отдельных случаях на страницы (с.).

anī 277, 2
apa tarqan 150

baɣa 153
balbal 240
bēg 153
bilgā qaɣan c. 16, 36—38
boɣla 153
boluču 201, 2
bölön 153
bujuruq > bujruq 107.340

čigil 268, 7
čoraj ~ čuɣaj 277, 2
čur ~ čor c. 18

el ~ il 276, 3
eltebär 143
elteriš(s) 143
erkin ~ irkin 134

hanīm 294, 3

inal 124

išvara ~ išbara 153, 268, 2
izgil 268, 7

jabyu 153
jariš jazī 285, 1; 321, 1
jer sub 290, 2
jurt 71

kök ög 227
kök ~ gök türk 29
kül tegin c. 14—15

oɣuz 268, 1
on oq bodun 201

oŋ tutuq 153
ögä 110, 1; 221, 3
ötükän jir 144
ötükän jiš(s) 144
öz apa tutuq 150

qadīryan jiš(s) 144
qaɣan ~ xaqan 153
qan ~ xan 153
qaɣan ~ qapaɣan 112; 319, 5
qara qum 277, 2
qara seɣir 359
qatun ~ xatun 62; 153
qırqız 268, 1
qut 357; 391, 1
qutluɣ ~ qutliɣ 135, 1

seɣün ~ saɣun 396
soɣdaq 159, 2
šad 153
šadapīt 153
šantunɣ jazī 144

tabɣač c. 32
tamɣa 110, 2
tarduš(s) 268, 2
tarqan ~ tarhan 153; 268, 2
tägrī 276, 2
tägrikän 133
tegin ~ tigin 153
temir qapiɣ 144
toñuquq c. 16
tölis 268, 2
törü 292
tutuq 153
türgäš(s) 268, 2
türk 32

ujɣur c. 39
umaj 357

СПИСКИ СОКРАЩЕНИЙ

1. Условные обозначения памятников

Е	— Енисейские памятники (Малов, ЕПТ)
İB	— İrq bitig — Гадательная книга (Малов. ПДТП)
Кѝ	— Памятник Кюли-чуру (Малов. ПДТП МК)
Ktm	— Малая надпись памятника в честь Кюль-тегина (Малов. ПДТП)
Ktb	— Большая надпись памятника в честь Кюль-тегина (Малов. ПДТП)
М	— Памятник Могилян-хану (Бильге-кагану) (Малов. ПДТП МК)
Мѝ	— Памятник Моюн(Байан)-чуру (Малов. ПДТП МК)
О (Оа, Об, Ос)	— Онгинский памятник (Малов. ПДТП МК)
S	— Суджинская надпись (Малов. ПДТП)
T	— Надпись Тоньюкука (Малов. ПДТП)
Tal	— Таласские надписи (Малов. ПДТП МК)

Мелкие памятники из Монголии и Киргизии обозначены номерами; см.: Малов. ПДТП МК, с. 44—71.

2. Библиографические сокращения

АДД	— Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук
АКД	— Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук
АН	— Академия наук
ВЯ	— Вопросы языкознания. М.
ДАН	— Доклады Академии наук СССР. Серия «В».
ЖМНП	— Журнал министерства народного просвещения. СПб.
Зап.	— Записки
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.
Изв.	— Известия
ИАН	— Известия Академии наук
ИОЛЯ	— Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М.
ИСЛЯ	— Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова
МВССО	— Министерство высшего и среднего специального образования
НАА	— Народы Азии и Африки. М.
НИИИЯЛ	— Научно-исследовательский институт истории, языка, литературы

- НИИЯЛИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории
- ПВ — Проблемы востоковедения. М.
- РГО — Русское Географическое общество. СПб.
- СА — Советская археология. М.
- СВ — Советское востоковедение. М.
- СТ — Советская тюркология. Баку
- СЭ — Советская этнография. М.
- Тр. — Труды
- Учен. зап. — Ученые записки
- АОН — Acta Orientalia Hungaricae. Budapest
- CAJ — Central Asiatic Journal. Wiesbaden
- FUF — Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki
- JA — Journal asiatique. Paris
- JAOS — Journal of the American Oriental Society. New Haven
- JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London
- JSFOu — Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors—Helsinki
- KCsA — Kőrösi Csoma Archivum. Budapest
- MSFOu — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors—Helsinki
- RO — Rocznik Orientalistyczny. Lwów—Kraków—Warszawa
- PhTF — Philologiae turcicae fundamenta, t. I—II. Wiesbaden, 1959—1964
- SBAW — Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften. Berlin
- TDAYB — Türk Dili Araştırmaları Yıllığı-Belleten. Ankara
- TM — Türkiyat Mecmuası. İstanbul
- UAI — Ural-Altaische Jahrbücher. Wiesbaden

- Бартольд. Соч. — Бартольд В. В. Сочинения, т. I—IX. М., 1963—1977.
- Баскаков. К.-к. язык — Баскаков Н. А. Каракалпакский язык, т. II, ч. 1. М., 1952.
- Баскаков. Введение — Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. Изд. 2-е, испр. и допол. М., 1969.
- Батманов. Язык енисейских памятников — Батманов И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.
- Батманов и др. Енисейка — Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф. Современная и древняя Енисейка. Фрунзе, 1962.
- ББСОТ — Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. Под ред. и с введ. А. Н. Кононова. М., 1974.
- Бернштам — Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII веков. М.—Л., 1946.
- Будагов. Сл. I—II — Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. СПб., 1869; т. II. СПб., 1871.
- ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- ИСГТЯ, I—IV — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, I—IV. М., 1955—1962.
- Кляшторный — Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
- Кондратьев — Кондратьев В. Г. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., Изд. ЛГУ, 1970.
- Кононов. Гр. турецк. яз. — Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.
- Кононов. Гр. узбекск. яз. — Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960.
- Кононов. Показатели — Кононов А. Н. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Л., 1969.
- Кононов. История изучения — Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. М., 1972.

- Котвич. Исследование — Котвич В. Л. Исследование по алтайским языкам. Пер. с польск. М., 1962.
- Малов. ПДТП — Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
- Малов. ЕПТ — Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952.
- Малов. ПДТП МК — Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959.
- Мелиоранский. КТ — Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюльтегина. — ЗВОРАО, 1899, т. XII, вып. II—III.
- Менгес. Восточные элементы — Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.
- МК—БА, I—III — *Divanü Lûgat-it-Türk tercümesi*. Çeviren: Besim Atalay. I—III. Ankara, 1939—1941.
- МК—СМ, I—III — Махмуд Кашгарий. Туркий сўзлар девони. Т. I—III. Таржимон ва напрга тайёрловчи С. М. Муталлибов. Тошкент, 1960—1963.
- Насилов. Язык памятников — Насилов В. М. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960.
- Пекарский — Пекарский Э. К. Словарь якутского языка, I—III. СПб. — Л., 1907—1930.
- Рамстедт. Введение — Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. Пер. с нем. М., 1957.
- РСл. I—IV. — Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, I—IV. СПб., 1893—1911.
- Рясянен. Фонетика — Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. Пер. с нем. М., 1955.
- Самойлович. Материалы — Самойлович А. Н. Материалы для указателя литературы по енисейско-орхонской письменности. — Тр. Троицкосавско-Кяхтинского Отделения Приамурского отдела РГО, 1912, т. XV, вып. I, СПб., 1914, с. 55—80.
- Санжеев. Глагол — Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963.
- Севортян. Афф. глаголообразования — Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.
- Севортян. Афф. именного словообразования — Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1966.
- Севортян. ЭСТЯ, I — Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.
- Севортян. ЭСТЯ, II — Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978.
- Шипова. Словарь тюркизмов — Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
- Щербак. Ср. фонетика — Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
- Щербак. Очерки — Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя). Л., 1977.
- Юдахин — Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
- Юнусалиев. Киргизская лексикология — Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология. Ч. I. Развитие корневых слов. Фрунзе, 1959.
- Bang. Turcica — Bang W. Turcica. — Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft. Jg. 1917. Leipzig, 1917.
- Bazin. Les calendriers — Bazin L. Les calendriers Turcs anciens et medievauux. Université de Lille, 1974.
- Böhtlingk — Böhtlingk O. Die Sprache der Jakuten. St.-Pb., 1851.
- Brockelmann. Osttürk. Grammatik — Brockelmann C. Osttürkische

- Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954.
- Clauson. Etymolog. Dict. — Cla u s o n sir Gerard. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
- Deny. Gr. — D e n y J. Grammaire de la langue turque (Dialecte osmanli). Paris, 1921.
- Deny. Principes — D e n y J. Principes de Grammaire turque («Turk» de Turquie). Paris, 1955.
- Doerfer, I—IV — D o e r f e r G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, I—IV. Wiesbaden, 1963—1975.
- Emre. Fonetik — E m r e Ahmet Cevat. Türk lehçelerinin mukayeseli grameri (İlk deneme). Birinci Kitap. Fonetik. İstanbul, 1949.
- Gabain. Alttürk. Gr. — G a b a i n A. von. Alttürkische Grammatik. 3. Auflage. Wiesbaden, 1974.
- Giraud. L'empire — G i r a u d R. L'empire des Turcs célestes. Les régnes d'Elterich, Qapghan et Bilgä (680—734). Paris, 1960.
- Giraud. L'inscription — G i r a u d R. L'inscription de Baïn Tsokto. Edition critique. Paris, 1961.
- Grönbech — G r ö n b e c h K. Der türkische Sprachbau, I. Kopenhagen, 1936.
- Hamilton. Les ouïghours — H a m i l t o n J. R. Les ouïghours à l'époque des cinq dynasties d'après les documents chinois. Paris, 1955.
- Kotwicz. Les pronoms — K o t w i c z Wł. Les pronoms dans les langues altaïques. Kraków, 1936. Русск. пер.: К о т в и ч В. Л. Местоимения в алтайских языках. — В кн.: Исследования по монгольской филологии. М., 1978, с. 3—87.
- Orkun, I—IV — O r k u n Hüseyin Namık. Eski Türk yazıtları, I—IV. İstanbul, 1936—1941.
- Pritsak. Bolgaro-Tschuwaschica — P r i t s a k O. Bolgaro-Tschuwaschica. Acht Noten zu den Wolga-Bolgarischen Grabinschriften des 13—14. Jhs. — UAJ, 1959, 31. Bd, S. 274—314.
- Pritsak. Das Alttürkische — P r i t s a k O. Das Alttürkische. — In: Handbuch der Orientalistik. 5. Bd, Altaistik. 1. Abschn. Türkologie. Leiden—Köln, 1963, S. 27—52.
- Radloff. Phonetik — R a d l o f f W. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882—1883.
- Radloff. ATİM, NF — R a d l o f f W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. St.-Pb., 1897.
- Radloff. Alttürk. Studien, I—VI — R a d l o f f W. Alttürkische Studien, I—IV. СПб., 1909—1912.
- Ramstedt. SKE — R a m s t e d t G. J. Studies in Korean Etymology. Helsinki, 1949.
- Ramstedt. Tonjukuk — R a m s t e d t G. J., G r a n ö J. G. und A a l t i P. Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei. — JSFOu, 1958, 60, S. 1—61.
- Räsänen. Morphologie — R ä s ä n e n M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957.
- Räsänen. Versuch — R ä s ä n e n M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
- Tekin. Grammar — T e k i n T. A Grammar of Orkhon Turkic. Indiana University Publications. The Hague, 1968 (Uralic and Altaic Series. Vol. 69).
- Tekin. Ana Türkçe — T e k i n T. Ana Türkçede aslı uzun ünlüler. Hacettepe Üniversitesi Yayınları. Ankara, 1975.
- Thomsen. Turcica — T h o m s e n V. Turcica. Etudes concernant l'interprétation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibérie. — MSFOu, 1916, 37.
- TS — Türkçe Sözlük. Altıncı baskı. Ankara, 1974.
- Turcologica — Turcologica. К семидесятилетию акад. А. Н. Кононова. Л., 1976.

3. Сокращения названий языков

азер.	— азербайджанский	ногай.	— ногайский
алтай.	— алтайский	русск.	— русский
ар.	— арабский	ср.-перс.	— среднеперсидский
башкир.	— башкирский	татар.	— татарский
бурят.	— бурятский	тувин.	— тувинский
др.-иран.	— древнеиранский	тунг.	— тунгусо-маньчжурские языки
др.-уйгур.	— древнеуйгурский	турец.	— турецкий
иран.	— иранские языки	тюркют.	— тюркютский (по О. Прицаку)
казах.	— казахский	узбек.	— узбекский
калмык.	— калмыцкий	уйгур.	— уйгурский
карач.-балкар.	— карачаево-балкарский	украин.	— украинский
киргиз.	— киргизский	хакас.	— хакассский
кит.	— китайский	чуваш.	— чувашский
кор.	— корейский	шор.	— шорский
кумык.	— кумыкский	якут.	— якутский
маньчж.	— маньчжурский		
нан.	— нанайский		

4. Прочие сокращения

афф.	— аффикс	наст. вр.	— настоящее время
буд. вр.	— будущее время	отглаго.	— отглагольный
вин. п.	— винительный падеж	отрицат.	— отрицательный
возвр.	— возвратный	отымен.	— отыменной
вопр.	— вопросительный	побуд.	— побудительный
гл.	— глагол	повел.	— повелительный
дат. п.	— дательный падеж	показ.	— показатель
деепр.	— деепричастие	прилаг.	— прилагательное
долженств.	— долженствовательный	принадл.	— принадлежность
ед. ч.	— единственное число	прич.	— причастие
зал.	— залог	прош. вр.	— прошедшее время
инстр. п.	— инструментальный падеж	род. п.	— родительный падеж
исх. п.	— исходный падеж	служ.	— служебный
л.	— лицо	соби́р.	— собирательный
личн.	— личный	совм.	— совместный
местн. п.	— местный падеж	страд.	— страдательный
местоим.	— местоимение, местоименный	сущ.	— существительное
мн. ч.	— множественное число	указ.	— указательный
мод.	— модальный	уменьш.	— уменьшительный
накл.	— наклонение	усил.	— усилительный
направ. п.	— направительный падеж	учащ.	— учащательный
		част.	— частица

5. Знаки

- * — гипотетическая форма, реконструируемая форма
 / — при перечислении аффиксов заменяет запятую; разделяет варианты аффиксов по огласовке

- // — параллельно употребляющаяся форма, сочетание и т. п.
~ — чередование; разделяет фонетические варианты аффиксов
= — равняется, полностью соответствует
< — развилось из...; возникло из...
> — превратилось в...; перешло в...
() — в круглых скобках приводится дословный перевод или транскрипция слов
[] — в прямых скобках приводятся слова, добавленные в русском переводе тюркских примеров
: — соответствие звуков, форм

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
I. Из истории открытия, дешифровки и изучения ТРП	7
II. Локализация ТРП	14
Орхонские памятники	14
Енисейские памятники	19
Восточнотуркестанские памятники	20
Памятники других ареалов	20
III. Историко-политическая классификация ТРП	22
IV. О происхождении рунического алфавита	23
V. Определение и классификация языка ТРП (1—26) *	24
VI. Краткий очерк истории изучения фонетико-грамматического строя ТРП (27—41)	42
VII. Фонология (42—86)	57
<i>Транскрипция (42). Рунический алфавит (43)</i>	57
Гласные (44—47)	60
Согласные (48—57)	62
Основные фонологические закономерности (59—84)	66
Сингармонизм (58—77)	66
Закон гармонии гласных (58—64)	66
Закон гармонии согласных (65—77)	68
<i>Прогрессивная ассимиляция согласных (65—71). Регрессивная ассимиляция согласных (72—77)</i>	68
Закономерности начала, середины и конца слова (78—84)	72

* В скобках указаны номера параграфов; курсивом дано их содержание.

<i>Апокопа (78). Контракция (79). Протеза (80). Синкопа (81). Метатеза (82). Спорадическое чередование гласных и согласных в корнях слов (83—84)</i>	72
Ударение (85)	74
Слог и слоговоеделение (86)	75
VIII. Структура тюркских корневых морфем (87—94)	76
Фонетическая структура корня (87—91)	76
Глагольно-именная омонимия (92—93)	79
Генезис тюркских аффиксальных морфем (94)	82
IX. Словообразование (95—263)	83
Словообразование имен существительных (95—153) 	83
Аффиксация (96—135)	84
Имена существительные, образованные от именных классов слов (96—105)	84
Имена существительные, образованные от глагольных основ (106—128)	88
Формы субъективной оценки имен существительных (129—135)	95
Субстантивация (136)	97
Словосложение (137—147)	99
Фонетический способ словообразования (148—152)	103
Калькирование (153)	104
Словообразование имен прилагательных (154—171)	105
Имена прилагательные, образованные от именных классов слов (155—159)	105
Имена прилагательные, образованные от глагольных основ (160—168)	109
Адъективация (169)	111
Формы имен прилагательных, образованные от прилагательных (170—171)	111
Формы субъективной оценки (170). Категория меры и степени имен прилагательных (171)	111
Словообразование имен числительных (172—178)	111
Числительные количественные (173—174). Числительные количественные приблизительного счета (175). Числительные порядковые (176). Числительные собирательные (177). Нумеративы (178)	112
Словообразование глаголов (179—242)	114
Непроизводные глагольные основы (180)	115
Производные глагольные основы, мотивированные именными и другими частями речи (181—194)	115
Сложные глаголы (195—201)	118
Глагольные имена действия (202—242)	120
Причастие (203—218)	120

Причастие на - ^o r (203—206), -mīš (207—210), -diq (211—212), -sīq (213—214), -saḡ (215), -dačī (216—217), -sar (218)	120
Деепричастие (219—242)	128
Деепричастие на - ^o p/- ^o paḡ (220—223), -matī (224), -matīn (225), -(j)a (226), -(j)ī (227—228), -(j)īn (229), -ḡalī (230), -sar (231—238), eriklī (239), -ča (240), -qunča (241), -qaḡ (242)	128
Словообразование наречий (243—263)	135
Наречия, образованные с помощью специальных аффиксов (244—247)	135
Наречия — изолированные формы падежей (248—257) . . .	137
Наречия — изолированные формы деепричастий (258—261)	140
Сложные наречия (262)	141
Адвербиализация (263)	141
Х. Морфология (264—392)	143
Части речи (264)	143
Грамматические категории имени существительного (265—294)	144
Категория числа (265—270)	144
Категория принадлежности (271—274)	147
Категория падежа (275—292).	148
Формы падежей (275). Основной п. (276). Винительный п. (277). Дательный-местный п. (278—282). Местный-исходный п. (283—285). Исходный п. (286). Инструментальный п. (287). Местный-направительный п. (288—290). Дательный-предельный п. (291). Родительный п. (292)	149
Категория определенности—неопределенности (293)	162
Обозначение пола при именах существительных одушевленных (294)	162
Грамматические категории местоимений (295—306)	163
Личные местоимения (296). Склонение личных местоимений (297). Указательные местоимения (298). Вопросительные местоимения (299). Выделительные местоименные слова öz, kenti (300—302). Неопределенные местоименные слова (303). Обобщающие местоименные слова (304—305). Прономинализация (306)	164
Грамматические категории глагола (307—364)	169
Категория лица (307—311)	169
Личные аффиксы I (308—309). Личные аффиксы II (310—311)	169
Категория отрицания (312—313).	171
Категория возможности совершения действия (314—315) . . .	173
Категория залога (316—325)	173
Основной залог (317). Взаимный залог (318). Возвратный залог (319—320). Страдательный залог (321).	

Понудительный залог (322—325)	178
Категория переходности/непереходности (326)	182
Категория наклонения и времени (327—350)	183
Повелительное наклонение (328—332)	183
Изъявительное наклонение (333—348)	186
Простые формы (334—344)	186
<i>Настоящее-будущее I время (334—336). Настоящее-будущее II время (337). Прошедшее категорическое время (338). Прошедшее неочевидное время (339—340). Будущее категорическое I время (341). Будущее категорическое II время (342—343). Будущее возможное время (344)</i>	186
Сложные формы (345—349)	190
<i>Неопределенный имперфект (346). Давнопрошедшее время (347). Будущее-прошедшее время (348). Временные формы изъявительного наклонения (349)</i>	191
Желательное наклонение (350)	192
Модальные формы глагола (351—360)	193
<i>Модальность на ǝrmiš(s) (352—355), ǝrinč (356), ǝrsür (360)</i>	193
Перифрастические формы глагола (361)	196
Категория способа действия (362—364)	197
<i>Способ словосложения (363). Способ аффиксации (364)</i>	197
Наречие	200
Служебные слова (365—388)	200
Послелogi (366—385)	200
Послелogi, управляющие основным~винительным падежом (368—378)	201
Послелogi, управляющие дательным-местным падежом (379—380)	205
Послелogi, управляющие местным-исходным падежом (381—385)	205
Союзы (386—387)	206
Частицы (388)	207
Междометия (389)	208
Предикативы (390—392)	208
XI. Синтаксис (393—448)	211
Подчинительные связи слов и словосочетания (393—409)	211
Подчинительная связь слов (393—408)	211
<i>Примыкание (394—397). Управление (398—399). Согласование (400)</i>	212
Определительная группа имен существительных (изафет) (401—408)	217
<i>Изафет I (402). Изафет II (403—406). Изафет III (407—408)</i>	218
Словосочетание (409)	221

Предложение (410—448)	221
Виды предложений (410—413)	221
<i>Повествовательные предложения (410). Вопросительные предложения (411). Модальные предложения (412). Виды предложений по структурному составу (413)</i>	221
Простое предложение (414—427)	223
<i>Двусоставное предложение (414—416). Односоставное предложение (417). Простое распространенное предложение (418). Второстепенные члены предложения (419). Неполное предложение (420—422). Порядок слов в предложении (423—425). Инверсия (426). Однородные члены предложения (427)</i>	223
Сложное предложение (428—446)	227
Сложносочиненное предложение (429—430)	227
Сложноподчиненное предложение (431—446)	227
<i>Сложноподчиненное предложение с союзными словами (432—438). Сложноподчиненное предложение с союзной паузой (439—444). Придаточные предложения, мотивированные особым морфологическим оформлением сказуемого придаточного предложения (445—446)</i>	228
Прямая и косвенная речь (447—448)	234
Addenda	235
Грамматический указатель	236
Список антропонимов, топонимов, этнонимов, терминов и непере- веденных слов	244
Списки сокращений	245

Андрей Николаевич Кононов

**ГРАММАТИКА ЯЗЫКА
ТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКОВ
VII—IX вв.**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения АН СССР*

Редактор издательства Д. М. Н а с и л о в
Художник М. И. Р а з у л е в и ч
Технический редактор Н. Ф. С о к о л о в а
Корректор Ф. Я. П е т р о в а

ИБ № 9015

Сдано в набор 06.02.80. Подписано к печати 06.06.80.
М-36709. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л.
16=16 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 18.32. Тираж 1700. Изд.
№ 7649. Тип. зак. 1136. Цена 3 р. 10 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12